БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

КАПИТАН МАРРИЭТ

ПИРАТ

КОРАБЛЬ-ПРИЗРАК

Фредерик Мариет

Корабль-призрак

Фредерик Марриет

Роман «Корабль-призрак» — еще одна история о «Летучем Голландце». Герой романа Филипп Вандердеккен должен снять заклятие с отца, который, находясь в шторм на корабле, в минуту отчаяния произнес страшную клятву, возвел хулу на Бога. В романе причудливым образом переплетены судьбы реальных и мистических персонажей.

ГЛАВА I

В половине XVII столетия на окраине небольшого, но укрепленного городка Терноз, лежащего на правом берегу Шельды, почти напротив острова Вальхерен, виднелся несколько выдвинувшийся вперед, по сравнению с другими домами, еще более скромными, небольшой, но весьма опрятный домик, построенный во вкусе того времени. Передний фасад его был окрашен в густо-оранжевый цвет, а оконные рамы и ставни были ярко-зеленые. До высоты приблизительно трех футов от земли стены его были облицованы белыми и синими кафелями, расположенными в виде шахматной доски. К дому прилегал небольшой садик, обнесенный низенькой живой изгородью и окруженный глубокой, наполненной водою канавой, настолько широкой, что через нее нелегко было перескочить. Через эту канаву, как раз против входной двери дома, был перекинут узенький железный мостик с вычурными железными перилами для большей безопасности посетителей. Но в последнее время яркие краски на доме потускнели; несомненные признаки упадка сказывались в оконных рамах, дверных косяках и других деревянных частях строения; синие и белые кафели во многих местах вывалились и не были заменены новыми. Что когда-то домик этот был устроен и содержан с величайшей заботливостью, было так же ясно, как и то, что теперь он был заброшен и запущен.

Внутреннее помещение дома как в нижнем, так и в верхнем этаже состояло из двух больших комнат налицо и двух, более тесных, выходящих во двор. Передние комнаты могли быть названы большими лишь по сравнению с двумя задними, так как и они имели всего только по одному окну. Верхний этаж, по обыкновению, был приспособлен для спален, в нижнем же этаже обе маленькие комнаты были теперь превращены одна — в прачечную, а другая — в кладовую, тогда как одна из передних комнат представляла кухню и была украшена большими полками, на которых ярко начищенная медная кухонная посуда горела, как жар. Кухня была чрезвычайно опрятна и красива, хотя обстановка ее могла быть названа скорее бедной; даже белый пол в ней был так чист и так гладок, что в него можно было глядеться, как

в зеркало. Массивный деревянный стол и два стула с деревянными сиденьями да еще маленькая мягкая кушетка, очевидно, принесенная сюда сверху, из одной из спален, составляли всю меблировку этой комнаты. Другая большая комната была обставлена, как гостиная, но какого рода была эта обстановка, теперь никто не мог сказать, так как ничей глаз не проникал в эту комнату вот уже почти семнадцать лет: все эти года комната оставалась запертой и недоступной даже для обитателей этого дома.

В кухне находились два лица: одно из них была женщина на вид лет сорока, измученная и исстрадавшаяся, со следами несомненной красоты в тонких, изящных чертах ее лица и больших темных глазах. Но черты эти вытянулись, исхудали, а тело стало как бы прозрачным и бескровным; лоб ее, когда она задумывалась, покрывался глубокими морщинами, а глаза иногда вспыхивали таким странным огнем, что у вас невольно являлась мысль о безумии этой женщины. По-видимому, здесь было какое-то глубокое, неизлечимое, давнишнее горе, с которым она никогда не расставалась; какое-то хроническое удрученное состояние, от которого ее могла избавить только одна смерть. Она носила на голове вдовий чепец, как это было тогда в обычае, и была одета весьма тщательно, опрятно и аккуратно, хотя все, что было на ней, было далеко не ново и сильно поношено. Она сидела на кушетке, как видно, принесенной сюда ввиду ее болезненного состояния.

Другое лицо сидело на краю большого стола, стоявшего посреди комнаты. Это был полный, здоровый, цветущего вида юноша, лет девятнадцати или двадцати. Черты его лица были правильны, красивы и полны отваги и энергии, а вся фигура дышала силой и мощью, далеко недюжинной. Глаза его смотрели смело и уверенно, и когда вы глядели на него, как он, сидя на столе, по-детски болтал ногами в воздухе, беззаботно насвистывая какой-то избитый мотив, у вас невольно являлось представление, что это бесстрашный, смелый и отчаянный юноша, которого трудно чем-либо запугать или заставить отказаться от раз принятого решения.

— Не уходи в море, Филипп, прошу тебя! Обещай мне, что ты останешься здесь, со мной… Обещай мне это, дитя мое! — молила бедная женщина, протягивая к юноше молитвенно сложенные руки.

— А почему же мне не отправиться в море, матушка? — возразил Филипп. — Что пользы из того, что я останусь здесь, чтобы подохнуть с голода? Клянусь честью, это немногим лучше! Должен же я сделать, наконец, что-нибудь и для себя, и для тебя! А что другое могу я сделать, как не стать моряком? Мой дядя Вандердеккен предлагает мне взять меня с собой, обещая при этом приличное жалованье. Житье мне будет хорошее на судне, а моего заработка будет хватать тебе на безбедное существование здесь, дома!

— Выслушай меня, Филипп, дитя мое! Я умру, если ты меня оставишь. Ты у меня один на белом свете! Если ты меня любишь, сын мой, — а я знаю, что ты меня любишь — не оставляй меня, прошу тебя. А если ты уж непременно хочешь уйти в люди, то хоть не уходи в море!

Филипп не сразу ответил; он продолжал тихонько насвистывать, а мать его горько плакала.

— Быть может, ты так настаиваешь на этом потому, что мой отец погиб в море? — спросил он наконец.

— Ах нет, нет! — воскликнула несчастная женщина. — Видит Бог…

— Видит Бог, что? Договаривай, матушка!

— Нет, нет, ничего… Будь милостив, Господи! Сжалься надо мной! Сжалься! — воскликнула несчастная мать, соскользнув с кушетки на пол, и, встав на колени, стала шептать усердную горячую молитву Богу, ища у него помощи и поддержки. Наконец она поднялась с колен и заняла свое прежнее место на кушетке; лицо ее было спокойнее, чем прежде, и в глазах не виднелось уже прежнего отчаяния.

Филипп, за все это время не проронивший ни слова из уважения к возбужденному состоянию матери, теперь снова обратился к ней.

— Послушай, матушка! Ты просишь, чтобы я оставался на суше и голодал здесь вместе с тобой, что, ты сама понимаешь, не особенно весело! На это я скажу тебе вот что: та комната, что рядом с этой, стоит запертая с тех пор, как я себя помню, а какая тому причина, ты никогда не хотела сказать мне. Но однажды, я помню, когда у нас с тобой не было хлеба, и мы не смели надеяться на скорое возвращение дяди, а ты почти обезумела от отчаяния, как это с тобой вообще случается, я помню, как ты тогда сказала…

— Что я тогда сказала? — с тревогой в голос спросила бедная женщина. — Что я тогда сказала, Филипп?

— Ты сказала, что в той комнате есть достаточно денег, чтобы спасти нас, но затем ты стала плакать и рыдать и кричала, что лучше умереть. Теперь я желаю знать, что там есть в этой комнате, и почему она остается запертой столько лет, и я говорю тебе, матушка: или я узнаю об этом, или же уйду в море, одно из двух!

При первых словах Филиппа измученная женщина вдруг как бы застыла и осталась неподвижна, как каменная статуя; затем губы ее постепенно раскрылись, глаза расширились и, казалось, что она утратила способность говорить; она прижала руки к груди, словно хотела сдавить ее или вырвать с корнем мучительную боль, и вдруг упала лицом вперед, и изо рта ее широкой струей хлынула кровь. Филипп проворно соскочил со стола и кинулся к ней, подоспев как раз вовремя, чтобы не дать ей упасть на пол. Он бережно уложил ее на кушетку и с беспокойством смотрел на сильное кровоизлияние.

— Матушка, матушка, что с тобой? — воскликнул он голосом, полным отчаяния.

Но мать долго не могла ему ответить ни слова; она только повернулась на бок, чтобы не захлебнуться кровью, и вскоре белоснежный пол окрасился целой лужей алой крови.

— Говори, дорогая матушка, что мне делать? Как мне помочь тебе? Чего тебе дать?.. Боже милосердый!.. Что это такое?

— Это смерть, сын мой, смерть! — наконец проговорила бедная женщина, впадая в бессознательное состояние от громадной потери крови.

Филипп, страшно озабоченный, кинулся вон из кухни и стал звать соседей на помощь, а когда те пришли и обступили больную, то он побежал что есть духу к врачу, жившему на расстоянии одной мили от его дома, к некому Путсу, маленькому жалкому старикашке, жадному и бессердечному, но прославившемуся своим искусством и знанием. К счастью, Филипп застал старика дома и, конечно, стал настоятельно требовать, чтобы он немедленно отправился к больной.

— Я приду, это вне всякого сомнения! — сказал Путс, говоривший весьма плохо на местном наречии. — Но, мингер Вандердеккен, кто мне заплатит за мои труды?

— Кто вам заплатит? Мой дядюшка, конечно, как только он вернется домой!

— Ваш дядюшка, шкипер Вандердеккен?! Нет, мингер, он уже должен мне четыре гильдера (т. е. четыре голландских червонца) и должен их очень давно; а кроме того, и он, и его судно могут потонуть!

— Он заплатит вам и те четыре гильдера, а также и за этот ваш визит! — с бешенством воскликнул Филипп. — Только идите со мной сейчас же, иначе, пока вы здесь препираетесь со мной, моя мать может умереть!

— Простите меня, молодой человек. Я не могу отправиться: я сейчас вспомнил, что должен посетить ребенка г. бургомистра в Тернозе! — проговорил Путс.

— Так вот что я вам скажу, — воскликнул Филипп, весь красный от гнева, — или вы сейчас же добровольно пойдете со мной, или я вас силой стащу к моей матери, выбирайте любое! Но знайте, что шутить с собой я не позволю.

На этот раз мингер Путс несколько смутился, так как решительный нрав Филиппа был всем известен.

— Я приду немного погодя, мингер Филипп, если только смогу!

— Нет, вы пойдете сейчас, жалкий корыстолюбец, сию же минуту! — закричал Филипп, схватив его за воротник и выталкивая из дверей дома.

— Злодей! Убийца! — кричал Путс, теряя под ногами почву, увлекаемый неукротимым молодым человеком, не внимавшим ни его воплям, ни его мольбам.

Наконец Филипп остановился, заметив, что старик весь почернел.

— Что же, задавить мне вас, что ли, чтобы заставить идти со мной? А идти вас я все-таки заставлю, живого или мертвого, а заставлю!

— Хорошо! — прошипел Путс. — Я пойду с вами, но сегодня же засажу вас в тюрьму! Что касается вашей матушки, то я ни за что на свете… нет, ни за что на свете не сделаю для нее ничего, решительно ничего…

— Имейте в виду, мингер Путс, — возразил Филипп, — что, как жив Бог, видящий нас с вами, я задушу вас здесь на месте, если вы не пойдете со мной, и если, придя на место, вы не сделаете для моей матери все, что только в ваших силах; я задавлю вас там, у ее постели! Вам должно быть известно, что я всегда исполняю свои обещания, а

потому примите мой совет, следуйте за мной и исполните ваш долг, и вам будет уплочено все до последней копейки, даже если бы мне пришлось для этого продать мой последний камзол!

Вероятно, это последнее уверение Филиппа подействовало на старика сильнее всех угроз; этот тщедушный маленький человечек в руках сильного, здорового юноши казался беззащитным ребенком в руках сказочного великана. Жилище маленького доктора стояло совершенно в стороне от других жилых строений, посреди пустыря, и он не мог рассчитывать на чью-либо постороннюю помощь ранее, чем в каких-нибудь ста шагах от дома Вандердеккена; а потому Путс решил следовать за Филиппом, во-первых, потому что Филипп обещал заплатить ему, а во-вторых, потому что он не мог поступить иначе.

Порешив таким образом, мингер Путс поспешил к больной. Придя к ней, они нашли бедную женщину на руках двух ее соседок, смачивавших ей виски уксусом, чтобы привести в чувство. К больной уже вернулось сознание, но она не могла еще говорить. Путс приказал немедленно перевести ее наверх и уложить в постель и, дав ей принять какое-то средство, поспешил с Филиппом за необходимыми лекарствами.

— Вы, вернувшись, сейчас же дадите принять это вашей матушке, — проговорил он, вручая Филиппу баночку с лекарством, — а я отправлюсь теперь к ребенку бургомистра и после того снова вернусь к вам.

— Смотрите, не обманите меня! — сказал Филипп, сопровождая свои слова угрожающим взглядом.

— Нет, нет, мингер Филипп, я бы не поверил вашему дядюшке, но вам я безусловно верю; вы обещали мне заплатить, и я знаю, что вы всегда держите свое слово. Через час я буду у вашей матушки, а вам надо теперь спешить к ней!

Филипп бегом направился к своему дому; после того как больная приняла лекарство, кровотечение совершенно прекратилось. Через полчаса она могла уже, хотя и слабым, чуть слышным шепотом, высказать свои желания сыну. Когда маленький доктор вернулся, он тщательно осмотрел свою пациентку, затем сошел вместе с ее сыном вниз в кухню.

— Мингер Филипп, — сказал он, — видит Бог, что я сделал для вашей матушки все, что мог, но должен сказать, что едва ли можно

надеяться, что она когда-нибудь встанет на ноги. Она может прожить день, два, не больше… но я в этом не виноват, мингер Филипп! — добавил он униженным тоном, как бы опасаясь чего-то.

— Ну, что же, видно, такова воля Божия! — мрачно промолвил юноша.

— И вы заплатите мне, не правда ли, мингер Вандердеккен? — продолжал доктор, выждав минутку.

— Да, да, заплачу! — громовым голосом крикнул Филипп, как бы вдруг очнувшись от раздумья.

Немного погодя Путс продолжал:

— Приходить мне к вам завтра, мингер Вандердеккен? Имейте в виду, что это будет стоить вам еще один гильдер, хотя в сущности бесполезно тратить деньги и время; больше ничего сделать нельзя.

— Придите завтра, приходите хоть каждый час, если хотите, насчитывайте, сколько хотите, я все заплачу, можете быть спокойны! — сказал Филипп, презрительно кривя рот.

— Это, конечно, как вам будет угодно; ведь, как только она умрет, дом и вся движимость будут ваши, и вы, конечно, продадите все это. Да, да, я приду! У вас будет достаточно денег, чтобы заплатить мне и за несколько визитов! И позвольте вам сказать, мингер Филипп, если вы будете сдавать этот дом, то я желал бы. чтобы вы предложили его мне.

В этот момент Филипп вдруг занес руку, точно собираясь схватить и раздавить маленького Путса, который благоразумно поспешил отскочить в угол.

— Я хотел сказать, что лишь после похорон вашей матушки, — заискивающим, виноватым тоном поспешил исправиться мингер Путс.

— Уходите, жалкий вы человек, уходите отсюда! — воскликнул Филипп, закрывая лицо обеими руками и опускаясь на залитую кровью кушетку.

Немного спустя Филипп Вандердеккен вернулся к постели больной, которую он застал значительно оправившейся. Соседки, у которых было довольно и своего дела, оставили теперь мать на попечение сына и возвратились к себе. Истощенная страшной потерей крови, бедная женщина дремала в течение нескольких часов, не выпуская из своих рук руки сына, который в мрачном раздумье прислушивался к ее сонному дыханию.

Было около часа ночи, когда больная, наконец, проснулась. Теперь к ней вернулся голос, и она заговорила с сыном:

— Дорогой мой, неукротимый мальчик, теперь я сама сожалею, что так долго удерживала тебя здесь, как в тюрьме!

— Не ты, матушка, а мое собственное желание удерживало меня здесь, подле тебя. И теперь я не отойду, пока ты снова не будешь на ногах и совершенно здорова!

— Этого, Филипп, никогда не будет. Я чувствую, что пришла моя смерть; и если бы не ты, дитя мое, с какою радостью покинула бы я эту жизнь! Я уже давно умирала, Филипп, и давно, давно молила Бога о смерти.

— А почему, так, матушка? — спросил Филипп. — Кажется, я делал все, чтобы не огорчать тебя!

— Да, ты был добрым сыном, дитя мое, и пусть Господь благословит тебя за это. Не раз я видела, как ты сдерживал свой буйный, неукротимый нрав и справедливый гнев в угоду мне. Было время, когда даже голод не заставил тебя выйти из повиновения твоей матери. А между тем ты должен был думать тогда, что я или помешанная, или неразумная, что так упорно стою на одном и при этом не объясняю никаких причин. Но погоди немного, я сейчас буду продолжать… сию минуту.

Она повернула голову на подушке и в течение нескольких минут молчала, потом, как бы собравшись с силами, продолжала:

— Я сама думаю, что временами я была безумной. Не правда ли, Филипп? Но знает Бог, что я носила в душе своей тайну, которая могла свести с ума каждую женщину. Это тайна тяготела надо мной день и ночь; она удручала меня, туманила мой рассудок и теперь, наконец, благодарение Богу, одолела и изнурила это бренное тело. Окончательный удар нанесен, я это чувствую, и теперь мне остается только сказать тебе все… И все же я не хотела бы тебе говорить об этом: ведь эта тайна удручит и твою душу, как она столько лет томила и удручала мою.

— Матушка, — вымолвил Филипп, — умоляю тебя, не скрывай от меня долее этой ужасной тайны, которая столько времени убивала тебя! Будь замешано в ней само небо или сам ад, я ничего не побоюсь: небо не погубить меня, а с сатаной я справлюсь!

— Я знаю, сын мой, что ты смел, отважен и силен духом, и если кому-либо под силу нести это бремя, то только тебе, Филипп. Для меня, — увы! — оно оказалось слишком непосильным, и теперь я вижу, что мой долг сказать тебе все.

Некоторое время больная молчала, как бы сосредоточивая свои мысли на том, что она собиралась сообщить сыну; крупные, молчаливые слезы сбегали у нее по щекам; наконец она собралась с духом и как будто несколько приободрилась.

— Я буду говорить тебе о твоем отце, Филипп, — начала она, — люди думают, что он погиб в море…

— А разве он не погиб? — спросил Филипп удивленно.

— Нет…

— Но ведь он давно уже умер, не правда ли, матушка?

— Нет… то есть да, и все же нет! — ответила растерявшаяся женщина, закрыв лицо руками.

— Она бредит, — подумал про себя Филипп, но тем не менее продолжал расспрашивать.

— В таком случае где он, матушка, где мой отец? При этом вопросе больная подняла голову и, содрогнувшись всем телом, отчетливо и ясно произнесла:

— Он заживо осужден Судом Божиим! Страшное проклятие лежит на нем, сын мой!

И несчастная женщина с воплем откинулась на подушки, закрывая лицо простыней, словно хотела укрыться от своих собственных воспоминаний. Филипп же был до того смущен и поражен услышанным, что не мог выговорить ни слова. Несколько минут длилось тягостное молчание. Наконец, не будучи в состоянии выносить долее эту мучительную неизвестность, юноша едва слышно прошептал:

— Открой же мне тайну, матушка, не медли долее, молю тебя!

— Теперь я могу сказать тебе все! — продолжала больная, и голос ее звучал как-то особенно торжественно. — Нрав у твоего отца был такой же, как у тебя, пылкий, отважный, решительный и настойчивый, и пусть его страшная участь послужит тебе назиданием, дорогое дитя мое! Он был превосходный моряк: искусный, опытный, смелый, — словом, моряк, каких мало. Родился он не здесь, а в Амстердаме, но жить там он не захотел, так как был ревностный католик, а голландцы,

ты знаешь, еретики! Уж более семнадцати лет прошло с тех пор, как отец отплыл в последний раз в Индию на своем превосходном судне «Амстердамец» с весьма ценным грузом. Это было его третье плавание в Индию, и вместе с тем оно должно было быть и последним, если то было угодно Богу, так как отец твой приобрел в свои предыдущие плавания много денег и, купив свое судно, израсходовал на него только часть своих денег, а потому еще одно путешествие в Индию обеспечило бы его и семью на всю жизнь. Как часто мечтали мы с ним о том, что станем делать, когда он вернется! Эти мысли утешали меня и в его отсутствие; я горячо любила его, Филипп, и он всегда был ласков, нежен и добр ко мне. О, как я ждала его возвращения! Незавидна судьба жены моряка: сколько долгих, мучительных дней и ночей, недель и месяцев проводит она, одиноко прислушиваясь в непогоду к завыванию ветра, к вою бури, предвещающим гибель и смерть, разорение и вдовство. Прошло месяцев шесть со времени его отъезда; оставался еще целый год мучительного ожидания, а то, быть может, и больше. Однажды ночью ты крепко спал, а я сидела над тобой, оберегая твой сон, и, опустившись на колени у твоей постельки, молила Бога за тебя и за него, за твоего отца… нимало не подозревая, что он был проклят… так страшно проклят!..

Она остановилась, чтобы перевести дух, затем продолжала:

— Оставив тебя спящим, я сошла вниз, в ту комнату, которая после той страшной ночи оставалась запертой по сие время. Я села к столу и стала читать: ведь в бурную ночь жены моряков редко могут спать. Время было за полночь. На дворе ливнем лил дождь; мне было почему-то особенно страшно и жутко. Я встала, подошла к кропильнице, в которой, как всегда, была святая вода, и, обмакнув в нее пальцы правой руки, осенила себя крестом. В этот момент страшный порыв ветра с воем налетел на наш дом и напугал меня еще сильнее. Вдруг ставни и рамы распахнулись, свеча погасла, и я осталась в совершенных потьмах. В ужасе я громко вскрикнула, но затем овладела собой и поспешила к окну, чтобы закрыть его, как вдруг увидела медленно влезающего в окно, — кого, ты думаешь? — Твоего отца! Да, это был твой отец!

— Боже милостивый! — пробормотал Филипп чуть слышным шепотом.

— Я не знала, что и думать! Он вошел в комнату, и хотя в комнате было совершенно темно, его фигура и лицо были так ясно видны, как в яркий полдень. Страх внушал мне мысль бежать от него, но любовь влекла в его объятия. Я осталась неподвижна на том месте, где стояла в этот момент, потрясенная до глубины души каким-то неведомым ужасом. Как только он вошел в комнату, окно и ставни закрылись сами собой, и свеча тоже зажглась без того, чтобы он или я поднесли к ней спичку. Тогда у меня явилась мысль, что предо мной призрак, и, слабо вскрикнув, я лишилась чувств.

Придя в себя, я увидела, что была уже не на полу, где я упала, а на кушетке, и почувствовала в своей руке чью-то страшно холодную, мокрую руку. Подняв глаза, я увидела твоего отца подле меня, и это как-то сразу успокоило меня; на минуту я даже забыла об его неестественном появлении. Мне представилось, что его постигло какое-нибудь несчастие, и он преждевременно вернулся домой. Раскрыв свои объятия, я кинулась на шею моему возлюбленному супругу. Платье на нем было мокро от дождя, и сам он был так холоден, что мне показалось, будто я обняла льдину. Он принимал мои ласки, но не отвечал на них; не говорил ни слова, а только смотрел на меня таким задумчивым и скорбным взглядом, что у меня невольно сжалось сердце тяжелым предчувствием. «Вильям, дорогой мой Вильям! — воскликнула я. — Скажи же хоть слово твоей Катрине! Говори, что с тобой случилось, Вандердеккен!»

«Скажу, — произнес он медленно и торжественно, — сейчас скажу: у меня немного времени!»

«Ах, нет, нет, дорогой мой! Ты не должен снова уходить в море! Пусть даже твое судно погибло, только бы ты был жив! Только бы ты был здесь, подле меня; больше нам ничего не надо», — говорила я.

«Увы! Ты ошибаешься, Катрина, — промолвил он. — Слушай меня и не тревожься, прошу тебя; не прерывай меня; времени у меня мало: мое судно не погибло, но погибла моя… не говори ни слова, молчи и слушай. Я не умер, но и не жив; я блуждаю между этим миром и миром духов; запомни это!

Целых девять недель я упорно старался, вопреки стихиям, обогнуть мыс Бурь, но все напрасно! И вот я произнес страшную клятву. И вот еще целых девять недель я упорно боролся с противными ветрами и течениями и не мог пристать ни к какому берегу, не мог

уйти вперед. Тогда я произнес хулу на Бога и все-таки продолжал упорно стремиться к своей цели. Люди, изможденные тяжелой, бесполезной работой, требовали, чтобы я вернулся в Столовый залив, но я не соглашался; мало того, я совершил убийство, правда, невольное, неумышленное, но все же убийство. Мой рулевой противился мне и подговорил экипаж связать меня, — и вот в порыве бешенства в тот момент, когда он схватил меня за воротник, я ударил его; он пошатнулся и от качки судна перелетел за борт, пойдя ко дну. Но и эта ужасная смерть не вразумила меня; и я поклялся частицей животворящего Креста Господня, хранящейся в этой ладанке, что теперь висит у тебя на шее, Катрина, поклялся, что поставлю на своем вопреки бурям и стихиям, во зло небу и аду, хотя бы мне для этого пришлось пробиться здесь до дня страшного Суда! Эту клятву запечатлел гром и целые потоки огненного дождя. Свирепый ураган налетел на судно, сорвал паруса, изорвал их в клочья; громадные валы заливали палубу, и среди черного мрака бурной ночи засияли начертанные пламенными буквами в воздухе слова: «До дня Страшного Суда»! Слушай меня, Катрина, время мое сочтено. Есть еще для меня одна только надежда, и ради нее мне дано было явиться сюда: возьми вот это письмо! — С этими словами он положил на стол запечатанное письмо. — Прочти его, Катрина, дорогая моя, и постарайся, если можешь, помочь мне. Прочти его, а теперь прощай, мне пора!».

И опять окно и ставни сами собой распахнулись, свеча погасла, задутая порывом ворвавшегося в комнату ветра, и возлюбленный образ моего супруга стал уплывать во мраке.

Я вскочила на ноги и кинулась за ним, простирая к нему руки и отчаянно призывая его, в то время как он уносился через окно. С минуту жадный взгляд мой улавливал еще его образ, уносимый с быстротой молнии на крыльях бурного ветра, пока он не исчез, как мелкая искра, затерявшись во мраке непогодной ночи. И опять окно и ставни захлопнулись, свеча зажглась, и я осталась одна среди опустевшей комнаты…

— Господи, пожалей меня! Пожалей мою бедную голову!.. Филипп! Филипп, помоги мне!.. Помоги! — кричала несчастная женщина. — Не оставляй меня одну, молю тебя, не оставляй меня!

При этом обезумевшая женщина поднялась с постели, но при последнем выкрике упала на руки сына, успевшего подхватить ее как раз вовремя, чтобы не дать ей упасть. Несколько минут она оставалась совершенно неподвижна. Наконец Филипп встревожился этой ее неподвижностью; он осторожно уложил ее в постель и вдруг заметил, что голова ее откинулась, а глаза закатились: несчастная вдова Вандердеккен умерла.

ГЛАВА II

Как ни был силен духом юный Филипп Вандердеккен, но, увидав, что душа его матери отлетела в лучший мир, он был сражен этим, как громом. Долгое время он оставался подле ее постели, не спуская глаз с усопшей, причем мысли его тревожно блуждали, ни на чем не останавливаясь. Мало-помалу он стал приходить в себя; он встал, оправил подушки и закрыл глаза покойнице, затем руки его сами собой молитвенно сложились, и горячие слезы покатились по его смуглым загорелым щекам. Запечатлев долгий прощальный поцелуй на бледном челе усопшей, он медленно задернул полог вокруг постели и с глубокою скорбью проговорил:

— Бедная матушка, наконец-то ты обрела покой, которого столько лет не знала твоя душа, но сыну своему ты оставила горькое наследье!

И мысли Филиппа невольно вернулись к воспоминаниям о всем только что пережитом им, и страшный рассказ матери ожил в его воображении, вызвав сумятицу в его мыслях.

Крепко сдавив руками виски, он старался привести свои мысли в порядок, чтобы разобраться в них и решить, что ему следует делать. Он чувствовал, что не имеет времени предаваться своему горю: мать его успокоилась теперь от всех земных забот и треволнений, но его отец не нашел еще желанного покоя. Где-то он теперь, где?

И Филипп припомнил слова матери: «Есть еще одна только надежда»… Значит, надежда есть; отец положил на стол письмо. Где же это письмо? Может быть, так и лежит, где было положено? Вероятно, так; у матушки не хватало духа взять его. А в этом письме заключалась надежда, и оно пролежало невскрытым более 17 лет.

И Филипп Вандердеккен решил осмотреть роковую комнату теперь же, безотлагательно, и узнать все! Но идти ли ему туда сейчас или дождаться, когда рассветет? Да и где ключ от комнаты? Взгляд его случайно остановился на маленьком японском шкафчике, которого мать никогда не отпирала при нем; это было единственное вероятное место, где мог быть спрятан ключ. Не долго думая, юноша взял свечу и подошел к шкафчику; он оказался не заперт; дверки распахнулись, и Филипп стал выдвигать один ящичек за другим, но того, что он искал,

нигде не было, все ящички до одного были пусты. Тогда у юноши мелькнула мысль, что в шкафчике могли быть потайные ящики, и он долго и внимательно стал искать их, но напрасно. Наконец он взял и вынул все ящички и разложил их на полу, а шкафчик снял со стены и потряс его, причем послышался шум, несомненно указывавший на то, что в одном углу шкафчика было потайное помещение, где находился ключ. Юноша стал доискиваться, как его добыть, но напрасно. Уже совсем рассвело, а Филипп все еще трудился над своей неблагодарной задачей. Наконец, совершенно намучившись, он решил взломать заднюю стенку шкафчика; с этой целью он сошел вниз, в кухню, и вернулся оттуда с небольшим кухонным ножом и молотком; став на колени, он принялся взламывать заднюю планку, как вдруг почувствовал, что кто-то положил ему руку на плечо.

Филипп вздрогнул: он был до того поглощен своей работой и своими мыслями, что не слыхал приближающихся шагов у себя за спиной. Подняв голову, он увидел перед собой патера Сейсена, священника местного прихода, смотревшего на него строго и неодобрительно. Сейсену сообщили об опасном состоянии вдовы Вандердеккен, и добрый старик поднялся с рассветом, чтобы поспешить к болящей и принести ей утешение.

— Ай, ай, сын мой, — проговорил он, — неужели ты не боишься потревожить покой твоей матери? Неужели ты хочешь все расхитить и раскрасть в доме прежде даже, чем она успокоится в своей могиле?

— Нет, отец мой, — отвечал Филипп, — я не боюсь потревожить ее покой: она уснула сном праведных, — и не хочу ни раскрадывать, ни расхищать ничего! Я ищу не золота и не богатств, хотя если бы они были, они были бы мои теперь! Я ищу ключа, давно спрятанного в этом потайном ящике, как я полагаю, но секрет которого свыше моего понимания, а потому стараюсь открыть его силой.

— Ты говоришь, что твоя мать скончалась? Что она умерла без утешения, которое могла ей принести наша святая церковь! Почему же ты, сын мой, не позвал меня?

— Потому что она умерла внезапно, умерла совершенно неожиданно у меня на руках, часа два тому назад. Я не боюсь за нее, хотя и сожалею, что вас не было подле нее в эту минуту.

Старик тихонько отдернул полог и взглянул на усопшую; затем окропил ее и постель святою водой и склонился над мертвой с немой

молитвой об ее душе.

Спустя немного он обернулся к Филиппу:

— Скажи мне, почему я застал тебя за такой работой, и почему ты так стараешься добыть этот ключ? Смерть матери должна бы вызвать в тебе сыновние чувства, скорбь и молитвы об ее успокоении, но глаза твои сухи, а мысли, по-видимому, заняты совсем другим, хотя еще не успело остыть тело, в котором жил и томился дух твоей матери. Не подобает это и не приличествует подобное поведение доброму сыну… Какой же это ключ ты ищешь, Филипп?

— Нет у меня времени для слез, отец мой, ни для скорби и жалоб; и больше у меня дум и забот, чем их может вместить моя голова! А что я нежно любил свою мать, это вы знаете, отец.

— Но я спрашиваю тебя, какой ключ так понадобился тебе?

— Ключ от той комнаты, что оставалась запертой столько лет, и которую я должен и хочу отпереть, даже если…

— Даже если… что?

— Я чуть было не сказал того, чего не должен был говорить… Простите, отец' мой, я хотел сказать, что должен обыскать и осмотреть эту комнату.

— Я давно уже слышал об этой запертой комнате, сын мой, и знаю, что мать твоя никогда никому не хотела сказать, почему комната эта оставалась всегда запертой. Я сам не раз спрашивал ее о том, но всегда получал отказ. Мало того, когда я однажды, в силу своего долга, попробовал допросить ее более настойчиво, то увидел, что разум ее мешается, что она как будто теряет рассудок, и потому отказался от дальнейших попыток. Какой-то тяжкий гнет тяготел над душой твоей бедной матери, но она даже и на исповеди никогда не пожелала поделиться им со мной или доверить мне свою тайну. Но перед смертью своей открыла она ее тебе, сын мой, или же так и унесла ее с собой в могилу?

— Она открыла ее мне, святой отец!

— Не чувствуешь ли ты потребности поделиться ею со мной? Быть может, я мог бы тебе быть полезен своею помощью или советом…

— Я рад был бы, отец, поделиться своей тайной с вами и мог бы это сделать, так как знаю, что не пустое любопытство побуждает вас спрашивать меня о ней, но дело в том, что сейчас я еще сам не уверен и не знаю, все ли было так, как утверждала моя бедная мать, или же

все это только плод больного воображения. Если бы это оказалось действительной правдой, я с радостью поделюсь с вами этой непосильной тяжестью, но едва ли вы поблагодарите меня за это. Но сейчас я ничего не могу и не должен говорить вам; я должен сделать свое; дело, должен один войти в эту ненавистную комнату и сам убедиться во всем.

— Ты не чувствуешь страха, сын мой?

— Нет, отец, страх мне не знаком, на мне лежит долг, который я обязан исполнить, страшный, тяжелый долг, я сознаю, но молю вас, не спрашивайте меня ни о чем: я чувствую, как и моя покойная мать, что всякие расспросы способны пошатнуть мой рассудок.

— Нет, нет, Филипп, я не хочу настаивать! Быть может, придет время, когда я тебе понадоблюсь, и тогда ты обратишься ко мне, а теперь прощай! Но прошу тебя, прекрати, сын мой, эту неподобающую в настоящий момент работу: я должен сейчас прислать сюда женщин — убрать покойницу, душу которой Господь призвал к себе!

Говоря это, патер смотрел на Филиппа и увидел, что мысли юноши были где-то далеко; взгляд его, лишенный всякого выражения, блуждал как-то бесцельно по сторонам, ни на чем не останавливаясь, а лицо выражало недоумение, и старик отвернулся от него, озабоченно покачав головой.

«Он прав, — подумал Филипп, оставшись один, — не следует так спешить с этим делом! — И, взяв шкафчик, он повесил его на прежнее место. — Несколько часов раньше или позже не составит никакой разницы; лучше я прилягу и отдохну; голова у меня тяжела».

Филипп прошел в смежную комнату, кинулся на свою постель и почти тотчас же заснул тем крепким, тяжелым сном, каким обыкновенно засыпают за несколько часов до казни приговоренные к смерти преступники.

Пока он спал, пришли соседи и приготовили все, что требовалось к похоронам бедной вдовы Вандердеккен. Они всячески старались не разбудить ее сына, зная, что должны разбудить его на горе.

В числе других после полудня явился и мингер Путс; он знал уже о смерти своей пациентки, но, имея свободный час времени, решил все-таки побывать у Вандердеккенов, рассчитывая на то, что это принесет ему лишний гильдер вознаграждения. Прежде всего он прошел в комнату, где лежала покойница, а оттуда в комнату Филиппа, которого

потряс за плечо, желая его разбудить. Проснувшись, Филипп сел на постели и увидел стоящего перед ним доктора.

— Итак, мингер Вандердеккен, — заговорил бессердечный маленький человек, — все кончено! Я и знал, что это так будет! Но не забудьте, что мне теперь следует с вас еще один гильдер, и что вы обещали непременно уплатить мне за все; все, вместе с лекарством, это составит три с половиною гильдера, при условии, что вы вернете мне склянку из-под лекарства!

Филипп, который в первую минуту по пробуждении не мог дать себе вполне ясного отчета в том, что происходит, постепенно очнулся.

— Вы получите ваши три с половиною гильдера и вашу склянку тоже, господин Путс, — сказал он, вставая с кровати, — можете быть спокойны!

— Да, да… Я знаю, что вы намерены уплатить мне, если только будете в состоянии. Но вот, видите ли, мингер Филипп, это может быть будет еще не так скоро; неизвестно, когда еще вам удастся продать ваш домик. Вы, может быть, не скоро найдете на него покупателя. Но я не желаю слишком налегать на людей, когда у них нет денег, и вот что предложу. На шее у вашей покойной матушки есть маленькая вещица; она не имеет никакой ценности, решительно никакой, но для доброго католика это все-таки святыня. Так вот, желая вам помочь в вашем затруднительном положении, я готов взять эту вещицу, и мы с вами будем квиты! Я буду считать, что вы мне уплатили сполна, и дело будет с концом.

Филипп слушал внимательно; он знал, на что намекал это маленький негодяй: — на ту священную реликвию с частицей Животворящего Креста, над которой его отец произнес свою страшную клятву. Никакие миллионы не могли бы заставить его расстаться с этим предметом.

— Уходите отсюда! — резко произнес Филипп. — Уходите сейчас же! А деньги свои вы получите.

Но мингер Путс отлично знал, что оправа святыни, представлявшая собою небольшой квадратный ящичек из чистого массивного золота, стоила в десять раз более того, чем ему следовало получить; кроме того, ему было известно, что и самая святыня стоит громадных денег, и так как в то время такие святыни ценились очень высоко, то был уверен, что выручит за нее очень почтенную сумму. Прельстившись

ею в тот момент, когда он был в комнате усопшей, он снял ее с шеи покойницы и спрятал у себя на груди. А потому он продолжал уговаривать Филиппа:

— Мои условия выгодные, мингер Филипп, и вам лучше было бы согласиться на них. Ну, какая вам может быть польза от такого хлама?

— Я сказал вам, что нет! — крикнул Филипп, выведенный из себя.

— Ну, в таком случае вы оставите у меня эту вещицу впредь до уплаты мне вашего долга, мингер Вандердеккен! Это будет справедливо! Ведь вы сами понимаете, что я не могу терять своего. Как только вы принесете мне следуемые с вас три с половиной гильдера и склянку из-под лекарства, я возвращу вам вашу безделушку.

На этот раз негодование Филиппа не знало уже границ: он схватил мингера Путса за шиворот и вышвырнул его за дверь.

— Вон! — крикнул он. — Сию минуту вон!.. Не то… Ему не пришлось докончить своей угрозы, потому что маленький доктор с такой поспешностью постарался убраться, что скатился кубарем с половины ступеней лестницы и теперь ковылял уже через мост. Он почти жалел в эту минуту, что святыня была в его руках, но его поспешное отступление помешало ему вернуть реликвию, даже если бы он имел к тому желание.

Естественно, что вся эта сцена привлекла внимание Филиппа к упомянутой святыне, и он отправился в комнату матери, чтобы снять с ее шеи реликвию и взять ее себе. Когда он отдернул полог и протянул руку к черной ленте, на которой висела золотая коробочка, ее уже больше не было.

— Исчезла! — воскликнул он. — Они никогда не решились бы снять с нее реликвию, никогда! Это, без сомнения, сделал этот негодяй Путс! Все равно, я не оставлю у него нашу святыню, я отниму у него, даже если бы он проглотил ее! Вырву ее, хотя бы мне пришлось для этого разорвать его самого на части!

С этими словами Филипп сбежал вниз по лестнице, выбежал из дома, одним прыжком очутился по ту сторону канавы и без шляпы и камзола помчался что есть мочи по направлению к одинокому жилищу доктора.

Соседи, видя, как он несся мимо них с быстротой ветра, только качали головой. Между тем Мингер Путс был всего на полпути, так как зашиб себе колено и не мог бежать особенно скоро. Предчувствуя,

что должно было случиться в случае, если его похищение обнаружится, он время от времени оборачивался и оглядывался назад. И вот, к великому своему ужасу, он вдруг увидел Филиппа Вандердеккена, в некотором расстоянии бежавшего за ним. Испугавшись чуть не до потери сознания, несчастный похититель не знал, что ему делать: «Остановиться и вернуть похищенную вещь», — мелькнула у него мысль, но страх перед бешеным нравом молодого Вандердеккена остановил его в этом намерении, и он решил бежать, что есть сил, надеясь успеть укрыться в своем доме и забаррикадироваться в нем.

Путс был вынужден бежать очень быстро, и его тоненькие ножки несли его тщедушное тело так быстро, как только могли, но Филипп, убедившись, что похититель старается от него ускользнуть, заключил из этого, что предположение его было верно, и потому ускорил свой бег и стал быстро нагонять старика. Находясь всего в каких-нибудь ста шагах от своего дома, Путс услышал за собой совершенно близко шаги нагонявшего его юноши; обезумев от страха, он стал делать невероятные для его роста прыжки; отчаяние удваивало его силы; но погоня все ближе и ближе; он слышал даже порывистое дыхание юноши.

Не помня себя от страха, старик пронзительно крикнул, как заяц, схваченный гончими. Филипп был всего в нескольких шагах от него, он протянул даже руку, чтобы схватить его, как вдруг старик рухнул, как подкошенный, прямо под ноги молодому человеку, который в силу инерции не смог удержаться и, перескочил через него, пробежал еще несколько шагов вперед, спотыкаясь и стараясь вернуть себе утерянное равновесие, но не мог и, запнувшись за камень, покатился на землю, перевернувшись раз, другой. Это обстоятельство спасло маленького доктора; тот успел вскочить на ноги, и прежде, чем Филипп успел подняться на ноги и догнать его, он уже вскочил в дом и засунул двери тяжелыми железными болтами и засовами изнутри.

Но Филипп решил во что бы то ни стало вернуть себе свою фамильную святыню и, добежав до дверей жилища врача, стал искать глазами средства ворваться в него и в стенах дома расправиться с маленьким негодяем.

Однако в виду того что жилище доктора стояло одиноко, им были приняты все меры предосторожности, чтобы оградить его от

возможного вторжения воров и грабителей. Все окна нижнего этажа были плотно заперты железными ставнями и укреплены крепкими засовами, а окна верхнего этажа были расположены слишком высоко, чтобы до них можно было добраться снаружи.

Здесь мы должны сказать, что хотя мингер Путс пользовался общей известностью как весьма искусный врач, имевший обширную практику, — с другой стороны, он был всем известен как человек черствый, бессердечный и неприветливый, и никто никогда не переступал порога его дома, да никто и не имел к тому ни малейшего желания. Он стоял так же одиноко среди своих сограждан, как и его жилище за чертою города. Его видели только у постели больных и умирающих, и даже люди, пользовавшиеся его услугами, не знали, как он живет, и из чего состоит его помещение. Когда он впервые поселился в этой местности, то на стук в его дверь нередко отвечала старая дряхлая женщина, но ее схоронили несколько времени тому назад, и с тех пор дверь приотворял посетителям сам мингер Путс, когда он был дома, или же, если его не было, дверь так и оставалась запертой, сколько бы в нее ни стучали. На этом основании полагали, что старик живет совершенно один, будучи слишком скаредным, чтобы держать прислугу. То же самое думал и Филипп, и как только он немного отдышался, то стал сейчас же измышлять средство, как бы добыть похищенное сокровище, да еще, кроме того, порядком отомстить старому негодяю.

Но дверь была тяжелая, массивная, и взломать ее не представлялось никакой возможности. С минуту Филипп размышлял, и по мере того, как он обсуждал положение, гнев его спадал, и он решил, что достаточно будет вернуть себе реликвию, не прибегая к насилию, и потому, не предпринимая никаких враждебных действий, он крикнул достаточно громко, чтобы быть услышанным:

— Мингер Путс, я знаю, что вы меня слышите! Отдайте мне то, что вы взяли у меня, и я не сделаю вам никакого зла! Если же вы не отдадите добровольно, то пеняйте на себя за последствия. Предупреждаю вас, что я не сойду с этого места прежде, чем вы не поплатитесь жизнью за ваш поступок!

Действительно, Путс слышал каждое слово Филиппа, но теперь этот жалкий человек успел уже оправиться от своего испуга и, чувствуя себя в безопасности за крепкими стенами и запорами, никак

не мог решиться вернуть реликвию без борьбы. Ввиду этого доктор ничего не отвечал, рассчитывая, что терпение Филиппа истощится, и тогда путем известного соглашения, например, уступкой Филиппу, взамен святыни, несколько гильдеров, ему удастся удержать в своих руках реликвию, которую он надеялся продать за весьма высокую цену.

Молодой человек, видя, что не получает никакого ответа, прибегнул сначала к крепким ругательствам и довольно убедительным увещаниям, затем решился принять меры, сами по себе весьма не похвальные, но действительные. Неподалеку от дома находился свал сухого валежника, а у стены дома была сложена маленькая поленница дров, припасенных для отопления дома. Этими матерьялами и вздумал воспользоваться Вандердеккен с целью поджога, — и тем если не вернуть себе своей святыни, то по крайней мере дать полное удовлетворение своему чувству мести.

Притащив несколько охапок хвороста, он навалил их перед дверью дома, а на него наложил несколько полен и старого строительного хлама, валявшегося поблизости, так что завалил им всю дверь до верха. Затем он высек огонь с помощью трута и огнива, которые каждый голландец всегда имеет при себе.

Спустя несколько минут костер запылал. Дым целыми столбами стал подыматься под крышу, тогда как внизу свирепствовало пламя. Самая дверь загорелась, и пламя жадно лизало ее со всех сторон, а Филипп шумно радовался успеху своей затеи.

— Ну, негодный святотатец, надругавшийся над покойницей, ограбивший мертвую, жалкий, подлый вор, теперь ты испытаешь на себе мое мщение! — кричал Филипп. — Если ты не выйдешь, то погибнешь в огне; если же попытаешься выбежать, то умрешь от моей руки! Слышишь, негодяй!

Едва только он успел выкликнуть эти последние слова, как окно верхнего этажа, наиболее отдаленное от горящей входной двери, распахнулось.

— Ага, теперь ты начнешь молить и просить о пощаде; но нет!.. — Вдруг Филипп прервал свою речь, пораженный тем, что он увидел в окне, и что он принял за видение: вместо безобразного маленького старикашки он увидел чудной красоты юное существо, девушку лет шестнадцати или семнадцати, ангельской красоты, с выражением

невозмутимого спокойствия и полного решимости самообладания среди грозящей опасности. Ее длинные черные волосы красиво обрамляли изящной формы головку; большие, очень темные глаза светились мягким, добрым выражением; высокий, белый лоб, прекрасно закругленный подбородок, украшенный кокетливой ямочкой, и яркие, красивого рисунка губы при тонком и прямом небольшом носике с нервными подвижными ноздрями делали из нее редкую красавицу, прелестнее которой трудно было даже вообразить.

Среди проносившегося мимо окна густого дыма и языков пламени, временами взлетавших до второго этажа, это прелестное видение, невозмутимо спокойное, напоминало художественное изображение какой-нибудь святой мученицы на костре.

— Чего ты хочешь здесь, буйный, неукротимый юноша? За что обрек ты на смерть обитателей этого мирного дома? — спросила девушка сдержанным спокойным тоном.

Некоторое время Филипп молча смотрел на нее, не будучи в силах ничего ответить; затем вдруг понял, что в своей слепой мести он готов был принести в жертву эту красоту, и, забыв о всем, кроме грозившей девушке опасности, принялся растаскивать горючий материал воздвигнутого им костра, пока от него не осталось ни одного прута, кроме горящей и тлеющей входной двери дома. Но и эту последнюю он поспешил затушить комьями сырой земли. Во все время этой деятельной работы Филиппа девушка молча наблюдала за ним.

— Теперь опасность миновала! — сказал Филипп. — Да простит мне Бог, что я, сам того не зная, покусился на столь драгоценную жизнь. Я хотел отомстить одному лишь мингеру Путсу!

— А какой повод мог этот человек подать вам для столь ужасного мщения? — спросила девушка все так же спокойно.

— Какой повод, спрашиваете вы! Повод такой, что, придя в мой дом, он святотатственно ограбил покойницу, сняв с тела моей усопшей матери священную реликвию громадной ценности.

— Ограбил покойницу?! Нет, этого не мог он сделать; вероятно, вы ошиблись, молодой человек, или говорите на него напраслину!

— Нет, нет, клянусь вам всем святым, что это правда. Эту реликвию я должен во что бы то ни стало вернуть себе! Вы не знаете, что от этого зависит для меня и для других!

— Погодите, молодой человек! — проговорила девушка. — Я сейчас вернусь!

Филипп ждал некоторое время, не будучи в силах побороть в себе чувство восхищения и удивления: такая чудесная девушка жила в доме мингера Путса, и никто не знал об этом. Кто могла она быть? И пока он размышлял об этом, серебристый голос той, о которой он думал, неожиданно окликнул его из окна, причем у девушки в руке была черная лента, а на ней висела неоцененная святыня, из-за которой произошла вся эта сцена.

— Вот ваша реликвия, сударь, — сказала молодая девушка, — возьмите ее! Я очень сожалею, что мой отец решился на такой поступок, который мог действительно возбудить ваш гнев! Но вот я возвращаю вам вашу святыню, — добавила она, роняя ее к ногам Филиппа, — и теперь вы можете идти с миром.

— Ваш отец! Неужели этот человек ваш отец? — воскликнул Филипп, забывая даже поднять с земли лежащую у его ног реликвию.

Девушка собиралась отойти от окна, не удостоив его ответом, но он заговорил снова, обращаясь к ней:

— Подождите, сударыня, подождите всего еще одну минуту, пока я испрошу у вас прощения в своем необузданном и диком поведении! Клянусь вот этой святыней, — продолжал он, подняв золотой ящичек с земли и держа его перед собой, — что если бы я знал, что в этом доме находится безвинное существо, я никогда бы не решился на мой безумный поступок, — и как благодарю я Бога теперь, что никакого несчастия от этого не произошло! Однако опасность не совсем еще миновала; надо отпереть дверь и затушить порог ее, который все еще тлеет, и от которого может загореться весь дом. Не бойтесь, сударыня, за вашего отца: если бы даже он причинил мне во сто раз больше зла, вы могли бы отстоять каждый его волос. А что я всегда держу свое слово, это он может вам удостоверить; так позвольте же мне исправить то зло, которое я причинил вашему дому, затем я уйду!

— Нет, нет… не верь ему! — закричал из глубины комнаты Путс.

— Ему можно верить! — твердо и спокойно возразила молодая девушка. — И его услуги могут быть нам очень полезны. Подумай, что могу в данном случае сделать я, слабая девушка или ты, еще более слабый старик? Отопри дверь, отец, и позволь ему обезопасить наш дом от возможного несчастия! — Затем, обращаясь к Филиппу, она

добавила: — Отец отопрет вам дверь, и я спущусь и поблагодарю вас за ваши услуги! Я всецело доверяюсь вашему слову, молодой человек, и полагаюсь на него!.

— Никто не может сказать, чтобы я когда-нибудь не сдержал своего слова! — сказал Филипп. — Но пусть отец ваш поторопится: пламя снова выбивается из-под двери!

Дрожащими руками отпер мингер Путс дверь и поспешно отретировался наверх. Теперь только стало ясно, как прав был Филипп; ему пришлось вылить не одно ведро воды на порог, прежде чем удалось окончательно залить огонь. За все время, пока он работал, ни отец, ни дочь не показывались.

Когда дело было сделано, Филипп запер дверь и, выйдя на улицу, взглянул на окно второго этажа. Из него тотчас же выглянула молодая красавица, и юноша покорным тоном успокоил ее, что теперь всякая опасность миновала.

— Благодарю вас, молодой человек, — сказала она, — хотя ваше поведение было несколько необдуманно и безрассудно сначала, но зато впоследствии вы были вполне благоразумны и добры! Еще раз благодарю вас.

— Передайте вашему отцу, барышня, что я не имею против него никакой злобы и вражды, и что дня через два зайду к нему и принесу свой долг!

Окно закрылось, и Филипп, еще более возбужденный, чем раньше, но переполненный совершенно иными чувствами, чем те, с какими он явился сюда, направился теперь к своему дому.

ГЛАВА III

Прекрасная дочь мингера Путса произвела на Филиппа Вандердеккена сильное впечатление, и теперь новое чувство присоединилось ко всем другим чувствам, волновавшим его душу. Придя домой, он поднялся наверх и кинулся на постель, с которой его поднял приход Путса. Сначала в его воображении носился прелестный образ девушки, но воспоминание о ней вскоре изгнала мысль о том, что в смежной комнате лежит тело его матери, а тайна его отца остается нераскрытой там, внизу, в запертой комнате.

Похороны должны были состояться на другой день утром, и Филипп, который со времени своего знакомства с прекрасной дочерью безобразного доктора даже в собственных своих глазах охладел до известной степени к страшной тайне своей покойной матери, решил не открывать таинственной комнаты раньше похорон. На этом он заснул. Измученный и душевно, и физически, он проспал до следующего утра, когда священник разбудил его для присутствия при погребении матери.

Час спустя все было кончено; провожавшие разошлись по домам, а Филипп, вернувшись в свое опустелое жилище, запер за собою дверь на тяжелый засов и почувствовал известное облегчение при сознании, что он теперь один, и никто не может ему помешать.

Войдя в комнату, где всего только час тому назад лежало тело его матери, Филипп снял со стены японский шкафчик и возобновил свою прерванную накануне работу; вскоре задняя стенка шкафчика была отбита, и потайной ящичек обнаружен. Выдвинув его, Филипп нашел в нем, как и предполагал, большой ключ, покрытый легким налетом ржавчины. Под ключом лежала сложенная записка, немного выцветшая от времени. Записка была писана рукою его матери, и содержание ее было следующее:

«Прошло уже две ночи с тех пор, как ужасный случай, происшедший внизу, побудил меня закрыть и запереть на ключ ту комнату, где это произошло, и до сих пор мне кажется, что мозг мой разлетается на части от неописуемого чувства ужаса и страха. В случае, если бы я при жизни своей не успела никому открыть того, что там произошло, все равно ключ этот понадобится, так как после

моей смерти комнату эту должны будут открыть. Выбежав из нее, я убежала наверх и весь остаток этой ночи провела подле моего ребенка. На следующее утро я собралась с силами и спустилась вниз, заперла комнату, вынула ключ и принесла его наверх в свою спальню. Комната эта должна теперь оставаться запертой до тех пор, пока смерть не сомкнет мои глаза. Никакие лишения, никакая нужда не заставятi меня отпереть ее, хотя в железном ларце под буфетом, стоящим дальше от окна, достаточная сумма денег для удовлетворения всех моих потребностей. Пусть эти деньги останутся там для моего ребенка, который, если я не успею сообщить ему роковой тайны, пусть утешится тем, что тайна эта так ужасна, что ему лучше ничего не знать о ней и о причинах, заставивших меня поступить так, как я это сделала. Ключи от шкафа и буфета, а также от железного ларца, если не ошибаюсь, остались на столе или в моей рабочей корзинке. Кроме того, на столе должно быть письмо: по крайней мере, я так думаю. Оно запечатано и не вскрыто. Пусть никто не вскрывает его, кроме моего сына, и он пусть не вскрывает его, если раньше не узнает тайны. Пусть это письмо сожжет наш уважаемый патер, так как на письме лежит проклятие. И даже в том случае, если моему сыну будет все известно, пусть он прежде хорошенько подумает и взвесит свое решение и потом только сорвет печать: лучше для него не знать ничего больше!»

— Не знать ничего больше! — повторил Филипп, не ' отрывая глаз от записки. — Но, дорогая матушка, я хочу и должен знать больше! Прости мне, дорогая, если я, вопреки твоему желанию, не стану терять времени на размышления: это было бы даром потраченное время, раз я уже бесповоротно решил узнать все, что касается этой тайны.

Набожно приложившись губами к подписи матери, Филипп, не торопясь, сложил записку, положил ее в карман и, взяв ключ, пошел вниз.

Было около полудня, когда Филипп подошел к запертой двери роковой комнаты. Солнце ярко светило; небо было ясно, и все кругом в природе улыбалось. Сказать, что, отпирая дверь, Филипп не испытывал жуткого чувства, было бы неверно: ему было жутко, и сердце его дрогнуло, когда, повернув с некоторым усилием ключ в замке, он толкнул дверь и распахнул ее. Но у него был достаточный

запас мужества и самообладания, чтобы справиться с этим жутким чувством. Тем не менее он не сразу вошел в комнату; он остановился на пороге: ему казалось, что он вторгается в убежище какого-то бестелесного духа, который вот-вот предстанет перед ним. Обождав минуту, он переступил за порог и стал оглядывать комнату.

Он не мог хорошо различить предметы, так как ставни были закрыты, и только через щели в них врывались в комнату три ярких луча солнечного света, показавшихся ему в первый момент чем-то сверхъестественным. Чтобы лучше разглядывать предметы, Филипп принес из кухни свечу и с глубоким вздохом облегчения вернулся в таинственную комнату.

Все было тихо. Стол, на котором должно было лежать письмо, стоял за дверью и потому в данный момент был скрыт от глаз Филиппа. Твердыми шагами прошел юноша через комнату к окну с намерением раскрыть ставни, но при воспоминании, каким сверхъестественным образом эти ставни распахнулись и затем снова закрылись в последний раз, руки его слегка задрожали.

Когда ставни были раскрыты, целое море света ворвалось в комнату и на мгновение ослепило юношу, и, страшно сказать, этот ворвавшийся сюда веселый дневной свет смутил Филиппа больше, чем царивший здесь раньше полумрак. Со свечой в руке он поспешил выйти на кухню и здесь, опустив голову на руки, просидел некоторое время в глубокой задумчивости, прежде чем собрался с духом снова вернуться в ту комнату.

На этот раз он вошел уже совершенно смело и ясно отдавал себе отчет в том, что он видел.

В комнате было всего только одно окно; против входной двери находился камин, а по обе стороны его стояло по высокому буфету темного дуба. Пол комнаты был чист, несмотря на то, что пауки протянули по нему во всех направлениях свои паутины. С середины потолка спускался зеркальный шар, обычное в то время украшение гостиных; но и он был окутан густою сетью паутин, так что напоминал громадный кокон. Над камином висело две или три картины в рамах со стеклами, затянутыми сплошным слоем пыли, сквозь который трудно было различить что-нибудь. На камине стояло художественной работы изображение Пресвятой Девы Марии из чистого серебра в небольшом киоте из того же металла; но все это потемнело и потускнело

настолько, что скорее походило на темную бронзу или чугун. По обе стороны этой святыни красовались индийские фигурки и вазочки с цветами. Стеклянные дверцы буфетов также были запылены настолько, что едва можно было различить, что скрывалось за ними; только там и сям можно было заметить блеск серебра, которое за стеклом не успело еще совершенно почернеть.

На стене против окна висели тоже картины в рамах с запыленными стеклами, а также две птичьих клетки. Филипп приблизился к ним и заглянул: конечно, бедные пленницы давно покончили свое существование, но на дне клеток лежали маленькие грудки светло-желтых перышек, по которым можно было безошибочно сказать, что маленькие птички, жившие здесь, были вывезены с Канарских островов. Филипп, по-видимому, решил раньше все осмотреть, а потом уже разыскать то, что его всего более интересовало в этой комнате, и чего он всего более опасался и вместе с тем желал найти.

В комнате было несколько стульев и кресел, и на одном из них лежало что-то из белья. Филипп взял в руки и убедился, что то была детская рубашечка, вероятно, принадлежавшая ему, когда он был ребенком. Наконец, пришла очередь и той стене, в которой была пробита дверь, и которая находилась против камина. По этой стене, за стоявшей теперь открытой дверью, находился стол, кушетка, рабочая корзинка его матери и, вероятно, роковое письмо. Когда он повернул за дверь, пульс его сильнее забился, но он сделал над собою усилие и овладел собой. Прежде всего он обратил свое внимание на стену, где было развешано разное оружие, затем взгляд его скользнул по столу и стоящей позади его кушетке, на которой, как утверждала его мать, она сидела в тот вечер, когда его отец посетил ее. Рабочая корзинка со всеми принадлежностями рукоделия стояла на столе, там, где она ее оставила. Ключи, о которых она упоминала, тоже были тут, но сколько ни смотрел Филипп, письма он нигде не видел. Он подошел ближе, но ни на столе, ни на кушетке, ни даже на полу письма не было. Он приподнял рабочую корзинку, желая убедиться, не попало ли оно под нее, но нет! Тогда он пересмотрел все, что было в корзинке, но письма не оказалось. Затем он приподнял и перевернул все подушки на кушетке, но и здесь никаких признаков письма не было. Тут Филипп почувствовал, как будто с его души свалился тяжелый камень. «Вероятнее всего, — подумал он, — это все была просто игра

больного воображения. Матушка, должно быть, уснула, и ей приснилась вся эта ужасная история. Я так и думал, что это невероятно; по крайней мере, я надеялся, что этого не могло быть. Без сомнения, сон был слишком ярок, слишком жив и слишком похож на страшную действительность, и отчасти повлиял на мозг моей бедной матушки; этим все и объясняется». Филипп подумал еще и в конце концов пришел к убеждению, что его предположение было верно.

«Наверное так и было! — решил он. — Бедная матушка! Как много ты выстрадала из-за этого сна; но теперь ты удостоилась награды в небесах и вкусила, наконец, желанный покой!».

Немного спустя Филипп достал из кармана записку, найденную им вместе с ключом, и стал ее перечитывать. «В железном ларце, под буфетом, что стоит дальше от окна», — прочел он. — Так! И, взяв со стола связку ключей, он пошел к указанному буфету. Подобрав ключ, он открыл деревянные дверцы, скрывавшие железный ларец, а другим ключом из связки открыл и самый ларец. Глазам Филиппа предстало настоящее богатство; здесь было, насколько он мог судить, до десяти тысяч гильдеров, все в маленьких желтеньких мешочках. «Бедная матушка, — подумал юноша, — и простой сон мог довести тебя до нужды, почти до нищеты, когда в твоем распоряжении было целое состояние!». Затем Филипп положил все желтые мешочки на место и запер ларец и буфет, предварительно взяв из него на свои немедленные нужды из одного наполовину пустого мешочка несколько золотых монет. Затем внимание его привлекла верхняя часть буфета, которую он открыл опять же с помощью одного из ключей на связке. Здесь он нашел дорогой фарфор, серебряные сосуды, чаши и брашны большой стоимости. Полюбовавшись всем этим, юноша замкнул дверцы буфета и кинул ключи на стол.

Неожиданное богатство еще более укрепило в нем убеждение, что никакого сверхъестественного видения, в сущности, не было, и это весьма ободрило его, вызвав в его душевном настроении полную реакцию. Опустившись на кушетку, он дал волю своим мыслям, которые неизбежно возвращались к прелестному видению в окне дома мингера Путса; воображение его создавало, помимо его воли, чудесные воздушные замки и картины полнейшего благополучия. Так он просидел часа два, но затем его мысли снова вернулись к воспоминаниям об его бедной матери и ее тяжелой кончине.

«Милая, добрая матушка! — сказал он почти вслух, приподымаясь с кушетки. — Здесь ты сидела, переутомленная долгим бдением над моей кроваткой, измученная тревогой за твоего возлюбленного супруга и моего отца, отсутствующего давно, и которому в такую бурную ночь грозили тысячи опасностей. И встревоженное воображение порождало в твоей душе страшные предчувствия, а лихорадочный сон создал всю эту ужасающую картину страшного видения. Без сомнения, это было так! Вот и вышивка твоя лежит на полу, на том месте, как она выпала из твоих обессилевших во время сна рук; и, быть может, с этой минуты погибло счастье всей твоей жизни! Бедная, бедная матушка, — продолжал он, смахивая слезу со щеки и нагибаясь, чтобы поднять кусочек кисеи, по которой она вышивала, — как много ты страдала!.. Боже правый! — вдруг прервал он себя подавленным восклицанием и отпрянув назад с кусочком вышивки в руке. — Да, вот оно, это письмо!.. « — едва договорил он, всплеснув руками и опустив голову как под неожиданным ударом.

Действительно, на полу, под лоскутком вышивки лежало роковое письмо капитана Вандердеккена. Если бы Филипп нашел это письмо на столе, когда он вошел в комнату, как он того ожидал, он, вероятно, взял бы его в руки сравнительно спокойно, по теперь, когда он успел уже уверить себя, что ничего подобного не было, что все это было плодом болезненного воображения его матери, теперь, когда он уже предвкушал близкое благополучие, это было для него таким ударом, который на некоторое время совершенно парализовал его, так что он остался на месте, не будучи в силах прийти в себя от охватившего его ужаса и недоумения. Все его воздушные замки рухнули, и по мере того, как он приходил в себя после минутного оцепенения, душа его наполнялась тяжелыми предчувствиями. Наконец он быстро нагнулся, схватил роковое письмо и выбежал из комнаты.

«Я не могу, не смею читать его здесь! — воскликнул он. — Нет, только под открытым небом, перед лицом оскорбленного Божества могу я ознакомиться с содержанием этого письма!». — И, взяв шляпу, Филипп вышел на улицу. С затаенным в груди отчаянием запер он за собою дверь дома, вынул ключ и зашагал по улице, не зная сам куда.

ГЛАВА IV

Пусть читатель представит себе чувства приговоренного к смерти преступника, примирившегося уже со своей участью и узнавшего затем, что он помилован, вновь ожившего для надежд и рисующего себе отрадное будущее, и которому вдруг объявляют, что помилование не утверждено, и ему предстоит казнь. Таково именно было душевное состояние Филиппа, когда он вышел из своего дома. Долго шел он, не замечая куда, зажав в кулаке письмо и плотно стиснув зубы, но постепенно становился спокойнее; наконец, запыхавшись от быстрой ходьбы, опустился на скамейку и долго сидел, уставившись глазами на роковое письмо, которое он теперь держал обеими руками у себя на коленях.

Машинально он вертел его в руках, разглядывая со всех сторон; письмо было запечатано черной печатью. Филипп вздохнул. — «Нет — сказал он, — я не могу прочесть его теперь». — С этими словами встал и пошел дальше.

Еще с полчаса он шел, не останавливаясь, куда глаза глядят. Солнце стояло уже низко. Филипп остановился и смотрел на него до тех пор, пока у него не зарябило в глазах. Тогда юноша огляделся кругом, ища такого места, где бы укрыться от прохожих и без помехи взломать печать и прочесть это страшное письмо из другого, неведомого ему мира.

Маленькая группа кустов, расположенных перед небольшой рощицей, кинулась ему в глаза в нескольких шагах от того места, где он стоял. Он уже давно вышел в город: расположившись в кустах, он еще раз осмотрелся кругом, чтобы убедиться, что никто из прохожих не может его увидеть или помешать ему.

Мало-помалу он почувствовал успокоение и, глядя на заходящее солнце, склонявшееся все ближе и ближе к земле, наконец произнес:

«Видно, такова Твоя воля, Господи, и такова, знать, моя судьба! Медлить нечего!».

Он собирался уже сорвать печать, как вдруг вспомнил, что письмо это было вручено его матери не обыкновенным смертным, что оно содержало тайну бесплотного духа, осужденного или обремененного

страшным заклятием, что эта тайна касалась его родного отца, и что только в этом письме заключалась единственная оставшаяся у него надежда на спасение, о котором взывал и молил его бедный отец.

«Трус! — воскликнул укоризненно юноша по своему адресу. — Как мог я потерять столько времени! Солнце как будто нарочно задерживается там, на холме, чтобы дать мне возможность прочесть это письмо; оно как будто ждет меня!».

И, почувствовав в себе обычное мужество Вандердеккенов, Филипп спокойно сорвал печать, украшенную вензелями его отца, и прочел следующее:

«Дорогая Катрина!

Одному из тех милосердых духов, которые льют слезы и скорбят о преступлениях смертных, было дозволено сообщить мне, каким единственным путем может быть снят с меня ужасный приговор.

Если бы я вновь мог получить на палубу моего судна ту святую реликвию, на которой я произнес свою страшную клятву, приложиться к ней с полным раскаянием и уронить хоть одну слезу глубокого сокрушения на священное древо, то мог бы обрести покой своей души.

Каким образом это сделать или на кого возложить выполнение столь трудной, быть может, роковой задачи, я не знаю, но, Катрина, у нас с тобой есть сын; впрочем, нет, пускай он ничего не знает обо мне; но ты молись за меня и прощай!

И. Вандердеккен».

«Так значит, это правда, ужасная правда, — подумал Филипп, — и мой отец и посейчас находится под заклятием! И он указывает на меня! Да и на кого же другого мог он указать? Разве я не сын его, разве это не долг мой?».

«Да, отец! — громко воскликнул юноша, падая на колени. — Ты недаром писал эти строки! Дай мне прочесть их еще раз».

И Филипп хотел поднести письмо к глазам, но хотя ему казалось, что он все еще держит письмо его в руке, письма уже не было. Он стал искать на траве подле себя, полагая, что как-нибудь выронил его, — письмо исчезло бесследно. Неужели и это письмо было только призрак? Да нет! Он только что прочел его от слова до слова. «Значит, письмо это было обращено ко мне, исключительно только ко мне

одному, и мне одному предназначалась эта трудная миссия. Что же, я принимаю ее на себя с полной готовностью!»

«Слушай меня, отец, если тебе дано меня слышать! Слушай, милостивое к нам, грешным, небо! Слушайте сына, который на этой священной реликвии клянется, что снимет с отца заклятие или погибнет, если так ему суждено. Этому делу посвятит он всю свою жизнь и, исполнив свой долг, умрет в надежде на лучшую долю и мир с самим собой. Пусть небо, принявшее богохульную клятву моего отца, примет ныне и также занесет на свои скрижали клятву сына, произнесенную над тем же животворящим древом Креста Господня, и пусть нарушение клятвы с моей стороны навлечет на меня кару, более тяжелую, чем кара постигшая его!».

И Филипп упал лицом в землю, прижимая к губам своим священную реликвию. Солнце зашло, и сумрак стал спускаться на землю, уступая место ночному мраку. Уже совсем стемнело, а Филипп все еще пребывал в немой молитве и размышлении.

Наконец его встревожили чьи-то голоса; несколько человек расположилось поблизости от него, в рощице на траве. Их разговор не интересовал его, но голоса их заставили его очнуться, и первым его побуждением было встать и идти домой. Но хотя люди эти говорили вполголоса, тема их разговора вскоре привлекла его внимание, так как до его слуха донеслось имя мингера Путса. Прислушавшись, Филипп убедился, что это были четыре дезертира, бежавших из арестантских рот и намеревавшихся этой ночью напасть на жилище маленького доктора, у которого, как им было известно, было скоплено много денег.

— Так, как я вам предлагал, — говорил один из них, — будет всего лучше, поверьте мне; у него нет никого в доме, кроме дочери!

— Что касается меня, то я ценю ее выше всех остальных его богатств! — заметил другой. — Так помните, что у нас с вами было условлено, что девушка будет моей!

— Да, если ты желаешь откупить ее у нас, то мы ничего против этого не имеем! — отозвался третий.

— Согласен, а сколько вы потребуете, говоря по совести, за тощую девчонку?

— Ну, скажем, пятьсот гильдеров!

— Пусть будет по-вашему, но при условии, что если бы на мою долю не пришлось такой суммы из захваченной добычи, я все-таки

получу ее на свою долю!

— Это, конечно, справедливо! Но только я едва ли ошибусь, если мы не добудем свыше двух тысяч гильдеров из мошны этого старика.

— Ну, а вы, ребята, что скажете? Согласны вы уступить девушку Битенсу?

— Ну, конечно! Пусть себе берет ее, коли хочет! — согласились двое остальных бродяг.

— Если так, то теперь я телом и душой ваш! — воскликнул тот из четырех, который зарился на дочь Путса. — Я любил эту девушку раньше и старался добыть ее; я даже хотел жениться на ней, но этот старый филин отказал мне, юнкеру флота, почти офицеру!.. Но теперь я с ним рассчитаюсь. Мы не станем его щадить!

— Ну, вот еще! — отозвались остальные.

— Идти ли нам сейчас или обождать, когда люди в городе угомонятся? Через час, надо полагать, взойдет луна, и нас, пожалуй, могут увидеть!

— А кто нас может увидеть? По-моему, чем позднее, тем лучше!

— Сколько же времени нам потребуется, чтобы дойти туда? Не более получаса, если идти крупным шагом. Если мы выйдем отсюда через полчаса, то как раз подгоним так, чтобы месяц светил нам, когда мы будем считать его деньги!

— Прекрасно! А тем временем я приготовлю новый заряд и заряжу свой карабин, чтобы на всякий случай иметь его наготове! Я сумею зарядить его и впотьмах!

— Для тебя это дело привычное, Джон!

— Ну, еще бы! Эту пулю я предназначаю старому негодяю, прямо в лоб!

— Прекрасно! Я предпочитаю, чтобы его убил ты, а не я, — сказал один из собеседников, — так как он однажды спас мне жизнь, когда все другие врачи уверяли, что я должен умереть.

Филипп не стал дожидаться дольше; он ползком добрался до рощи и, обогнув то место, где сидели разбойники, вышел на дорогу и бегом направился к дому мингера Путса, чтобы предупредить старика и его дочь об угрожающей опасности. В тревоге за них он даже забыл на время и о своем отце, и о громадной обязанности, принятой им на себя.

Хотя юноша не замечал, куда он идет, когда он вышел из своего дома, но, хорошо зная всю местность, он бегом побежал к дому мингера Путса и менее чем через двадцать минут был уже у дверей.

Здесь, по обыкновению, все кругом было тихо и безлюдно, и дверь крепко заперта на надежные запоры. Филипп постучался, но никто ему не ответил. Тогда он стал стучать еще громче и настойчивее, пока не вышел окончательно из терпения. По-видимому, мингера Путса пригласили к больному, и его не было дома. Тогда Филипп стал кричать так, чтоб его можно было услышать в доме:

— Барышня, отца вашего, как вижу, нет дома! Так вы слушайте, что я имею сказать. Я — Филипп Вандердеккен, — мне сейчас удалось случайно подслушать четверых негодяев, которые намереваются убить вашего отца и похитить его деньги. Через час или еще того меньше они уже будут здесь, и я поспешил сюда, чтобы предупредить вас и отстоять, если я смогу. Клянусь священной реликвией, которую вы мне вернули сегодня утром, что я говорю сущую правду!

Сказав это, Филипп подождал некоторое время, но ответа не было.

— Барышня, — продолжал он, — отзовитесь мне, если вы дорожите тем, что даже много дороже, чем все золото вашего отца! Отворите окно вверху и выслушайте меня. Вы таким образом ничем не рискуете; и хотя теперь темно, я все же увижу вас.

Вскоре окошко наверху раскрылось, и стройный силуэт прекрасной дочери мингера Путса вырисовался смутным очертанием в окружающей мгле.

— Что вам нужно здесь, молодой человек, в такое неурочное время? И что вы хотите так настойчиво сообщить мне? Я плохо поняла дело из ваших слов, слышанных мною смутно через дверь.

Филипп подробно рассказал все, что ему удалось услышать, и в заключение просил, чтобы она впустила его, чтобы он мог защитить ее от разбойников.

— Подумайте, прекрасная барышня о том, что я сказал! Ведь они уступили вас за известную сумму одному из этих негодяев, имя которого я, кажется, уловил; если не ошибаюсь, его зовут Битенс. Я знаю, что золотом вы не дорожите, но подумайте о себе; допустите меня войти в ваш дом, и молю вас, не сомневайтесь ни минуты в том, что мой рассказ правдив!

— Вы назвали этого человека Битенс? Да? — переспросила девушка.

— Если я не ошибся, эти люди называли его так; и он говорил, что любил вас раньше.

— Это имя мне, действительно, знакомо; я его хорошо помню, но не знаю, что мне вам сказать и что делать. Моего отца позвали к роженице, и, быть может, он не скоро еще вернется. Как могу я открывать вам дверь в ночное время, когда отца нет дома, и я совершенно одна? Я не должна этого делать, не могу… Но все-таки я верю вам и не хочу допустить мысли, чтобы вы могли быть настолько подлы, чтобы придумать подобную историю.

— Нет, нет! И я вполне понимаю, что вы соблюдаете всякую осторожность, но вы не должны рисковать своей жизнью и честью, и потому я прошу вас впустить меня.

— А если я впущу вас, что можете вы один сделать против четверых? Они очень скоро одолеют вас, и тогда погибнет еще одна жизнь без всякой пользы.

— Нет, если у вас в доме есть оружие, — а я думаю, что ваш отец озаботился об этом, — то вы увидите, что вам нечего их бояться: у меня хватит решимости отстоять вас от этих негодяев!

— Верю и знаю, что вы человек решительный и способный рисковать жизнью за людей, на которых вы сами недавно нападали, и искренно благодарна за вашу готовность, но… но я не решаюсь, не смею открыть вам дверь.

— Если так, и вы не хотите впустить меня в дом, ну, так я останусь здесь у этих дверей, безоружный и почти беззащитный против четверых вооруженных грабителей. Все же я постараюсь сделать все, что будет в моих силах, чтобы защитить вас от них, и не сойду с этого места до конца.

— Но в таком случае я буду вашей убийцей! — воскликнула девушка. — Нет, этого не будет! Поклянитесь, молодой человек, поклянитесь мне всем святым и всем, что есть чистого и непорочного на земле, что вы не обманываете меня.

— Клянусь тобой, самой прекраснейшей девушкой, которая мне теперь дороже всего на свете!

Окно в верхнем этаже закрылось, и за ним появился свет, а спустя немного отворилась тяжелая входная дверь. Прелестная дочь мингера

Путса стояла со свечой в руке, краска то приливала к ее щекам, то отливала, оставляя их матово-бледными; она дышала тяжело от подавленного волнения, а левая рука ее была опущена, и в ней держала заряженный пистолет, который она старалась спрятать в складках своего платья. Филипп заметил оружие в ее руке, но не подал вида, желая обнадежить ее.

— Если вы одумались, — сказал он, — и если вам кажется, что вы делаете плохо, впуская меня в дом, если в вас есть еще хоть сколько-нибудь подозрения по отношению ко мне, так ведь еще не поздно; никто не мешает вам сейчас захлопнуть дверь и не впускать меня! Видите, я еще не переступил порога вашего дома! Но ради вас самих, умоляю вас не делать этого; прежде чем взойдет луна, разбойники уже будут тут. Своею грудью я буду защищать вас до самой последней минуты, если только вы доверитесь мне. Да и кто, кроме самого отъявленного негодяя, мог бы сделать вам хоть малейшее зло?

Действительно, в эту минуту она была настолько прекрасна, что ею нельзя было не залюбоваться. Тонкие, словно точеные, черты ее то ярко освещались пламенем вспыхивавшей свечи, то оставались в тени, когда свеча грозила потухнуть, задуваемая ветром; строго пропорциональная фигура еще выигрывала от своеобразной грации ее необычайного наряда. Она стояла с непокрытой головой, и длинные густые косы ее свободно падали по плечам. Все в ней, — и лицо, и наряд, — сразу изобличало чужестранку, и всякий, знакомый с различными типами народов, не задумываясь, признал бы в ней девушку арабской крови.

Обращаясь к Филиппу, она смотрела ему прямо в глаза, как будто хотела проникнуть в самые сокровенные его мысли; но в глазах молодого человека было столько искренности и чистосердечия, а во всем его поведении столько благородства и прямоты, что она совершенно обнадежилась и посте минутного колебания ответила с обычным спокойствием:

— Войдите, молодой человек, я чувствую, что могу довериться вам!

Филипп вошел, и они общими силами заперли и забаррикадировали дверь.

— Нам нельзя терять времени! — проговорил Филипп. — Надо озаботиться защитой! Но скажите мне ваше имя, чтобы я знал, как мне

называть вас!

— Меня зовут Амина! — ответила молодая девушка, несколько отступая от него.

— Благодарю и за это доверие, а теперь сообщите мне, имеется у вас в доме какое-нибудь оружие, и есть ли у вас заряды?

— Есть и то, и другое. Но я желала бы, чтобы мой отец вернулся.

— Я также этого желаю, — сказал Филипп, — искренно желаю, чтобы он вернулся раньше, чем явятся эти убийцы, но конечно, не в то время, когда будет происходить нападение: ведь я уже говорил вам, что один заряд припасен специально для него, и если он попадет им в руки, то они его не пощадят или же потребуют в качестве выкупа все его золото и вас, Амина… Где же оружие?

— Следуйте за мной! — ответила Амина и поднялась во внутреннюю комнату верхнего этажа.

Это было святилище ее отца; вокруг всей комнаты тянулись полки, заставленные банками, склянками и коробочками с лекарствами; в одном углу стоял большой железный сундук, а над камином висело несколько ружей и три пистолета.

— Все они заряжены! — заметила Амина, указывая на оружие и кладя на стол пистолет, который был у нее в руке.

Филипп снял со стены оружие и внимательно осмотрел все курки, затем, взяв со стола пистолет, только что положенный Аминой, раскрыл его и, убедившись, что и он был хорошо заряжен, молодой человек усмехнулся.

— И это предназначалось для меня, Амина?

— Нет, не для вас, — ответила девушка, — а для обманщика и негодяя, если бы ему удалось пробраться сюда!

— А теперь, барышня, я встану к тому окну, которое вы открывали, но только в комнате не должно быть света, а вы можете остаться здесь и запереться на ключ для большего вашего спокойствия и безопасности!

— Вы меня мало знаете, — вспыхнув, возразила Амина, — в этом отношении я не боязлива! Я должна и хочу остаться с вами, быть подле вас и заряжать оружие; я этому хорошо обучена, вы увидите!

— Нет, нет! — воскликнул Филипп. — Вы можете быть ранены, оставаясь в той же комнате.

— Знаю, но неужели вы думаете, что я могу сидеть без дела здесь, в четырех стенах, когда могу быть полезна и помогать человеку, который ради меня рискует жизнью? Я знаю свой долг, сударь, и исполню его!

— Вы не должны рисковать собою, Амина, — возразил Филипп, — моя рука будет неверна, если я буду знать, что вам грозит опасность. Но теперь надо отнести оружие в ту комнату: время подходит.

Молодые люди снесли оружие в смежную комнату и разложили его на столе у окна, после чего Амина ушла, унося с собой свечу.

Оставшись один, Филипп раскрыл окно и выглянул на улицу; там никого не было видно; он прислушался, но кругом было тихо; нигде ни звука. Луна начинала всходить из-за далекого холма, но свет ее застилали легкие облака. Филипп некоторое время прислушивался и, наконец, услышал внизу подавленный шепот. Он высунулся в окно и различил, хотя и с трудом, четыре темные фигуры разбойников, стоявших у самой двери дома. Он осторожно отошел от окна и прошел в соседнюю комнату, где находилась Амина, которую он застал за изготовлением зарядов.

— Амина, — проговорил он шепотом, — они здесь, у двери, совещаются. Вы теперь можете увидеть их, ничем не рискуя. Я им благодарен за то, что они убедят вас, говорил ли я вам правду!

Девушка молча прошла в соседнюю комнату и выглянула в окно, затем вернулась и, положив руку на плечо Филиппа, ласково сказала:

— Простите мне мои сомнения! Теперь я ничего не боюсь, как только того, что отец вернется слишком рано, и они схватят его.

Филипп снова вышел из комнаты, желая произвести рекогносцировку. Разбойники все еще продолжали совещаться; дверь была настолько крепка, что даже общими усилиями они ничего не могли поделать с ней, и потому они решились прибегнуть к военной хитрости. Они стали стучаться, и так как никто не отзывался, то продолжали стучать все громче и громче, а когда и это ни к чему не привело, то снова стали совещаться, после чего приставили дуло карабина к замочной скважине и дали выстрел. Выстрелом сорвало замок, но железные болты, которыми запиралась дверь изнутри, и крепкие железные засовы вверху и внизу не давали отпереть дверь.

Хотя Филипп был бы вправе стрелять по ним, как только увидел их из окна, но известная щепетильность мешала ему лишить жизни

человека без крайней необходимости. Поэтому он не стрелял в них до тех пор, пока они первые не открыли враждебных действий. Теперь же он поднял свой карабин на высоту головы одного из разбойников, приложившего глаз к дверному замку и осматривавшего действие, произведенное выстрелом. В этот момент Филипп спустил курок, и негодяй упал мертвым, точно пораженный громом; его товарищи откинулись назад, удивленные этим неожиданным оборотом дела. Но в следующий же момент кто-то выстрелил из пистолета в Филиппа, который, высунувшись из окна, откуда он стрелял, смотрел на результаты своего выстрела. К счастью, разбойник промахнулся, и прежде, чем молодой человек успел понять, в чем дело, он почувствовал, что кто-то оттащил его от окна в сторону, где он был защищен от пуль. Это была Амина, незаметно очутившаяся подле него.

— Вы не должны подвергать себя опасности, высовываясь вперед, Филипп! — сказала она чуть слышно.

«Она назвала меня „Филипп“, — подумал он с радостным чувством в душе, но не сказал ничего.

— Теперь они будут подстерегать вас у окна, — продолжала Амина, — возьмите другой карабин и спуститесь вниз, в коридор или в сени. Если они сорвали замок в дверях, то сумеют просунуть в дыру руку, и, пожалуй, им удастся сшибить засовы. Надеюсь, что это им не удастся, но нельзя быть уверенным; во всяком случае вам теперь следует быть там, в сенях; ведь они не рассчитывают увидеть вас там.

— Вы правы! — согласился Филипп, идя вниз.

— Но заметьте, вы не должны стрелять оттуда более одного раза! Если вы убьете еще одного, то их останется всего только двое, — и тогда они не смогут одновременно караулить окно и ворваться в дверь. Идите, а я заряжу ваш карабин!

Филипп осторожно спустился вниз без огня, подошел к двери и увидел, что один из негодяев, просунув руку в брешь, образовавшуюся в том месте, где был замок, старался отодвинуть верхний болт, до которого он с трудом мог дотянуться.

Филипп прицелился и готов был спустить курок и всадить весь свой заряд в негодяя, как вдруг за дверью грянул выстрел.

«Амина высунулась, верно, из окна и, быть может, ранена! — тотчас промелькнуло у него в голове, и, движимый чувством мщения,

он выстрелил прямо под поднятую руку негодяя, затем побежал наверх посмотреть, что с Аминой.

Ее не было у окна; тогда он кинулся во внутреннюю комнату и застал ее преспокойно заряжающей карабин.

— Боже мой! Как вы напугали меня, Амина! Я думал, судя по их выстрелу, что вы показались в окне, и что они стреляли по вас.

— Нет, я этого не сделала! Но я подумала, что когда вы станете стрелять через дверь, то они ответят на ваш выстрел в том же направлении и могут вас ранить; поэтому я пошла к окну и высунула из него на палке старое платье отца, а они, подстерегавшие вас в окне, конечно, тотчас же выстрелили.

— Право, Амина, кто бы мог ожидать столько мужества и столько хладнокровной рассудительности от такой молодой и прекрасной девушки, как вы! — воскликнул Филипп в восхищении.

— А разве только старые и безобразные люди могут быть мужественны и рассудительны? — спросила она, улыбаясь.

— Я не это хотел сказать, Амина, но я теряю время, а должен бежать опять туда к двери. Дайте мне этот карабин и возьмите мой!

Филипп спустился вниз, чтобы произвести рекогносцировку и убедиться, в каком положении дело, но прежде чем он успел дойти до дверей, как услышал доносившийся издали голос мингера Путса.

Амина, тоже услыхавшая голос отца, в одну минуту очутилась подле молодого человека с заряженным пистолетом в каждой руке.

— Не бойтесь ничего, Амина; их теперь всего только двое! Ваш отец будет цел! — проговорил Филипп, поспешно отодвигая засовы.

Дверь распахнулась, и Филипп с карабином в руках стремительно выбежал на улицу: он застал мингера Путса лежащим на земле и над ним обоих негодяев, из которых один уже занес над ним нож, но в этот самый момент меткая пуля Филиппа пробила ему голову. Тогда последний негодяй схватился с Филиппом врукопашную, и между ними завязалась ожесточенная борьба. Но ей скоро был положен конец Аминой, которая, подойдя совсем близко к боровшимся, выстрелила в негодяя почти в упор.

Здесь мы должны предупредить читателя, что Путс, возвращаясь домой, еще издали услышал выстрелы; мысль о дочери и о деньгах придала ему крылья; он даже не подумал о том, что он — слабый, беззащитный и безоружный старик. И вот он, наконец, добежал и,

обезумевший, растерявшийся, с криком кинулся вперед прямо на двух освирепевших разбойников, которые тотчас же повалили его и, конечно, отправили бы на тот свет, если бы Филипп вовремя не увидал его схватки с разбойниками и не подоспел на место происшествия как раз вовремя, чтобы спасти его от верной смерти.

Как только и последний разбойник упал, Филипп поспешил к мингеру Путсу, которого он поднял с земли и отнес на руках в дом, как малого ребенка. Старик все еще находился в полусознательном состоянии от перенесенного им испуга и возбуждения, но вскоре очнулся.

— Дочь моя! Где моя дочь? Где она? — воскликнул он.

— Я здесь, отец, и ничего со мной не случилось! — отозвалась Амина.

— Ах, дитя мое! Ты жива и невредима… да, да… теперь я вижу… а мои деньги? Где мои деньги?! — продолжал он и вскочил даже на ноги.

— И деньги целы, отец!

— Целы? Ты говоришь, что деньги все целы? Ты это знаешь наверное? Дай мне посмотреть…

— Смотри, видишь, сундук не тронут, никто не прикоснулся к ним, и все благодаря человеку, по отношению к которому ты поступил даже нехорошо!

— Кто? Кто это? О ком ты говоришь? Ах, да, теперь я вижу. Это Филипп Вандердеккен; он мне еще должен три гильдера с половиной да еще должен вернуть мне склянку… Так это он спас тебя и мои деньги? Да?

— Да, он это сделал, рискуя своей собственной жизнью!

— Ну, хорошо! Я готов простить ему весь его долг, да весь… но склянка ему не нужна, ее он должен мне вернуть. Дай мне воды, дитя!

Старик еще не сразу окончательно пришел в себя и успокоился.

Филипп предоставил его заботам дочери, а сам, захватив с собой пару заряженных пистолетов, вышел, чтобы убедиться, какая участь постигла четырех негодяев. теперь луна выбралась из-за туч, заслонявших ее, и, стоя высоко на небе, светила так ярко, что можно было ясно различать все предметы. Оба разбойника, лежавших поперек двери, на самом пороге, были мертвы. Те же двое, которые напали на мингера Путса, были еще живы, но один из них уже

кончался, а другой исходил кровью. Филипп обратился к последнему с несколькими вопросами, но не получил на них никакого ответа. Отобрав все их оружие, он вернулся в дом, где застал старика, за которым ухаживала его дочь, уже совершенно оправившимся.

— Благодарю вас, Филипп Вандердеккен, благодарю вас очень! Вы спасли мне мое дорогое дитя и мои деньги! Правда, их очень немного, даже совсем мало, — ведь я очень беден, — но я благодарю вас от всего сердца и желаю вам прожить долгие годы в счастии!

При этих словах Филипп вдруг вспомнил впервые с момента своей встречи с разбойниками о письме и о своей клятве, и по лицу его пробежала тень.

— Долгие годы, счастливо, — пробормотал он, — нет, нет… Это не для меня! — мысленно добавил он, уныло качая головой.

— И я, со своей стороны, должна благодарить вас, — проговорила Амина, вопросительно заглядывая ему в лицо. — Право, я вам очень благодарна… за многое, за очень многое! — добавила она.

— Да, она очень благодарна, — подтвердил отец, как бы желая прервать дочь, — только мы очень бедны… и если я говорил о своих деньгах, то именно потому, что у меня их так мало, что я никак не мог бы лишиться их… Но вы можете не платить мне тех трех с половиною гильдеров, что должны мне, это я готов потерять для вас, мингер Филипп!

— Нет, зачем же вам терять их, мингер Путс! — заметил Филипп. — Я обещал вам заплатить и сдержу свое слово. У меня денег больше, чем надо… В моем распоряжении тысячи гильдеров, и я не знаю даже, что с ними делать.

— У вас тысячи гильдеров! Тысячи гильдеров!! — повторил Путс. — Нет, пустяки, этого не может быть!

— Повторяю вам, Амина, что у меня тысячи гильдеров лежат без употребления, — сказал Филипп, — а вы знаете, что я вам никогда бы не солгал!

— Я поверила вам и тогда, когда вы сказали это моему отцу! — отозвалась она.

— В таком случае, если вы так богаты, то, зная мою бедность, вы может быть…

Но Амина зажала старику рот рукой, и фраза его осталась недоконченной.

— Отец, нам пора ложиться спать! На сегодня вы должны нас покинуть, Филипп! — добавила она, обращаясь к молодому человеку.

— Нет, я этого не сделаю, и вы можете быть уверены, что я всю ночь не сомкну глаз. Вы можете спокойно ложиться спать, так как теперь действительно время отойти ко сну! Спокойной ночи, мингер Путс. Я попрошу у вас только лампу, до рассвета еще далеко, затем уйду. Спокойной ночи, Амина!

— Спокойной ночи! — ответила девушка, протягивая ему руку. — И премного благодарю вас!

— Тысячи гильдеров!! У него тысячи гильдеров! — шептал старик, глядя вслед Филиппу, который выходил из комнаты и спускался вниз.

ГЛАВА V

Филипп Вандердеккен уселся под портиком входной двери и смахнул волосы со лба, который он подставил под ветер, так как постоянное возбуждение и волнения последних дней вызвали у него лихорадочное состояние, нервность и общее недомогание. Он чувствовал потребность в отдыхе, но знал, что для него нет настоящего отдыха, нет спокойствия. Его томили тяжелые предчувствия; он предвидел в будущем длинный ряд всевозможных опасностей, бедствий, невзгод и даже смерть, преждевременную, неестественную смерть, но он смотрел на все это без ужаса и даже без волнения. Ему казалось, что он начал жить всего только три дня тому назад, а что все, что было раньше, было какое-то бессознательное существование; у него было невесело на душе, но он не чувствовал себя несчастным. Мысли его все время вращались вокруг рокового письма. Страшное, неестественное исчезновение его несомненно указывало на его сверхъестественное происхождение, во-первых, и во-вторых, на то, что это послание предназначалось именно ему и никому другому; а находящаяся в его руках священная реликвия еще более наглядно подтверждала этот факт.

«Такова моя судьба! Это мой долг! — думал Филипп. — И я исполню его, чего бы это мне ни стоило». — Порешив на этом, он невольно перенесся мыслями к прелестному образу молодой девушки.

«Неужели, — думал он, — этому прелестному созданию суждено быть связанным с моей судьбой? Судя по событиям последних дней, можно было бы подумать, что это так. Но, конечно, это только одному небу известно, и пусть да будет его Святая Воля! Я поклялся, и Господь слышал мою клятву, посвятить свою жизнь на облегчение страшной участи моего бедного отца, но разве это мешает мне любить Амину? Нет! Моряк, посвятивший себя службе на море, избравший для себя дальние плавания в Индию, разве он не проводит целые месяцы дома, в своей семье, на берегу, а затем возвращается к исполнению своих обязанностей и своего долга?! Мне предстоит скитаться в открытом море, плавать по океанам и жить вдали от родины. Но сколько раз придется мне все снова и снова возвращаться

сюда, и почему бы мне лишить себя утехи и отрады радостного возвращения к любимой женщине, счастья, ее улыбки и привета? А все же хорошо ли я поступаю, добиваясь любви девушки, которая если раз полюбит, то, я уверен, будет любить искренно и глубоко… И смею ли я убеждать ее связать свою жизнь с жизнью человека, обреченного судьбой на всякие невзгоды и, вероятно, даже на преждевременную смерть?!

Но ведь жизнь каждого моряка полна случайностей; в бурю и непогоду каждый моряк является игралищем сердитых волн, с которыми ему приходится бороться! Кроме того, я избран судьбой для выполнения трудного долга, и если так, то судьба должна щадить меня до тех пор, пока волей Небес я не исполню свой долг. Но когда это будет и чем должно это кончиться?! Смертью? Но ведь все люди умрут, и никто не знает, когда к нему придет смерть».

Так размышлял Филипп Вандердеккен. Наконец забрезжил рассвет, и когда он увидел румяное зарево нарождающегося дня на горизонте, то дал волю одолевавшей его сонливости и задремал в том же положении, в каком просидел здесь всю ночь. Легкое прикосновение к его плечу заставило его вскочить на ноги и выхватить пистолет, спрятанный им на груди. Но, обернувшись, он увидел перед собой Амину.

— Это предназначалось мне? — улыбаясь, спросила Амина, повторяя его вчерашние слова.

— Вам, Амина, чтобы защитить вас от всякого, кто осмелился бы покуситься на ваш покой!

— Я знаю, — сказала она, — но как великодушно было с вашей стороны просидеть здесь всю ночь и караулить нас, после столь утомительного и тяжелого для вас дня!

— Вплоть до рассвета я не сомкнул глаз!

— Ну, так теперь ложитесь и отдохните! Мой отец уже встал; вы можете прилечь на его постели.

— Благодарю вас, но я не чувствую желания спать! Нам предстоит еще много дела. Мы должны пойти к бургомистру и заявить ему о всем, а эти тела должны оставаться здесь нетронутыми, пока сюда не явятся власти и не удостоверят наших показаний. Пойдет ли ваш отец, или должен сходить я?

— Несомненно, будет лучше, если пойдет мой отец, как хозяин дома, на который совершено было нападение. А вы должны остаться здесь, и если вы не хотите спать, то должны хоть подкрепиться пищей. Я сейчас пойду и скажу отцу: он уже успел покушать, и ничто не помешает ему немедленно отправиться к бургомистру.

Амина ушла и вскоре вернулась с отцом, который приветливо поздоровался с Филиппом. Пройдя сторонкой мимо убитых, чтобы не задеть их ногой, старик поспешно направился в город, где имели свое местопребывание местные власти.

Амина пригласила Филиппа следовать за ней и ввела его в комнату отца, где, к немалому своему удивлению, он увидел приготовленный для него кофе, который в то время был большой редкостью и стоил очень дорого, почему Филипп никак не мог ожидать встретить этот вкусный напиток в доме такого скаредного человека, как мингер Путс. Но это была роскошь, к которой в былые времена старик успел привыкнуть, и в которой он не мог себе отказать.

Филипп, у которого целые сутки не было ни крохи во рту, не заставил себя просить и сделать честь всему, что ему было предложено. Амина села против него и молчала все время, пока он кушал.

— Амина, — сказал, наконец, Филипп, заговорив первый, — у меня было достаточно времени, чтобы все обсудить и обдумать за то время, что я просидел там у двери! Могу я говорить откровенно?

— Почему же нет, — ответила девушка, — я уверена, что вы не скажете ничего такого, чего бы не следовало говорить, или чего не подобало бы слышать молодой Девушке.

— Вы не ошиблись, Амина! — Мои мысли заняты вами; я думал о вас и о вашем отце; вам нельзя оставаться в этом доме, слишком уединенном и отдаленном от других жилых строений.

— Я и сама сознаю, что здесь слишком уединенно и небезопасно для него, для отца, а быть может, и для меня. Но вы знаете моего отца! Именно эта уединенность нравится ему; к тому же и цена аренды этого дома очень низкая, а вы знаете, что он очень экономен на деньга, очень бережлив.

— Человек бережливый раньше должен заботиться о том, чтобы его сбережения находились в сохранном месте, а здесь далеко не сохранное и не надежное место. Выслушайте меня, Амина! Я имею

небольшой домик, окруженный со всех сторон жилыми домами, которые являются друг для друга взаимной защитой в случае беды; я собираюсь покинуть этот дом, быть может, навсегда, так как намерен отправиться с первым отплывающим судном в Индийский океан!

— В Индийский океан? Зачем? Разве вы не говорили вчера, что у вас есть тысячи гильдеров, и что вы не имеете нужды в деньгах?

— Да, это так, и денег у меня достаточно, тем не менее я должен уехать, этого требует мой долг. Не расспрашивайте меня дальше, а выслушайте, что я хочу вам предложить. Пусть ваш отец поселится в моем домике, и пусть он сберегает и охраняет его в моем отсутствии; он сделает мне большое одолжение, если согласится на это, и вы должны постараться убедить его. Там вы будете в безопасности. Ему я хочу также поручить на хранение и мои деньги. Они мне в настоящее время не нужны, а взять их с собой я не могу и не хочу.

— Моему отцу нельзя поручать денег; он слишком пристрастен к ним!

— Но для чего и для кого копит ваш отец? Ведь он не может унести деньги с собой, когда умрет? Значит, он копит их для вас! А раз это так, то я могу быть уверен, что мои деньги будут сохранны.

— Так уж лучше поручите их прямо мне, и тогда я поручусь, что они будут целы! Но скажите, зачем вы хотите рисковать своей жизнью, скитаясь по морям, когда у вас есть такие хорошие средства, что вы можете считать себя обеспеченным на всю жизнь?

— Не спрашивайте меня об этом, Амина! Это моя сыновняя обязанность, мой священный долг; больше я вам ничего сказать не могу, по крайней мере теперь!

— Если это ваш долг, то я не стану больше вас расспрашивать. Но поверьте, мной руководило не женское любопытство, а лучшее чувство!

— А какого рода было это лучшее чувство? — спросил Филипп.

— Я сама едва могу это определить, — промолвила молодая девушка, — вернее всего, это были слившиеся воедино различные хорошие чувства: чувство благодарности, уважения, расположения, доверия и доброжелательства к вам. А разве всего этого не достаточно?

— Действительно, этого даже, пожалуй, слишком много! Я, право, не знаю, как я мог заслужить все это за короткое время нашего

знакомства, тем не менее я и сам испытываю все эти чувства и даже более того по отношению к вам, Амина. И если вы действительно так хорошо расположены ко мне, то окажите мне услугу, уговорите вашего отца покинуть это уединенное жилище и переселиться в мой дом!

— А куда же думаете выехать вы сами?

— В случае, если ваш отец не согласится принять меня в качестве своего жильца на короткое время, так как я пробуду здесь, вероятно, очень недолго, то постараюсь приютиться где-нибудь по соседству; если же он не откажется, то я хорошо заплачу ему за свое пребывание, при условии, конечно, что вы не будете ничего иметь против моего пребывания в доме!

— Что же могу я иметь против этого? — сказала девушка. — Наше жилище небезопасно, вы нам предлагаете надежное убежище в вашем доме! Было бы в высшей степени несправедливо и неблагодарно с нашей стороны изгнать вас из-под вашего же родного крова!

— В таком случае убедите отца, Амина! Мне ничего не надо, я не хочу никакой платы за свой дом; напротив, я буду считать, что вы мне делаете одолжение: ведь для меня было бы большим горем уехать отсюда, не будучи уверенным в вашей безопасности. Так обещаете мне, что вы это устроите?

— Я обещаю употребить все старания. Я могу даже прямо сказать вам, что это так и будет, как вы желаете: я знаю свое влияние на отца. Вот вам моя рука! Довольны вы теперь?

Филипп жадно схватил протянутую к нему маленькую ручку, и чувство взяло в нем верх над сдержанностью: он поднес ее к губам и заглянул в лицо Амины, чтобы убедиться, не гневается ли она за его смелость. Но ее темные глаза смотрели на него в упор, как тогда, когда она решала, впустить ли его в дом или нет, смотрели так, как будто она хотела прочесть самые сокровенные его мысли, но не отнимала у него руки.

— Не сомневайтесь, Амина, вы можете доверять мне, — сказал Филипп, целуя еще раз ее руку, — я никогда не злоупотреблю вашим доверием!

— Надеюсь… я думаю… нет, я в этом уверена! — сказала она.

Филипп выпустил ее руку. Амина села на свое прежнее место, и некоторое время оба молчали, дав волю своим думам. Наконец девушка заговорила первая.

— Мне кажется, я слышала от отца, что ваша матушка была очень бедна и не совсем в своем уме… и что в вашем доме есть комната, которая оставалась запертой в течение многих лет!

— Да, вплоть до вчерашнего дня!

— И там, в этой комнате, вы и нашли все эти деньги? Разве ваша матушка не знала об этих деньгах?

— Нет, она о них знала и, умирая, говорила о них!

— Без сомнения, была какая-нибудь уважительная причина не отпирать эту комнату?!

— Конечно, причина была!..

— Какая, Филипп? — спросила робким, ласковым голосом девушка, словно она опасалась рассердить его своим вопросом.

— Я не смею сказать вам этого, по крайней мере, не должен говорить. Но если хотите, я скажу вам, что это был страх перед привидением! Этим вы должны удовольствоваться.

— Каким привидением?

— Мать моя утверждала, что она видела призрак моего отца!

— А вы как думаете, это в самом деле был его призрак?

— Я в этом ничуть не сомневаюсь; ей действительно явился мой отец! Но я не могу сказать вам ничего больше, Амина, прошу вас, не расспрашивайте меня. Теперь комната эта отперта, и нет никакого основания бояться, что призрак появится снова.

— Да я этого вовсе не боюсь, — проговорила Амина и задумалась. — Но, — продолжала она немного спустя, — это разве не находится в связи с вашим решением отправиться в Индийский океан?

— На это я еще отвечу вам: да, это побудило меня пуститься в плавания! Но вот и все, что я могу вам сказать. Не спрашивайте меня, Амина, ни о чем больше: мне тяжело отказывать вам, а вместе с тем мой долг повелевает мне молчать!

Некоторое время никто из них не проронил ни слова, затем девушка опять заговорила:

— Вы так дорожите той священной реликвией, что мне невольно приходит на ум, что она находится в связи с вашею тайной. Разве это не так?

— В последний раз я скажу вам: да, это так! Но больше ничего не скажу.

На этот раз голос его звучал строго, сурово, почти грубо, и это не осталось без влияния на молодую девушку.

— Вы так поглощены посторонними мыслями, что не уловили даже лестного для вас внимания с моей стороны, которое я выказала вам, принимая такое живое участие в ваших делах!

— Нет, нет, я это чувствую, но простите меня, Амина, если был несколько груб! Право, я вам очень признателен, но надо помнить, что тайна эта не моя. Видит Бог, я желал бы, чтобы она никогда не была мне известна: ведь она рушила все мои надежды на счастье в жизни.

Филипп замолк, удрученный своим горем, но когда он поднял голову, то увидел, что Амина смотрела на него своими темными ласковыми глазами, смотрела проницательно и вдумчиво.

— Что, вы хотите прочесть мои мысли? — спросил Филипп. — Хотите узнать мою тайну?

— Вижу, что эта тайна удручает вас! По всему видно, это должна быть, без сомнения, страшная, ужасная тайна, если она может так угнетать такого человека, как вы!

— Где вы научились быть такой смелой, Амина? — спросил Филипп вместо ответа, желая переменить разговор.

— Обстоятельства делают человека смелым или боязливым; люди, привыкшие ко всяким трудностям и опасностям на своем пути, не боятся их!

— А где вы их встречали в своей жизни?

— Где? Да прежде всего в той стране, где я родилась, и потом после, во время всех наших скитаний.

— Не расскажете ли вы мне о вашем прошлом, Амина? Вы знаете, что я могу сохранить в тайне то, что мне доверят!

— Что вы умеете сохранять в тайне то, что вам доверили, это я слишком хорошо знаю, вы это мне блистательно доказали! Но мне этого вовсе не нужно, и, помимо всяких гарантий, я считаю, что вы имеете некоторое право узнать кое-что о той, которой вы спасли жизнь. Я не могу рассказать много о себе, но что могу, то расскажу. Отец мой, еще будучи мальчиком, находясь на торговом судне своего отца, был захвачен в плен маврами и продан в рабство одному хакиму, то есть ученому, врачу, в той стране. Обнаружив в моем отце большие способности, хаким обучил его своему искусству и сделал его своим учеником и помощником. По прошествии нескольких лет отец не

только постиг всю премудрость своего учителя, но даже превзошел его в его познаниях, но, как раб, должен был работать на своего господина. А вам известно, как и всем в этом городе, что мой отец жаден до денег, и его мечтой было разбогатеть так же, как его господин, и прежде всего купить себе свободу. Чтобы достигнуть своей цели, он стал поклонником пророка, т. е. принял ислам. После того он стал свободным и, сбросив с себя рабство, стал лечить за свой собственный счет. Вскоре он взял себе жену из арабского племени, дочь богатого арабского шейха, которому он вернул здоровье, и окончательно поселился в его стране. Там я и родилась. Отец мой быстро накоплял богатства, так как слава его, как искусного врача, распространилась далеко. Но когда от его руки умер сын одного бея, то на него обрушилось беспощадное гонение, и ему пришлось бежать из страны, причем он потерял все свои богатства. Мать моя и я последовали за ним; он нашел убежище у одного племени бедуинов, среди которых мы прожили несколько лет. Среди них я привыкла к быстрым, далеким переходам, к диким набегам, к поражениям и битвам и даже к беспричинной зверской резне. Но бедуины не щедро вознаграждали услуги отца, а деньги отец ставил выше всего и ради них был готов на все. Прослышав, что бей умер, он возвратился снова в Каир и стал по-прежнему заниматься своей практикой. Здесь он снова стал скоплять богатства, в чем ему никто не мешал до тех пор, пока сумма их не возросла настолько, что возбудила зависть нового бея; но, по счастью, отца предупредили ° намерениях властителя, и он успел вовремя бежать, захватив с собой лишь часть своих богатств. Небольшое судно доставило нас в Испанию. Однако отцу не суждено было долго владеть накопленными им богатствами, и всякий раз, когда они накоплялись у него, случалось что-нибудь такое, вследствие чего он их лишался и оставался опять ни с чем. И вот перед тем, как мы переселились сюда, в эту страну, отца моего ограбили так, что мы опять ничего не имели; но за эти три или четыре года, что мы здесь, он опять накопил кое-что, откладывая каждый грош. Вот и все, что я могу сказать о себе.

— Ваш отец и посейчас остался магометанином? — спросил Филипп.

— Право, не знаю. Мне кажется, что он не держится никакой религии; по крайней мере меня он не наставлял ни в какой вере!

Несомненно одно, что его Бог — золото; другого он, кажется, не знает и не признает!

— А вы?

— А я, я признаю того Бога, который создал весь этот прекрасный мир и все, что в нем, — называйте его, как хотите. Это все, что я знаю о Боге, Филипп, но я охотно узнала бы больше. Я слышала, что различных вероисповеданий много, но, вероятно, все они лишь различными путями ведут к одной и той же цели, познанию Бога. Вы, конечно, христианин, Филипп. И вы думаете, что это и есть истинная вера? Но ведь и все другие считают свою веру единой истинной верой. Кто же прав?

— У меня есть такие ужасные, такие страшные доказательства того, что моя вера единая истинная, что если бы я мог все открыть…

— У вас есть доказательства, говорите вы? Но в таком случае, разве не лежит на вас обязанность привести эти доказательства? Или вы дали зарок ничего никогда не открывать никому?

— Нет, такого зарока я не давал, но тем не менее я чувствую, как будто дал такой зарок… Слышите голоса? Это, вероятно, ваш батюшка с городскими властями! Мне надо идти вниз и встретить их!

С этими словами Филипп встал и направился к лестнице. Амина провожала его глазами до тех пор, пока он скрылся, и даже когда он ушел, все еще продолжала смотреть на дверь.

— Возможно ли?! — воскликнула она вполголоса, — так скоро? — А между тем это так! Я чувствую, что охотнее разделю с ним его тайное горе, скорбь и несчастия, даже его опасности, даже самую смерть, чем полное довольство и благополучие с кем-либо другим. И мне даже кажется странным, если бы я поступила иначе. Мы сегодня же переселимся в его дом; я пойду и стану теперь же готовиться к переезду!

Показания Филиппа и Путса были занесены в протокол; тела убитых подвергнуты осмотру и некоторые из них опознаны. Затем трупы были увезены, и власти удалились, а Филипп и мингер Путс возвратились к Амине. Мы не станем здесь приводить их разговора, достаточно будет сказать, что старик согласился с доводами молодых людей относительно переселения; особенно убедительным ему показалось то обстоятельство, что не надо будет платить аренды. После полудня состоялся переезд, но только когда уже совсем

стемнело, перевезли денежный ящик доктора под конвоем Филиппа и Амины, причем и старик плелся позади тележки. Было уже поздно, когда они окончательно устроились и отошли на покой.

ГЛАВА VI

«Так вот эта комната, которая столько лет оставалась запертой! — проговорила Амина, войдя в нее поутру задолго до того времени, когда Филипп проснулся после проведенной без сна предыдущей ночи. Она огляделась кругом, окинула взглядом всю обстановку, причем ей кинулись в глаза птичьи клетки, и она заглянула в них. — Бедняжки! — прошептала она по адресу истлевших канареек. — Так в этой комнате явился его матери его отец! Что ж, может быть, это и было так! Филипп говорит, что у него есть доказательства; и почему бы этому не быть? Бели бы Филипп умер, я была бы счастлива, если бы мне явился его дух: все же это был бы он! Но что я говорю! Ах, предательский язык, зачем ты выдаешь мою тайну?.. Стол опрокинут — это похоже на следствия страха или испуга; и рабочая корзинка, из которой все высыпалось… Это просто глупый женский страх! Простая мышь могла бы вызвать его у нервной женщины, а вместе с тем есть что-то жуткое в самом факте, что эта комната столько лет не видела света, что ни одна человеческая нога не переступала ее порога! Неудивительно, что Филипп чувствует себя подавленным этой тайной, связанной с этой комнатой; ее не следует оставлять в таком виде; надо сейчас же сделать ее жилой.»

И девушка, давно привыкшая ухаживать за отцом и вести свое маленькое хозяйство, тотчас же принялась за дело.

Каждый уголок, каждый стул, стол и вся остальная мебель были тщательно почищены, вытерты и прибраны; паутина снята; стол и кушетка переставлены на другое место в середину комнаты; клетки вынесены вон. Когда вся эта приборка была окончена, и яркое солнце заглянуло в раскрытое настежь окно, комната смотрела весело и приветливо.

С свойственной женской душе чуткостью Амина сознавала, что самые сильные впечатления сглаживаются, когда предметы, связанные с ними, не напоминают нам о них. И вот она решила облегчить душевное состояние Филиппа, которого, со свойственной ее темпераменту пылкостью, она успела горячо и глубоко полюбить. Все снова и снова принималась она за чистку и приборку, пока каждая

картина, каждая мельчайшая вещица в комнате не приняли опрятный, веселый, почти новый вид.

Не одни только клетки, но и рабочая корзинка со всеми принадлежностями была унесена вместе с начатой вышивкой. Филипп оставил ключи на полу; Амина раскрыла буфет, обмыла и обтерла в нем стеклянные дверки и занялась чисткой серебра, когда ее отец вошел в комнату.

— Боже милосердый, — воскликнул он, — неужели все это серебро, чистое серебро?! Видно, правда, что У него есть тысячи гильдеров! Но только где они у него запрятаны?

— Помни, отец! Не смей никогда говорить о них! Твои деньги и теперь сохранены, и за это ты должен быть благодарен Филиппу; он отстоял их от разбойников, пришедших ограбить тебя.

— Да, да… это правда! Но так как он думает жить здесь, то сколько он рассчитывает платить мне? И, как ты думаешь, много он ест? Он должен платить мне хорошо за свое содержание, раз у него столько денег.

Губы Амины сложились в презрительную усмешку, но она ничего не ответила.

— Хотел бы я знать, где он держит свои деньги! — продолжал старик. — Он предполагает уехать в Индию с первым отходящим отсюда судном. Кому же он поручит свои деньги?

— Мне, — ответила Амина, — я буду беречь их для него!

— Да, да, мы будем беречь его деньги. Ведь судно может утонуть… в море это часто случается…

— Нет, ты ошибаешься, отец, не мы будем хранить его деньги, а я! Тебе нет до этих денег никакого дела, храни свои!

С этими словами Амина поставила обратно в буфет серебро, заперла его и взяла ключи с собой, уходя приготовить завтрак. А старик остался перед буфетом и сквозь стеклянные дверцы его любовался драгоценной серебряной посудой, от которой он не мог оторвать глаз.

Наконец сошел вниз и Филипп; проходя мимо комнаты, чтобы заглянуть в кухню, он заметил мингера Путса у буфета и вошел поздороваться с ним. Резкая перемена в комнате сразу бросилась ему в глаза, и он был ею чрезвычайно обрадован. Сердце подсказало ему, кто об этом позаботился и с какою целью, чувство глубокой благодарности

наполнило его душу. В этот момент вошла Амина, неся на подносе завтрак; глаза их встретились и сказали гораздо больше, чем могли бы сказать их уста. На этот раз Филипп сел за завтрак более веселый и не столь мрачно настроенный.

— Мингер Путс, — проговорил он, поднимаясь из-за стола, — я намерен оставить в ваше пользование мой дом на все время моего отсутствия и надеюсь, что вам здесь будет хорошо! Кое-какие маленькие распоряжения, которые мне кажутся необходимыми, я сообщу вашей дочери перед своим отъездом.

— Так значит, вы покидаете нас, мингер Филипп, чтобы идти в море? Это должно быть очень приятно — попутешествовать и повидать чужие страны, куда лучше, чем сидеть дома. Когда же вы думаете уехать?

— Сегодня вечером я еду в Амстердам, — сказал Филипп, — чтобы условиться насчет плавания, но я вернусь, вероятно, раньше, чем пущусь в плавание.

— А… вы еще вернетесь!.. Ну, конечно! Ведь у вас есть здесь деньги и имущество, о котором вам надо позаботиться! Вы должны пересчитать ваши деньги, а мы с дочерью будем хранить их как нельзя лучше. Где они у вас, эти деньги, мингер Вандердеккен?

— Об этом я сообщу вашей дочери перед моим отъездом; через три недели, самое позднее, я вернусь.

— Отец, — вмешалась Амина, — ты обещал навестить ребенка бургомистра! Тебе пора идти!

— Да, да… немного погодя… все в свое время; но прежде я должен заняться с мингером Филиппом: мне надо многое сказать ему касательно его дел.

Филипп при этом невольно вспомнил, как ему приходилось уламывать мингера Путса, когда он впервые приглашал навестить его бедную мать, и он невольно улыбнулся такой предупредительности со стороны хитрого старика, но вслед за тем воспоминание о матери нагнало облако грусти на его чело, что не укрылось от внимания Амины.

Она сразу угадала, что происходило в душе Филиппа и в помыслах ее отца, и недолго думая, пошла и принесла шляпу и трость старика, затем сама проводила его до дверей. Таким образом, Путс, хотя и очень

неохотно, но все же, повинуясь по привычке воле дочери, должен был отправиться к бургомистру.

— Уже так скоро, Филипп?! — воскликнула девушка, возвращаясь в комнату, где оставался молодой человек.

— Да, Амина, я еду сегодня же, но надеюсь, мне удастся еще вернуться сюда перед отплытием. В случае же, если бы мне не пришлось вернуться, я хочу передать вам теперь мои распоряжения. Дайте мне ключи!

Взяв ключи из ее рук, он открыл нижний шкафчик буфета и железный ларец, где были деньги.

— Вот здесь, Амина, мои деньги! Нам незачем считать их, как предлагал ваш отец! Как видите, я не лгал, когда говорил, что у меня тысячи гильдеров! Но в настоящее время они мне не нужны: ведь мне еще предстоит обучиться морскому делу. А когда я вернусь, если мне суждено вернуться, то на эти деньги я буду иметь возможность приобрести собственное судно. Но я не знаю, что мне готовит судьба, и потому должен вперед позаботиться обо всем!

— Ну, а если вы не вернетесь? — спросила Амина.

— Если я не вернусь, то эти деньги будут ваши, Амина, точно так же, как и все, что здесь есть в этом доме, да и самый дом!

— Но ведь у вас есть родные, родственники… не так ли?

— У меня есть всего только один родственник, мой дядя, богатый человек, но когда мы с матерью бедствовали, он мало помогал нам, или, вернее, почти вовсе не помогал, так что я ему ничего не должен, и он ни в чем не нуждается. В целом свете есть только одно существо, которое дорого мне, и к которому привязалась мое сердце, и это существо вы, Амина! Смотрите на меня, как на брата, и я обещаю, что буду всегда питать к вам самую нежную братскую любовь.

Амина молчала. Филипп достал из початого мешочка еще горсть червонцев на дорожные расходы и затем, замкнув железный ларец и буфет, отдал ключи девушке. Он собирался сказать ей еще что-то, когда в дверь слегка постучали, и в комнату вошел патер Сейсен.

— Храни вас Бог, сын мой, и тебя также, дитя мое, хотя я еще никогда не видал тебя раньше! Если не ошибаюсь, ты — дочь мингера Путса!

Амина утвердительно кивнула головкой.

— Как я вижу, Филипп, комната эта отперта! Я слышал о том, что произошло, и мне надо поговорить с тобой, а потому я попросил бы эту девушку оставить нас на время одних.

Амина тотчас же вышла, и патер, сев на кушетку, пригласил Филиппа сесть подле себя.

Разговор их продолжался долго: прежде всего духовный отец стал расспрашивать Филиппа» об его тайне, но не мог добиться от него тех сведений, какие он желал; молодой человек сообщил ему приблизительно столько же, как и Амине, но не больше. Он также объявил о своем намерении отправиться в плавание, и что в случае, если бы он не возвратился, все свое имущество Г он завещает доктору и его дочери. Тогда патер стал расспрашивать Филиппа о мингере Путсе; осведомился, не известно ли ему, какую веру исповедует старый доктор, так как его никто никогда не видал ни в одной церкви, а слухи ходили о том, что он не только еретик, но даже и не христианин. На это Филипп, как всегда, отвечал с полной откровенностью, но при этом прибавил, что дочь жаждет просветиться учением христианской веры, и просил святого отца принять на себя эту задачу, к которой он, Филипп, недостаточно подготовлен. На это патер Сейсен, угадавший отношения молодого человека к этой девушке, охотно согласился.

Пробеседовав около двух часов, они были прерваны вернувшимся Путсом, который, как пуля, вылетел из комнаты при виде патера Сейсена. Тогда Филипп призвал Амину и просил ее, как одолжения, чтобы она принимала в его отсутствии патера Сейсена, после чего добрый старик благословил их обоих и ушел.

— Надеюсь, вы не дали ему денег, мингер Филипп? — сказал Путс, когда старый патер ушел.

— Нет, я не дал ему ничего, — отвечал Филипп, — но очень сожалею, что не подумал об этом!

— Нет, что вы! Вы прекрасно сделали, что ничего не дали ему; ведь деньги гораздо лучше, чем то, что он может дать вам; только пусть он больше не приходит сюда!

— Почему же нет, отец? — возразила Амина. — Если мингер Филипп того желает: ведь это его дом?..

— Ну, конечно, если мингер Филипп этого желает; но ведь он уезжает!

— Ну, если даже он и уезжает, почему же патеру не ходить сюда? Он будет приходить ко мне!

— К тебе, дитя мое? Зачем? Что ему нужно от тебя? Если он станет ходить сюда, то я предупреждаю, что не дам ему ни гроша, и тогда он наверное скоро прекратит свои посещения.

Филипп только усмехнулся на такое предположение, но не стал ничего возражать.

После того юноше не случилось поговорить с Аминой, да ему, в сущности, ничего более и не оставалось сказать ей. Час спустя он простился с ней в присутствии ее отца, который не отходил от них ни на минуту, надеясь получить от Филиппа какие-нибудь сведения относительно его денег, которые тот оставлял здесь.

Два дня спустя Филипп прибыл в Амстердам и, наведя нужные справки, убедился, что не предвиделось никакого отплытия судна в дальнее плавание и именно в Ост-Индию ранее, как через несколько месяцев. Голландская Ост-Индская компания давно образовалась и положила конец всем частным торговым предприятиям этого рода. А суда компании отправлялись только во время года, считавшееся наиболее удобным, чтобы обогнуть мыс Бурь, как тогда еще назывался мыс Доброй Надежды. Одним из судов, отправлявшихся с флотилией, предназначенной к отплытию в ближайшую очередь, было судно «Тер-Шиллинг», трехмачтовый корабль, который в настоящий момент стоял разоруженный и без оснастки.

Филипп разыскал капитана этого судна и сообщил ему о своем желании отправиться с ним в дальнее плавание, чтобы ознакомиться с профессией моряка и изучить под его руководством морское дело. Капитану понравилась наружность юноши, а так как последний соглашался не только не получать никакого вознаграждения за все время плавания, но даже предлагал платить за себя известную сумму за обучение, то ему была обещана койка младшего помощника в офицерской каюте и содержание на офицерском положении. Порешив на этом, ему было сказано, что его уведомят заблаговременно о времени отправления судна, а до того времени он может отложить все заботы и попечения.

Сделав все, что можно для исполнения данного им клятвенного обещания, Филипп решил вернуться к себе домой и снова очутился в отрадном для него обществе Амины.

Мы обойдем здесь молчанием два месяца, в течение которых мингер Путс продолжал работать на своем поприще и редко бывал дома, благодаря чему молодые люди по целым часам оставались наедине. Любовь Филиппа к молодой девушке ни в чем не уступала ее любви к нему; это было даже нечто больше, чем просто любовь, — это было чувство какого-то благоговейного обожания с обеих сторон, усиливающегося с каждым днем. По временам чело Филиппа омрачалось тяжелыми думами о грозившей ему судьбе, но улыбка Амины разгоняла мрачные думы; ему стоило взглянуть на нее, чтобы все остальное было забыто. Амина не скрывала своего чувства; она высказывала его в каждом слове, взгляде и движении. И когда Филипп брал ее руку, или обнимал ее стан, или даже целовал ее коралловые губки, Амина не протестовала; она была слишком благородная и доверчивая девушка; сознавая, что все ее счастье заключается в его любви, она старалась брать от этой любви все, что могла.

Так прошли два месяца, и однажды, когда патер Сейсен, который вообще часто посещал их и уделял Амине особое внимание, застал молодых людей в объятиях друг друга, старик неодобрительно покачал головой.

— Дети мои, я давно уже наблюдаю за вами, и то, что я вижу, нехорошо! — проговорил он. — Если ты, Филипп, помышляешь о женитьбе, как я полагаю, все же такая игра опасна. Лучше позвольте мне соединить вас перед лицом Бога!

Филипп вздрогнул при этих словах священника

— Не может быть, чтобы я ошибся в тебе! — продолжал его духовный отец несколько строгим тоном.

— Нет, нет, отец мой! Но я попрошу вас оставить нас сейчас, а завтра, когда вы придете, все уже будет решено. Но прежде, чем я скажу вам что-либо, я должен поговорить с Аминой.

Патер вышел из комнаты, и молодые люди остались одни. Амина то бледнела, то краснела, и сердце ее усиленно билось, чувствуя, что все се счастье поставлено на карту.

— В сущности, патер прав, Амина, — сказал Филипп, садясь подле нее, — так не может продолжаться! Я хотел бы навсегда оставаться подле тебя, но судьба судила иначе! Ты знаешь, Амина, что я люблю даже ту землю, к которой прикасается твоя нога, но я не смею просить,

чтобы ты соединила свою судьбу с моей, чтобы ты заведомо шла на горе и несчастье!

— Соединить свою судьбу с твоей не значит идти на горе и несчастие, Филипп! — возразила Амина едва слышно, сконфуженно опустив глаза в пол.

— Это было слишком себялюбиво с моей стороны, Амина! — продолжал юноша.

— Послушай, Филипп! Я буду говорить прямо, как чувствую: ты говоришь, что любишь меня! Я не знаю, какова мужская любовь, но знаю, как люблю я! Я чувствую всем моим существом, что если ты теперь откажешься от меня, то это будет жестоко и себялюбиво; жестоко потому, что я бы этого не пережила! Ты говоришь, что тебе нужно уехать отсюда, что такова твоя судьба, что этого требует от тебя твоя роковая тайна! Пусть так! Но отчего и я не могу поехать с тобой?

— Поехать со мной? На гибель и смерть? Нет, Амина!

— Хотя бы и на гибель и смерть! Что из того? Ведь смерть не что иное, как освобождение; я не боюсь смерти, Филипп! Я боюсь только одного — потерять тебя. Кроме того, разве твоя жизнь не в руках Всевышнего? Почему же ты с такой уверенностью говоришь о смерти? Ты мне давал понять, что ты предназначен судьбой для выполнения какой-то трудной, таинственной миссии. А если так, то судьба должна сохранить тебя, уберечь от смерти до того момента, когда твоя задача будет исполнена, и цель, для которой ты предназначен быть орудием, не будет достигнута. Я хотела бы знать твою тайну, Филипп, не потому, что во мне говорит любопытство, а потому что женский ум часто бывает находчив и проницателен и может быть тебе полезен. А если даже и не так, то разве не отрадно, не приятно и не утешительно делить свое горе, заботы и тревоги, равно как и радость, с существом, которое ты любишь, как говоришь, больше всего на свете?!

— Амина, дорогая моя Амина, неужели ты не видишь, что именно любовь моя к тебе, моя горячая любовь заставляет меня колебаться? Видит Бог, как был бы я счастлив, если бы соединился с тобой теперь же! Но я, право, не знаю, что мне делать и что сказать тебе. Я не мог бы утаить от тебя моей тайны, если бы ты была моей женой, но, с другой стороны, не могу жениться на тебе прежде, чем ты не узнаешь этой тайны. Так пусть же я поставлю все на карту и пусть теперь же решится моя судьба! Ты узнаешь все и увидишь, какое я обреченное на

несчастье существо помимо всякой вины с моей стороны, и тогда сама решишь, чему быть. Помни только, что клятва моя была услышана небом, и ничто не должно принудить меня изменить ей! Не забывай этого и выслушай мою исповедь, и тогда, если после всего, что ты узнаешь, ты еще захочешь стать женой человека, у которого нет никаких светлых надежд в жизни, и судьба которого так жестока и так печальна, тогда пусть будет так, как ты того желаешь! Пусть выпадет на мою долю хоть короткое, но все же громадное счастье, которого я еще ничем не заслужил.

— Ну, скорее говори мне все! — воскликнула Амина, сгорая нетерпением.

Тогда Филипп рассказал ей подробно все то, что уже известно нашим читателям. Амина молча и сосредоточенно слушала его; ни малейшего изменения не было заметно на ее лице во все время исповеди Филиппа; в заключение юноша повторил при ней свою клятву и затем сказал: ну, теперь ты все знаешь!

— Страшная это история, Филипп! — задумчиво произнесла Амина. — Я выслушала тебя; теперь ты выслушай меня, но прежде дай мне эту реликвию, я хочу иметь ее перед глазами; мне хочется взглянуть на нее, чтобы убедиться, возможно ли, чтобы эта маленькая вещица обладала такою силой? Странно, ты мне прости, Филипп, мои сомнения, ты знаешь, я еще не вполне утвердилась в новой вере, в которой ты и добрый патер наставляли меня. *Я*, конечно, не говорю, что этого не может быть, но все же мне еще позволительно сомневаться. Но допустим, что все это правда! Тогда даже помимо данной тобой клятвы это был бы твой долг помочь твоему отцу; и ты не думай так низко о мне, будто я способна отклонить тебя от того, что хорошо и справедливо, от того, чего требует от тебя твой сыновний долг. Нет, Филипп, я первая говорю тебе: ищи своего отца и, если можешь, если это тебе дано, облегчи его участь. Я знаю, что это не сразу удастся тебе, но уверена, что если ты избран для этой цели, то и в беде, и в нужде, и в опасности судьба пощадит тебя и сохранит до тех пор, пока ты не исполнишь своего предназначения. И ты будешь возвращаться не раз и каждый раз будешь находить утешение и поддержку, и ласку, и любовь твоей жены Амины, а когда Богу будет угодно призвать тебя к себе, то память о тебе, если жена твоя переживет тебя, будет ей так же дорога и священна, как ты сам.

Филипп, ты предоставил мне решить, так вот я говорю тебе: возьми меня, я — твоя!

И она протянула к нему обе руки, а Филипп прижал ее к своей груди и в тот же вечер просил у старика доктора руки его дочери. Мингер Путс, как только Филипп раскрыл перед ним свой железный ларец, тотчас же дал свое согласие на этот брак. Патер Сейсен зашел на другой день и получил желанный ответ, а спустя три дня колокола его маленькой приходной церкви весело звонили, оповещая о бракосочетании Амины Путс с Филиппом Вандердеккеном.

ГЛАВА VII

Лишь совсем поздней осенью Филипп Вандердеккен был пробужден от своего блаженного сна наяву извещением капитана того судна, на котором он намеревался отплыть. Странно сказать, но с самого первого дня его свадьбы с Аминой Филипп ни разу не возвращался к тяжелым мыслям о предстоящей ему судьбе; иногда являлось мимолетное напоминание о будущем, но он тотчас же отгонял его и забывал о нем. Хотя время летело быстро, и проходили дни за днями и месяцы за месяцами, но Филипп забывал о своей клятве в объятиях своей красавицы-жены, а та избегала всякого напоминания о том, что могло омрачить хоть на мгновение ее возлюбленного супруга.

В одно прекрасное октябрьское утро кто-то постучал молотком в дверь домика Филиппа Вандердеккена. Так как это означало приход кого-нибудь из посторонних, Амина поспешила выйти на стук.

— Я желал бы говорить с мистером Филиппом Вандердеккеном! — проговорил незнакомец таинственным шепотом.

Это был маленький тощий человечек в одежде голландского матроса того времени.

Черты его лица были мелки и остры, а самое лицо мертвенно бледно, губы бесцветны; волосы наполовину рыжие, наполовину седые. Бороды у него почти не было, и по виду трудно было определить его возраст. Это мог быть и преждевременно стареющий болезненный молодой человек, одряхлевший и опустившийся, и старик, крепкий и бодрый, но тощий до последней степени. Но самою выдающеюся особенностью этого человека, которая сразу привлекла внимание Амины, был глаз этого человека; у него был всего только один глаз; правое веко было опущено и совершенно закрыто, а самый глаз, очевидно, вытек; но зато левый, единственный уцелевший глаз был до того велик, что пропорционально его лицу и самой голове его казался громадным, чрезвычайно выпуклым, светлым и водянистым, и смотреть на этот глаз было как-то особенно неприятно, тем более что глаз этот не был оттенен ресницами ни на нижнем, ни на верхнем веке. И так поразителен, так необычаен был этот глаз, что, когда вы

смотрели на этого человека, вы не видели ничего, кроме этого глаза. Можно было сказать, что это не «человек с одним глазом», а скорее «один глаз с человеком». Все его тщедушное тело представлялось как бы башней для маяка, — для его громадного глаза. Между тем, если присмотреться повнимательнее, вы заметили бы, что этот человек, хотя и тщедушный и миниатюрный, был, в сущности, хорошо и красиво сложен, что его руки не походили на руки простых матросов ни по форме, ни по цвету кожи, что его черты, хотя и мелкие и заостренные, были правильны, и что во всей манере этого маленького человечка было что-то надменное, какое-то сознание собственного превосходства, что-то неуловимое, внушающее чувство, похожее на суеверный страх.

С минуту темные глаза Амины остановились на этом страшном посетителе, причем она ощутила лихорадочную дрожь, и самое сердце ее как будто вдруг охолодело, но, несмотря на это, она попросила его войти в дом.

Филиппа появление этого человека крайне удивило, тем более, что последний, как только вошел в комнату, не сказав ни слова, сел на диван подле Филиппа на то место, которое только что занимала Амина. Филиппу почему-то показалось зловещим, что этот человек занял место Амины. Все минувшее мгновенно пронеслось в его памяти, и он болезненно почувствовал, что это был призыв от блаженной счастливой жизни, полной тихой радости к жизни новой, бурной, тревожной, полной опасностей. Одно обстоятельство как-то сразу поразило Филиппа — это когда этот человек сел подле него, то какой-то могильный холод пробежал по всему его телу. Филипп побледнел, но не произнес ни слова. С минуту длилось молчание. Одноглазый посетитель осматривал все, и напоследок его взгляд перешел с буфета на Амину, стоявшую перед ним. Наконец, он прервал молчание звуком, напоминавшим гоготание, перешедшее в вопрос.

— Филипп Вандердеккен… Хо!.. Хо!.. Филипп Вандердеккен, вы не знаете меня?

— Нет, не знаю! — ответил Филипп сердитым, недовольным тоном.

Надо заметить, что голос маленького человека звучал чрезвычайно странно, он походил на подавленный крик, звуки которого продолжали звенеть у вас в ушах еще долго после того, как он перестал говорить.

— Я — Шрифтен, один из рулевых «Тер-Шиллинга», — продолжал посетитель, — и явился сюда, хи! хи!.. — и при этом он посмотрел на Амину, — чтобы вырвать вас из объятий любви! — затем, взглянув на буфет, добавил: — и от роскоши и удобств домашнего очага и разлучить вас вот с этим! — и он несколько раз топнул ногой о пол, для чего поднялся с дивана. — С terra firma, хи! хи! И, быть может, для того, чтобы уложить вас во влажную могилу где-нибудь на дне океана… приятно, как вы полагаете? — добавил он с тем же гоготанием, как и в начале своей речи, устремив на Филиппа многозначительный, испытующий взгляд одинокого глаза.

Первым побуждением Филиппа было схватить этого посетителя за шиворот и вышвырнуть за дверь, но Амина, читавшая его мысли, смерила незванного гостя взглядом, полным спокойного презрения, и сказала:

— Никто из нас от судьбы своей не уйдет, любезный друг! И на суше, как на море, смерть берет свои жертвы, и я знаю, что если бы смерть заглянула в глаза Филиппу Вандердеккену, лицо его не побледнело бы так, как теперь у вас!

— В самом деле! — воскликнул Шрифтен, очевидно, пораженный и раздосадованный этой спокойной решимостью столь юной и прекрасной женщины, и переведя свой взгляд на серебряную статуэтку Мадонны на камине, он спросил: — Вы, как вижу, католик… хи! хи!..

— Я — католик, — сказал Филипп, — а какое вам дело до этого? Когда отправляется судно, вы мне еще не сказали!

— Через недельку, хи!.. хи!.. Всего только одна неделька остается для приготовлений и сборов. Всего только семь деньков, и затем придется расстаться со всем этим… Недолгий срок, хи!.. хи!..

— Более чем достаточный! — сказал Филипп, вставая с дивана. — Можете передать капитану, что я вовремя буду на месте. Пойдем, Амина, нам нельзя терять времени!

— Действительно, — отозвалась Амина, — и первым нашим делом должно быть исполнение того, чего требует от нас долг гостеприимства: позвольте предложить вам, мингер, подкрепиться чем-нибудь с дороги! — добавила она, обращаясь к посетителю.

Не отвечая на любезное предложение молодой женщины, Шрифтен повторил: «Ровно через неделю, не забудьте!». И, повернувшись на каблуках, вышел из комнаты и вскоре совершенно скрылся из виду.

Амина, обессилев, упала на диван. Слишком грубо и неожиданно прервал этот человек нить ее кратковременного счастья; слишком жестоко и бессердечно поступил с ее любящим сердцем этот незнакомец. В словах и манере этого человека была явно преднамеренная злоба и жестокость, причем он старался все время дать понять и почувствовать, как будто он больше знает, чем другие люди, и это смущало и пугало и Филиппа и ее самое. Амина не плакала, но она закрыла лицо руками и размышляла, тогда как Филипп нетвердыми шагами ходил взад и вперед по комнате. Снова с невероятной ясностью и яркостью впечатления ожила перед ним почти забытая сцена: опять ему казалось, что он входит в полутемную комнату, что начатая вышивка лежит на полу, и опять он содрогнулся, как тогда, когда увидел лежавшее на полу письмо.

Оба они пробудились от чудного, блаженного сна любви и счастия и с ужасом взирали на грозное будущее, вставшее перед ними, точно призрак. Но нескольких минут было достаточно, чтобы Филипп успел вернуть себе свое обычное самообладание. Он сел подле Амины и заключил ее в свои объятия. Некоторое время они молчали: оба слишком хорошо знали мысли друг друга и теперь призывали на помощь все свое мужество и старались примирить себя с мыслью, что теперь им предстоит расстаться на время, а быть может и навсегда в этой жизни.

Амина заговорила первая.

— Право, Филипп, этот человек был не простой смертный, как все! Разве ты не чувствовал холод смерти, когда он сидел подле тебя? Я это почувствовала, когда он вошел!

Филипп, который думал о том же, не желая встревожить жену, ответил уклончиво:

— Нет, Амина, это тебе показалось; это объясняется неожиданностью его прихода и его странным поведением! Я вижу в нем просто человека, который вследствие своего необычайного уродства сделался человеконенавистником и завистником; лишенный семейных радостей, любви и ласки любимой женщины, он невольно чувствует злобу при виде другого человека, которому судьбой дано в удел так много счастья, и потому-то он испытывал особенное злобное наслаждение сообщить нам известие, которое как он отлично сознавал, должно было положить конец нашему блаженству.

— Да, в сущности, если бы даже мое предположение было верно, что из того? — заметила Амина. — Ничего не может ухудшить твоего положения. Теперь, когда я стала твоей женой, Филипп, я чувствую в себе меньше мужества, чем раньше, вероятно потому, что тогда я не знала, что теряю в тебе. Но не бойся, я на все готова и горжусь тем, что человек, предназначенный для такой трудной задачи, — мой муж! Не может быть, чтобы ты ошибся, Филипп! — добавила она.

— Нет, дорогая, я не ошибся ни в чем, ни в моем призвании, ни в моей решимости, ни в выборе жены! — сказал он, целуя Амину. — Такова воля неба!

— Да будет воля Его! — сказала Амина, вставая. — Первая минута горя прошла, и я чувствую теперь в себе достаточно силы и мужества; твоя Амина знает и помнит свой долг! Всего только одна неделя! — прибавила она после некоторого молчания.

— Я желал бы, чтоб это был всего только один день, — возразил Филипп. — Этого было бы вполне достаточно. Он пришел слишком рано, этот одноглазый урод!

— Нет, нет, Филипп, я ему благодарна за эту неделю! Право, это немного времени, чтобы оторваться от счастья! Я согласна, что если бы я стала докучать тебе моими слезами, жалобами и просьбами остаться, как это делают в подобных случаях другие жены, то и одного дня таких терзаний было бы достаточно. Но я снаряжу тебя в путь, как древнего рыцаря на опасный подвиг; я сама опояшу тебя мечом, сама дам тебе в руки щит и отпущу тебя с надеждой на отрадное возвращение! Но за эту неделю я хочу упиться своими ласками, запечатлеть в сердце твой дорогой образ, твой милый взгляд и звук твоего голоса; хочу запомнить и удержать в своей памяти каждое твое слово, чтобы потом в твоем отсутствие жить этими воспоминаниями! Нет, нет, Филипп, я благодарю Бога за эту неделю!

— Теперь и я благодарю его, Амина! Кроме того, ведь мы знали, что это время должно было прийти!

Амина вздохнула. В этот момент разговор их был прерван вернувшимся мингером Путсом, который до того был поражен переменой в лице Амины, что при взгляде на нее невольно воскликнул:

— Боже правый! Да что же здесь случилось?

— Ничего, кроме того, что мы давно ожидали! — отвечал Филипп. — Я должен уехать: судно отправляется ровно через неделю!

— Аа, через неделю! — повторил старик диким тоном, в котором проглядывала ясно скрытая радость, но затем он поспешил придать своему лицу выражение печали и добавил: — Это, конечно, очень печальная новость!

Молодые люди ничего не ответили и вышли вместе из комнаты.

Мы не станем останавливаться на этой неделе, ушедшей на приготовления к отъезду, на борьбу молодой женщины со своим чувством и колебания Филиппа между чувством и долгом. Для обоих эта неделя длилась бесконечно долго, и хотя им казалось, что время несется слишком быстро, но оба почувствовали как бы облегчение, когда настало утро, когда им надо было расстаться: мучительно сдерживаемые чувства неудержимо просились наружу, состояние обоих было нестерпимо напряженное, и они не в силах были долее выносить его. Ожидание разлуки было мучительнее самой разлуки!

— Знаешь что, Филипп, — сказала Амина, сидя подле него и держа его руки в своих, — мне будет не так тяжело, когда тебя не будет! Мое сердце постоянно твердит мне, что ты вернешься! Конечно, оно может ошибаться; может, ты и вернешься, но не живым! Я буду ждать тебя в этой самой комнате, на этом диване. Если ты не вернешься сюда живым, то обещай мне, что вернешься ко мне после смерти. Я не испугаюсь ни бури, ни распахнувшегося окна, нет, нет! Я буду звать даже твой призрак; я встречу его, как тебя, возлюбленный мой! Дай мне тебя увидеть хоть раз, чтобы я знала, что тебя нет уже в живых, и я поспешу соединиться с тобой там, в загробной жизни! Обещай мне это, Филипп!

— Обещаю все, чего ты только желаешь, но, Амина, прости меня, я не могу больше оставаться здесь… мои силы начинают мне изменять!

Темные проницательные глаза Амины были устремлены на мужа; она не могла говорить; черты ее лица исказились, и, не выдержав долее, она лишилась чувств Филипп, собиравшийся запечатлить последний прощальный поцелуй на ее устах, увидел, что она потеряла сознание.

— Слава Богу, — прошептал он, — она теперь ничего не чувствует! — и осторожно положил ее на диван поспешно поцеловал ее бледное чело и, позвав к ней отца, находившегося в смежной

комнате, схватил свою шляпу и, как помешанный, выбежал из комнаты. Он давно уже скрылся из вида, прежде чем Амина очнулась от своего обморока.

ГЛАВА VIII

Прежде чем последовать за Филиппом Вандердеккеном, необходимо освежить в памяти читателя те факты, которые направили внимание предприимчивых голландцев на Ост-Индию, оказавшуюся для них источником громадных богатств.

Начинаем сначала. Карл V, владевший большей половиной Европы, вздумав удалиться от мира, по причине, лучше всего известной ему самому, разделил свое государство между своими двумя сыновьями — Фердинандом и Филиппом. Фердинанду он отдал Австрию с прилегающими к ней странами, а Филиппу Испанию; но для того, чтобы никому не было обидно, он еще прикинул Филиппу Нидерланды с несколькими миллионами прозябающих на сей земле людишек в придачу. Распорядившись таким образом судьбою своих братьев-людей, к немалому своему успокоению, он сам удалился в монастырь, сохранив для себя небольшой доход, двенадцать человек слуг и одного пони. Два года спустя он умер здесь.

Филипп полагал, как это делали очень немногие до него и после, что он вправе распоряжаться своим добром, как ему заблагорассудится. На этом основании он отнял у голландцев большинство их вольностей, дав взамен святую инквизицию. Но голландцы не остались довольны этим и возроптали, а Филипп, чтобы положить конец их недовольству, в назидание остальным сжег несколько десятков или сотен из них на костре. Тут уж голландцы, питавшие несравненно большую склонность к воде, чем к огню, еще больше запротестовали; католическая религия казалась им чересчур пламенной для их темперамента, — и среди них развилось еретичество. Чтобы пресечь это зло, прислан был герцог Альба с целой армией, которому поручено было доказать голландцам, что инквизиция — наилучшее из всех учреждений, и что несравненно выгоднее и приятнее человеку поджариваться в продолжение одного какого-нибудь часа на костре в этой жизни. И вот это маленькое различие мнений послужило причиной для войны, длившейся около восьми лет. Избавив несколько сот тысяч голландцев от труда умирать в своих постелях, предварительно израсходовавшись на врачей и

лекарства, эта война, наконец, окончилась тем, что семь соединенных голландских штатов были объявлены независимыми.

Теперь нам приходится опять возвращаться назад.

В течение ста лет после того, как Васко да Гама открыл путь вокруг мыса Доброй Надежды, португальцы не испытывали никакого вмешательства со стороны других наций в их колониальные дела. Но, по прошествии этого времени, предприимчивый дух англичан пробудился, и они возымели желание также попытать свое счастие на Далеком Востоке. Однако португальцы признавали за собой исключительно право прохода в Индию вокруг мыса Доброй Надежды и отстаивали это право силой оружия. В течение довольно продолжительного времени ни одна частная компания не осмеливалась противиться им, а торговля в ту пору не представлялась еще столь заманчивой, чтобы какое-нибудь из правительств решилось начать войну из-за этого вопроса. На этом основании английские авантюристы стали отыскивать северо-западный проход в Индию, на который португальцы не имели бы права посягнуть. Но они тщетно искали такого пути, на изыскание которого была потрачена большая половина XV-го столетия. В конце концов англичане отказались от своей задачи и решили впредь не считаться с претензиями португальцев.

После двух-трех неудачных экспедиций была снаряжена военная эскадра под командою неустрашимого Дракэ. Этот смелый и искусный мореплаватель достиг того, чего даже не ожидали самые смелые мечтатели. Он возвратился в Англию в мае месяце 1580 года, после почти трехлетнего плавания, привезя с собой громадные богатства и заключив чрезвычайно выгодный договор с королем Молуккских островов.

Вслед за ним с неменьшим успехом совершили плавания в Индию Кавендиш и другие в 1600 году. Английская Ост-Индская компания тем временем впервые получила от правительства свой патент и вела торговлю с переменным счастием в течение пятидесяти лет.

В то время, когда Нидерланды считались вассальными провинциями испанской короны, они всегда забирали в Лиссабон колониальные продукты и затем наделяли ими другие европейские страны; но когда у них вышла ссора с Филиппом, голландцам был закрыт доступ к этой торговле продуктами Индии. И вот, ведя войну за

свою независимость, они в то же время снаряжали экспедиции в Индию, и экспедиции эти были удачны, так что в 1602 году отдельные спекуляторы были объединены правительством в одну общую компанию на тех же основаниях и условиях, какие были установлены патентом для Английской Ост-Индской компании.

Таким образом к тому времени, к которому относится наш рассказ, англичане и голландцы уже более пятидесяти лет вели торговлю с Ост-Индией, а португальцы потеряли почти окончательно свое влияние в Ост-Индских водах, благодаря дружбе Ост-Индских властителей с англичанами и голландцами и их явному недоброжелательству к португальцам, проявившим ужасную алчность и жестокость.

В какой мере голландцы были обязаны англичанам за их содействие им в борьбе за независимость, всем известно, но, как видно, чувства признательности голландцев не переходили за пределы мыса Доброй Надежды, потому что по ту сторону этого мыса португальцы, англичане и голландцы дрались и захватывали суда друг у друга безо всякого стеснения и не признавали другого закона, кроме права сильного. Время от времени обращались ко вмешательству метрополий, но вмешательство это вплоть до описываемого нами времени выражалось исключительно только на бумаге, так как было очевидно, что все не правы.

В 1650 году Кромвель узурпировал трон Англии, а год спустя, потребовав, в числе других предъявленных им претензий, удовлетворения за убийство своего посла, совершенное в том же году, и за жестокости по отношению к англичанам в Амбоне лет тридцать тому назад, и не получив требуемого, объявил Голландии войну. Чтобы доказать, что он не намерен шутить, он захватил более двухсот голландских судов, после чего голландцы, хотя и очень неохотно, стали готовиться к войне. Блэк и Ван-Тромп столкнулись, и их морские бои были упорны и ужасны. В истории Англии победы повсеместно приписываются англичанам, а в истории Голландии, конечно, голландцам. Но, судя по отчетам об этих сражениях, которые всегда бывали чрезвычайно упорны, были основательно побиты и те, и другие. Тем не менее в 1654 г. был подписан мир, на основании которого «голландец обязался снимать шляпу перед англичанином, где бы он его ни встретил в открытом море», — простая вежливость,

против которой голландец ничего не имел возразить, так как это ему ровно ничего не стоило.

А теперь, разъяснив положение дел вплоть до того момента, когда Филипп Вандердеккен вступил на судно, мы станем продолжать свой рассказ.

Как только Филипп очутился за порогом своего дома, он кинулся бежать с такой быстротой, словно за ним гнались по пятам. Спустя двое суток он прибыл в Амстердам, где прежде всего озаботился приобрести тоненькую, но крепкую стальную цепочку и заменил ею черную ленту, на которой висела у него на шее реликвия. После того он поспешил со всеми своими вещами на «Тер-Шиллинг». Он также взял с собой и деньги, которые условился уплачивать капитану за то, что он был принят на судно скорее как новичок-офицер, чем как простой матрос. Кроме того, он имел при себе еще значительную сумму денег на свои личные потребности.

Было уже поздно под вечер, когда он прибыл на судно, стоявшее уже на одном якоре между другими судами, которые готовились одновременно с ним к отплытию.

Капитан, которого фамилия была Клутс, принял его ласково, показал Филиппу его койку, затем спустился вниз, в трюм, где ему нужно было распорядиться распределением груза, а Филипп остался наверху, на палубе, предоставленный самому себе и своим думам.

«Так вот оно, то судно, — думал он, — на котором • я должен совершить свою первую попытку, первую, а быть может и последнюю! И никто здесь не подозревает цели моего плавания; никому и в голову не приходит как мало похожи мои стремления на стремления остальных… Я не ищу наживы и богатства! Нет, я ищу общения с мертвым! А возможно ли это общение без опасности для меня и для тех, кто здесь со мной? Не думаю; ведь общение это возможно только в смерти. Если бы все эти люди знали, что у меня в мыслях, они не позволили бы мне и часа остаться здесь».

Затем мысли его перенеслись к Амине, и, облокотясь на перила, устремив глаза в небо, он дал волю своим мечтам и воспоминаниям.

— А не лучше ли вам спуститься вниз? — раздался подле него чей-то мягкий, нежный голос, который пробудил его к действительности.

Это был старший помощник по фамилии Хиллебрант, небольшого роста, красиво сложенный молодой человек лет тридцати. Волосы его

цвета льна ниспадали длинными прядями на плечи; глаза, светлые, голубые, смотрели кротко и ласково, лицо было нежное и белое, как у женщины, и хотя он очень мало походил на моряка, редко кто знал так хорошо свою службу и нес ее так исправно, как он.

— Благодарю вас, — ответил Филипп, — вы действительно правы; я задумался и совершенно забыл, где я; мысли мои были так далеко отсюда. Спокойной ночи и еще раз благодарю.

«Тер-Шиллинг», как и большинство судов того времени, очень мало походил на современные суда и имел всего около 400 тонн водоизмещения.

Так как все суда Ост-Индской компании имели вооружение, то на палубе ничего не грузили; на каждом борту находилось по шести девятифунтовых орудий; люки его были овальные, небольшие, а палуба имела значительный уклон и к носу и к корме. На баке находилась вторая палуба; концы были украшены высоко выдающейся из воды кормой.

Экипаж «Тер-Шиллинга» состоял из капитана, двух помощников, двух рулевых и сорока пяти матросов. Суперкарг еще не прибыл; лучшая каюта на корме предназначалась для него, а в рубке были каюты капитана и помощников, из которых состояла вся кают-компания.

Когда Филипп проснулся на другой день поутру, то увидел, что паруса уже подняты, и якорь также сильно укорочен. Остальные суда, отправлявшиеся вместе с «Тер-Шиллингом» и составлявшие одну с ним флотилию, почти все уже снялись с якорей. Погода стояла прекрасная; море спокойно, а суета и оживление на палубе были так новы и непривычны для Филиппа, что производили на него приятное, веселое впечатление. Капитан мингер Клутс стоял на корме с подзорной трубой в руках и напряженно смотрел в сторону города. Во рту его по обыкновению была трубка, и дым ее часто застилал и туманил стекла его подзорной трубы.

Филипп поднялся на кормовую палубу и поздоровался с капитаном.

Мингер Клутс был человек весьма крупных размеров, и неимоверное количество одежд, которые были на нем навьючены, немало прибавляло к его объему. Внешнее одеяние его, видимое для всех, состояло из лисьей шапки, из-под которой выглядывал красный шерстяной ночной колпак; из красного плюшевого жилета с большими

ясными металлическими пуговицами; из зеленого суконного камзола, поверх которого был надет другой, более просторный камзол из грубого, простого синего сукна длиною с короткое пальто; на ногах были черные плисовые панталоны, доходившие до колен, где они застегивались на светлые пуговицы, и светло-голубые шерстяные чулки и башмаки с большими серебряными пряжками. Вокруг талии он был опоясан широким кожаным кушаком, которым придерживался фартук из парусного холста, густыми сборами спускавшийся немного ниже колен; а на поясе виднелся широкий, большой нож в кожаных ножнах. Таков был с вида мингер Клутс, капитан «Тер-Шиллинга».

Он был в одинаковой мере и толст, и высок ростом. Лицо его имело приятный овал, а черты, пропорционально с его большим ростом и крупной фигурой несколько мелкие. Густые с проседью волосы его развевались по ветру; прямой и, в сущности, красивый нос был украшен ярко-красным кончиком от слишком частого сближения с флягой шнапса, а также и постоянного подогревания на огне маленькой трубки — «носогрейки», которую он лишь в редких случаях выпускал изо рта.

— Добрый день, сын мой! — ответил капитан на поклон Филиппа и при этом вынул на минуту свою трубку из губ. — Нас задерживает суперкарг, который, по-видимому, не особенно торопится явиться на судно! Шлюпка, посланная за ним на берег, вот уже битый час ждет его; из-за него мы снимемся последними из всей флотилии. Я желал бы, чтобы компания разрешила нам совершать наши плавания без этих господчиков, которые, по моему мнению, являются громадной помехой в нашем деле. Но на берегу думают иначе!

— А в чем состоит их обязанность на судне? — спросил Филипп.

— Собственно, их назначение и обязанность — смотреть за грузом, наблюдать за правильностью приема и сдачи грузов, за всеми торговыми операциями и сделками. Если бы они только этим занимались, было бы еще не так плохо, но они вмешиваются решительно во все, суют свой нос туда, где они ничего не понимают и, в сущности, ни о чем другом не заботятся, кроме своих личных удобств и выгод. В результате они разыгрывают царьков на судах, зная, что мы не смеем осадить их, так как одно их слово может повредить судну при получении новых патентов. Кампания требует, чтобы мы

принимали их с особым почетом и почестями, и мы салютуем им пятью выстрелами при их прибытии на судно.

— А вам уже известен суперкарг, которого вы ожидаете?

— Нет, только по слухам. Один мой собрат капитан, с которым он плавал, говорил мне, что он страшно боязлив и ужасно трусит опасности в море и притом еще весьма занят своей особой и чрезвычайно чванлив.

— Я желал бы, чтобы он поскорее явился: мне страшно хочется выйти в открытое море!

— В вас, очевидно, большая страсть к путешествиям, сын мой: я слышал, что вы оставляете на берегу прекрасный дом и прелестную молодую жену!

— Да, но мне очень хочется повидать свет, — проговорил Филипп, — и я должен научиться управлять судном, прежде чем приобрету свое собственное, чтобы попытать счастье составить себе состояние, о чем я особенно мечтаю!

— Состояния наживают на море, но то же море и поглощает состояние, — возразил капитан. — Что касается меня, то если бы я мог превратить это доброе судно в уютный дом с достаточным количеством гильдеров, чтобы на них можно было безбедно прожить, то вы не увидели бы меня здесь на корме «Тер-Шиллинга». Я дважды огибал мыс Бурь, а этого вполне достаточно для любого моряка; и третий раз может быть не столь удачен.

— Неужели это в самом деле так опасно?

— Так опасно, как только может быть при наличности приливов и отливов, морских течений, скал и рифов, песчаных мелей, сильных ветров, ураганов и бурного моря, не более того! Даже когда бросаешь якорь в заливе по сю сторону мыса, вас уже охватывает дрожь опасения, что каждую минуту вас может сорвать с якоря и угнать в открытое море или бросить на берег, где вас облепят дикари, прежде чем ваши люди успеют натянуть на себя куртки. Но когда вы уже миновали мыс и очутились по ту сторону его, то вода дрожит в лучах солнца и как будто смеется и радуется вместе с вами тому, что теперь вы можете плыть недели и месяцы под безоблачным небом и при попутном ветре, не имея надобности вынимать трубки изо рта.

— В какие порты будем мы заходить? — спросил Филипп немного погодя.

— Об этом я почти ничего не могу вас сказать! — ответил капитан. — Гамбрун в Персидском заливе будет, вероятно, первым местом, где должны встретиться все суда нашей флотилии; затем мы, вероятно, разделимся; некоторые пойдут прямо на Бантам на острове Яве, другие же суда получат предписание вести торговлю по проливам, скупать камфору, каучук, воск, а также золото и слоновую кость. Там, в случае, если нас отправят туда, вы должны быть очень осторожны с туземцами, мингер Вандердеккен: они свирепы и предательски хитры, а их изогнутые ножи или «крисы», как они называют их, смертельны сами по себе и зачастую еще отравлены. Мне приходилось выдерживать настоящие сражения в этих проливах и с португальцами, и с англичанами.

— Но ведь теперь у нас со всеми мир! — заметил Филипп.

— Да, да, сын мой, но это здесь, а как только мы очутимся по ту сторону мыса, то увидите, что мирные договоры на бумаге, подписанные здесь, дома, теряют значение; англичане теснят нас, преследуя по пятам, куда бы мы ни направились; приходится отгонять их от себя, отбрасывать, — и я думаю, что наша флотилия на этот раз недаром так велика, многочисленна и хорошо вооружена: очевидно, предвидятся столкновения.

— Сколько времени, думаете вы, может продлиться наше плавание?

— Это трудно сказать заранее… Думаю, года два, а может и больше; если же нас не задержат факторы и комиссионеры, как это, вероятно, должно случиться, или враждебные действия со стороны португальцев или англичан, то можно было бы вернуться и раньше.

«Два года, — подумал Филипп, — два года вдали от Амины!» — и он невольно вздохнул при мысли, что их разлука может быть вечной.

— Нет, сын мой, два года — небольшой срок, — сказал мингер Клутс, подметивший облачко печали на лице Филиппа. — Я раз пробыл в отсутствии пять лет, и мне не посчастливилось: я в этот раз ничего не привез домой, даже своего судна. Меня послали в Читтагон на восточном берегу большого Бенгальского залива; я простоял три месяца в устье реки: вожди силой удерживали меня; они не желали принять мои товары в обмен и не отпускали меня искать другой рынок для сбыта товаров. Мой порох был свезен на берег, и я не мог оказать им вооруженного сопротивления. Черви источили дно моего судна, и

оно затонуло, стоя на якоре. Эти негодяи знали, что это должно было случиться, и верно рассчитали, что в таком положении мне придется отдать им мой товар по той цене, по какой они пожелают. Нас доставило домой другое зашедшее в эти воды судно. Между тем, если бы я тот раз не попался так жестоко, то не имел бы теперь надобности идти в море опять. На этот раз мой заработок будет очень невелик, потому что компания воспретила теперь нам всякую частную торговлю… Но вот он, наконец! — вдруг воскликнул капитан. — Смотрите, они подняли флаг на шлюпке; вот они отчалили… Мингер Хиллебрант, посмотрите, чтобы канониры держались наготове: пусть готовят салют.

— Что прикажете мне делать, капитан? Какие вы возлагаете на меня обязанности?

— В настоящее время вы еще ничем не можете быть полезны здесь, разве только в сильную бурю, когда каждая пара рук на службе нужна. Теперь вы должны присматриваться и учиться, но вы можете, например, красиво переписать наш судовой журнал, который ведется для отчетности компании, и вообще можете помогать мне во многом, когда преодолеете неприятную тошноту, которую испытывают все, впервые очутившиеся на судне в открытом море. В качестве лекарства против этой в высшей степени неприятной болезни я рекомендовал бы вам как можно туже стягивать себе желудок большим платком или шарфом и почаще прикладываться к моей фляге со шнапсом, которая будет во всякое время к вашим услугам. Однако надо заняться встречей этого уполномоченного компании. Мингер Хиллебрант, прикажите им стрелять!

Раздался салют; когда рассеялся дым пушечных выстрелов, шлюпка с волочившимся по воде длинным флагом пристала к трапу. Филипп разглядывал внешность суперкарга. Последний оставался в шлюпке до тех пор, пока несколько ящиков с клеймом и инициалами компании не были внесены на палубу, после чего вступил на нее и сам суперкарг.

Это был маленького роста господин, тощий, с крошечным сморщенным лицом, в трехугольной шляпе с плюмажем, обшитой широким золотым галуном, и в пышном, чрезвычайно густом парике, развевающиеся кудри которого спускались низко на плечи. Камзол на нем был из пунцового бархата, с широкими и пышными фалдами, а

под ним виднелся белый атласный жилет, затканный пестрыми цветами и доходящий ему почти до колен. Брючки на нем были черные атласные, а на ногах кидались в глаза белые шелковые чулки, туго натянутые подвязками, которые под коленом были украшены золотыми пряжками. Такие же пряжки украшали и его башмаки на высоких каблуках. Тонкие кружевные брыжи у кистей рук и высокая трость с большим серебряным набалдашником дополняли наряд мингера Якоба Янца Ван-Строома, суперкарга высоко чтимой Ост-Индской компании, назначенного ею на судно «Тер-Шиллинг».

Когда он остановился и огляделся вокруг на стоявших на почтительном от него расстоянии капитана, его помощников и матросов с обнаженными головами, то сильно напоминал изображенную на рисунке «обезьяну видавшую свет», окруженную своими скромными сородичами. Тем не менее никто из моряков не чувствовал ни малейшего желания рассмеяться, даже над его намеренно пышным париком. В те годы платье внушало людям громадное уважение; к тому же все здесь на судне знали, что этот господин — суперкарг могущественной компании и весьма важное лица. Мингер Ван-Строом, однако не выказывал особенного желания оставаться на палубе' Он потребовал, чтобы ему указали его каюту, и последовал за капитаном на корму, осторожно пробираясь между свернутыми канатами, преграждавшими ему дорогу. Дверь каюты раскрылась, затем снова закрылась и суперкарг исчез.

Судно снялось с якоря, паруса были подняты, и теперь убирали якорь на палубе, как вдруг звонок из кормовой каюты, занятой суперкаргом, зазвенел с неистовой силой.

— Что это может быть? — спросил Клутс, находившийся на носовой части судна. — Мингер Вандердеккен, потрудитесь посмотреть, что там такое!

Филипп отправился на корму; между тем звонок продолжал звенеть не смолкая. Отворив дверь каюты суперкарга, он увидел его, взобравшегося на стол и беспрерывно дергающего шнурок звонка с выражением несомненного ужаса на лице. Парика на нем не было, и его голый череп придавал ему необыкновенно забавный вид и большое сходство с обезьяной.

— Что случилось, сэр? — спросил Филипп, остановившись на пороге.

— Что случилось? — пролепетал Ван-Строом. — Позовите сюда скорее солдат с ружьями… скорее, сэр! Или меня хотят убить, растерзать на части и сожрать?! Ради Бога, сэр, не стойте так, а сделайте что-нибудь… смотрите, он подходит к столу! Ах, Господи Боже мой! Боже мой! — продолжал выкрикивать суперкарг, по-видимому, перепуганный не на шутку.

Филипп, смотревший все время на мингера Ван-Строома, теперь обратил свой взгляд в указанном направлении и, к немалому своему удивлению, увидел на полу маленького медвежонка, игравшего предобродушно с париком суперкарга, держа его между лапами, теребя его во все стороны и по временам пряча свою морду в пышных кудрях парика. В первый момент при виде животного Филипп был крайне удивлен, но тотчас же понял, что животное это вполне безобидное; его не оставляли бы иначе на свободе на судне.

Тем не менее он не хотел подойти к животному, не будучи знаком с его привычками и настроениями, но в этот момент в дверях появился Клутс и положил конец всеобщему недоумению.

— Что случилось, мингер? — спросил он в свою очередь. — А-а, вижу, это мой Иоханнес напугал вас! — продолжал он, подходя к медвежонку, которому дал пинок ногой в бок и отнял у него парик суперкарга. — Вон отсюда, Иоханнес! Уходите, милостивый государь! — крикнул он, обращаясь к животному и сопровождая свои слова пинками в заднюю часть медвежонка до тех пор, пока тот, наконец, не убрался.

— Очень сожалею, мингер Ван-Строом, что это случилось. Вот ваш парик! Заприте дверь, мингер Вандердеккен, а не то это животное, пожалуй, опять вернется сюда, потому что я здесь и он меня очень любит! — добавил капитан.

Когда дверь была заперта и мингер Ван-Строом почувствовал себя вне опасности, то поспешил слезть со стола в глубокое кресло с высокой спинкой, стоявшее у стола, стряхнул свой помятый парик, водрузил его себе на голову и, поправив кружевные манжеты у своего камзола, принял весьма важный, повелительный вид и, ударив тростью о пол, плавно и строго сказал:

— Мингер Клутс, что должно означать это неуважение к особе суперкарга могущественной Ост-Индской компании?

— Боже правый, — воскликнул капитан, — да какое же тут неуважение, мингер! Этот медвежонок, как вы видите, ручной и совершенно безобидный не только для своих, но и для чужих, как вы могли убедиться. Он принадлежит мне; он у меня находится с тех пор, как был еще трехмесячным крошкой. Вышло простое недоразумение. Мой старший помощник, Хиллебрант, запер его в этой каюте, чтобы он не совался под ноги во время работы на палубе, когда мы Снимались с якоря и ставили паруса, потом забыл о нем. Я весьма сожалею, что это так случилось, мингер Ван-Строом, но обещаю, что животное больше не явится сюда, кроме разве того, если вы пожелаете позабавиться с ним.

— Позабавиться с ним! Я? Суперкарг компании! Чтобы я стал забавляться с медведем! Мингер Клутс, я требую, чтобы это животное было тотчас же выброшено за борт!

— Ну, нет, этого я не сделаю: я не могу выбросить за борт животное, которым очень дорожу, к которому привык, но обещаю, что он не будет больше вас беспокоить!

— Если так, капитан Клутс, то вам придется иметь дело с компанией, до сведения которой я доведу это дело. Ваш патент будет уничтожен, а ваши фрахтовые деньги конфискованы!

Но Клутс, как большинство голландцев, был упрям, и этот повелительный тон со стороны суперкарга раздражал его.

— В моем патенте ничего не сказано о том, что мне воспрещается иметь животных на судне! — сказал он.

— Согласно уставу компании, — возразил Ван-Строом, с важностью откидываясь в своем кресле и перекидывая ногу на ногу, — вам предоставляется принимать на судно редких и любопытных зверей и животных, отправляемых в Европу губернаторами или факторами в дар Высочайшим Особам, например, львов, тигров, слонов, и иные продукты Востока; но ни в коем случае не разрешается как командиру судна держать на борту, за свой собственный счет, животных и зверей какого бы то ни было вида и рода, так как это считалось бы частной торговлей, строго воспрещаемой на всех судах компании капитанам судов.

— Мой медведь не продажный, мингер Ван-Строом; следовательно, он не подходит под эту рубрику.

— Все равно, я вам говорю, что он должен быть немедленно отослан с судна! Я приказываю это, мингер Клутс, под угрозою строжайшей ответственности с вашей стороны, если вы осмелитесь ослушаться меня!

— Если так, то мы сейчас спустим якорь, мингер Ван-Строом, и отправим кого-нибудь на берег в Главное Управление компании: пусть там решат наш спор. Если компания потребует, чтобы я свез медведя на берег, я это исполню, но помните, мингер Ван-Строом, что мы благодаря этому лишимся защиты остальных судов нашей флотилии, и нам придется совершить все плавание совершенно одним. Прикажите спустить якорь?

Это заявление разом смягчило заносчивого суперкарга: ему весьма не хотелось остаться беззащитным в течение всего плавания, и страх перед этой перспективой пересилил в нем страх перед медведем.

— Мингер Клутс, я не хочу быть слишком строг! Если вы посадите это животное на цепь, чтобы оно никогда не могло приблизиться ко мне, то я готов согласиться оставить его на судне.

— Я постараюсь устроить так, чтобы он не мог подойти к вам, насколько это возможно! — сказал Клутс. — Что касается того, чтобы посадить его на цепь, то вы сами об этом пожалели бы, если бы я согласился это сделать: он стал бы реветь день и ночь, и вы не имели бы ни одной минуты покоя, ни одного часа сна, поверьте мне, мингер Ван-Строом!

Суперкаргер, видя, что капитан тверд в своих решениях, и что все его угрозы не произвели на капитана должного впечатления, сделал все, что оставалось делать человеку в его положении, т. е. поклялся внутренне отомстить капитану, а наружно принял пренебрежительно-снисходительный тон и сказал:

— Ввиду этих соображений, капитан Клутс, ваш медведь может остаться; я вам не препятствую!

На этом покончился разговор, и Клутс с Филиппом вышли из каюты, причем капитан, бывший не в особенно благодушном настроении, пробормотал уходя:

— Если компания присылает сюда на судно своих обезьян, то почему же и мне не иметь здесь медведя? — и, весьма довольный своей остротой, Клутс снова повеселел.

ГЛАВА IX

Мы предоставим флотилии Ост-Индской компании продолжать свой путь к мысу Бурь. Благодаря перемене погоды и ветрам некоторые суда отделились и пошли своим путем. Общим местом встречи был назначен Столовый залив, где все и должны были соединиться и следовать дальше уже вместе.

Вскоре Филипп Вандердеккен стал в состоянии исполнять некоторые работы на судне. Он усердно изучал морское дело, так как упорные занятия давали ему возможность реже вспоминать о цели своего плавания; кроме того, он не отказывался ни от какой тяжелой физической работы на судне, так как физическое утомление доставляло ему желанный сон.

В самом непродолжительном времени он стал любимцем капитана и близко сошелся со старшим помощником; младший же помощник Стрюйс был мрачный, нелюдимый молодой человек, с которым он мало сообщался; что же касается суперкарга, мингера Якоба Янца Ван-Строома, то он редко выходил из своей каюты: медведь Иоханнес не был заперт и не сидел на цепи, и по этой причине Ван-Строом заперся сам в своей каюте. Не проходило дня, когда бы он не перечитывал письма, составленного им в виде жалобы на неслыханное поведение капитана, письма, которое он собирался при первой возможности отправить по адресу компании. Каждый раз, перечитывая его, он вносил все новые поправки, могущие еще более ухудшить положение дела для капитана Клутса.

Тем временем капитан в счастливом неведении того, что творилось в кормовой каюте, покуривал свою трубку, попивал свой шнапс и забавлялся в свободные минуты со своим приятелем Иоханнесом. Это животное также очень привязалось к Филиппу и расхаживало за ним, когда тот стоял на вахте.

Между прочим, на судне была еще одна личность, о которой нам не следует забывать, — это был одноглазый рулевой Шрифтен, питавший к нашему герою, по-видимому, совершенно беспричинно самые враждебные чувства, которые он почему-то распространял и на бедного медведя. Так как Филипп числился в составе офицеров, то

Шрифтен не смел явно нападать на него, но зато пользовался малейшим случаем досаждать ему, чем мог, и постоянно старался возбуждать против него команду. К медведю он относился явно недоброжелательно и никогда не мог пройти мимо него без того, чтобы не наградить жестоким пинком, сопровождаемым отвратительным ругательством. Хотя никто на судне не любил этого человека, но все как будто боялись, и над матросами экипажа он приобрел громадное влияние.

Таково было положение дела на «Тер-Шиллинге», когда это судно вместе с двумя другими судами легло в дрейф, застигнутое штилем на расстоянии двух дней пути до мыса. Погода стояла нестерпимо жаркая, так как в этих южных широтах было лето. Филипп, лежавший под тентом на корме, истомленный необычайным зноем, заснул. Вдруг он пробудился от ощущения неприятного холода во всем теле, особенно на груди. Полуоткрыв глаза, он увидел рулевого Шрифтена, наклонившегося над ним и держащего в руке часть цепочки, оставшейся на виду, на которой у Филиппа на шее висела реликвия. Филипп снова закрыл глаза, желая убедиться в намерениях этого человека. Тот стал постепенно тащить к себе цепочку и, когда реликвия показалась из-под платья, стал осторожно снимать цепочку через голову мнимо спящего Филиппа. Но последний сделал вид, что внезапно пробудился, и схватил его крепко за руку.

— Это что такое? — крикнул Филипп, вырвав цепочку из цепких пальцев рулевого.

Тот, однако, ничуть не смутился тем, что был пойман, так сказать, на месте преступления; напротив, лукаво глядя на Филиппа своим единственным глазом, он насмешливо спросил:

— У вас тут ее портрет на этой цепочке? Хи, хи! Вместо ответа Филипп поднялся на ноги, грубо оттолкнул нахала и скрестил руки на груди.

— Советую вам быть менее любопытным, господин рулевой, не то вам придется раскаяться!

— Или, быть может, — продолжал Шрифтен, совершенно не обратив внимания на слова и гнев Филиппа, — это у вас родильная сорочка, непогрешимый талисман против утопления?.. Хи! Хи!..

— Становитесь на свое дело, сэр! — строго приказал Филипп.

— Или, так как ведь вы католик, — продолжал рулевой, — это ноготок с пальчика какого-нибудь святого… или да, да… на этот раз я угадал верно, частица святого древа от Креста Господня!

Филипп невольно содрогнулся.

— Да, да, так и есть! Так и есть! — закричал Шрифтен и пошел туда, где матросы стояли кучкой у шкафута.

— Интересная новость, товарищи! — крикнул он довольно громко, подходя к группе. — У нас на судне есть частица Креста Господня, так что теперь нам не страшен дьявол!

Филипп, сам не зная зачем, последовал за рулевым и очутился подле матросов в тот момент, когда Шрифтен сообщил им свою новость.

— Он, да не только дьявол, — заметил добродушно один старый матрос, — но и сам «Летучий Голландец» также!

«Летучий Голландец!» — подумал Филипп. — Неужели это может относиться к…? — и он прошел несколько шагов вперед, так что очутился позади мачты, откуда матросы не могли его видеть; здесь он остановился в надежде услышать еще что-нибудь, и действительно не ошибся.

— Говорят, что повстречаться с «Летучим Голландцем» хуже даже, чем с самим дьяволом! — заметил один из экипажа.

— А кто его видел? — заметил другой.

— Что его видели, это верно, и также верно, что несчастие преследует то судно, которое повстречалось с ним!

— А где с ним можно повстречаться?

— О-о! Говорят, это не совсем верно, но я слышал, будто он крейсирует вокруг мыса Бурь, т. е. как раз в этих местах!

— Хотел бы я знать всю эту историю от начала до конца! — заметил один молодой матрос.

— Я могу тебе сообщить только то, что сам слышал. Это проклятое судно; они были пираты и перерезали своему капитану горло, если не ошибаюсь!

— Нет, нет, ничего подобного, — крикнул Шрифтен, — капитан и сейчас на нем, и он-то и есть главный негодяй; говорят, что он, как и один среди нас здесь, на судне, оставил у себя дома красавицу-жену, которую очень любил…

— Кто же об этом мог знать?

— Да ведь он постоянно старается отправить письма на родину, когда встречает какое-нибудь судно. Но горе тому, который возьмется доставить его письмо! Судно наверное должно погибнуть вместе со всеми, кто на нем находится, и ни одна душа не спасется.

— Удивляюсь я, где вы слышали все это! — сказал один из людей. — Видали вы когда-нибудь это судно?

— Да, видел! — вскричал Шрифтен, но тотчас же как будто спохватился, и его крик перешел в обычное гоготание и хихикание, затем он добавил: — Но нам, ребятушки, нечего бояться: у нас есть частица святого древа на судне! — с этими словами он прошел вперед, желая избежать дальнейших расспросов, и вдруг увидел Филиппа у грот-мачты.

— А-а, вот как! Значит, не я один здесь любопытен! Хи, хи, хи! Так уж позвольте вас спросить, вы захватили с собой эту вещичку на случай, если бы мы повстречали «Летучего Голландца»?

— Я не боюсь «Летучего Голландца»! — ответил мрачно Филипп.

— Ну, да, конечно! Я сейчас только вспомнил, что вы носите одну с ним фамилию; утверждают, по крайней мере, что его также звали Вандердеккен.

— Вандердеккенов много; я не единственный на свете, — возразил Филипп, уже совершенно оправившись от смущения, овладевшего им в первую минуту.

С этими словами он отошел в сторону.

— Право, можно подумать, что этот одноглазый лукавец подозревает истинную причину, побудившую меня отправиться в плавание, — рассуждал сам с собою Филипп. — Но нет, это совершенно невозможно. Однако почему же я ощущаю такой смертельный холод каждый раз, когда этот человек приблизится ко мне? Хотел бы я знать, ощущают ли то же самое другие, или же это просто фантазия Амины, передавшаяся и мне? Я не смею никого спросить об этом, а между тем это смущает меня! Странно, что этот человек безо всякой причины вдруг сразу стал относиться ко мне так недоброжелательно; я никогда не сделал ему ни малейшего зла. То, что я сейчас слышал, подтверждает все мои опасения! О, Амина, Амина! Если бы не ты, я бы с радостью разгадал эту загадку ценой моей собственной жизни!

Спустя три дня «Тер-Шиллинг» и его спутники вошли в Столовый залив, где стояли на якоре остальные суда Ост-Индской флотилии. Как раз в эту пору голландцы основали небольшую колонию на мысе Доброй Надежды, куда суда, отправляющиеся в Ост-Индию, обыкновенно заходили, забирая воду и скот от туземцев побережья; последние за пару металлических пуговиц или за один большой гвоздь охотно отдавали жирного бычка. Набрав здесь обильные запасы воды и провианта и получив предписания от адмирала, который назначил им места встреч на случай, если бы суда отстали друг от друга или рассеялись в пути, и приняв всевозможные меры предосторожности на случай бурной погоды, которую они предвидели, суда Ост-Индской флотилии снова снялись с якоря и пошли дальше.

В течение трех дней они все время беспрерывно боролись с ветрами, плохо подвигаясь вперед, но на четвертые сутки задул свежий ветер с юга с самого утра и, постепенно усиливаясь, перешел в настоящую бурю, которая отнесла всю флотилию к северу от залива.

На седьмой день «Тер-Шиллинг» очутился один; но к этому времени погода изменилась к лучшему. Снова подняли паруса и направили путь на восток, чтобы можно было пристать к берегу в случае надобности.

— Нам не посчастливилось; мы отбились ото всех остальных судов флотилии, — сказал мингер Клутс Филиппу, стоя у шкафута, — но мы, вероятно, вблизи меридиана, и солнце наверно даст мне возможность определить нашу широту; сейчас же трудно сказать, как далеко нас могло отнести этой бурей и течениями к северу! Эй, юнга, принеси мне мой градшток, да смотри, берегись, чтобы не колонуть его ни обо что, пока ты идешь с ним наверх!

В те времена градшток был весьма простой инструмент для определения широты, которую этот инструмент в руках опытного наблюдателя безошибочно определял с точностью от 5 до 10 миль. Квадранты и секстанты были изобретены гораздо позднее. И если подумать, как несовершенны были в то время морские инструменты, как мало был изучен и исследован фарватер, и как ограничены были вообще все научные сведения моряков того времени, остается только удивляться, как они могли совершать такие плавания и притом еще сравнительно благополучно.

— Мы находимся на целых три градуса севернее мыса, — заметил капитан, определив широту, — течения, вероятно, очень сильны, но ветер быстро падает, и если я не ошибаюсь, надо ожидать перемены!

Действительно, к вечеру наступил полнейший штиль; тяжелые валы катились в сторону берега и гнали судно перед собой, а на поверхности воды, следуя за судном, появились целые стаи дельфинов, которые прыгали и ныряли в волнах, так что море казалось полным жизни и движения в лучах заходящего солнца, спускавшегося за горизонт.

— Что это за шум, точно отдаленные раскаты грома? — спросил Филипп. — Слышите?

— Слышу! Эй, марсовый, видишь землю?

— Вижу! — отозвался немного погодя марсовый матрос. — Вправо под носом судна низкие песчаные холмы и высокий прибой, это — буруны!

— Ну, так и есть! Это шум прибоя! Нас быстро гонит волнами в ту сторону; я бы очень желал, чтобы поднялся ветер!

Солнце садилось уже за горизонт, а затишье все еще продолжалось. Волны быстро гнали «Тер-Шиллинга» к берегу, так что теперь уже можно было различить гряду белых пенящихся гребней, рассыпавшихся с шумом, подобным отдаленным раскатам грома.

— Знаете вы этот берег, лоцман? — спросил капитан, обращаясь к Шрифтену, стоявшему тут же подле.

— Хорошо знаю! — угрюмо отозвался тот. — Здесь буруны на двенадцати саженях глубины; через полчаса наше доброе судно «Тер-Шиллинг» разобьется в щепы не крупнее зубочисток, если только не подымется ветер! — и одноглазый лоцман злобно захихикал, как будто его чрезвычайно радовала эта перспектива.

Мингер Клутс, не скрывая своей тревоги, поминутно то вынимал свою трубку изо рта, то снова вставлял ее в рот. Люди стояли кучками на палубе и баке, мрачно прислушиваясь к шуму разбивающихся волн прибоя. Солнце уже опустилось за горизонт, и быстро сгущавшийся мрак наступающей ночи только еще более увеличивал тревогу и беспокойство экипажа.

Наконец, Клутс обратился к своему старшему помощнику:

— Мы должны попытаться оттащить судно: надо спустить все шлюпки! Я мало рассчитываю на успех, но во всяком случае надо что-

нибудь сделать. К тому же, если шлюпки будут спущены, люди успеют сесть в них, прежде чем нас выкинет на берег. Приготовьте канаты и причалы и спускайте шлюпки, а я пойду предупредить суперкарга о положении судна.

Мингер Ван-Строом сидел у себя в кресле с достоинством, подобающим его высокому званию, и так как это было воскресенье, то он счел нужным украсить себя своим лучшим париком. Он еще раз перечитывал свое письмо или, вернее, донос компании на капитана Клутса и его медведя, когда капитан отворил дверь его каюты и в нескольких словах сообщил, что судну грозит серьезная опасность, и что, по всем вероятиям, менее, чем через полчаса оно разобьется в щепки. При этом тревожном известии мингер Ван-Строом соскочил со своего места и в порыве смятения и страха опрокинул и загасил только что зажженную свечу.

— Судно в опасности, говорите вы? В опасности? Но почему? Море спокойно, ветра нет! Почему, я не понимаю? Где моя шляпа?! Дайте мне мою шляпу и трость… Я пойду на палубу скорее!.. Света! Огня! Мингер Клутс, прикажите принести мне огня; я ничего не могу найти впотьмах! Мингер Клутс, что же вы ничего не отвечаете? Боже милостивый! Да он ушел и оставил меня одного.

Клутс действительно ушел, чтобы принести свечу и теперь вернулся с нею. Ван-Строом надел шляпу и вышел из каюты. Шлюпки были уже спущены, и судно поворочено носом от берега; но теперь было уже совершенно темно; ничего не было видно, кроме белой гряды прибоя, с оглушительным шумом разбивавшегося о песчаную мель.

— Мингер Клутс, я намерен немедленно покинуть судно; прошу вас приказать подать мне шлюпку, сию же минуту. Вы должны дать мне самую большую, самую лучшую шлюпку как служащему и уполномоченному компании: я буду иметь при себе бумаги, документы…

— Я не совсем уверен, что ваше заявление законно, и едва ли могу исполнить ваше требование: наши шлюпки едва могут вместить всех людей, а в такой момент жизнь каждого матроса так же дорога, как и ваша!

— Но, мингер, вы забываете, что я суперкарг компании! Я приказываю дать мне шлюпку, я требую этого, посмейте только

отказать!

— Посмею! И решительнейшим образом отказываю! — заявил капитан, вынимая трубку изо рта.

— Хорошо, хорошо!.. Увидим!.. — залепетал Ван-Строом, совершенно потерявший всякое присутствие духа. — Как только мы вернемся… Ах, Боже мой! Боже мой! — и вдруг, сам не зная зачем, Ван-Строом побежал вниз, в каюту, и по дороге второпях наскочил на медведя, запнулся и полетел через него, причем с его головы соскочила шляпа и парик.

— Ах, Боже милостивый, сжалься! Где я? Что со мною?! Помогите! Помогите! Помогите же суперкаргу высокочтимой компании!.. Ах, Боже мой! Боже мой!.. Что со мной будет?!

— Сбрасывай там в шлюпки, ребята, что нужно: нам нельзя терять ни минуты! — кричал между тем капитан. — Живо, Филипп! Возьмите мой компас, захватите бочонок воды и сухарей; через пять минут мы должны покинуть судно!

Но прибой ревел грозно и оглушительно, так что команду едва можно было расслышать. А Ван-Строом все еще лежал на палубе носом вниз, барахтаясь, стеная и призывая на помощь.

— С берега подул ветер! — воскликнул вдруг Филипп, подняв руку.

— Да, подул! — проговорил капитан. — Но я боюсь, что уже слишком поздно! Спустите все в шлюпку, будьте наготове и, главное, побольше хладнокровия и спокойствия, ребята: у нас еще есть надежда спасти судно, если ветер будет свежеть!

В данный момент они были уже так близко от буруна, что чувствовался подъем валов, на которых, как на подвижном дне, лежало беспомощно судно, слегка колеблясь и как бы перекачиваясь. Но ветер все свежел и дул с берега, и потому судно оставалось на месте, так как стояло вдоль валов. Люди уже все были на шлюпках, только капитан Клутс и помощники еще оставались на судне да еще злополучный Ван-Строом.

— Нас сносит ветром! — проговорил Филипп.

— Да, да… теперь я думаю, что нам удастся спасти судно! — отозвался капитан. — Держите руль прямо, Хиллебрант! Мы уже отошли от бурунов; пусть только ветер продержится хотя всего только десять минут, и мы спасены!

Ветер продолжал дуть все с тем же постоянством, и «Тер-Шиллинг» относило все дальше и дальше от берега. Но вот ветер разом улегся, и судно снова стало гнать к берегу прямо на буруны. Но вот опять поднялся и на этот раз уже сильный ветер, и судно, рассекая валы, стало уходить все дальше и дальше от берега. Людей вызвали из шлюпок; мингера Ван-Строома подняли, равно как и его шляпу и парик, и отнесли в каюту, а час спустя доброе судно «Тер-Шиллинг» было уж вне опасности.

— Теперь надо убирать шлюпки! — сказал Клутс. — А затем, прежде чем отойти ко сну, все мы должны возблагодарить Бога за наше спасение!

В течение ночи «Тер-Шиллинг» отложил расстояние в двадцать миль и теперь шел на юг, а к утру ветер снова спал, и наступил опять почти полный штиль.

Капитан Клутс был уже около часа наверху, беседуя с Хиллебрантом об опасностях прошедшей ночи, а также и себялюбии и трусости суперкарга, как вдруг страшный шум донесся из кормовой каюты.

— Что там может быть? — спросил капитан. — Уж не лишился бы он в самом деле рассудка от испуга! Право, он, кажется, собирается разнести всю каюту!..

В этот момент из каюты выбежал слуга суперкарга с криком:

— Мингер Клутс, спешите на помощь к моему господину: его убьет медведь!.. Он загрызет его!

— Медведь? Мой Иоханнес? — удивился капитан. — Да это животное безобиднее комнатной собаки! Я сейчас пойду и посмотрю, что там такое!

Но прежде, чем Клутс успел войти в каюту, из нее выскочил в одной рубашке обезумевший от страха суперкарг.

— Боже, Боже мой! — вопил он. — Меня хотят умертвить… съесть живьем, растерзать на части! — и, добежав до первой мачты, он старался взобраться на ванты.

Клутс сначала пошел было за суперкаргом, но, видя, что тот карабкается на ванты, повернулся и пошел в каюту, где к немалому своему удивлению, увидел, что Иоханнес действительно натворил бед.

Щиток двери каюты был выдавлен или выбит вон, коробки из-под париков разодраны в куски и валялись на полу, а подле них лежали два

запасных парика и тут же осколки разбитых банок и горшков и целые потоки меда и куски сот, которые Иоханнес высасывал с величайшим наслаждением.

Дело в том, что когда судно стояло на якоре в Столовом заливе, Ван-Строом приобрел от готтентотов некоторое количество меда, до которого он был большой охотник. Мед этот его слуга разложил по банкам и горшкам, которые поместил на дно двух больших чемоданов, чтобы они всегда были под рукой у его господина. В это утро слуга, думая, что парадный парик его господина пострадал при вчерашнем падении, раскрыл один из этих чемоданов, чтобы достать другой парик и приготовить его ко времени пробуждения Ван-Строома. Медведь Иоханнес, который как раз в этот момент проходил мимо дверей каюты, оставшихся открытыми, почуял запах меда и, поддавшись своему прирожденному пристрастью к этому лакомому продукту, вошел в каюту и готов был войти в спальную суперкарга, но слуга успел захлопнуть дверь перед самым его носом. Обиженный и разгневанный таким обращением Иоханнес высадил щиток двери и влез в каюту; очутившись так близко к меду, он прежде всего изорвал коробки из-под париков, под которыми стоял мед, и, скаля все время свои внушительные зубы, дал понять слуге, который хотел его выгнать, что не позволит с собой шутить.

Тем временем мингер Ван-Строом был в неописанном ужасе; не зная цели прихода медведя, он вообразил, что тот пришел растерзать его. Слуга же его, после тщетной попытки спасти парики и чемоданы своего господина, убежал, и Ван-Строом, очутившись один, испытывал невероятный страх и ужас, под влиянием которого он выскочил из постели и выбежал из каюты, оставив Иоханнеса лакомиться своим любимым угощением.

Мингер Клутс сразу сообразил, в чем дело. Он подошел к медведю, стал его уговаривать, затем раза два ударил, чтобы выгнать из каюты, но тот не желал расстаться с медом и свирепо рычал и скалил зубы, когда ему мешали.

— Это плохая шутка, Иоханнес, — говорил, качая головой, Клутс, — теперь тебе придется покинуть судно, так как суперкарг на этот раз имеет основание пожаловаться на тебя. Ну, а теперь, что делать: надо дать тебе доесть этот мед, раз уж ты до него добрался!

С этими словами Клутс вышел из каюты и пошел посмотреть на суперкарга, которого застал на баке, с голой головой, в одной рубашке на его тощем теле, держащего речь к матросам.

— Я очень огорчен тем, что случилось, мингер Ван-Строом, — сказал Клутс, — но обещаю вам удалить медведя с судна!

— Да, да, мингер Клутс! Но это, во всяком случае, такое дело, о котором компания узнает: ведь жизнь их служащих не может приноситься в жертву безумствам морских капитанов. Меня чуть не разорвали на части!

— В этом вы очень ошибаетесь: медведь вовсе не покушался на вас, а на ваш мед: он добрался до него, и теперь даже я не могу оторвать его от лакомства. Нельзя победить природные инстинкты животного. Попрошу вас спуститься в мою каюту, пока мы не уберем из вашей медведя и не засадим его на цепь, теперь мы не пустим его ходить на воле, будьте уверены!

Ван-Строом, соразмерявший свое чувство важности и величавости с внушительностью своего внешнего вида, и, вероятно, почувствовавший, что величие, лишенное своих внешних атрибутов, не более, как забавная шутка, счел за лучшее последовать приглашению капитана и спустился в его каюту. Не без хлопот и с помощью нескольких матросов удалось, наконец, вытащить медведя из каюты, хотя он всячески сопротивлялся тому: у него оставалось еще немного меда высосать из пышных буклей парика. Временно его поместили в карцер, так как он был застигнут на месте преступления грабежа и разбоя в открытом море.

Это новое приключение суперкарга служило темой разговора в течение целого дня, так как никакой работы на судне не было из-за мертвого штиля, опять положившего судно неподвижно на сонной волне.

— Солнце заходит красным, — сказал Филипп капитану, стоявшему вместе с Хиллебрантом на корме, — еще до утра подымется ветер, не правда ли?

— Я тоже так думаю, — заметил капитан, — но мне кажется странным, что мы не повстречали ни одного из наших судов. Их все должно было загнать сюда же!

— Но может быть они успели уйти дальше нас! — возразил старший помощник.

— Недурно было бы, если бы и мы сделали то же самое! — проговорил Клутс. — Плохо нам вчера пришлось и, как видите, выходит, что слишком мало ветра, пожалуй, чуть ли не хуже, чем слишком много!

Едва докончил он эти слова, как среди матросов, стоявших кучками вдоль борта и бесцельно смотревших вперед, вдруг послышался неясный шум.

— Судно!.. Да нет же!.. Какое тут судно!.. А ведь и в самом деле судно, ребята! — раздавались голоса.

— Они думают, что видят судно! — доложил Шрифтен. — Хи! Хи! Выдумали тоже!..

— Где? — спросил капитан.

— Вон там, в тумане! — отвечал рулевой, указывая на самую темную часть горизонта. Солнце уже село и кругом было темно.

Капитан, Хиллебрант и Филипп напрягли свое зрение, стараясь разглядеть что-нибудь на горизонте в указанном направлении, и им также показалось, что они видят как будто судно. И странно, мрак постепенно как будто рассеивался вокруг того места, где находилось предполагаемое судно, и в той части горизонта появился слабый мерцающий свет.

На воде не было ни малейшего дуновения ветерка: море лежало спокойно, как зеркало. Судно вырисовывалось все яснее и яснее, пока его корпус, мачты и снасти не стали отчетливо видны. Наши моряки протирали себе глаза, чтобы убедиться, что это им не кажется: им с трудом верилось, что они действительно видят перед собою судно. В самом центре светлого пятна на расстоянии всего каких-нибудь трех миль действительно было большое судно, но хотя на море был полнейший штиль, оно как будто боролось с бурей, то погружаясь носом в воду, то высоко вздымаясь, точно над валом, над совершенно гладкой поверхностью. Оно как будто медленно двигалось вперед, гонимое ветром. С каждой минутой оно видно было яснее, наконец стало ворочать через фордевинд и подошло так близко, что с «Тер-Шиллинга» можно было различить людей на судне и пенящуюся под кормой воду, слышать резкий свисток его боцмана и скрип мачт. Вдруг мрак как-то разом спустился, и в несколько секунд от судна не осталось и следа; оно словно растаяло или потонуло во мраке.

— Царь Небесный! — воскликнул Клутс. — Что это такое?

Вдруг Филипп почувствовал, что на его плечо опустилась чья-то рука, и могильный холод пронзил его с головы до ног. Обернувшись, он увидел за собой одноглазого Шрифтена, который крикнул ему в самое ухо:

— Филипп Вандердеккен, это «Летучий Голландец»!..

ГЛАВА X

Внезапный густой мрак, сменивший бледный свет на горизонте, сделал все окружающие предметы еще более неясными и фантастическими. С минуту никто на судне не проронил ни слова. Некоторые все еще продолжали напрягать зрение, уставившись в ту точку, где всего за минуту было судно; другие, напротив, отвернулись, и в душе их родились мрачные, недобрые предчувствия.

Первым прервал молчание старший помощник Хиллебрант. Обернувшись к востоку и заметив свет на горизонте, он как будто встревожился и, схватив Филиппа за руку, воскликнул:

— Что это такое?

— Это только месяц, прорезывающийся сквозь тучи, — ответил тот.

— Ну, — проговорил Клутс, — мне об этом говорили раньше, но я смеялся над тем, кто мне рассказывал эти вещи, а теперь я своими глазами видел!..

Филипп ничего не ответил, сознавая, что этот призрачный корабль действительно явился им и чувствуя себя как бы виноватым в том.

Между тем месяц окончательно выплыл из-за облаков и теперь изливал свой мягкий, серебристый свет на тихо дремлющий, сонный океан. Все невольно обратили свои взоры на то место, где в последний момент видели судно, но кругом царил мертвый штиль и полное безлюдье.

Шрифтен все еще оставался здесь и теперь, приблизившись к капитану и оглядевшись кругом сказал:

— Мингер Клутс, как лоцман этого судна, я считаю своим долгом предупредить вас, что надо ждать самой дурной погоды, что вам следует быть готовым ко всему!

— Дурной погоды? — повторил Клутс, как бы пробудившись от сна.

— Да, самой дурной погоды; еще не было судна, которое бы повстречалось с этим, что мы сейчас видели, и не претерпело бы вскоре после того всяких невзгод и несчастий. Даже самое имя Вандердеккен — приносит несчастье, хи! хи!..

Филипп хотел было возразить на этот злобный намек, но язык его не шевелился.

— Что общего имеет с этим имя Вандердеккен? — строго возразил Клаутс.

— Да разве вы не слыхали? Ведь капитан того судна, которое мы сейчас видели, тоже мингер Вандердеккен. Он то и есть «Летучий Голландец»!

— А почему это вам известно, лоцман? — спросил Хиллебрант.

— Мне известно не только это, но еще и многое другое! Только это долго вам рассказывать, — продолжал Шрифтен, — ну, да теперь я предупредил вас, как того требовал мой долг, о дурной погоде, а остальное уже ваше дело! — и Шрифтен спустился вниз по кормовой лестнице.

— Видит Бог, я еще никогда в жизни не был так смущен и взволнован, как теперь, — сказал Клутс, — и не знаю, ни что думать, ни что сказать. А вы что думаете, Филипп, разве это не было нечто сверхъестественное?

— Мне это кажется несомненным, — подтвердил Филипп.

— Посмотрите, — сказал Хиллебрант, — как эта гряда туч поднялась вверх за эти пять минут! Месяц прорвался сквозь облака, но они сейчас опять поглотят его. А видите вон там, на северо-западе, сверкает молния, гроза идет сюда?!

— Ну, детушки, бороться со стихиями я умею не хуже любого другого и всегда сделаю все, что могу. Бури и ветры не напугают меня, но такие предупреждения, как сегодняшнее, признаюсь, мне не по душе. На душе у меня тяжело! Пошлите-ка, Филипп, вниз, за моей бутылочкой шнапса, чтобы прояснились немного мои мысли!

Филипп был рад этому поручению, как удобному случаю уйти к себе; он чувствовал потребность остаться один на несколько минут, чтобы окончательно овладеть собой и собраться с мыслями. Появление «корабля-призрака» страшно потрясло его, не потому, чтобы он до сих пор не верил в его существование, а потому, что быть так близко к этому судну, видеть его своими глазами, то судно, на котором его отец нес свою страшную кару, на котором, несомненно должна была совершиться и его собственная судьба, невольно произвело на него потрясающее впечатление. И когда он услышал свисток боцмана на «корабле-призраке», то, напрягая изо всех свой слух и зрение, старался

уловить приказание капитана, услышать голос отца, увидеть хотя бы только очертания фигуры и одежды его отца на палубе таинственного судна.

Отослав юнгу с флягой шнапса наверх к капитану, Филипп поспешил запереться в своей каюте и, зарыв лицо в подушки, долго молился, молился до тех пор, пока к нему не вернулись его обычное спокойствие и решимость. Филипп оставался внизу менее часа времени, но когда он снова вышел на палубу, то был поражен той страшной переменой, которая произошла за это время. Когда он ушел, судно лежало неподвижно с повисшими парусами; месяц, стоявший высоко, во всей своей красе отражался в спокойной поверхности моря. А теперь кругом царил мрак: море вздымалось короткими, острыми волнами, увенчанными пенящимися гребнями. Малый парус был убран, и судно, гонимое ветром, резало волны, быстро несясь вперед. Ветер резкими порывами свирепо рвал паруса, набирая силы, чтобы совершить дело разрушения. Люди еще возились с уборкой парусов, но работали молча, невесело, с угрюмыми лицами. Что им мог сказать Шрифтен, Филипп не знал, но несомненно, что они как будто сторонились его и смотрели на него с нескрываемым недоброжелательством. Ветер с каждой минутой все усиливался.

— Ветер не постоянен, — заметил Хиллебрант. — Трудно сказать, откуда налетит буря: он уже пять раз переменил направление. Все это мне не особенно нравится, Филипп, и я могу сказать вместе с капитаном, что на душе у меня тяжело!

— Я могу сказать про себя то же самое! — промолвил Филипп. — Но все мы во власти Всевышнего, а Бог милосерд…

— Эй, ребята, шевелись веселее! — кричал Клутс. — Что, вы бури не видали, что ли?

Вдруг повернувший ветер ударил прямо в корму и сильно накренил судно на бок, хлынул дождь оглушительным, шумным ливнем, и стало так темно, что люди едва могли видеть друг друга на палубе.

— Надо убрать верхний парус, пока люди еще могут взобраться на реи! Позаботьтесь об этом сейчас же, мингер Хиллебрант!

В этот момент по всему горизонту сверкнула молния и ударил гром.

— Живо, живо, ребята! Крепите паруса! Матросы, стряхивая с себя воду, как собаки после купанья, одни угрюмо делали свое дело, другие

воспользовались темнотой, чтобы незаметно скрыться.

Все паруса были убраны, кроме фока, и судно неслось на юг, имея ветер в корму. Море вздымалось теперь высоко, и громадные волны, пенясь, разбивались о судно с глухим ревом и воем; дождь лил неудержимым потоком среди черного мрака беспросветной мглы. Промокшие и павшие духом матросы искали защиты от непогоды под навесами.

Хотя многие из матросов отказались от работы, тем не менее не сходились кучками, как обыкновенно, а почему-то предпочитали оставаться одни, наедине со своими мыслями, и ни один из них не решался сойти вниз в эту ночь: «корабль-призрак» не выходил у них из ума.

То была страшная, бесконечно долгая ночь, и всем казалось, что они никогда не дождутся дня. Наконец, мрак стал мало-помалу уступать место однообразной серой мгле; это и был рассвет. Люди смотрели друг на друга, но не встречали поддержки друг в друге, не находили ничего ободряющего в выражении глаз своих товарищей. Все считали себя обреченными на гибель и оставались там, где провели всю ночь, каждый в своем углу; никто не промолвил ни слова.

Между тем волны ходили такие высокие, как горы, и время от времени перекатывались с шумом через палубу. Клутс стоял над компасом, а Хиллебрант и Филипп — у руля. Громадный вал, налетев на корму, с неудержимой силой прокатился по палубе; капитана и обоих его помощников смыло, как щепки, и в почти бессознательном состоянии отбросило к бульваркам. Нактоуз и компас были разбиты вдребезги; никто не подбежал к рулю, судно стало рыскать, выйдя из ветра; валы, прокатываясь один за другим через палубу и заливая все судно, снесли грот-мачту, которая с глухим стоном упала за борт.

Всюду царил хаос. Капитан был оглушен, и Филиппу с трудом удалось уговорить двоих матросов отвести его вниз в каюту. Хиллебрант пострадал еще более: у него была переломлена правая рука; кроме того, он жестоко расшибся. Филипп сам довел его до койки, затем вернулся наверх, чтобы попытаться водворить, насколько можно, порядок.

Филипп Вандердеккен не был еще заправским моряком, но во всяком случае пользовался тем авторитетом, каким обыкновенно пользуются люди смелые и решительные.

Сказать, что матросы охотно и с готовностью исполняли его приказания, нельзя было, тем не менее они повиновались ему. И через полчаса судно было очищено от обломков мачты и рей. Облегченное вследствие потери своей тяжелой грот-мачты и управляемое двумя из лучших своих моряков, судно снова неслось по ветру.

Где же был все это время мингер Ван-Строом? — На своей койке, укрытый несколькими одеялами, он дрожал всем телом и клялся всем святым, что если судьба приведет ему снова ступить на берег, то все могущественнейшие компании в мире не упросят его еще раз вверить свою жизнь соленой воде. И это было, несомненно, самое лучшее, что этот бедняга мог сделать.

Между тем матросы, исполнявшие некоторое время приказания Филиппа, вскоре стали один за другим отходить в сторону и с озабоченным видом совещаться с одноглазым лоцманом, после чего все ушли вниз, кроме двоих, стоявших у руля. Причина, почему они так поступили, вскоре стала ясна: многие из них вернулись наверх с кружками, полными водки, до которой они добрались, взломав двери спиртовой камеры. Более часа Филипп оставался на палубе, уговаривая людей не напиваться, но напрасно. Даже рулевые не отказались от кружек приготовленного для них товарищами грога, и спустя немного рыскание судна явно доказало, что выпитый спирт возымел свое действие. Тогда Филипп поспешил сойти вниз, чтобы убедиться, не оправился ли Клутс настолько, чтобы выйти наверх. Он застал его впавшим в глубокий сон, с большим трудом разбудил его и ознакомил с положением дел на судне. Капитан тотчас же последовал за Филиппом на палубу, хотя еще далеко не совсем оправился от своего падения. Голова у него была тяжела; мысли неясны, и, подымаясь по лестнице, он пошатнулся и чуть было не упал, так что можно было подумать, что и он тоже угостился не в меру.

Едва он пробыл несколько минут наверху, как, совершенно обессилев, упал на одно из орудий в самом беспомощном состоянии; дело в том, что при падении он получил сильное сотрясение мозга. Хиллебрант был слишком тяжело болен, чтобы встать с постели, и весь ужас наставшего положения стал теперь ясен для Филиппа. День начинал клонить к вечеру; с наступлением ночи положение еще более ухудшалось. Судно по-прежнему продолжало нестись перед ветром, но рулевые, по-видимому, изменили его направление, так как ветер,

дувший первоначально со штирборта, теперь ударял в бакборт. Компаса теперь на палубе не было, но даже если бы он и был, то напившиеся рулевые не послушали бы Филиппа.

— Он не моряк, — говорили они, — и не ему нас учить, как править судном!

Буря разыгралась теперь вовсю. Дождь прекратился, но ветер усилился еще более, с ревом налетая на судно, которое под управлением пьяных рулевых принимало на себя вал за валом. Но матросы хохотали, горланили пьяные песни, сливая свои сиплые голоса с воем и ревом бури.

Шрифтен, по-видимому, был главным заправилой этого дикого разгула. С кружкой водки в руке он плясал и пел песни, косясь своим единственным глазом на Филиппа. Крики, смех, шутки и проклятия сливались в один общий хор; даже рулевые, оставив руль, присоединились к своим пьяным товарищам, и «Тер-Шиллинг», гонимые бурей, несся вперед, ныряя между волн, как простая щепка. Филипп стоял один у кормового люка и думал: «Не странно ли, что я стою здесь один из всех, еще способный действовать сознательно, что я своими глазами должен видеть всю эту отвратительную сцену, что мне суждено быть свидетелем, быть может, гибели этого судна, гибели стольких жизней; один из всех, сознающий ясно то, что грозит нам впереди, то, что должно случиться?! Прости мне, Господи, что я стою здесь так, без всякой пользы, бессильный и беспомощный, как будто отторгнутый ото всех своей исключительной судьбой. И эта гибель грозит не мне; я чувствую, что моя жизнь заколдована, что она предназначена судьбой для других целей, что ее охраняет данная мною клятва, которую мне суждено исполнить, — судьба, для которой я с рождения был предназначен. Да, это так!.. Но что это? Ветер как будто уже не так силен, и буря точно бы стихает. Значит, мое предчувствие о грозящей всем гибели было ошибочно, и, быть может, все мы будем спасены. Дай-то Бог!..»

Филипп был прав: буря действительно начинала стихать. «Тер-Шиллинг», которого все время несло к югу, даже мимо Столового залива, благодаря изменению курса вошел теперь в Ложный залив, где был до известной степени защищен от ветра и бури.

Однако, хотя здесь было сравнительно тише, все же волны были достаточно сильны, чтобы разбить в щепки любое судно, которое

вынесет на берег в конце залива, куда теперь и гнало ветром и течением «Тер-Шиллинг». Залив, конечно, представлял собою в некотором роде шанс на спасение, так как вместо того, чтобы разбиться о скалы внешнего берега, на которые судно могло быть выброшено, здесь был отлогий песчаный берег; но, конечно, об этом Филипп не мог знать. Прошло еще минут двадцать, и вдруг молодой человек заметил, что все море кругом представляло собой сплошную белую пену, и прежде, чем успел сообразить, что это такое, судно со страшным треском ударилось о песок, и последняя мачта упала за борт.

Оглушительный треск падающей мачты, сильный удар судна о песчаную отмель и громадный вал, прокатившийся по палубе, прервали пьяные песни матросов и их хмельное веселье. Еще минута, — и судно повернулось бортом и затем легло на бок, стойком на бимсах.

Филипп, находившийся в этот момент с наветренной стороны, ухватился за бульварк; охмелевшие матросы барахтались в воде с подветренной стороны, пытаясь выбраться на ту сторону судна. К неописанному ужасу Филипп увидел, как Клутс скатился в воду, которая теперь достигала нескольких футов на подветренной стороне, причем не сделал ни малейшего усилия, чтобы спастись, и исчез в ту же минуту. Филипп вспомнил о Хиллебранте и поспешил в его каюту. Он нашел его лежащим неподвижно на койке; с неимоверным трудом поднял он его себе на плечи и выбрался на палубу. Здесь он уложил его на дно большой шлюпки, как самое надежное место. К этой лодке, единственной, которой можно было воспользоваться, бросились и матросы, и когда Филипп хотел сесть в нее, его не допустили, и так как волны все время налетали на них, то матросы спустили шлюпку на талях, а вал подхватил ее и вынес довольно благополучно в море; хотя шлюпка черпнула краем и ее залило до половины, но пьяным матросам это было нипочем. Едва они почувствовали себя в сравнительной безопасности, как снова загорланили песни; а прибой и ветер гнали их к берегу.

Уцепившись за обломок грот-мачты, Филипп следил за шлюпкой с тревогой и беспокойством; он видел, как она то ныряла между двух больших волн, то появлялась на белом пенистом хребте вала; голоса становились все отдаленнее, и вскоре он совершенно перестал

слышать их. С минуту он видел, как шлюпка качалась на гребне громадного вала, затем исчезла, и после того он больше не видел ее.

Филипп понял, что для него теперь единственное спасение — остаться на судне, затем попытаться спастись на каком-нибудь обломке; он знал, что судно долго не продержится: верхняя палуба уже разошлась, и с каждым новым валом, ударявшим в него, вода разрывала его все дальше и дальше. Вдруг он услышал шум внизу и вспомнил, что там еще остался Ван-Строом.

Ползком спустился Филипп к его каюте и увидел, что кормовая лесенка навалилась на дверь каюты и преградила выход из нее. С большим трудом сдвинул он лестницу и отворил дверь каюты: мингер Ван-Строом, обезумев от страха, судорожно вцепился обеими руками в перегородку с наветренной стороны и, несмотря ни на какие уговоры Филиппа, не соглашался опустить руки. Напрасно Филипп пытался силой оторвать его. Наконец страшный треск и ворвавшаяся неудержимым потоком вода дали ему понять, что судно разломилось пополам, и тогда волей-неволей, с душевным прискорбием он покинул несчастного суперкарга, предоставив его своей участи, и поспешно выбежал наверх. У заднего люка что-то барахталось в воде; это был Иоханнес, старавшийся выплыть, но его держала привязь. Филипп торопливо выхватил свой нож и перерезал им веревку, державшую медведя. Едва успел он это сделать, как огромный вал перевернул кормовую часть судна, совершенно отделившуюся от носовой, и в одну минуту превратил ее в щепки, а Филипп очутился в воде, барахтаясь среди обломков. Ухватившись за часть судовой обшивки, он старался только удержаться на этом обломке, который подхватило волной и понесло к берегу. В несколько минут он был уже совсем близко к земле; но в этот момент обломок, на котором он плыл со страшной силой ударился о песок и силою напора волн перевернулся, так что Филипп не мог удержаться на нем и был предоставлен теперь самому себе. Он всячески старался доплыть до берега, но хотя до берега было недалеко, отбегавшие волны увлекали его за собой и, несмотря на все свои усилия, ему не удавалось найти дно. Долго его кидало то взад, то вперед, пока силы ему не изменили. Он уже начинал тонуть, как вдруг почувствовал, как что-то коснулось его руки. Он ухватился за этот неизвестный предмет в смертельном отчаянии, не сознавая даже, за что. Это была косматая шкура медведя, и Иоханнес, плывший к берегу,

вскоре вытащил его на отмель; Филипп, почувствовав почву под ногами, взобрался на берег, куда не хватали волны, и в изнеможении повалился на землю, лишившись чувств.

Когда он пришел в себя, то первое, что ощутил, это нестерпимую режущую боль в глазах, оттого что они в течение нескольких часов кряду подвергались действию палящих солнечных лучей, так как Филипп лежал на самом припеке. Едва раскрыв глаза, он вынужден был тотчас же снова закрыть их от невыносимой боли. Обернувшись лицом вниз, он прикрыл глаза рукой и пролежал так некоторое время, после чего его зрение несколько восстановилось. Тогда он поднялся на ноги и огляделся кругом. Море все еще продолжало волноваться и несло с пеной прибоя обломки корабля; весь берег был усеян ими, а также тюками клади, ящиками и всяким грузом. Подле него лежало тело Хиллебранта, а немного дальше другие тела, лежавшие вперемежку между разбитыми ящиками, тюками и обломками судна. Из этого он понял, что шлюпка и все находившиеся в ней погибли.

Судя по солнцу, было около трех часов пополудни. Однако Филипп ощущал такую страшную тяжесть в голове, такую невероятную слабость и усталость, что единственное, в чем ощущал непреодолимую потребность, был отдых. С неимоверным усилием сделал он несколько шагов от того места, где лежал, и добредя до небольшого песчаного холма, за которым был защищен от солнца, лег здесь и тотчас же впал в глубокий сон, от которого пробудился лишь на следующее утро.

На этот раз он проснулся от прикосновения чего-то к его груди. Он вздрогнул и, раскрыв глаза, увидел перед собой существо, которое в первую минуту принял за медведя Иоханнеса. Но нет: это был рослый готтентот с ассегайем в руке, с наброшенной на плечи только что снятой, еще кровавой шкурой бедного медведя и прекрасным париком суперкарга на голове. Филипп поднялся на ноги и стоял подле дикаря, который продолжал оставаться неподвижным, но без малейших признаков враждебности или недоброжелательства.

Нестерпимая жажда овладела Филиппом, и он знаками дал понять чернокожему, что хочет пить. Готтентот сделал ему, в свою очередь, знак следовать за ним и повел его через песчаный холм к берегу, где Филипп увидел свыше пятидесяти человек туземцев, занятых собиранием различных предметов, выброшенных морем после

крушения судна. Из особого уважения, оказываемого проводнику Филиппа, можно было заключить, что этот человек был вождем. Нескольких слов; произнесенных им с большой торжественностью и важностью, было достаточно, чтобы тотчас же появилась откуда-то, правда, довольно грязная и в небольшом количестве, вода, показавшаяся, однако, Филиппу восхитительной. Когда он напился, вождь сделал ему знак сесть тут же среди обломков судна, тюков, ящиков и корзин, и сам сел рядом. Между тем его нагие готтентоты с серьезным видом ходили по берегу, подбирая все, что не представляло собою никакой ценности, и оставляя на месте все, что особенно ценилось цивилизованными людьми.

Хотя в ту пору голландцы еще очень недавно поселились в Южной Африке, основав небольшое поселение на Капе, тем не менее довольно значительная меновая торговля существовала уже многие годы между европейцами и туземцами, и готтентоты давно были знакомы с судами, и так как по сие время они не видали обиды от европейцев, то и сами относились к ним с благорасположением.

Филипп заметил, что чернокожие собирали и вылавливали все доски и куски дерева, на которых было железо или гвозди, и складывали его в костры, которые тут же зажигали. Знаками вождь осведомился у Филиппа, не хочет ли он есть, и на утвердительный ответ последнего запустил руку в мешок из козьей шкуры и достал из него горсть крупных жуков, которых он любезно предложил своему гостю. Филипп отказался от такого угощения; тогда вождь сам на его глазах, не торопясь и с видимым наслаждением, съел всю пригоршню, встал и сделал Филиппу знак следовать за ним. Когда тот поднялся, чтобы идти, он вдруг увидел, что прибоем выкинуло на берег его собственный сундук; он, конечно, поспешил к нему, дав понять дикарям, что это его собственность; достал из кармана ключи, отпер замок и собрал в узелок самые необходимые предметы, не забыв захватить и мешочек с червонцами, которые всегда могли понадобиться.

Готтентотский вождь не протестовал против этого, но подозвал одного из близстоявших людей, указал ему на замок и железные петли сундука и затем пошел в сопровождении Филиппа по направлению к своему краалю.

Час времени спустя они пришли к селению, состоявшему из ряда низеньких хижин, крытых шкурами, и были встречены женщинами и детьми, которые, по-видимому, пришли в неописанный восторг от наряда своего вождя. К Филиппу все они отнеслись с большой предупредительностью: кто нес ему молоко, кто плодов. Глядя на этих дочерей Евы, их отвратительные черты и уродливые формы, он невольно вздохнул, вспомнив свою прекрасную Амину.

Солнце клонилось к закату, и Филипп чувствовал себя страшно утомленным, а потому объяснил знаками дикарям, что желает отдохнуть. Его тотчас же отвели в хижину, и хотя в ней было очень грязно и обоняние его страдало от зловония, да и насекомых было много, тем не менее от с удовольствием положил голову на свой узел и сейчас же заснул.

Проснулся он лишь на следующее утро, когда его разбудил вождь, пришедший в сопровождении другого готтентота, говорившего немного по-голландски. Последнему Филипп высказал свое желание быть отведенным в голландское поселение, куда заходили проходившие здесь суда, на что туземцы отвечали, что в настоящее время в заливе не стоит никакого судна. Тем не менее Филипп просил, чтобы его проводили туда, будучи уверен, что там ему, наверное, скорее всего представится случай попасть на какое-нибудь судно, а в ожидании этого случая он все же будет среди европейцев. Расстояние до селения было невелико, всего один день пути, и после непродолжительных переговоров с вождем, человек, говоривший по-голландски, пригласил Филиппа следовать за ним, сказав, что проводит его к поселению голландцев. Досыта напившись молока, принесенного ему женщинами, и отказавшись от пригоршни жуков, опять любезно предложенной вождем, он взял свой узелок и последовал за проводником.

Под вечер они пришли к гряде холмов, с которых открывался вид на Столовый залив и на селение, всего какой-нибудь десяток домов, где ютились европейцы. К великой своей радости, Филипп увидел в заливе судно под парусами и, дойдя до берега, к которому он спешил изо всех сил, убедился, что с судна была послана на берег шлюпка за свежими припасами и водой. Простившись с провожавшим его туземцем, он подошел к экипажу шлюпки, объяснил им, кто он, рассказал о гибели «Тер-Шиллинга» и просил принять его на борт.

Офицер, командовавший шлюпкой, охотно согласился принять его, но заявил, что судно идет домой, то есть в Амстердам. При этом сердце Филиппа радостно забилось. Конечно, если бы судно шло в Индийский Океан, он все равно сел бы на него и продолжал бы начатое им дело, но теперь, когда ему представлялся случай свидеться с Аминой, он невольно ощутил радость и сознание, что и для него еще есть счастие на земле, есть светлая радость, и что вся его жизнь не есть сплошная жертва долгу, а попеременно — тяжелый подвиг и сладкий отдых.

Он был ласково принят капитаном, предложившим ему бесплатный проезд на своем судне, и спустя три месяца без всяких особых приключений в пути, опять стоял на якоре в гавани Амстердама.

ГЛАВА XI

Нужно ли говорить, что Филипп спешил, как только мог, в свой маленький домик, где находилось то, чем он дорожил всего больше в жизни?! Теперь он считал себя вправе дать себе несколько месяцев отдыха, так как исполнил свой долг. Он чувствовал, что как ни сильно было в нем желание сдержать данную клятву, все же он не в состоянии снова покинуть родину раньше осени, то есть времени ухода в море следующей флотилии. А теперь было только начало апреля. Как ни жалел он капитана Клутса и Хиллебранта, так ужасно погибших, а также и злополучный экипаж «Тер-Шиллинга», но все же у него было некоторое утешение в том, что теперь он навсегда избавился от подлого Шрифтена, погибшего вместе с остальными; кроме того, он был почти готов благословлять эту гибель судна, которая имела следствием его столь быстрое возвращение в объятия Амины.

Было уже поздно вечером, когда Филипп нанял в Флюшинге лодку, которая должна была его доставить в его родной Тернезе. Вечер был сравнительно очень бурный для этого времени года; дул свежий ветер с моря, и небо было покрыто темными тучами, там и сям окаймленными светлым краем, потому что луна стояла уже высоко, а теперь было как раз полнолуние. Временами становилось совсем темно, когда луна пряталась за тучи, но зато когда она выходила из-за облаков, то сияла во всей своей красе.

Выйдя на берег, Филипп поплотнее завернулся в свой плащ и быстро зашагал к своему дому. Подходя, он увидел, что окно большой комнаты нижнего этажа было раскрыто, и женская фигура, облокотясь на подоконник, смотрела на улицу. Зная, что это Амина, он торопливо перешел мостик и направился к окну, вместо того чтобы идти к двери. Однако Амина до того ушла в свои мысли и так неотступно смотрела на небо, что не видела и не слышали приближения Филиппа. Заметив это, Филипп остановился и решил пойти к двери, боясь напугать Амину своим стишком неожиданным появлением. Но вот ее взгляд упал на него; она заметила его, но так как темная туча сокрыла месяц, то фигура его представлялась туманной и неясной. Все-таки она сразу узнала своего супруга, но, не имея основания ожидать его

возвращения, приняла его за выходца с того света. В первую минуту она вздрогнула, отвела рукой волосы со лба, затем снова пристально посмотрела на него.

— Амина, это я, не пугайся! — крикнул Филипп.

— Я вовсе не пугаюсь! — ответила она. — Я тебе благодарна за твой приход. Добро пожаловать, возлюбленный мой, мертвому или живому я тебе рада! — и рукой она пригласила его войти через окно, от которого она отошла.

«Боже мой! Она принимает меня за мертвеца!» — подумал Филипп и, не зная, что делать, вошел через открытое окно. Он застал ее сидящей на диване и смотревшей на него в полном убеждении, что она видит перед собой его дух.

— Уже, так скоро! — воскликнула молодая женщина. — О, Боже мой! Да будет воля твоя! Филипп, возлюбленный мой, я чувствую, что я скоро последую за тобой.

Филипп был этим не на шутку встревожен; он опасался для нее слишком сильного потрясения, когда она узнает, что он жив.

— Амина, дорогая моя, выслушай меня! Я действительно явился в неурочное время и совершенно неожиданно, но приди в мои объятия, и ты убедишься, что твой Филипп жив и не умирал!

— Не умирал! — воскликнула Амина, вскочив с места.

— Да, не умирал; я стою здесь перед тобою, живой и любящий тебя несомненно! — воскликнул Филипп, заключая ее в свои горячие объятия.

Из его объятий молодая женщина упала на диван и, к счастью, разразилась слезами, что сразу облегчило ее страшно напряженные нервы. Филипп, став на колени, поддерживал ее, говоря ласковые слова.

— Боже мой, благодарю тебя! — воскликнула, наконец, Амина. — Ведь я думала, что мне явился твой призрак, но я была и ему рада! — говорила она, склонясь в слезах на его плечо.

— Можешь ты теперь выслушать меня, дорогая? — спросил он, немного погодя.

— Говори, Филипп, я могу слушать тебя без конца! И Филипп рассказал ей все, что произошло и каким образом случилось, что он так скоро вернулся к ней.

— Ну, а твой отец, Амина, где он?

— Он, слава Богу, здоров, мы поговорим о нем завтра!

— Пусть так, — согласился Филипп и весь отдался нежным ласкам своей жены.

«Да, — подумал он, пробудившись поутру и любуясь прелестным личиком спящей Амины, — да, Господь милосерд; и я верю, что есть еще счастье на земле и для меня! Не страшась ни смерти, ни опасностей, исполню я свой долг, надеясь на милосердие Всевышнего, который вознаградит меня за все и на земле, и в небесах, и в сей, и в будущей жизни! Да разве я уже не вознагражден сейчас превыше моих заслуг? — подумал он, глядя на свою красавицу-жену. Он поцелуем разбудил ее и встретил ее сияющий радостью и любовью взгляд, обращенный на него.

Прежде чем спуститься вниз, Филипп снова спросил о мингере Путсе.

— Мой отец причинял мне много беспокойства в твое отсутствие, — сказала Амина. — Я вынуждена запирать гостиную каждый раз, как выхожу из этой комнаты, так как уже не раз заставала его пытающимся взломать замки буфета. Его жажда богатств и золота положительно ненасытна; он только и мечтает о нем. Он ужасно огорчал меня, уговаривая не видеться больше с тобой и передать все твои деньги ему, чтобы он мог присвоить их себе. Но он боится меня и еще больше боится твоего возвращения.

— А здоров ли он?

— Он, собственно говоря, не болен, но тает, как свеча, то вспыхивает, то совсем догорает. Временами он почти совершенно теряет рассудок и впадает в детство, временами начинает строить самые смелые планы, как в годы своей молодости. Какое это проклятие, эта любовь к золоту! Подумать только, что этот несчастный старик, стоящий на краю могилы, готов пожертвовать и твоей, и моей жизнью, чтобы овладеть этими гильдерами, которых он все равно не может унести с собой, когда умрет, и которые я все до единого отдала бы с радостью за один твой поцелуй!

— Неужели, Амина, он покушался на что-либо подобное в мое отсутствие?

— Я не смею утверждать положительно, Филипп, и боюсь основываться на догадках и соображениях, которые трудно доказать. Я слежу за ним неустанно и внимательно. Но не будем больше говорить

о нем; ты сейчас увидишь его сам. Не ожидай только от него сердечной встречи, а если такая будет, то не верь в ее искренность. Я не хочу говорить ему о твоем возвращении, желая проследить, какое это произведет на него впечатление.

Амина спустилась вниз приготовить завтрак, а Филипп вышел прогуляться около дома. Когда он вернулся, то застал мингера Путса за столом вместе с дочерью.

— Всесильный Аллах! Неужели это вы, мингер Вандердеккен? — воскликнул старик. — Неужели мои глаза не обманывают меня?

— Нисколько, это действительно я вернулся вчера ночью!

— И ты не сказала мне, Амина!

— Я хотела сделать тебе сюрприз, отец!

— Ты меня действительно удивила, — сказал старик. — Когда же вы опять уезжаете, мингер Филипп? Скоро, я полагаю; завтра, может быть?

— Нет, я пробуду здесь несколько месяцев!

— Несколько месяцев, это долгий срок для бездельничанья! Вам следует зарабатывать деньги! Вы человек молодой. Скажите, вы много привезли этот раз?

— Ничего, — сказал Филипп, — я потерпел крушение и едва спас свою жизнь!

— Но вы опять отправитесь в плавание?

— Да, в свое время!

— Да, да, отправляйтесь; мы здесь будем хорошо стеречь ваш дом и ваши деньги; вы не беспокойтесь о них!

— Я, вероятно, избавлю вас от беспокойства стеречь мои деньги, — заметил Филипп, желая поддразнить старика, — так как намерен взять их с собой.

— Взять с собой все деньги? К чему? — встревожился

Путс.

— Чтобы приобрести товары и нажить больше денег!

— Но вы опять можете потерпеть крушение, и тогда все деньги погибнут! Нет, нет, отправляйтесь сами, но не берите с собой денег, этого вы не должны делать, нет, нет!

— Когда я уеду отсюда, то заберу с собой все деньги, я так решил, мингер Путс! — возразил Филипп.

Это он сказал потому, что во время разговора у него явилось соображение, что Амине будет гораздо спокойнее, если старик уверится, что Филипп увез с собой деньги.

После этого старик не возобновлял разговора и погрузился в мрачные думы, а спустя некоторое время вышел из комнаты и пошел к себе. По его уходе Филипп сообщил жене, что его побудило сказать старику так о деньгах.

— Это было очень заботливо с твоей стороны по отношению ко мне, но ты не знаешь моего отца; лучше было бы вовсе не говорить об этом! — заботливо проговорила Амина. — Теперь мне придется быть настороже и остерегаться его, как врага.

— Чего нам бояться такого старого, беспомощного человека?! — засмеялся Филипп.

Но Амина думала иначе и была все время настороже.

Весна и лето прошли быстро. Молодые супруги часто беседовали о том, что произошло на море, о встрече с «кораблем-призраком», об ужасном крушении и гибели судна, и Амина сознавала, что ее возлюбленному супругу грозит много опасностей и бед, но ни разу не пыталась отговаривать его от исполнения долга; подобно ему, она смотрела вперед с надеждой и верой в милость Божию, твердо убежденная в том, что в свое время судьба его должна свершиться, но утешаясь тем, что это время еще далеко.

Под конец лета Филипп опять побывал в Амстердаме и заручился местом на одном из судов, которые должны были отправиться в Индийский океан с наступлением зимы.

Гибель «Тер-Шиллинга» была всем известна из подробного отчета, представленного Филиппом директорам компании, которые обещали ему тогда же место младшего помощника на одном из своих судов в случае, если бы он снова пожелал отправиться в Ост-Индию.

На этом основании, явившись к директорам Ост-Индской компании и заявив им о своем желании, Филипп тотчас же был назначен на «Батавию», превосходное судно с водоизмещением в 400 тонн. Покончив с этим делом, Филипп поспешил обратно в Тернезе и в присутствии мингера Путса сообщил Амине о результатах своей поездки в Амстердам.

— Так значит, вы опять уходите в плавание? — заметил Путс.

— Да, но надеюсь не ранее, как через два месяца! — сказал Филипп.

— О, — возразил Путс, — через два месяца! — и он принялся бормотать что-то себе под нос.

Амина, конечно, очень горевала о предстоящей разлуке с мужем, но, зная, что того требует его долг и, кроме того, будучи всегда к этому готова, несла свое горе с покорностью и без глупых жалоб, зная, что разлука эта неизбежна. Но только одно обстоятельство сильно беспокоило и тревожило ее: нрав и поведение ее отца. Амина, хорошо знавшая отца, заметила, что он втайне ненавидел Филиппа, в котором видел помеху его мечте овладеть его гильдерами и домом. Старик прекрасно понимал, что если Филипп умрет, то Амине будет решительно все равно, кому достанутся деньги. Мысль, что Филипп собирался увезти деньги с собой, чуть не довела скупого старика до полного умопомешательства. Амина следила за ним и видела, как он часами ходил взад и вперед, бормоча что-то про себя и почти совершенно не занимаясь своей практикой и своим делом, т. е. изготовлением лекарств для своих больных.

Спустя несколько дней по своем возвращении из Амстердама, Филипп, который слегка простудился, пожаловался на нездоровье.

— Вы нездоровы?! — почти радостно воскликнул мингер Путс. — Дайте, я посмотрю, что такое… Да, да… ваш пульс нехорош… Амина, твой муж серьезно болен; он должен лечь в постель сейчас же, а я приготовлю ему лекарство. Я ничего не возьму с вас за это, Филипп, ровно ничего.

— Но я чувствую себя вовсе не так плохо, — сказал Филипп, — правда, у меня сильно болит голова, но вот и все.

— Да, да, кроме того, у вас сильный жар: вас лихорадит, а предупреждение болезни лучше лечения! Идите, лягте и примите то, что я вам пришлю. Завтра вы будете совершенно здоровы!

Филипп пошел наверх в сопровождении Амины, а мингер Путс отправился в свою комнату, где занялся изготовлением лекарства. Как только Филипп лег, Амина спустилась вниз, где ее встретил отец и сунул ей в руку порошок, который она должна была дать мужу.

«Прости меня, Господи, если я думаю напраслину на отца, — проговорила мысленно Амина, — но у меня явилось подозрение. Филипп болен, я это вижу, и серьезнее, чем он хочет сознаться, и если

ему не дать лекарства, ему может сделаться хуже! Но сердце чует что-то недоброе… хотя не может быть, чтобы он был настолько подл».

Амина развернула порошок и внимательно посмотрела на него: то было очень небольшое количество темно-коричневого порошка, который, по указанию Путса, следовало дать больному в бокале теплого, нагретого вина. Мингер Путс предложил даже сам нагреть вино, насколько нужно, и когда он вернулся из кухни с вином, то его приход рассеял подозрения молодой женщины.

— Вот вино, дитя мое, заставь его выпить полный бокал, предварительно всыпав в него порошок, и затем укрой его хорошенько: будет сильная испарина, и ее нельзя застудить. Сиди подле него и не позволяй ему раскрываться, укрой его одеялами с головой, — и назавтра он будет здоров. Спокойной ночи, дитя мое! — ласково добавил он, уходя.

Оставшись одна, Амина всыпала порошок в один из серебряных бокалов и принялась растворять его в вине. Ласковый тон и сочувственный, озабоченный вид отца на время убаюкали ее подозрения. Как врач он всегда был чрезвычайно осмотрителен и внимателен к своим больным. Растворяя порошок, Амина посмотрела и увидела, что от порошка не получается ни малейшего осадка, и вино остается таким же чистым и светлым, как раньше. Это показалось ей неестественным, и в ней снова проснулись подозрения.

— Мне это не нравится! — пробормотала она. — Я боюсь отца! Помоги мне, Господи, я положительно не знаю, что мне делать. Нет, я не дам Филиппу этого порошка: быть может, теплое вино само по себе вызовет испарину.

Амина снова задумалась. Она растворила порошок в столь малом количестве вина, что его не было и четверти чашки. Отодвинув этот бокал в сторону, она взяла другой, налила его до краев теплым вином и понесла его осторожно, чтобы не разлить, наверх, в спальную.

На верхней площадке лестницы ее встретил отец, который обыкновенно в это время уже давно спал, и который, как она думала, ушел в свою комнату.

— Смотри, не разлей, Амина! — проговорил он. — Это хорошо, что ты налила ему полный бокал! Постой, дай лучше мне, я сам дам ему выпить это вино!

Мингер Путс взял из рук дочери бокал и вошел в спальню Филиппа.

— Вот, сын мой, выпей это, и завтра ты будешь здоров! — сказал Путс, руки которого так сильно дрожали, что он расплескал вино на одеяло. Амина, вошедшая вместе с ним и следившая за ним, не спуская глаз, радовалась, что не всыпала порошка в этот бокал.

Филипп приподнялся на локте и выпил вино, после чего Путс пожелал ему спокойной ночи и удалился.

— Не оставляй его ни на минуту! — сказал он Амине, уходя. — Я там все приберу; и Амина, думавшая пойти вниз, чтобы загасить свечи в гостиной, осталась с мужем, которому она сообщила свои опасения, а также и то, что она не всыпала порошка в его стакан.

— Я надеюсь, что ты ошибаешься, Амина, — возразил Филипп. — Я даже уверен, что это так. Не может человек быть так зол, как ты предполагаешь!

— Ты не жил с ним, не видал того, что видела я, не знаешь всего, что знаю я! — отвечала молодая женщина. — Ты не имеешь представления, на что может подвигнуть человека жажда золота. Конечно, ведь я могу ошибаться, чего от души желаю в данном случае. Но как бы то ни было, ты теперь должен заснуть, а я посижу подле тебя, дорогой мой! Прошу не разговаривать: я вовсе не хочу спать теперь; мне хочется немного почитать, а потом и я лягу!

Филипп не стал протестовать и вскоре крепко заснул, а Амина просидела подле него далеко за полночь. Вдруг внизу раздался стук у входной двери. «Это кто-нибудь пришел звать отца», — решила Амина, встала и поспешила к дверям.

Действительно, она не ошиблась: пришли звать ее отца к роженице.

— Он сейчас придет! — сказала Амина. — Я пойду и разбужу его! — и она пошла и постучалась в комнату отца, но ответа не последовало. Тогда она постучала еще раз, а когда и на этот раз никто не откликнулся, отворила дверь комнаты и вошла. К немалому ее удивлению, в комнате никого не было. «Странно, — подумала она, — впрочем, я действительно не слышала его шагов на лестнице, когда он пошел вниз гасить свечи».

Амина спустилась в гостиную и здесь нашла отца, который лежал раскинувшись на диване и, по-видимому, крепко спал. Она окликнула его, но он не шевельнулся, не издал ни звука. «Боже милосердый,

неужели он умер?» — прошептала она, поднося свечу к самому лицу отца. На нее глянули застывшие, неподвижные мертвые глаза и искаженное судорогой лицо. В первую минуту она не верила своим глазам, и, отступив на шаг назад, она прислонилась к стене; мысли ее путались; она не могла дать себе хорошенько отчета в том, что произошло. Наконец, она овладела собой.

— Это можно сейчас проверить! — пробормотала она и подошла к столу, на котором оставила бокал, и заглянула в него; он был пуст. «Справедливый Бог наказал его за злодейство!» — прошептали ее бледные губы. «И этот человек был мой отец! Теперь все ясно! Вероятно, сознавая свой ужасный поступок и желая придать себе смелости, он налил себе вина в оставшийся на столе стакан, не зная, что на дне его был принесенный им для другого яд, и выпил его, ничего не подозревая. Для другого! А этот другой был ее Филипп! О, будь ты не мой отец, я плюнула бы тебе в лицо и прокляла бы тебя!.. Но ты наказан по делам твоим, и да простит тебя милосердый Бог!».

С этими словами Амина вышла из комнаты и прошла наверх в спальню мужа, который продолжал спать крепким сном, весь в испарине.

Большинство женщин на ее месте разбудили бы мужа при таких обстоятельствах, но Амина была всегда и во всем обдуманна и благоразумна. Она села подле кровати и просидела до самого рассвета, погруженная в свои мысли.

Новый стук у входной двери пробудил ее от ее мыслей; она встала и поспешила вниз, но дверей не отворила.

— Мингера Путса требуют немедленно; дальше ждать нельзя, его услуги необходимы! — сказала присланная за доктором девушка.

— Милая Тереза, — ответила ей Амина, — мой отец сейчас еще более нуждается во врачебной помощи, чем та бедная женщина! Я боюсь, что он кончается. Я застала его очень больным, когда пошла звать к вам; он уже не был в состоянии подняться с кровати. Умоляю вас, забегите по дороге к патеру Сейсену и попросите его прийти сюда: мой бедный отец очень нуждается в его помощи.

— Боже мой! Будь милостив к нам грешным! — воскликнула Тереза. — Неужели он в самом деле умирает? Будьте спокойны, мистрисс Амина, я исполню ваше поручение!

Между тем стук у дверей и разговор двух женщин разбудил Филиппа; он чувствовал себя гораздо лучше, и голова у него не болела. Он сразу заметил, что Амина не ложилась, и собирался пожурить ее, но она не дала ему времени и рассказала о всем случившемся.

— Надо, чтобы ты встал и оделся, Филипп, — говорила она, — и помог мне перенести его тело наверх, на его постель, раньше, чем успеет прийти священник. Боже милосердый, что было бы, если бы я дала тебе этот порошок! Но не будем говорить об этом, надо спешить, а то патер Сейсен сейчас будет здесь!

Филипп оделся в одну минуту и сошел вместе с Аминой в гостиную. Солнце светило ярко, и лучи его падали через окно прямо на мертвенно бледное, искаженное лицо старика. Кулаки его были судорожно сжаты, а язык, закушенный зубами, вывешивался изо рта.

— Что это за роковая комната! — воскликнул Филипп. — Сколько еще сцен ужаса должно разыграться здесь?!

— Нисколько, надеюсь! — возразила Амина. — Это я не назову сценой ужаса. Такой сценой был тот момент, когда этот старик стоял над тобой у постели и с видом участия и доброты предательски подавал тебе отраву; вот это была сцена ужаса, сцена которая надолго удержится в моей памяти.

— Прости ему Бог, как я ему прощаю! — промолвил Филипп, подымая его труп и неся наверх в комнату, где стояла его кровать.

— Пусть по крайней мере думают, что он умер на своей постели, естественной смертью, — сказала Амина. — Моя гордость не вынесет, если люди будут знать, что я — дочь убийцы… Ах, Филипп!

И она опустилась на стул и горько зарыдала. Филипп старался утешить и успокоить ее, когда у дверей раздался стук. Это был патер Сейсен.

— С добрым утром, сын мой! Ну, что наш страдалец?

— Он уже перестал страдать, святой отец!

— Как? Неужели я опоздал? А между тем я не промедлил ни минуты! — сказал патер.

— Он скончался внезапно от конвульсий! — сказал Филипп, идя вверх по лестнице.

Патер Сейсен взглянул на покойника и, убедившись, что его услуги здесь не понадобятся, обратился к Амине, которая все еще продолжала плакать.

— Плачь, дитя мое, плачь! — говорил добрый старик. — Утрата отцовской любви и нежности, конечно, великая утрата для любящей и почтительной дочери. Но не предавайся чересчур своему горю, дитя мое, помни, что у тебя есть еще и другие обязанности: у тебя есть добрый и любящий муж, Амина!

Да, отец мой, я об этом не забываю, но все же не могу не плакать: ведь я была его дочь.

— Разве он не ложился спать с вечера? Он, как вижу, даже не раздет! Когда он впервые почувствовал себя плохо?

— Я видел его последний раз, отец, когда он вчера вечером, уже довольно поздно, пришел в мою спальню и принес мне лекарство, так как я был нездоров, и, пожелав мне спокойной ночи, ушел. Ночью пришли звать его к больной, и жена моя пошла разбудить его, но застала уже без языка.

— Очевидно, это случилось с ним внезапно, — сказал патер Сейсен, — он был стар, а со старыми людьми это часто случается! Вы находились при нем, когда он скончался?

— Нет, святой отец, — отвечал Филипп, — прежде, чем жена успела позвать меня, а я успел одеться, он уже отошел в вечность!

— Будем надеяться, что он отошел в лучший мир! — сказал патер. — Но скажи мне, Амина, проявлял ли он перед смертью лучшие чувства, раскаяния, кротости и любви к ближнему?! Ведь ты хорошо знаешь, что на него смотрели, как на человека сомнительного в деле веры!

— Бывают случаи, святой отец, когда даже самые верующие и доблестные христиане не проявляют никаких лучших чувств и раскаяния перед смертью; взгляните на его сжатые кулаки и искаженное лицо, и вы сами поймете, что в этом состоянии он не мог проявить никаких чувств!

— Да, да… я вижу, увы — что это так. Так будем надеяться на все лучшее; преклоните колена, дети мои, и помолимся вместе за душу усопшего!

Филипп и Амина встала на колени подле священника, который долго и усердно молился.

— Ну, я теперь я пришлю людей прибрать тело и приготовить его к погребению! — сказал патер Сейсен, вставая и прощаясь с молодыми супругами. — Но я думаю, что лучше бы не говорить, что он скончался

раньше, чем я успел прийти, чтобы люди потом не говорили, что он умер без причастия!

Филипп утвердительно кивнул головой, и священник ушел.

На другой день тело мингера Путса было предано земле с обычными обрядами, и молодые супруги почувствовали большое облегчение, когда все это обошлось вполне благополучно. Население не любило старого врача, и многие поговаривали о том, что он даже вовсе не христианин, а если бы еще проведали, что он умер, желая отравить мужа своей дочери, его, наверное, лишили бы погребения по христианскому обряду и перенесли бы свою злобу и недоброжелательство и на его ни в чем не повинную дочь.

Только после похорон Филипп и Амина вошли в комнату старика. Ключ от железного сундука был найден на покойном в кармане его жилета, но Филипп не спешил с осмотром этой сокровищницы тестя. Вся комната была заставлена бутылками и ящичками с лекарственными снадобьями, большую часть которых они уничтожили, . а те, употребление и применение которых было известно Амине, были отнесены в кладовую.

Бумаги и рецепты, хранившиеся в его письменном столе, были все сожжены, но в числе различных документов были найдены Филиппом восемь крупных акций Ост-Индской компании, приносивших большой ежегодный доход.

— Я никогда не думал, что он вкладывал в это предприятие свои деньги! Это прекраснейшее помещение капитала, и я сам намеревался поместить таким образом часть своих денег, — сказал Филипп, — вместо того, чтобы им здесь лежать без всякой пользы.

Когда был раскрыт железный сундук, то в нем оказалось не только громадное количество золота и серебра, но и целые мешочки драгоценнейших алмазов, рубинов и изумрудов, представлявших собой несметные богатства.

— Ты принесла мне, Амина, громадное и нежданное приданое! — сказал Филипп, обнимая жену.

— Да, ты, действительно, можешь сказать «нежданное»: эти драгоценные камни отец, вероятно, привез с собой из Египта, а между тем, как скудно жили мы до тех пор, пока не переехали сюда, в твой дом! И со всем этим богатством он хотел отравить тебя только для

того, чтобы присвоить себе эту жалкую грудку твоих гильдеров! Прости ему Бог!

— Теперь я богатый, очень богатый человек, но к чему мне все это? Правда, я могу приобрести свое собственное судно и быть на нем хозяином, но разве этому судну не суждено будет погибнуть? Нет, лучше мне не приобретать судна! Но хорошо ли, с другой стороны, зная свою участь, плавать на чужих судах? Я, право, не знаю, знаю только, что должен исполнить свой долг, и что жизнь всех людей в руках милосердого Бога, который призывает нас, когда придет наш час. Вот что я сделаю: я помещу большую часть моих денег в акции Ост-Индской компании и, если, плавая на ее судах, буду приносить ей убытки, то по крайней мере и сам буду страдать наравне с другими. А теперь надо позаботиться о том, чтобы моей Амине жилось лучше!

И Филипп тотчас же озаботился нанять двух служанок, обновил всю обстановку дома и сделал все, что могло доставить его жене удовольствие и удобство. В этих хлопотах незаметно прошли два месяца, и все было устроено, когда Филипп получил письменное извещение о дне отплытия его судна.

— Не знаю почему, но на этот раз я не имею тех тяжелых предчувствий, как тогда! — сказал Филипп.

— И я также, — подтвердила Амина, — но я чувствую, что теперь ты долго не вернешься, а это уже само по себе несчастье для любящей жены.

— Да, но ты знаешь, что меня призывает долг.

— Да! отправляйся с Богом! — сказала Амина, пряча голову у него на груди.

На другой день Филипп простился с женой, которая теперь была более мужественна и сдержанна, чем в первый его отъезд. «Все погибли, а он был спасен!» — подумала Амина. — «Я чувствую, что он вернется. Господи, да будет воля Твоя!».

Филипп заблаговременно прибыл в Амстердам, где приобрел много вещей, могущих быть ему полезными в случае нового крушения судна, на что он рассчитывал почти с уверенностью, и прибыл, наконец, на «Батавию», которая уж начала сниматься с якоря, чтобы выйти в море.

ГЛАВА XII

Вскоре Филипп убедился, что плавание его на «Батавии» едва ли будет приятное. Дело в том, что это судно перевозило большой отряд войск для поддержания престижа компании в Ост-Индии. «Батавия» должна была расстаться с остальными судами флотилии у Мадагаскара и идти прямо на остров Яву; число имеющихся на судне солдат считалось достаточным для того, чтобы в случае надобности отстоять его против пиратов или каких-либо враждебных действий со стороны неприятельских крейсеров, тем более, что на «Батавии» было тридцать орудий и семьдесят пять человек команды. Военные припасы и снаряды составляли главный ее груз, но вместе с тем везли еще громадное количество звонкой монеты для торговых оборотов. Солдаты уже садились на судно, когда Филипп прибыл на «Батавию». Вся палуба была запружена людьми и их поклажей, так что не было возможности пройти.

Филипп, еще не видавший капитана, разыскал старшего помощника и тотчас же вступил в исполнение своих обязанностей. Из опыта предыдущего своего плавания и усердного изучения службы он приобрел прекрасное знание своего дела, и, обладая большой распорядительностью и организаторской способностью, превосходно управился со своими обязанностями.

В несколько минут солдаты были расквартированы, а их оружие, амуниция и все остальное сложено у места и палуба расчищена. Филипп проявил большую распорядительность и энергию, так что капитан, наблюдавший за ним все время, улучив свободную от хлопот минуту, сказал:

— Я думал, что вы небрежно относитесь к своим служебным обязанностям, мингер Вандердеккен, на том основании, что вы не явились на судно несколько раньше, но теперь, с тех пор, как вы здесь, я вижу, что вы наверстали потерянное время! Вы сделали несравненно больше, чем я мог ожидать. Весьма рад, что вы явились, но очень сожалею, что вас не было, когда мы грузили трюм; я боюсь, что груз сложен не совсем так, как бы следовало. Мингер Стрюйс, мой старший помощник, был так занят, что не мог уследить за всем!

— Очень сожалею, что меня здесь не было, сэр! — возразил Филипп. — Но я должен вам сказать, что явился, как только получил извещение от компании.

— Да, да, но так как им там известно, что вы человек женатый, да кроме того, они хорошо помнят, что вы крупный пайщик, то потому и не хотели вас беспокоить раньше времени. Я думаю, что вы следующий раз получите командование судном и можете в этом быть уверены, благодаря внесенному вами в фонды компании крупному капиталу.

Это известие чрезвычайно порадовало Филиппа, который не столько был обрадован тем, что вложил свои деньги в столь крупное и прибыльное предприятие, сколько перспективой получить командование судном, что для него было особенно важно.

— Я надеялся получить командование судном, но не ранее того, как буду в состоянии справиться с этой трудной задачей! — отвечал он.

— О, я вперед вижу, что вы справитесь! — проговорил капитан. — Вы, вероятно, очень любите море?

— Да, — подтвердил Филипп, — и думаю, что я никогда не буду в состоянии расстаться с ним!

— Никогда! Нет, это вам так кажется теперь, пока вы молоды, энергичны и полны надежд, но со временем вы пресытитесь этой службой и будете рады пристать к тихой пристани на весь остаток своих дней.

— А сколько войска мы сажаем? — спросил Филипп.

— Двести сорок пять рядовых и, шесть человек офицеров. Бедняги, немногие из них вернутся; большая половина не увидит будущей осени: ведь там ужасный климат. Я высадил в эту проклятую дыру триста человек, а когда, через шесть месяцев, уходил обратно, из них не осталось в живых и ста человек!

— Это почти сознательное убийство, посылать их туда!

— Ба-а, им все равно надо где-нибудь умирать, и умрут ли они несколько раньше или позже, не все ли равно?!

«Боже мой, — подумал при этом Филипп, — если жизни этих людей все равно заведомо приносятся в жертву, почему же мне чувствовать себя особенно виновным в том, что им, быть может, придется погибнуть из-за меня, из-за того, что я исполняю сыновний долг и данную мною клятву?! Но ведь и воробей не упадет на землю

без воли Всевышнего! Значит, и спасение, и погибель этих людей в Его власти, а я просто орудие Его воли. Во всяком случае, если из-за меня должно погибнуть и это судно, то я желал бы быть назначен на другое, где погибло бы не такое громадное число человеческих жизней!».

Прошло около недели со дня прибытия Филиппа на «Батавию», прежде чем это судно и вся остальная флотилия стали сниматься с якоря.

Трудно описать чувства Филиппа в это время; его постоянно мучила совесть, что, быть может, из-за него обречены на гибель все эти люди; но только когда «Батавия» была почти неделю в пути, ему пришло на ум, что хорошо было бы рассказать все патеру Сейсену и выслушать его совет относительно того, как ему следует поступать в дальнейшем.

По мере того, как флотилия подходила к Капу, его тревога и волнение все возрастали, так что и капитан, и офицеры военной части заметили его состояние и, относясь к нему очень сочувственно, пытались узнать причину. Филипп ссылался на нездоровье, и его исхудалое лицо и впалые глаза придавали вероятие его словам. Все ночи он проводил на палубе, напрягая зрение и подстерегая каждое малейшее изменение погоды, с неописанной тревогой ожидая встречи с «Кораблем-Призраком» и только, когда начинало светать, он отправлялся на свою койку, разбитый и измученный — искать отдыха и покоя во сне.

Благополучно войдя в Столовый залив, их флотилия стала здесь на якорь, чтобы возобновить запасы провианта и воды. Филипп почувствовал некоторое облегчение в том, что до этого момента «Судно-Призрак» не появлялось. Но как только они снова вышли в море, тревоги и мучения его возобновились опять. Однако, при благоприятном ветре они обогнули мыс, подошли к Мадагаскару и, войдя в воды Индийского Океана, расстались с остальными судами флотилии, которые пошли на Камбрун и Цейлон, тогда как «Батавия» должна была идти на Яву.

«Ну, вот теперь „Корабль-Призрак“ покажется нам, теперь, когда мы остались одни и нигде не можем найти спасения!» — думал он.

Однако погода стояла прекрасная; море было спокойно, и «Батавия» благополучно продолжала свое плавание.

Спустя несколько недель она была уже в виду Явы, и прежде, чем войти в великолепный рейд Батавия, стала на якорь на ночь. Это была последняя ночь, которую они проводили в открытом море, и Филипп не уходил с палубы ни на минуту; всю ночь он, как часовой на своем посту, ходил взад и вперед, дожидаясь рассвета. И вот, наконец, забрезжила заря, и солнце взошло; «Батавия» вошла в рейд и стала на якорь. Тогда Филипп почувствовал полное душевное успокоение, поспешил вниз и заснул крепко отрадным сном.

Проснулся он бодрый и веселый, почувствовал, что с души его свалилась большая тяжесть. «Значит, из того, что я на судне, еще не следует, чтобы судно это было обречено на гибель, — думал он, — и „Корабль-Призрак“ встречается не потому, что я его ищу! Значит, на совести моей не лежит ответственности за жизни других людей! Я ищу встречи с призраком, но у меня на это те же шансы, как и у всякого другого. Что это судно несет гибель всем встречным судам, это, может быть, и правда, но не я приношу несчастье судну, на котором плаваю, не я накликаю ему непременно эту роковую встречу! Благодарю Тебя, Господи!».

Успокоенный и утешенный этими мыслями, Филипп вышел на палубу. Военный отряд уже почти весь высадился. Эти люди торопились сойти на берег, не зная, что их там ожидает. И, действительно, глядя на прекрасную, смеющуюся панораму, открывшуюся им, с трудом верилось, чтобы этот залитый солнцем, украшенный роскошной растительностью зеленеющий берег, с тонущими в зелени белыми домами, мог быть так смертоносен.

— Просто не верится, — заметил Филипп стоявшему подле него капитану, — что этот прекрасный берег так вреден для здоровья! Мне, наоборот, казалось бы, что это рассадник жизни и здоровья!

— Вот именно! А выходит как раз наоборот! Ну, а вы чувствуете себя теперь лучше?

— Гораздо лучше!

— Все же вы еще очень слабы, и я бы вам советовал съехать на берег, чтобы окончательно поправиться и отдохнуть.

— Благодарю вас, я непременно воспользуюсь вашим разрешением! А долго ли вы рассчитываете простоять здесь?

— Сравнительно недолго! Как только мы разгрузимся, сейчас же начнем принимать груз; он уже приготовлен, и потом уйдем обратно,

как нам предписано компанией!

Филиппу без труда удалось устроиться у одного местного коммерсанта на даче, в здоровой местности, где он пробыл два месяца и совершенно восстановил свои силы и здоровье, а затем, за несколько дней до отплытия судна, вернулся на «Батавию» и вступил в исполнение своих обязанностей. Обратный путь совершился при самых благоприятных условиях, и спустя четыре месяца по выходе из рейда «Батавии» они были в виду острова Св. Елены; в то время суда, возвращавшиеся из Индийского Океана, шли обыкновенно восточным путем, т. е. спускались вдоль Африканского берега. И снова «Батавия» прошла Кап, то есть мыс Доброй Надежды, без всяких злоключений, нигде не встретившись с «Кораблем-Призраком». Филипп чувствовал себя не только совершенно здоровым, но даже веселым. Против острова Св. Елены их захватил мертвый штиль, отчего им пришлось некоторое время простоять неподвижно на месте, и вдруг с «Батавии» была замечена шлюпка, которая спустя три часа времени пристала к судну. Экипаж шлюпки положительно изнемогал, так как провел в ней более двух суток, не переставая работать веслами, чтобы достигнуть острова. Они заявили, что представляют собою экипаж небольшого судна голландской Ост-Индской компании, потерпевшего крушение два дня тому назад. Оно пробило свою обшивку и так быстро стало наполняться водой, что люди едва успели спустить шлюпку и спастись на ней. Экипаж шлюпки состоял из капитана погибшего судна, двух его помощников, двадцати человек команды и старика-священника, португальца, высланного голландским правительством из страны за его антиголландские убеждения и якобы вредящее голландским интересам в Японии влияние на паству. Он жил в дружбе с туземцами, и те некоторое время укрывали его, но так как японское правительство также желало захватить его, чтобы лишить жизни, то старик решил избрать из двух зол меньшее и отдался в руки голландцев.

Голландский губернатор решил выслать его из страны, и согласно этому решению патера посадили на судно, потерпевшее впоследствии крушение, чтобы водворить его на родину. По словам капитана и экипажа, погиб всего только один человек, но человек значительный, так как он занимал в течение многих лет место президента голландской фактории в Японии. Он возвращался в Голландию с накопленными им богатствами. По словам капитана и остальных его

спутников, этот господин настоял, когда его уже усадили в шлюпку, вернуться на судно, чтобы захватить там забытую им шкатулку с бриллиантами и другими драгоценными камнями невероятной ценности. И в то время, как они дожидались его возвращения, покинутое ими судно вдруг погрузилось носом в воду и в следующий момент исчезло под водой, подняв страшный водоворот, так что и они едва-едва не пошли ко дну вместе со шлюпкой. Прождав некоторое время, в надежде, что, быть может, их пассажир вынырнет где-нибудь на поверхности, но не дождавшись ничего, они стали грести по направлению к острову.

— Я знал, что что-нибудь должно было случиться, — говорил капитан погибшего судна, сидя вечером в офицерской каюте с капитаном и Филиппом, — мы видели призрак, чертов корабль, как его называют, ровно за три дня до нашего крушения.

— «Летучего Голландца»? — спросил Филипп.

— Да, именно под этим именем оно известно, — сказал гость. — Я раньше много слышал о нем, но мне никогда не приходилось встречаться, да и надеюсь, что и впредь не придется, так как, благодаря этой встрече, я разорен вконец и должен начинать свою службу сызнова!

— Я тоже слышал уже об этом судне, — проговорил капитан «Батавии», — будьте добры, расскажите нам, как вы его видели!

— В сущности, я ничего не видел, кроме туманного очертания его корпуса, но это было чрезвычайно странно. Ночь была светлая, ясная, тихая; я сошел вниз, в свою каюту, и заснул крепким сном, когда, около двух часов ночи, помощник вызвал меня наверх. На мой вопрос, что случилось, он ответил, что сам не знает, что сказать, но что команда очень встревожена и перепугана, так как в виду «Корабль-Призрак», как его называют матросы. Я вышел на палубу. Горизонт был чист, только в одном месте стояло туманное пятно, круглое, как шар, не более, как в двух кабельтовых от нас. Мы шли быстро, но никак не могли догнать этого тумана.

«Видите?» — спросил меня помощник.

«Кой черт, что это может быть?! Нигде нет земли, и вдруг туман при ясном небе, при свежем ветре в открытом море, и туман не застилал всего горизонта, а стоял только круглым пятном!»

«Слышите, мингер, они опять говорят!»

«Говорят?» — повторил я и стал прислушиваться; и действительно, из тумана слышались голоса:

«Смотри в оба, там на носу!» — «Есть! — отозвался другой голос. — Судно под штирбортом!» — «Хорошо, звони там в колокол!» — приказал голос в тумане, и мы все, кто только был на палубе, слышали колокола. — «Тут должно быть судно, — сказал я своему помощнику, — ведь, вы слышали колокол?» — «Слышал, — ответил помощник, — только это не обыкновенное судно. „ — „Слушай! — раздались снова слова команды из тумана. — Готовь на носу орудие!“ — «Есть! Все готово! — Открыть огонь!“ — прозвучало приказание, и почти в тот же момент грянул выстрел, совсем близко и раскатился, как гром по воде, затем…

— Ну, и затем? — повторил капитан «Батавии» в напряженном ожидании.

— И затем, — продолжал рассказчик, — и туман, и все остальное исчезло разом, как по мановению магического жезла!

— Неужели это возможно?

— Нас здесь двадцать человек команды; из них любой подтвердит вам мои слова, — отвечал гость, — и старый патер в придачу: он все время стоял подле меня на палубе. Команда стала утверждать, что нам грозит какое-нибудь несчастье, и вовремя утренней вахты, осматривая трюм, мы нашли в нем около четырех футов воды; мы кинулись к насосам, качали без устали, но вода быстро прибывала, и мы пошли ко дну, как я вам говорил. Мой помощник утверждает, что этот «корабль-призрак» известен под именем «Летучего Голландца».

Филипп не сказал ни слова, но был весьма рад тому, что он слышал. Из этого он делал такой вывод, что если судно его отца встречается и другим судам так же, как и тому, где находился он, Филипп, и гибнут и те суда, где его нет, значит, его присутствие на судне не является исключительной причиной гибели судна и экипажа; значит, он, не более всякого другого ответственен в случившемся!

На другой день он завязал знакомство со старичком — португальским патером, который говорил по-голландски и на многих других языках так же свободно, как на своем родном. Это был почтенный старец лет шестидесяти, с длинной, седой бородой, кроткими манерами, весьма приятный в разговоре и в обхождении.

Когда Филипп стоял ночью на вахте, старик расхаживал с ним взад и вперед по мостику, и тут после долгой, сердечной беседы Филипп признался ему, что он католик.

— В самом деле? — сказал патер. — Это весьма редко встречается среди голландцев!

— Тем не менее это так, хотя здесь на судне никто этого не знает; не потому, что я стыжусь своей веры, а потому, что я не хотел возбуждать прений по этому вопросу!

— Вы осторожны, сын мой, это весьма разумно!

— Скажите мне, отец, здесь говорят о каком-то «корабле-призраке», на котором будто бы не живые, не смертные люди! Видели вы это судно?

— Я видел то, что видели другие, — отвечал патер, — но насколько могу судить, все это показалось мне сверхъестественным. Я и раньше слыхал об этом «корабле-призраке», предвещающим судам гибель и несчастие. Так случилось и с нами, хотя у нас на судне был человек, мера грехов и злодеяний которого до того была переполнена, что его присутствие среди нас было более, чем достаточно, чтобы праведный Господь потопил наше судно.

— Вы говорите о том голландском президенте фактории, который утонул вместе с судном?!

— Да, но повесть о целом ряде его преступлений так длинна, что если вы хотите, я завтра, во время вашей ночной вахты, расскажу ее, а теперь да будет с вами мир, сын мой, желаю вам спокойной ночи! — и старик ушел вниз.

Погода продолжала стоять прекрасная, и «Батавия» легла в дрейф под вечер, рассчитывая поутру войти в рейд Св. Елены.

Когда Филипп вышел наверх, чтобы встать на ночную вахту, он уже застал патера на палубе, ожидавшего его у сходни. На судне все было тихо; люди дремали между орудий, и Филипп с патером прошли на корму, где, присев на клетку с курами, старый священник начал:

«Вы быть может не знаете, что португальцы, хотя и стараются всеми силами закрепить за собой страну, открытую предприимчивым и отважным соотечественником их, и обладание которой, я боюсь, стоило им не мало преступлений, тем не менее, никогда не забывали заботиться о том, что особенно дорого сердцу каждого доброго католика, именно, о распространении святой католической веры среди

идолопоклонников и дикарей. Уже Св. Франциск посетил остров Ксимо и пробыл там Два года, проповедуя веру Христову, а затем отправился в Китай, но волею Божей умер в пути. После его смерти несмотря на жестокие гонения со стороны власти и жрецов, число обращенных увеличивалось с каждым годом на Японских островах.

Спустя некоторое время голландцы тоже основали поселение в Японии и, когда увидели, что японские христиане в окрестностях фактории предпочитали иметь дело только с португальцами, к которым они питали доверие, стали нашими заклятыми врагами. И вот, тот человек, о котором мы говорили, будучи в то время главой, то есть президентом голландских факторий, решил в своей алчной погоне за богатствами восстановить императора той страны против христианской религии и этим путем разорить в конец португальцев и всех их сторонников. Таков был этот человек, утверждавший, что он принял реформатскую веру, как более чистую, чем наша.

В то время был один знатный японец, чрезвычайно богатый и влиятельный, живший вблизи нас и принявший вместе с двумя своими сыновьями христианство. Другие его два сына жили при дворе императора. Этот богач пожертвовал нам дом для основания в нем коллегии или школы для обучения молодых японцев, но когда он умер, то те двое сыновей его, которые жили при дворе, стали требовать, чтобы мы покинули их владения и отказались от этой нашей собственности. Мы отказались исполнить их требование и этим дали случай голландцам натравить на нас и возбудить против нас этих двух влиятельных господ. Через них президент голландской фактории уверил императора, что мы, португальцы, совместно с христианами из туземцев, составили заговор против его жизни и престола. Здесь надо заметить, что когда голландцев спрашивали, христиане ли они, они всегда отвечали «Нет, мы голландцы!»

Император поверил в существование этого заговора и отдал немедленно предписание выселить всех португальцев, а также и всех японцев, принявших христианство. Для этой цели была сформирована целая армия, и начальство над ней поручено одному из тех дух сыновей нашего покойного благодетеля, которые были так возбуждены против нас. Тогда христиане, сознавая, что сопротивление их единственное спасение, схватились за оружие и избрали себе в предводители двух других сыновей покойного благодетеля, которые

одновременно с отцом приняли христианство. Христианское войско достигало численности в сорок тысяч человек, но об этом императору ничего не было известно, и потому он выслал против них, с указом победить и истребить их, войско в двадцать пять тысяч человек. После продолжительной и упорной битвы армия императора оказалась разбитой на голову, и за исключением очень немногих, спасшихся в лодках, почти никто не уцелел. Тогда император собрал втрое сильнейшее войско и, став лично во главе этой громадной армии, выступил против христианского войска. В первой битве победа осталась за христианами, но во второй они были разбиты и истреблены все до последнего. Приказано было никого не щадить, и потому избивали даже неповинных ни в чем женщин, старцев и детей. Свыше шести тысяч христиан погибло тогда, но этого было еще мало: на всей империи приказано было разыскивать христиан и предавать их смерти в самых ужаснейших пытках, — и это в течение многих лет. Лишь пятнадцать лет тому назад христианство было совершенно искоренено в Японской империи и за эти 15 лет гонения погибло до четыреста тысяч христиан, и все это по вине того человека, который принял на днях заслуженное им наказание. Голландская компания, весьма довольная образом действий своего президента, сохраняла за ним эту выгодную должность в течение всего этого времени, платя ему громадное содержание, которое он пополнял еще более громадными доходами за свое предательство. Он прибыл в Японию еще совсем молодым человеком и уже седым стариком возвращался теперь на родину, скопив несметные богатства; но все погибло вместе с ним. Такова была воля Господня! Мне уже не долго остается прожить на земле, — докончил старый патер свой рассказ, — и видит Бог, я покину эту жизнь без сожаления, но вы, сын мой, еще молоды, и должны быть полны надежд; у вас есть долг, который вы должны исполнить и тем осуществить свое предназначение, и я говорю, что не в скопление богатств заключается счастье, а в сознании исполненного долга».

— Я знаю это, мой отец, и знаю, что на мне лежит обязанность исполнить свой долг. Однако, ночь свежа, а в ваши годы, святой отец, резкий ночной воздух вредит здоровью! Не лучше ли вам пойти вниз и отдохнуть?

— Я так и сделаю, сын мой, — сказал старый патер, — да хранит вас Небо! Примите благословение старика! Спокойной ночи!

— Спокойной ночи! — отозвался Филипп: он был рад остаться один. , . Уж не признаться ли мне ему? Мне кажется, ему бы можно признаться», — думал Филипп. — «Но нет! Я не захотел поделиться своей тайной с патером Сейсеном, так почему же поделюсь ею с этим старцем?! Нет, нет! Я предал бы себя в его власть, он мог бы тогда приказать мне, а я хочу действовать самостоятельно; я не нуждаюсь ни в чьих советах». — И, достав висевшую у него на шее реликвию, Филипп набожно приложился к ней.

Между тем, простояв несколько дней у острова Св. Елены, «Батавия» продолжала свой путь и, шесть недель спустя, стала на якорь в Зюдер-Зее. С разрешения капитана, Филипп тотчас же поспешил домой, взяв с собой и престарелого португальского патера Матиаса, с которым он успел очень сдружиться, и которому предложил свое покровительство и помощь на все время, которое старец пожелает остаться в Нидерландах.

ГЛАВА XIII

— Я далек от мысли причинить вам огорчение, сын мой, — говорил патер Матиас, с трудом поспевая за Филиппом, торопливо шагавшим по направлению своего дома, до которого было уже недалеко, — но не надо забывать, что в этом мире все непрочно, что с того времени, как вы покинули свой дом, утекло немало воды, и многое могло измениться. Поэтому я посоветовал бы вам умерить пыл своего радостного восторга, в предвкушении ожидаемого свидания. Конечно, я надеюсь на милость Всевышнего и хочу думать, что все обстоит благополучно, и через несколько минут вы обнимете свою возлюбленную супругу; но вы слышали, что нам говорили в Флюшинге, что здесь свирепствовала страшная эпидемия, и, может быть, смерть не пощадила ни красоты, ни молодости: надо быть всегда ко всему готовым.

— Будем спешить, отец мой! — возразил на это Филипп. — Возможно, что вы правы, а я и не допускал этой мысли; теперь неизвестность убивает меня! — И Филипп еще более ускорил свои шаги, оставив старика патера далеко позади себя.

Было около семи часов утра, когда он подошел к домику с его деревянной решеткой; ставни нижнего этажа были еще закрыты.

«Неужели они еще не встали до сих пор», — подумал Филипп и взялся за ручку двери; дверь не была закрыта. Филипп вошел; в кухне горела свеча; он отворил дверь кухни и увидел спящую на стуле у стола прислугу. Прежде, чем он успел разбудить, сверху послышался тихий голос: «Это доктор, Мари?». Не теряя ни секунды, тремя прыжками Филипп очутился на верхней площадке лестницы и, промелькнув мимо человека, стоявшего у перил, распахнул дверь комнаты Амины.

Слабый свет масляного ночника еле-еле освещал комнату. Полог постели был задернут, а в ногах кровати стоял на коленях патер Сейсен и молился. Филипп пошатнулся; вся кровь отхлынула у него от сердца; он принужден был прислониться к стене, не будучи в состоянии произнести ни звука. Наконец, из груди его вырвался глухой стон; этот

стон заставил патера поднять голову. При виде Филиппа, старик поднялся с колен молча протянул вперед руку.

— Так она умерла! — воскликнул Филипп.

— Нет, сын мой, не умерла! Еще есть слабая надежда спасти ее! Кризис наступает, через час ее судьба должна решиться: или она поправится и вернется к жизни и любви, или последует за сотнями других, похищенных смертью в нашем городе!

Затем патер Сейсен подвел Филиппа к постели и отдернул полог. Амина лежала без сознания, тяжело дыша; глаза ее были закрыты. Филипп схватил ее горячую руку, прижал ее к своим губам и, опустившись на колени подле кровати, залился слезами. Как только он немного успокоился, патер Сейсен уговорил его подняться на ноги и сесть рядом с ним у кровати больной.

— У нее тиф, — говорил патер. — Эта страшная болезнь унесла у нас много жертв; счастливой считается та семья, где оплакивают только одного члена: чаще целые семьи становились жертвой эпидемии!

Дверь отворилась, и высокий господин в темно-коричневом камзоле, держа у носа губку, насыщенную уксусом, вошел в комнату и направился к кровати больной, попутно поклонившись Филиппу и патеру. Пощупав пульс, он приложил руку к ее лбу, затем накрыл ее простыней и одеялами. Подойдя к Филиппу, он подал ему губку и знаком дал понять, чтобы Филипп воспользовался ею, между тем сам вышел на площадку, куда вызвал за собой и патера Сейсена.

Вскоре патер вернулся.

— Доктор сообщил мне сейчас свои предписания, — сказал он. — Он полагает, что ее можно будет спасти. Надо, чтобы она оставалась укрыта одеялами, и в случае, если она сбросит их, надо непременно сейчас же опять накрыть ее. Но, главное, все будет зависеть от тишины и спокойствия с той минуты, как она придет в себя.

— Это мы, без сомнения, можем предоставить ей! — проговорил Филипп.

— Что меня беспокоит, это ваше присутствие. Не известие о вашем возвращении, ведь радость убивает, а другие причины…

— Какие?

— Тринадцать дней она в бреду, и за все это время я почти не отходил от нее, отлучаясь только для исполнения моих обязанностей и

необходимых треб. И в бреду она говорила такие вещи, от которых душа моя переполнялась ужасом. Очевидно, эти мысли давно удручали ее душу и теперь, вероятно, замедлять ее выздоровление. Вы, верно, помните, Филипп, что я когда-то хотел узнать тайну, уложившую в могилу вашу мать, и которая, может быть, уложит теперь туда же и вашу молодую жену: ведь она ей, очевидно, известна, правда это?

— Правда, отец мой, она ей известна!

— Так вот она в своем бреду рассказала все! Нет, даже больше, я думаю! Но об этом мы не будем говорить теперь; побудьте с ней, я вернусь через полчаса; к этому времени, как сказал доктор, известные симптомы укажут, придет ли она в себя или надо считать ее погибшей.

Филипп шепотом сообщил патеру Сейсену, что внизу находится патер Матиас, которого он просил быть своим гостем, и поручил старому другу разъяснить гостю настоящее положение и позаботиться о нем, чтобы ему было предоставлено все, что нужно для его удобства.

Патер Сейсен ушел, а Филипп сел у кровати жены и отдернул полог.

— Увы! Так то мы свиделись с тобой, Амина! — подумал он. — Прав был патер Матиас, предостерегая меня не слишком полагаться на счастье! Боже правый, будь милосерден и прости, что я любил ее больше, чем Тебя, прости и пощади ее жизнь, не то я погиб! — И, закрыв лицо руками, он долго и горячо молился, затем склонился над Аминой и запечатлел долгий поцелуй на ее горячих губах.

Губы ее были страшно горячи, но при этом все-таки на них была влага, и лоб также был влажен. Он взял ее руку, и ладонь ее была влажна. Заботливо укрыв ее всеми одеялами, он с тревогой и надеждой стал следить за ней.

Через четверть часа у Амины выступила сильная испарина; дыхание ее стало постепенно ровнее и спокойнее, затем она стала шевелиться, сделалась беспокойной, стала сбрасывать одеяла. Филипп тотчас же снова укрывал ее, и, наконец, она как будто заснула крепким, сладким сном.

Вскоре вернулся патер Сейсен и с ним вместе и доктор. Филипп сообщил, что произошло с больной; доктор подошел к постели, посмотрел на Амину, прислушался к ее дыханию и, вернувшись к Филиппу, проговорил:

— Ваша супруга будет жить, мингер, но я не советовал бы, чтобы она так неожиданно увидела вас перед собой: потрясение может быть слишком сильно для нее в настоящем положении! Пусть она спит, как можно дольше; когда она проснется, то придет в полное сознание; тогда предоставьте ее попечениям патера Сейсена!

— Могу ли я оставаться здесь в этой комнате, пока она не проснется, и затем незаметно уйти?

— Это бесполезно! — возразил доктор. — Болезнь заразительна; вы и так уже слишком долго пробыли в этой комнате. Идите вниз и оставайтесь там; вам надо сейчас же переодеться, переменить на себе решительно все: и белье, и платье, и позаботиться о том, чтобы для нее была приготовлена свежая постель в другой комнате, куда вы ее перенесете, как только увидите, что это можно сделать. Эту же комнату заприте, а все окна в ней растворите настежь, чтобы она хорошо проветрилась. Стоит ли вырвать из когтей смерти жену, чтобы тотчас же, не дав ей оправиться, обременить ее заботами и уходом за больным мужем?!

Филипп не мог не согласиться с разумными советами врача и, выйдя из комнаты вместе с ним, пошел переодеться, затем прошел к патеру Матиасу, которого он застал в гостиной.

— Вы были правы, отец мой! — заметил он, тяжело опускаясь на диван.

— Я — старый человек и потому недоверчиво отношусь к жизни, а вы молоды и пылки; вот и вся разница! Но я надеюсь, что все обойдется благополучно!

— И я также надеюсь! — сказал Филипп и смолк, погрузившись в свои мысли.

Он размышлял о том, что ему сказал патер Сейсен, что Амина в бреду открыла их семейную тайну. Гость, видя, что Филипп занят своими мыслями, не тревожил его. Так прошло около часа, и Филипп очнулся только тогда, когда в комнату вошел его старый друг Сейсен.

— Возблагодарите Бога, Филипп, — проговорил он, входя, — Амина проснулась в полном сознании и теперь нет сомнения, что она выздоровеет. Она приняла укрепляющее силы лекарство, прописанное ей доктором, хотя ей до того хотелось спать, что ее с трудом можно было уговорить сперва выпить лекарство. Теперь она опять крепко спит и, вероятно, проспит несколько часов. Я оставил подле нее одну

из девушек, а сам пришел сюда позаботиться о чем-нибудь съестном для вас и вашего гостя. Но вы, Филипп, еще не познакомили меня с вашим новым другом, который, как вижу, мой собрат.

— Простите меня, отец, — сказал Филипп, — я уверен, что вам будет приятно познакомиться с патером Матиасом, который обещал мне погостить у меня некоторое время; надеюсь, подольше. Теперь позвольте мне оставить вас на время и позаботиться о завтраке!

Филипп прошел на кухню, приказал подать завтрак в гостиную, а сам надел шляпу и вышел из дома. Он шел, куда глаза глядят, без всякой определенной цели, потому только, что чувствовал потребность разобраться в своих мыслях и освежиться, так как он положительно задыхался. На улице он встретил многих знакомых, от которых узнал, что эпидемия унесла около двух третей населения Тернезе, и что оставшиеся в живых до того ослабли, что не в состоянии приняться за свои обычные занятия и терпят страшную нужду. И Филипп мысленно поклялся не пожалеть своих сбережений, чтобы облегчить участь всех окружающих. С этими мыслями он вернулся домой, спустя часа два после своего ухода, и застал обоих патеров беседующими в гостиной. Амина все еще продолжала спать.

— Сын мой, — сказал патер Сейсен, — мы здесь о многом говорили с патером Матиасом и между прочим о некоем сверхъестественном судне, появления которого отец Матиас был очевидцем. В виду того, что мне известна в общих чертах ваша тайна, не лучше ли будет, если вы теперь же сообщите нам обоим все факты, относящиеся к этой странной и страшной истории?! Подумайте только, кто, как не мы, отцы духовные, может поддержать вас, помочь вам разобраться в ваших сомнениях, дать вам разумный совет; а главное, подумайте о том, что эта тайна лежит тяжелым бременем на душе вашей жены. В вашем присутствии, когда вы здесь, подле нее, она, быть может, и не чувствует всей ее тяжести, но в одинокие дни и ночи, когда она остается одна на долгие месяцы, как нуждается она в поддержке и утешении, а вы лишили ее и того и другого! Жестоко и себялюбиво было с вашей стороны, Филипп, оставить ее одну нести такую страшную тайну!

— Вы правы, отец мой, — согласился Филипп, — я сознаю, что мне следовало раньше ознакомить вас со всей этой необычайной историей, и теперь я скажу вам все, что мне самому известно.

И Филипп со всеми подробностями рассказал все, начиная с событий последних дней жизни его матери и кончая настоящим днем; в заключение добавил:

— Теперь вы видите, отец мой, что я связал себя клятвой, и что мне теперь ничего более не остается, как только подчиниться своей участи!

— Мы слышали от вас, сын мой, — отвечал патер Сейсен, — удивительные вещи, и нам надо разобраться! Оставьте нас на время, чтобы мы могли вместе все взвесить и обсудить; когда мы придем к чему-нибудь, тотчас же сообщим вам.

Филипп пошел наверх в комнату Амины, которая все еще спала. Он отпустил служанку, а сам сел на ее место подле кровати. Так он просидел около двух часов, когда его, наконец, позвали вниз.

— Мы долго обсуждали все, что слышали от вас, сын мой, — сказал патер Сейсен. — Мнение преподобного отца Матиаса, а также и мое, что, допустив, что все факты, переданные вами, именно таковы, как они вам кажутся, все же возможно, что сообщение, сделанное вам, исходило не от небес, а от дьявола, толкающего вас на погибель. В виду всего этого мы предлагаем вам употребить часть доставшихся вам от отца денег на молитвы за упокой его души, затем советуем оставаться дома, пока какое-нибудь новое знамение не подтвердит вашего предположения, что вы предназначены волею свыше для выполнения этой странной задачи!

— Ну, а данная мною клятва?

— От этой клятвы святая церковь может разрешить, и разрешение это вы получите. Вы предоставьте себя в нашу волю, и если в том, что мы вам советуем, есть какой-нибудь грех, то грех этот будет наш! Пока же не будем более говорить об этом; я пойду наверх и, когда Амина проснется, исподволь подготовлю ее к радости вашего возвращения!

«Ждать нового знамения! — рассуждал сам с собою Филипп по уходе патера Сейсена. — Конечно, знамения и чудеса бывают; почему же и не быть новому знамению в подтверждение того, в чем они сомневаются? А что молитвы об упокоении души отца могут быть ему полезны, это не подлежит сомнению. Во всяком случае, если они принимают на себя ответственность, то я остаюсь неповинен ни в чем. Так будем ждать нового знамения божественной воли!» — решил Филипп и вышел пройтись.

Время клонилось к вечеру; солнце садилось. Филипп, незаметно для себя, прошел на то самое место, где он произнес свою клятву. Все кругом было как тогда, и вся сцена ожила в его памяти с невероятною ясностью. Филипп, как тогда, опустился на колени, снял у себя с шеи реликвию, приложился к ней и стал ждать знамения. Но солнце зашло, и ночь спустилась на землю, а знамения не было. Тогда Филипп поднялся и медленно пошел домой.

Вернувшись, он тихонько поднялся по лестнице в комнату Амины, которая теперь не спала, а беседовала с патером. Полог был опущен, и она не могла его видеть.

С сильно бьющимся сердцем Филипп прижался к стене в головах кровати и слушал.

— Вы говорите, что у вас есть основание думать, что вернулся мой муж, — проговорила Амина слабым голосом. — О, скажите мне, какие это основания!

— Мы знаем, что его судно вернулось, и человек, видевший это судно, говорил нам, что все вернулись здоровыми!

— Так отчего же он не здесь?.. Или он не вернулся, или он уже здесь! — сказала она. — Я знаю, что он должен быть здесь, если только он жив! Скажите, патер Сейсен, ведь он здесь! Не бойтесь сказать мне да, но если нет, так это меня убьет!

— Он здесь, Амина, — сказал патер, — здесь и жив, и здоров!

— Ах, Боже мой, благодарю Тебя! Но где же он? Если он здесь, то должен быть в этой комнате, или вы обманываете меня?!

— Я здесь! — воскликнул Филипп, отдергивая полог. Амина вскрикнула, приподнялась, протянула вперед обе руки и вдруг откинулась назад, лишившись чувств. Но через несколько секунд она уже оправилась, подтвердив слова патера Сейсена, что радость не убивает.

Мы обойдем молчанием несколько последующих дней, в продолжение которых Филипп неотлучно находился подле постели больной жены, которая стала быстро оправляться. Когда она достаточно окрепла, он рассказал ей о всем, что произошло, и о своем признании обоим патерам и их решении. Амина, радуясь тому, что Филипп должен был оставаться с ней, присоединилась к мнению патеров, и с того времени долго не было и речи об отъезде Филиппа в дальнее плавание.

ГЛАВА XIV

Прошло шесть недель и Амина настолько оправилась, что гуляла, опираясь на руку мужа, по окрестностным полям и лугам или ютилась подле него на диване в их уютной гостиной. Патер Матиас все еще гостил у них.

Мессы за упокой души Вильяма Вандердеккена совершались регулярно: за них было щедро уплачено вперед; кроме того, значительная сумма была предоставлена патеру Сейсену для вспоможения больным и нуждающимся. Но хотя Филипп был освобожден от клятвы, хотя он подчинился решению патеров и поддавался мольбам и ласкам Амины, тем не менее он внутренно протестовал против своего бездействия и считал себя не правым в том, что пренебрегал или, вернее, как бы забывал о своем сыновнем долге. Амина замечала, что ее муж, как только оставался один, становился мрачен и задумчив, и своим женским чутьем угадывала причину.

Однажды, когда они вместе сидели на зеленом берегу и молча обрывали цветы, расцветавшие кругом, Амина, воспользовавшись удобным случаем, спросила мужа:

— Ты веришь в сны, Филипп? Думаешь, что через их посредство мы можем иметь сношение с чем-нибудь сверхъестественным?

— Конечно, можем, — ответил Филипп, — это нам подтверждает и священное писание!

— Так почему же ты не хочешь довольствоваться снами?

— Но, милая Амина, сны непроизвольны; мы не можем призвать или прогнать их по своему желанию!

— Нет, можем, — возразила Амина, — скажи себе только, что ты желал бы видеть во сне то, что всего ближе твоему сердцу, и ты увидишь!

— Неужели?

— Да! Я имею эту власть, Филипп, хотя никогда не говорила тебе об этом. Я унаследовала ее от матери и еще многое другое, о чем все это время ни разу не вспомнила; ведь ты знаешь, Филипп, что я никогда не говорю неправды. Так вот я говорю тебе, что если ты захочешь, тебе приснится то, чего ты пожелаешь!

— К чему? Если ты действительно обладаешь этой властью, то власть эту получила от кого-нибудь!

— Ну, конечно! Есть такие силы, о которых ты и понятия не имеешь, но которыми у меня на родине часто пользуются. У меня есть талисман, Филипп, который обладает удивительной силой!

— Талисман! Да разве ты занимаешься колдовством! Такие силы не от Бога!

— Я ничего не могу сказать, знаю только, что такие силы существуют!

— Это дьявольские штуки!

— А если бы и так, Филипп! Ваши же патеры говорят, что сила дьявола может проявляться только с соизволения Всевышней Премудрости. Называй это колдовством или чем хочешь, но я положительно не вижу, почему непременно предполагать, что эти силы исходят из дурного источника. Если мы просим во сне предупреждения или предостережения, как нам вести себя в затруднительных вопросах жизни, то, без сомнения, злое начало направило бы нас на злое, а не на доброе!

— Конечно, так, и я знаю, что патриархи получали предостережения свыше во сне; но когда для этого приходится прибегнуть к таинственным средствам и талисманам, то этим мы вступаем в сношения с дьяволом!

— Почему же? Ведь и в вашей религии для достижения известной цели требуется исполнение известных обрядов, хотя бы, например, крещения, и вы не называете это колдовством… Мои намерения благие, ты это знаешь, а потому тебе бояться нечего! — продолжала Амина. — Я прибегаю к известным средствам и приемам, чтобы достигнуть известной цели. Какой цели? Узнать, если возможно, какова воля неба в данном случае!

— А мать твоя часто занималась своим искусством? — спросил Филипп, немного помолчав.

— Нет, насколько я знаю! Но говорили, что она была очень искусна. Она умерла молодой, а то я узнала бы от нее гораздо больше, чем знаю теперь. Но скажи мне, Филипп, разве ты думаешь, что все, что тебе было сообщено, не более, как плод твоего воображения?

— Нет! Ты знаешь, что я этого не думаю!

— А в таком случае, если у тебя могли быть откровения и видения, то почему не могут они быть и у других? И ты ведь тоже не можешь сказать с уверенностью, от кого они исходили: твои патеры уверяют, что это наваждение от лукавого; ты думаешь, что это откровение свыше. На этом основании кто может сказать, кем тебе будет ниспослан сон?

— Это правда, Амина! Но уверена ли ты в своей силе?

— Я уверена, что если Высшему Разуму угодно будет войти в сообщение с тобой посредством сна, то ты или никакого сна не увидишь, или же увидишь нечто, находящееся в связи с тем вопросом, который тебя интересует!

— Если так, то я хочу прибегнуть сегодня же к твоему искусству и хоть во сне узнать, прав я или не прав, потому что ум мой истерзан сомнениями, и я не могу дальше выносить этого состояния!

— Нет, дорогой мой, ни сегодня, ни завтра, — отвечала она. — Пойми, что поступая так, я иду против своих интересов: мне кажется, что сон побудит тебя вернуться к исполнению твоего долга, потому что, признаюсь откровенно, я не согласна с патерами. Но я твоя жена, и мой долг воспрещает мне вводить тебя в обман. С своей стороны, ты должен обещать мне, что если я сделаю это, то ты в награду исполнишь то, что я от тебя потребую!

— Обещаю, не спрашивая даже о том, чего ты от меня потребуешь! — сказал Филипп, вставая. — Ну, а теперь пойдем домой!

Разговора своего они более не возобновляли ни в этот, ни в последующие дни. Филиппу было не по душе, что Амина занималась таким искусством, которое, если бы о том узнали патеры, навлекло бы на нее проклятие церкви.

Прошло три дня. Ложась на ночь спать, Филипп очень скоро крепко заснул, но Амина не спала. Как только она убедилась, что муж спит крепко и не скоро проснется, она тихонько вылезла из кровати, оделась и вышла из комнаты. Через четверть часа она вернулась, неся в руке маленькую жаровню с раскаленными угольями и два кусочка пергамента, свернутого в свитки и завязанного узлом тоненьким мелковым шнурком. Сверточки эти очень походили на филактерии, маленькие свитки пергамента с изречениями из священного писания, которые правоверные евреи привязывают к руке и ко лбу во время молитвы.

Привязав их ко лбу и левой руке спящего мужа, она бросила в огонь жаровни какое-то курение и, когда фигура Филиппа стала неясно вырисовываться в облаках дыма этого курения, встала над ним и стала бормотать какие-то заклинания, обмахивая мужа маленькою веточкой какого-то кустарника, которую она держала в руке. Затем, задернув полог и убрав жаровню, она села подле постели и так осталась сидеть всю ночь до рассвета.

«Если в этом есть грех, — думала Амина, — то во всяком случае вина не его, а моя, и пусть грех падет на мою голову!»

Утро уже забрезжило, а Филипп все еще спал.

— Довольно! — прошептала Амина, увидев верхний край восходящего солнца, и, взяв в руку веточку, стала помахивать ею над головой спящего и воскликнула: — «Филипп, проснись!».

Филипп вздрогнул, открыл глаза и тотчас же закрыл их, ослепленный ярким солнечным светом, затем приподнялся на локте и как будто старался собраться с мыслями.

— Где я?! — воскликнул он. — В своей постели? Да! Он провел рукой по лбу и нащупал свиток. — Что это такое? — Он сорвал его и стал рассматривать. — А Амина, где она? Боже правый, какой сон! Еще другой! — продолжал он, нащупав другой свиток на своей левой руке. — О, теперь мне все ясно! Амина, это твои штуки! — И Филипп зарыл лицо в подушки в порыве отчаяния.

Между тем Амина незаметно скользнула под одеяло и легла подле него.

— Спи, Филипп, спи! — ласково прошептала она, обвив его рукой. — Мы поговорим о всем этом после, когда ты встанешь!

— Ты здесь, Амина? — растерянно спросил он. — Мне показалось, что я один; мне снился сон! — и, не договорив, он впал в глубокий сон. Амина, утомленная долгим бдением, также заснула и чувствовала себя счастливой.

В этот день патеру Матиасу долго пришлось дожидаться своего завтрака: на целых два часа позднее обыкновенного сошли вниз Филипп и Амина и извинились в том, что они так проспали.

Как только все позавтракали, патер взял свой молитвенник и удалился с ним в отведенную ему комнату, а Амина позвала Филиппа, и они вместе вышли на прогулку. Когда они опять расположились на

том зеленом берегу, где Амина впервые предложила мужу воспользоваться ее таинственным искусством, она спросила:

— Тебе снилось вчера, Филипп?

— Да, снилось!

— Скажи мне, что тебе снилось!

— Я видел, будто я в море, капитаном на судне, которое огибает мыс Доброй Надежды. Море было спокойно; дул легкий ветерок; солнце садилось, и появляющиеся на небе там и сям звезды были особенно ярки и сверкали, как алмазы. Воздух был мягкий и теплый, и я прилег на своем плаще на палубе с лицом, обращенным вверх, и смотрел на небо, следя за падающими звездами. Мне снилось, что я заснул и, спустя некоторое время, проснулся с таким ощущением, как будто я тону. Оглядевшись кругом, я не увидел ни мачт, ни снастей, ни самого судна: все исчезло, а я плавал на большой и прекрасной раковине среди беспредельного океана. Я боялся пошевельнуться из опасения, что мое утлое судно перевернется и затонет. Вдруг я заметил, что передняя часть раковины погружается в воду, как будто на ней висит какая-то тяжесть, и в следующий затем момент увидел, что за край раковины ухватилась маленькая белая ручка. Я оставался неподвижен и хотел крикнуть, что моя крошечная ладья затонет, но не мог: голос не повиновался мне. И вот постепенно из воды стала вырастать женская фигура, которая обоими локтями оперлась на край моей раковины в том самом месте, где раньше показалась только одна рука. Женщина эта была необычайной красоты: тело ее было белее снега, формы — точно точеные из кости, а длинные волосы окутывали ее, точно пеленой, причем концы их всплывали на воде. Когда я смотрел на нее, она сказала нежным, приятным голосом:

— Филипп Вандердеккен, чего ты боишься? Разве у тебя не заколдованная жизнь?

— Я не знаю, заколдованная ли у меня жизнь, но знаю, что сейчас она в опасности! — отвечал я.

— В опасности! — повторила она. — Нет, она могла бы быть в опасности, когда ты вверял ее делу рук человеческих, вашим хрупким судам, которые от первой сильной волны разлетаются в щепки. Но где же может быть опасность в раковине русалки, которую щадит мощный, грозный вал, и бурливый прибой не смеет захлестнуть своей пеной!.. Ты ищешь своего отца, Филипп Вандердеккен?

— Да, ищу! Разве на то не воля Неба? — спросил я.

— Это твоя судьба, твое предназначение! Хочешь, мы будем вместе искать его? Раковина эта моя; ты не знаешь, как управляться с ней, дай я тебе помогу.

— А сдержит она нас двоих?

— Вот увидишь! — отозвалась она, смеясь, и на мгновение скрылась под водой, потом снова вынырнула сбоку и к великому моему ужасу села подле меня с края, но ее вес как будто не придавал тяжести, и едва только она присела на край, так что ноги ее оставались в воде, раковина быстро понеслась вперед.

— Боишься ты еще и теперь, Филипп Вандердеккен? — спросила она меня.

— Нет! — ответил я.

— Тогда она откинула с лица волосы, отчасти скрывавшие ее черты, и, склоняясь надо мной, сказала:

— Ну, так взгляни на меня!

— Я взглянул, Амина, и увидел тебя!

— Меня?! — повторила Амина, усмехаясь.

— Да, это была ты, моя Амина! Я назвал тебя по имени, заключил в свои объятия и почувствовал, что могу оставаться с тобой и в то же время плавать по всему свету.

— Продолжай, Филипп! — сказала Амина.

— Мне снилось, что мы с тобой плыли тысячи и тысячи миль, мимо чудесных островов, то посреди течения, то у самых берегов!

— Не на тихих водах и не в спокойном море должны мы искать твоего отца, — говорила русалка, — надо испытать иные средства!..

— И вот волны стали постепенно вздыматься, море забушевало, и буря с бешенством кидала из стороны в сторону нашу утлую ладью, но ни единая капля воды не попадала в нее, и мы спокойно носились в ней в такую бурю, которая поглотила бы неизбежно самое великолепное судно.

— Ну, мы теперь опять у Капа! — сказала ты. — Здесь ты можешь встретить твоего отца. Надо хорошенько изучать горизонт; если только завидишь где-нибудь судно, так это он, так как в такую бурю только «корабль-призрак» может носиться по волнам. И вот мы, наконец, увидели судно, борющееся с волнами!

— Вот оно! — крикнула моя спутница, указывая пальцем на судно. — Вот где твой отец, Филипп!

— И мы быстро понеслись к судну; нас увидели и ждали. Мы причалили к судну; нам спустили сходню; хотя в такую бурю не могла бы пристать никакая шлюпка, наша раковина благополучно подошла. Я взглянул вверх и увидел отца! Да, это был он, я слышал, как он отдавал приказания, я сорвал с шеи реликвию и протянул ее ему. Он улыбнулся, стоя на планшире и держась за ванты. Я стал, чтобы схватиться за канат, который нам кинули, как вдруг раздался пронзительный крик, и со шкафута прыгнул в нашу раковину человек. Ты пронзительно вскрикнула, соскользнула с края раковины и исчезла под водой, а раковина, управляемая человеком, занявшим твое место, умчалась от судна с быстротой вихря. Я ощутил смертельный холод во всем теле и, оглянувшись на своего нового спутника, узнал в нем Шрифтена, того одноглазого негодяя, который утонул с остальными, когда» мы потерпели кораблекрушение!

— Нет! Нет! Не теперь еще! — крикнул он.

— В порыве бешенства я сбросил его с раковины, но он держался на воде, как пробка, ныряя в волнах.

— Мы еще свидимся с тобой, Филипп Вандердеккен! — крикнул он мне. Я с отвращением отвернулся от него, и в этот момент волна захлестнула мой челн, и он затонул. Я очутился в воде и чувствовал, что тону, ухожу все глубже и глубже, и вдруг проснулся.

— Ну, а теперь, Амина, что ты скажешь про этот сон? — спросил Филипп после некоторого молчания.

— Что я скажу? Мне кажется что он указывает тебе, что я твой лучший друг, а Шрифтен твой злейший враг!

— Согласен, но ведь он умер!

— А разве это так достоверно известно?

— Он едва ли мог спастись, чтобы я не знал об этом!

— Во всяком случае, мне кажется, тебе до поры следует оставаться здесь и в дальнейшем позволить мне руководить тобою, как это было во сне. А теперь не будем больше говорить об этом; помни только, что ты дал мне обещание исполнить мою просьбу.

— Да и готов исполнить, говори, в чем она?

— Сейчас мне нечего просить у тебя; ты со мной, и мне ничего больше на свете не надо! — отвечала Амина и припала к мужу на

плечо.

ГЛАВА XV

Прошло около трех месяцев после этого разговора. Филипп и Амина снова сидели на том же бережку, ставшем их излюбленным местом отдохновения, и вспоминали, что здесь, на этом самом месте, Амина предложила ему внушить сон, а потом услышала рассказ мужа об этом сне и здесь же истолковала ему его.

— Да, да, — говорил Филипп, — только если спросить об этом мнение патера Сейсена, он, наверное, не одобрит твоего поступка.

— Ты полагаешь? Что же, пусть себе осуждает, если хочет, я ничего не имею против! Сказать ему об этом?

— Нет, нет, — возразил Филипп, — пусть это останется тайной между нами!

— А представь себе, что я желала бы поговорить об этом с нашим добрым стариком! — сказала Амина.

В то время, как она говорила, Филипп вдруг почувствовал, как что-то коснулось его плеча, и дрожь пробежала по всему его телу. Он оглянулся назад и, к неописанному своему удивлению и ужасу, увидел лоцмана с «Тер-Шиллинга», одноглазого Шрифтена, которого он считал утонувшим, но который теперь стоял за его спиной с письмом в руке.

Это внезапное появление злобного урода вызвало у Филиппа невольное восклицание:

— Милосердый Боже! Неужели это возможно. Амина, также обернувшаяся при этом восклицании, при виде Шрифтена закрыла лицо руками и разразилась слезами; и это не было чувство страха, а сознание, что ее муж никогда не будет знать покоя при жизни и обретет его только в могиле.

— Филипп Вандердеккен, хи, хи! — говорил Шрифтен. — Я имею письмо к вам… от компании.

Филипп взял у него из рук письмо, но прежде, чем вскрыть его, посмотрел на Шрифтена и сказал:

— Я думал, что вы утонули с остальными! Каким образом вы спаслись?

— Каким образом я спасся? Хи! Хи! — отозвался лоцман. — А позвольте спросить, каким образом спаслись вы?

— Меня выкинуло волной на берег! — сказал Филипп. — Но…

— Но… — повторил Шрифтен. — Хи! Хи! Волны не должны были выбрасывать и меня, не так ли?

— Нет, почему же? А разве я сказал что-либо подобное?

— Нет, вы не сказали, но я предполагаю, что вы бы этого желали, а вышло, что я спасся совершенно так же, как вы. Хи! Хи!.. Но я не могу дольше оставаться здесь; я исполнил свою обязанность, и больше мне здесь делать нечего!

— Подождите, — сказал Филипп, — ответьте мне на один вопрос. Вы отправитесь и этот раз с тем же судном, как и я?

— Я бы просил извинить меня! — проговорил Шрифтен. — Я не ищу «Корабля-Призрака», мингер Вандердеккен! — и с этими словами маленький лоцман повернулся на каблуках и быстро зашагал в направлении города.

— Разве это не есть знамение, Амина? — сказал Филипп, все еще продолжая держать в руке невскрытое письмо.

— Не могу отрицать, дорогой мой Филипп. Это надо признать за знамение, и этот посланный, как будто вышедший из могилы для того, чтобы вручить тебе это письмо, и эта неожиданность… Прости мне мой внезапный порыв горя; я не буду больше докучать тебе моими слезами, но это послание застигло меня врасплох… Но ты должен прочесть письмо!

Филипп, не сказав ни слова, взломал печать и, пробежав глазами письмо, сообщил жене, что он назначен старшим помощником на «Фрау-Катрина», судно, отправляющееся вместе с готовящейся к отплытию в ближайшем времени флотилией, и что его приглашают явиться как можно скорее, так как надо уже принимать груз и грузить судно. Кроме того, в письме от секретаря компании говорилось, что в следующий раз он непременно получит командование судном на условиях, которые будут сообщены ему, как только он явится на судно.

— Мне казалось, Филипп, что ты просил назначения капитаном на этот раз! — заметила Амина, видимо огорченная.

— Да, действительно, но так как я не настаивал на этом и за все это время не напоминал о моем желании, то, вероятно, о нем забыли! В этом, конечно, виноват я сам!

— А теперь уже слишком поздно?

— Да, дорогая, назначение состоялось, суда распределены! Впрочем, это не беда; я даже, пожалуй, рад, что иду старшим помощником, а не капитаном на этот раз!

— Но я весьма разочарована этим, — сказала Амина, — я не говорила тебе до сих пор, но все равно, пожалуй, могу сказать и теперь: я была уверена, что ты пойдешь в море капитаном, и помнишь, я просила тебя исполнить одну мою просьбу; это просьба должна была заключаться в том, чтобы ты согласился взять меня с собой. С тобой мне было бы все равно жить или умереть, но оставаться здесь одной, в постоянной неизвестности, это страшно мучительно. Помни, Филипп, что ты обещал мне исполнить мою просьбу. Как капитан, ты имеешь право принять свою жену на судно. Мне очень горько, что придется этот раз остаться здесь, а потому утешь меня хоть сколько-нибудь, пообещав, что следующий раз ты непременно возьмешь меня с собой, если только Богу будет угодно, чтобы ты вернулся!

— Я обещаю, Амина! Я не могу ни в чем отказать тебе, но у меня есть какое-то тяжелое предчувствие, что и твое, и мое счастье погибнет навсегда. Итак, я дал обещание, но очень бы хотел, чтобы меня освободили от него.

— Но если даже нас ожидает несчастие, Филипп, то, значит, таков наш удел! Кто же может изменить его?

— Нам дана свободная воля и рассудок, и мы до известной степени можем руководить своей судьбой!

— Пусть так, — согласилась Амина, — но нам надо теперь идти домой: тебе нужно отправляться в Амстердам, а я поеду с тобой. После дневных трудов ты хотя бы до момента отплытия можешь проводить вечера подле твоей Амины, не правда ли?

— Да, дорогая, я сам хотел предложить тебе это! Меня ужасно удивляет, каким образом Шрифтен мог очутиться здесь? Я, конечно, не видал его трупа, тем не менее его спасение кажется мне чудесным. Почему он не явился, если остался жив? Где он мог быть? Как ты думаешь, Амина?

— Как я об этом думаю? — повторила она. — Я давно думала и думаю, что он злой призрак, блуждающий по земле, имеющий какую-то таинственную связь с твоей странной судьбой. Ах, если бы я обладала всеми знаниями моей матери, всей ее таинственной силой!

Но прости меня, Филипп, я забыла, что ты не любишь, чтобы я говорила о таких вещах.

Филипп ничего не сказал, и они оба пошли к своему дому. Хотя Филипп решил, как ему поступить, но, придя домой, тотчас же призвал обоих патеров и сообщил им обо всем и о своем желании услышать их мнение на этот счет.

Предоставив патерам совещаться, он пошел наверх к жене, и лишь часа два спустя старцы прислали за ним. Патер Сейсен был, по-видимому, очень взволнован и смущен.

— Сын мой, — сказал он, — мы полагали, что даже допуская мысль, что все было именно так, как вы нам говорили, а не было болезненным воображением, — полагали, что все это исходило от лукавого, и были уверены, что наши усердные молитвы уничтожат чары нечистой силы, поэтому советовали вам ожидать нового знамения. Теперь вам кажется, что это послание, само по себе не имеющее особого значения, и есть то знамение, которого вы ждали. Тут, конечно, играет главную роль сам посланный! Скажите, Филипп, разве вы не допускаете возможности, что и этот человек мог спастись, как вы?

— Отрицать такую возможность я не могу, конечно, хотя и мало вероятий на то, чтобы это было так; мое мнение, что он — не земной посланец, и что он таинственно связан с моей судьбой. Кто он такой, я не могу сказать, и какова его таинственная роль, тоже не знаю!

— Так вот, сын мой, — продолжал патер Сейсен, — мы решили ничего вам не советовать; поступайте в дальнейшем, как раньше; но как бы вы ни решили, мы не станем осуждать вас, и наши молитвы будут сопровождать вас повсюду.

— Я решил, святые отцы, последовать зову!

— Пусть так, сын мой! Быть может, время раскроет эту тайну, которая, признаюсь, свыше моего понимания!

Патер Матиас воспользовался случаем поблагодарить Филиппа за его гостеприимство и заявил о своем намерении отправиться в Лиссабон с первым отправляющимся туда судном.

Несколько дней спустя, Филипп и Амина простились со своими друзьями и уехали в Амстердам. Патер Сейсен принял на себя присмотр за домом до возвращения Амины, и домик на время опустел. По прибытии в Амстердам,

Филипп отправился к директорам Ост-Индской компании и получил обещание назначения командиром судна в следующее плавание при условии, что он будет паевым владельцем этого судна, на что Филипп с полной готовностью согласился. Затем Филипп поехал на судно, на которое был назначен старшим помощником, «Фрау-Катрина», которое было еще не оснащено, так как флотилия должна была уйти в море не ранее, как через два месяца. На судне находилась теперь только часть экипажа; капитан, проживавший в Дорте, тоже еще не прибыл.

Насколько Филипп мог судить, «Фрау-Катрина» показалась ему весьма неважным судном, хотя и больше многих других, старым и плохо построенным. Тем не менее, оно сделало уже несколько рейсов в Ост-Индию и обратно, а потому можно было надеяться, что компания не пустила бы его снова в столь дальнее плавание, если бы не была уверена в его годности. Отдав кое-какие распоряжения находившимся на судне людям, Филипп поспешил в гостиницу, где снял помещение для себя и для Амины.

На следующий день он надзирал за крепой вантов при начавшейся оснастке судна, когда на него прибыл капитан. Перебежав по мостикам, перекинутым с набережной на судно, и взбежав на палубу, он прежде всего кинулся к грот-мачте и, обняв ее обеими руками, несмотря на то, что на ней было достаточно смолы и дегтя, чтобы испачкать платье, громко и восторженно воскликнул: «О, моя дорогая, моя возлюбленная Фрау, моя Катрина! Ну, как ты поживаешь? Как я рад, что снова вижу тебя! Ну, тебе хорошо жилось, я надеюсь!.. Знаю, знаю, ты не любишь быть в таком виде, но потерпи немного, дорогая моя, скоро ты вновь принарядишься!.. «. Можно было подумать, что он говорил с любимою женщиной: так ласково и нежно звучали его слова.

Звали этого влюбленного в свое судно капитана Вильгельмом Барентцем. Это был еще молодой человек, по-видимому, лет тридцати не более, миниатюрного сложения, с красивым, но женственным лицом. Движения его были быстры и беспокойны, а в глазах было нечто, говорившее о том, что он причудлив и как будто несколько помешан.

Когда он кончил свое восторженное приветствие судну, Филипп подошел к нему и представился.

— Ах, да, вы старший помощник на «Фрау-Катрина»! Вы счастливейший человек, могу вам сказать! Если бы я не был ее капитаном, то считал бы самым завидным в мире положением быть старшим помощником на ней.

— Но уж, конечно, не на основании ее красоты, — засмеялся Филипп, — хотя, быть может, это судно имеет много других достоинств.

— Как не на основании его красоты?! Да я вам говорю, как говорил мой отец до меня, так как это судно было раньше его «Фрау», а потом стало моей «Фрау», что это красивейшее в мире судно. Вы, конечно, сейчас не можете судить об этом… И не только красивейшее, но и лучшее по своим другим качествам и достоинствам!

— Очень рад слышать об этом, сэр! — сказал Филипп. — Это только доказывает, что никогда не следует судить по видимости. Но разве это судно не старо?

— Старо? Да ему не более двадцати восьми лет! Что называется, в самом цвету! Вы только подождите, сэр, когда увидите, как «Фрау-Катрина» запляшет на волнах; тогда вы только и будете делать, что целые дни говорить со мной об ее несравненных достоинствах, и я уверен, что мы будем прекрасно проводить время вместе. Я должен вас предупредить, мингер Вандердеккен, что каждый офицер, неодобрительно отзывающихся о «Фрау-Катрине», находит во мне личного врага; я — ее рыцарь и из-за нее сразился уже с тремя противниками; надеюсь, мне не придется сражаться еще с четвертым!

Филипп улыбнулся, подумав при этом, что из-за «Фрау-Катрины» не станет сражаться, но не сказал ни слова и с этого времени никогда ни словом, ни намеком не касался ни красоты, ни достоинств «Фрау-Катрины».

Вскоре экипаж был пополнен, оснастка закончена, и «Фрау-Катрина» встала на якорь в канале, запруженном другими судами флотилии. Нагрузка шла успешно, и как только трюм ее был заполнен, получилось совершенно неожиданно предписание принять на судно сто пятьдесят человек солдат, к превеликому огорчению Филиппа, и еще пассажиров с женами и детьми.

Филиппу приходилось много работать, так как капитан ничего не делал, а только восхвалял свое судно. Наконец, все было готово, и флотилия готовилась выйти в море.

Настало время расставаться с Аминой, которой он до сего времени посвящал каждую свободную минуту. Через два дня рассчитывали сняться с якоря. На другой день надо было проститься. Амина была сдержанна и покойна: она была убеждена, что опять свидится со своим мужем. С этим чувством она простилась с ним на берегу, когда он сел в шлюпку, которая должна была его доставить на судно.

Амина следила за шлюпкой до тех пор, пока могла видеть Филиппа, затем медленно пошла в гостиницу. На другой день поутру, когда она проснулась, флотилия уже ушла в море, и канал, в котором еще накануне теснились суда, теперь опустел.

ГЛАВА XVI

Мы должны здесь предоставить Амину ее горю и последовать за Филиппом. Вся флотилия благополучно прошла Зюдер-Зее. Но не прошло и часа времени с момента выхода в море, как «Фрау-Катрина» отстала на полторы-две мили от всех остальных. Мингер Барентц нашел, что в том была вина постановки парусов, натяжения вантов и рулевого, которого несколько раз сменяли по его приказанию; словом, все и все были виноваты, но только не его возлюбленная «Фрау-Катрина». Однако, ничего не помогало, и «Фрау-Катрина» все оставалась позади, оказавшись на деле самым тихоходным судном из всей флотилии.

— Мингер Вандердеккен, — обратился к Филиппу капитан. — «Фрау», как обыкновенно ее называл мой отец, не особенно быстроходна перед ветром, но зато во всех других положениях это первое судно в мире! Вот вы увидите, как только повернет ветер, она покажет себя всем остальным судам флотилии. «Фрау» — превосходное судно. Не правда ли, мингер Вандердеккен?

— Прекрасное просторное судно! — отвечал Филипп, желая утешить огорченного не на шутку капитана.

Шли то при попутном ветре, то против ветра, то вольно, но при всех румбах «Фрау-Катрина» оставалась неизменно позади всех, и флотилия принуждена была под вечер лечь в дрейф, чтобы дать ей возможность догнать. Тем не менее капитан продолжал утверждать, что тот румб, на котором они в данный момент находились, был единственный, при котором «Фрау-Катрина» оказывалась не вполне удовлетворительной. К сожалению, кроме отсутствия быстроходности, судно имело еще много других недостатков. Прежде всего она очень плохо слушалось руля, имело трещины и давало течь, но мингер Барентц обожал свое судно и, как влюбленный юнкер, не видел пороков и недостатков своей возлюбленной. Однако не все были так слепы, и адмирал, командовавший флотилией, видя, что плавание страшно затягивается от плохого хода одного судна, решил предоставить «Фрау-Катрину» самой себе, как только они обогнут Кап. Но судьба избавила его от этой жестокости оставить одно из

судов своей флотилии в открытом море; налетела сильная буря и, помимо его желания, рассеяла все суда в разные стороны. Таким образом после двух суток плавания славное судно «Фрау-Катрина» очутилось совершенно одно, с трудом прокладывая себе путь по волнам и давая такую течь, что все люди, не переставая, работали насосами, причем ее так сильно относило взад, как будто оно шло туда на всех парусах. Буря продолжалась целую неделю, и положение судна с каждым днем становилось все опаснее. Нагруженное свыше меры, с огромным количеством людей, солдат и пассажиров, судно стонало и скрипело при каждом движении; волны поминутно перекатывались через него из-за глубокой осадки, и люди у насосов совершенно выбились из сил. Филипп всюду проявлял свою деятельность и распорядительность, подбодряя истомленных людей, помогая сам, где нужно, и почти вовсе не справляясь с приказаниями капитана, который, впрочем, почти ни во что не вмешивался.

— Ну, вы теперь должны сознаться, что «Фрау» — превосходное наветренное судно, — сказал капитан, обращаясь к Филиппу в то время, как они стояли рядом, держась за кофельнагели, — не правда ли? — Осторожней, красавица моя, осторожней! — продолжал он, обращаясь к судну, тяжело нырявшему на волнах и скрипевшему на всех швах. — Осторожнее, дорогая моя «Фру»! Воображаю, как качает и швыряет из стороны в сторону тех бедняг, что на других судах! Что, мингер Вандердеккен, теперь вы видите, что мы опередили их?

Они, должно быть, очень далеко остались позади. Как вы думаете?

— Право, не знаю, что сказать! — отозвался Филипп, подавляя улыбку.

— Ну, как же! Ни одного судна не видно!.. Впрочем, нет, вон там судно… посмотрите, там с подветренной стороны! Я, как будто, вижу судно. Ну, это, должно быть, страшно быстроходное судно, если могло поравняться с нами! Но какое оно, должно быть, неповоротливое, если в такую бурю идет под всеми парусами. Боже милосердый! Это что-то невиданное!

Филипп уже раньше заметил его. Это было большое величественное судно, шедшее по одному направлению с «Фрау-Катрина». Оно шло под всеми парусами в такую погоду и при таком ветре, когда ни одно судно не могло нести верхних парусов. Мало того, громадные валы вздымались точно горы, а видимое с подветренной

стороны судно, как будто, не признавало этих валов и шло прямо, не колыхнувшись, не изменяя уклона килевой линии. Филипп сразу догадался, что это «Корабль-Призрак», на котором обречен скитаться его отец.

— Странно, не правда ли, мингер Вандердеккен? — обратился к нему капитан.

Но Филипп почувствовал такое стеснение в груди, что не в состоянии был ничего ответить.

Между тем, люди успели уже увидеть таинственное судно, а экипажу хорошо было известно поверье о «Корабле-Призраке», точно также слышали рассказы о нем и в войсках. Как только распространился слух, что показалось таинственное судно, все поспешили наверх — взглянуть на него собственными глазами, но в этот момент на «Фрау-Катрина» налетел громадный шквал, хлынул ливень, и разразился страшный гром. С минуту ничего не было видно: все потонуло в густом тумане ливня; но минут десять спустя прошел ливень; все кругом прояснилось, и когда глаза всех обратились в подветренную сторону, там, где было судно, его уже не оказалось.

— Боже Милосердный, его, наверное, перевернул шквал, и оно пошло ко дну! — проговорил Барентц. — Я так и думал! Какое безумие в такую бурю нести все паруса! Ни одно судно не может нести больше парусов, чем «Фрау-Катрина»! Я полагаю только, что капитан хотел не отстать от нас! Как вы думаете, мингер Вандердеккен?

Филипп ничего не ответил на это; он только сознавал что его судну грозит неминуемая гибель, и, предвидя гибель всех этих людей, невольно содрогался.

— Мингер Барентц, — проговорил он, — по-видимому, буря не скоро утихнет! А лучшее судно, которое когда-либо было построено, не может выдержать долго такой непогоды; поэтому я позволил бы себе предложить вам переменить галс и вернуться в Столовый залив, чтобы немного починиться. Я уверен, что мы застанем там всю нашу флотилию!

— Не бойтесь за наше славное судно! — возразил капитан. — Смотрите, как прекрасно «Фрау-Катрина» справляется с бурей.

— Проклятая скорлупа, — пробормотал один из матросов, которые толпой собрались вокруг Филиппа, чтобы слышать, что он посоветует. — Знай я, что это такая старая рухлядь, такая дырявая

посудина, я бы никогда не решился поступить на нее даже на час. Мингер Вандердеккен прав, нам надо вернуться в Столовый залив прежде, чем с нами случится настоящая беда. Это судно под ветром предупредило нас о несчастьи. Оно является недаром, — спросите мингера Вандердеккена; он, наверное, знает, так как он — настоящий моряк.

Эти слова старого матроса заставили вздрогнуть Филиппа, хотя он отлично знал, что матрос сослался на него, ничего не подозревая об его отношениях к «Кораблю-Призраку».

— Я должен подтвердить, что когда бы я ни встречался с этим судном, всегда оно предвещало несчастье! — проговорил Филипп.

— Это судно? Что могло напугать вас в этом судне? Судно — как судно; вся беда в том только, что на нем было слишком много парусов, и потому его перевернуло, и оно пошло ко дну и затонуло!

— Оно никогда не затонет! — сказал один из матросов.

— Никогда! — подхватило разом несколько голосов. — А мы затонем, если не вернемся назад, в Столовый залив!

— Ба-а, глупости! Мингер Вандердеккен, что вы на это скажете?

— Я уже высказал свое мнение! — отозвался Филипп. — Самое лучшее, что мы можем сделать, это — свернуть в Столовый залив.

— И мы все решили, капитан, что это так и будет! — заявил один старый матрос. — Хотите вы или не хотите, а мы рисковать своей жизнью на этой дырявой посудине не желаем. Поворачивай руль, ребята, а мингер Вандердеккен управится с парусами.

— Что, что это такое?! — закричал капитан. — Бунт на судне! На «Фрау-Катрина»?! Не может быть! Нет! «Фрау-Катрина» — лучшее, быстроходнейшее, надежнейшее судно в мире.

— Старая, дырявая галоша, негодная лохань! — крикнул один из матросов.

— Что? Что я слышу? — вскричал капитан. — Мингер Вандердеккен, связать этого лжеца за бунт!

— Пустяки, не стоит обращать на него внимания; он сумасшедший! Приказывайте, мингер Вандердеккен, мы вам будем повиноваться! — кричали матросы. — Но пусть сейчас же повернут руль!

Капитан бесился, грозил, а Филипп, соглашаясь с превосходными качествами «Фрау-Катрины» и в то же время порицая поведение

матросов, вызванное в них паникой, стал доказывать Барентцу необходимость уступить требованию людей, на что тот в конце концов и согласился. Руль повернули на другой галс, паруса установили, как нужно, и часа два спустя ветер стал стихать, и небо начало разъясниваться. Течь стала меньше, и Филипп начал надеяться, что через день или два они сравнительно благополучно доберутся до залива.

Вскоре ветер совершенно спал, и наступило затишье. Буря прошла, и только тяжелые валы как-то лениво ходили еще по морю и несли к западу «Фрау-Катрину». Это было время передышки для измученного экипажа и пассажиров, в том числе и солдат.

Женщины, дети, все столпились на палубе; все снасти были завешаны мокрым бельем и платьем, так как во время во время бури люди, находившиеся на палубе, промокли до нитки. Матросы усердно исправляли все повреждения, происшедшие во время бури, и по их расчету до Столового залива оставалось не более пятидесяти миль; они каждую минуту надеялись увидеть землю к югу от залива. Все ожили и успокоились, кроме Филиппа.

Младший помощник, которого звали Кранц, был человек деятельный и хороший моряк; с Филиппом они хорошо сошлись, и Филипп знал, что ему можно довериться.

В послеобеденное время они ходили вместе по палубе, и Кранц обратился к Филиппу:

— Как вы думаете, Вандердеккен, о том странном судне, которое мы видели?

— Я уже и раньше видал его не раз и…

— И что?

— И всякий раз судно, встречавшееся с ним, не возвращалось в порт!

— Так разве это призрак судна?

— Так говорят; о нем ходит много толков, но я убежден только в одном, что какое-нибудь несчастье произойдет с нами прежде, чем мы войдем в порт, хотя все в данный момент кажется так спокойно, и мы так близко от цели.

— Вы суеверны, Вандердеккен! — заметил Кранц. — Но и я должен признаться, что это судно мне показалось неестественным, не настоящим судном; уж одно то, что в такую бурю ни одно судно не

могло бы нести столько парусов; с другой стороны, у нас не мало разных сумасшедших во флот, которые проделывают самые невероятные безумства, и потому я до тех пор не поверю в сверхъестественное, пока не осуществится ваше предчувствие!

— О, я буду особенно счастлив, если окажусь не прав! Но вы не забывайте, что нам может грозить опасность и не от одной только бури!

— Это правда, — согласился Кранц, — тем не менее не станем каркать, как зловещие вороны! Я вам предсказываю, что, несмотря ни на что, раньше чем пройдет два дня, мы будем преблагополучно стоять на якоре в Столовом заливе.

На этом разговор кончился, и Филипп был рад остаться один и мысленно молил Бога, чтобы беда миновала, чтобы Он пощадил жизни всех этих людей.

Солнце уже село, когда Филипп сошел вниз и, помолившись еще раз, заснул. Но прежде, чем пробили восемь склянок, означающих полночь, он вдруг почувствовал, что его кто-то сильно тряс за плечо. Перед ним стоял Кранц, стоявший первую ночную вахту.

— Вандердеккен, вы были правы! — Вставайте скорее: мы горим!

— Горим ?.. — воскликнул Филипп, вскочив с койки. — Где же пожар?

— В главном трюме!

— Идите, Кранц, пусть люки остаются закрытыми! Готовьте насосы, я иду за вами!

Менее чем через минуту Филипп был уже наверху. Капитан тоже вышел на палубу, предупрежденный о несчастии младшим помощником. В нескольких словах Кранц объяснил все. Он, стоя на вахте, услышал запах гари, исходящий из трюма, и приподняв одну из половиц над люком, убедился, что трюм полон дыма. Тотчас же закрыв люк без посторонней помощи, чтобы не вызвать паники среди людей, он поспешил уведомить Филиппа и капитана.

— Благодаря вашему присутствию духа, Кранц, мы теперь имеем возможность обсудить, что следует делать, так как, если бы солдаты, женщины и дети узнали, что мы горим, всякая возможность что либо сделать была бы потеряна! — сказал Филипп. — Но что могло там загореться и каким образом?

— Я никогда не слыхал, чтобы на «Фрау-Катрине» был пожар, это невероятно! Нет, здесь какая-нибудь ошибка, недоразумение! Она… — говорил капитан, но никто его не слушал.

— Да, я теперь вспоминаю, что у нас в трюме есть несколько ящиков горючей жидкости в бутылках! Возможно, что во время бури от страшной качки некоторые из этих бутылей разбились; я держал их на самом верху, на случай несчастия; но, вероятно, эти постоянные толчки и качка сдвинули их как-нибудь с места!

— Наверное так и есть! — сказал Кранц.

— Я еще не хотел принимать этого купороса, предлагая отправить его на каком-нибудь другом судне, где не столько солдат, женщин и детей! Но мне возразили, что доставка уже принята и изменить ничего нельзя. Однако за дело! Я думаю держать люки закрытыми, чтобы по возможности задушить пламя!

— Да, — согласился Кранц, — и в то же время прорезать в палубе небольшое отверстие, куда можно было бы ввести рукав насоса, и заливать огонь водой, которую мы будем накачивать через насос в трюм!

— Это прекрасная мысль, Кранц! Сейчас же пошлите за плотником, и пусть он немедленно примется за работу.

Я вызову людей наверх и поговорю с ними; если нам удастся не взбаламутить солдат и женщин, то мы можем еще что-нибудь сделать!

Люди были вызваны наверх и явились тотчас же, недоумевая, зачем они могли понадобиться в такое время. Они ничего не заметили, так как дым еще не прошел в нижнюю палубу.

— Ребята, — обратился к ним Филипп, — мы имеем основание думать, что в трюме горит!

— Да, я слышу запах гори! — воскликнул один.

— И я тоже! — подхватило несколько человек с явной тревогой в голосе и в лице, делая движение, чтобы бежать вниз.

— Смирно, ребята, и никто ни с места! — воскликнул Филипп. — Если вы всполошите солдат и женщин с ребятами, то мы ничего не сможем сделать! Помощи нам ждать не откуда; вы сами знаете, надо самим себе помочь. Мингер Кранц и плотник делают, что можно, и вы тоже должны делать, что нужно: садитесь, и я скажу вам, что делать.

Матросы повиновались. Филипп помолчал немного, чтобы дать людям время несколько успокоиться и свыкнуться с мыслью об

опасности, затем разъяснил им положение дела и дал понять, как важно, чтобы все они сохраняли хладнокровие и не теряли головы. Он упомянул о том, что у них очень небольшой запас пороха, всего несколько бочонков, и что опасаться взрыва пока нечего, так как сейчас еще огонь далеко, но что необходимо вытащить весь порох наверх и выбросить за борт; в случае, если бы им не удалось потушить пожара, у них такой запас досок и всякого матерьяла, что общими силами легко соорудить плот, на котором, как и на шлюпках, они могут поместиться все, если соблюдать порядок и благоразумие: в сущности, ведь земля недалеко!

Речь Филиппа к матросам дала превосходные результаты: люди образумились, и по его приказанию одни спустились в крюйт-камеру и стали выносить один за другим бочонки с порохом, другие принимали их наверху и бросали за борт. Третьи стали работать насосом, накачивая воду в трюм. Работа кипела; но скрывать дольше опасность от пассажиров и солдат не представлялось никакой возможности. Солдаты спали на палубе, и самая работа матросов позволяла догадаться о том, что происходит, даже если бы запах дыма и гари не предупредил их об этом. В одну минуту со всех концов судна послышалась тревога: «Горим! Горим!». Все обезумели. Кто спешил одеться и захватить свой узел, кто выбегал с криком на палубу, кто молился про себя. Ужас и тревогу этих людей невозможно было описать. Однако матросы продолжали работать, не взирая ни на что; порох был весь вынесен и спущен за борт; в палубе было проделано второе отверстие, и в него также спущен рукав. Тем не менее огонь усиливался. Дым и смрад вырывались сквозь щели люковых трапов, и Филипп решил убрать женщин и детей на корму, послав и их мужей туда же. Офицеры, начальствовавшие над солдатами, были молодые, неопытные; в минуты опасности таких юнцов обыкновенно не слушают, считая их не умнее себя и ставя в упрек их неопытность, а потому, видя их бесполезность в качестве командиров, Филипп поручил им женщин и детей, прося позаботиться, чтобы все оделись, так как многие были не одеты. Люди работали без устали, и когда матросы стали изнемогать, солдаты сами предложили сменить их у насосов. Но все было напрасно: с страшным шумом и ревом пламя вырвалось, наконец, наружу и взлетело до высоты матч. Оглушительный крик и вопли женщин огласили воздух; люди,

работавшие у насосов, кинулись в стороны, чтобы избежать силы взрыва в первую минуту.

— Не робей, ребята! — крикнул Филипп. — Если нельзя потушить огня и спасти судно, то можно спасти наши жизни, если только вы не будете терять хладнокровие! Спускай шлюпки! Плотники, беритесь за доски, срывайте снасти, готовьте плот. Помогай все, кто может! Надо же спасти этих женщин и детей! Берег недалеко. Кранц, присмотрите за шлюпками!

Пламя бушевало и ревело, и Филипп отлично сознавал, что им остается очень немного времени. Но шлюпки были уже все спущены, и людей сажали в них в строгом порядке; матросы спускали туда запасы пищи и воды, которые сидевшие в шлюпках размещали, как могли. Плот был сколочен наскоро и связан всеми снастями и канатами, какие только нашлись, и людей сажали на него, пока, наконец, сердце Филиппа не успокоилось при виде того, что все люди, находившиеся на судне, могли быть спасены.

ГЛАВА XVII

Однако еще не все было сделано. Огонь вырвался уже на верхнюю палубу; вскоре сообщение с носовой частью судна стало невозможным. Было около четырех часов утра, когда все было готово, и женщины и дети благополучно размещены на плоту. Теперь оставалось еще высадить солдат и разместить их в шлюпках; две трети всего их числа благополучно заняли свои места, согласно указаниям Кранца, наблюдавшего за высадкой. По просьбе Филиппа, капитан, вооруженный двумя револьверами, встал у винной камеры, где хранились запасы спирта и преграждал доступ в нее, пока дым и пламя не отрезали путь к этому помещению. Этой разумной мерой Филипп достигнул того, что не один человек на судне не был пьян, и все действовали разумно и сознательно. Но вот огонь охватил и кормовую часть судна, и громадные языки пламени вырвались разом изо всех пушечных портов и мгновенно уничтожили веревочные лестницы, по которым спускались солдаты; они попадали в воду, а оставшиеся еще на судне очутились в кольце пламени, задыхаясь от жары и дыма. Филипп стал говорить, но его не было слышно, да и никто не слушал его теперь; все обезумели, особенно солдаты.

Все спешили спастись, но другого спасения, как кидаться за борт, не представлялось. Между тем шлюпки и плот должны были отойти подальше от судна, чтобы защищаться от огня и летящих в воду горящих головней. Если бы обезумевшие люди обождали всего несколько мгновений и согласно распоряжению Филиппа стали бы прыгать в воду один за другим, люди на шлюпках вылавливали бы их в свои шлюпки, или же если бы они проползали до конца свисшей над самой водой, нарочно опущенной для этой цели бизань-мачты, все могли бы быть спасены; но вместо того они, точно стадо овец, все разом кинулись через гакаборт, так что находившиеся на шлюпках не успевали вылавливать их достаточно быстро, и многие пошли ко дну. Из матросов на судне в эту минуту было всего несколько человек и с ними Филипп и капитан: большинство же находилось на шлюпках и на плоту. Оставшиеся на судне не отходили от Филиппа и действовали

согласно его указаниям. Дав время выловить всех солдат, которых можно было спасти,

Филипп приказал матросам одному за другим доползти до конца косой мачты и спуститься на плот или в воду, а оттуда их должны были принять на шлюпки. Из них не погиб ни один. Тогда Филипп предложил капитану сойти первому, но тот отказался; тогда Филипп спустился первый, а за ним и капитан, и оба поместились на шлюпке. Канат, которым был прикреплен к судну плот, был обрублен и взят на шлюпки.

На небе занималась заря, когда потерпевшие несчастие тронулись от места катастрофы к берегу.

К этому времени «Фрау-Катрина» представляла собою один сплошной пылающий костер. Капитан Барентц не спускал с нее глаз и, с трудом сдерживая слезы, дрожащим голосом восклицал: «Вот гибнет прекраснейшее судно, судно, которое только что не говорило, так оно было разумно и бесподобно; оно не знало себе равных, и в целом флоте нет другого судна, которое могло дать такую яркую иллюминацию, как „Фрау-Катрина“. Смотрите, разве оно не роскошно, не величественно горит?! Бедная моя „Фрау-Катрина“. Ты безупречна до конца! Мы никогда больше не увидим другого такого судна, как ты! Но я рад, что отец мой не дожил до этого ужасного зрелища: оно разбило бы его сердце!»

Филипп ничего не ответил, почувствовав даже уважение к любви капитана к его судну.

Шлюпки и плот подвигались не быстро, так как вал был довольно силен, а плот перегружен. Наступавший день не обещал хорошей погоды; можно было ожидать новой бури. Филипп искал глазами землю, но ничего нельзя было видеть из-за густого тумана. А на плоту было до 60 человек детей и женщин и все без пищи, без воды, а впереди буря и темная ночь! Было от чего придти в отчаяние, и Филипп был в отчаянии при мысли, что все это горе, все это несчастье, быть может, произошло по его вине.

— Земля с наветренной стороны! — крикнул вдруг Кранц, находившийся на передней шлюпке. Этот крик мгновенно придал всем бодрости; почти отчаявшиеся люди сразу ожили.

Филипп встал на носу своей шлюпки и увидел, что берег был уже недалеко, — менее чем в пяти милях расстояния, и луч надежды

проник и в его сердце.

Ветер свежел, и волны начинали вздыматься, ветер был не попутный, но и не противный; он дул в бок. Люди на шлюпках нагибались над веслами, удваивая свои усилия, чтобы скорее достигнуть берега; все как-то разом повеселели и приободрились, но плот был так тяжел и сидел так глубоко, что замедлял ход шлюпок, к которым был привязан, и бедные гребцы выбивались из сил.

К полудню они были уже всего в трех милях от берега; но после полудня ветер стал крепчать; плот так сильно заливало волнами, что находившиеся на нем начали опасаться за свою жизнь. Между тем гребцы стали ослабевать от голода и усталости, и, хотя продолжали работать, силы, видимо, изменяли им: были минуты, когда они хотели предоставить плот воле волн, и одни, сами по себе, добраться до берега. Но Филипп подбодрял и увещевал их, и из уважения к нему они не осмеливались ослушаться.

Однако расходившиеся волны и ветер так трепали наскоро сколоченный и связанный плот, что находившиеся на нем с трудом удерживались на своих местах. Вдруг громкий крик и страшные вопли заставили дрогнуть сердца находившихся на шлюпках. Первым оглянулся Филипп и увидел, что связки плота не выдержали напора волн, и плот разорвался пополам: одна половина, оставшаяся на привязи, быстро удалялась от оборвавшейся; мужей оторвало от жен и детей; некоторые кидались в воду, чтобы остаться вместе, и тут же тонули прежде, чем им успевали оказать помощь. Между тем и остальные скрепы плота стали расходиться: люди цеплялись за обломки, за отдельные доски, цеплялись друг за друга, отчаянно взывая о помощи.

Находящиеся на шлюпках спасали кого могли, хотя шлюпки были до того перегружены, что с трудом и опасностью для самих себя могли принимать спасенных.

На глазах у всех женщины и дети тонули, и ничего нельзя было сделать для их спасения.

Можно себе представить весь ужас этой катастрофы, но описать его нельзя. Матросы, незадолго перед тем хотевшие предоставить плот на волю волн, теперь плакали, как дети. Филипп был подавлен, убит; он закрыл лицо руками и долгое время не произносил ни слова, не

давал никаких распоряжений и даже как будто не сознавал, что происходит вокруг него.

Было пять часов вечера, когда случилось это страшное несчастье, а перед закатом все шлюпки благополучно пристали к берегу и высадились на песчаной отмели. Шлюпки вытащили на берег, и изнемогающие люди улеглись тут же на песке, еще теплом от солнца, и, забыв, что они не ели и не пили, заснули крепким сном. Капитан Барентц, Филипп и Кранц, убедившись, что шлюпки убраны, несколько минут совещались, затем последовали примеру остальных.

Проспав очень долго, они, наконец, проснулись к печальной действительности, мучимые жаждой и голодом. По предложению Филиппа все разошлись по разным направлениям искать пресной воды. Но сколько они ни искали, воды нигде не находилось; нашли только широколистое растение, на листьях которого собиралась роса, и мучимые жаждой люди жадно слизывали эту росу, утоляя хоть отчасти свою жажду. А пищи никакой не было. Некоторые, однако, догадались не только слизывать росу, но и сжевывать самые листья и таким образом утолили и свой голод. По совету Филиппа набрали очень много этих листьев, сложили их в шлюпки, которые затем спустили на воду.

До Столового залива было не более пятидесяти миль, и хотя у них не было парусов, но ветер был попутный. Филипп доказал им, что бесполезно оставаться здесь, когда они до утра, вероятно, пристанут там, где найдут все, что нужно. Все сели на шлюпки и машинально стали грести.

На другой день перед рассветом они были у входа в Ложный залив; им оставалось еще много миль пути, да и то прошли они весь этот путь благодаря попутному ветру; гребцы же очень мало могли сделать, так как были истощены и изнурены до последней крайности.

Однако подбодряемые близостью берега, они около полудня добрались до берега в глубине Столового залива, близ домов населения и небольшого форта, служившего для них защитой. Едва только люди на шлюпках завидели широкую в эту пору года реку, как повыскакивали по пояс в воду из своих шлюпок и принялись утолять свою жажду. Но некоторые благоразумные дождались момента высадки и тогда, стоя на сухом берегу, пили в свое удовольствие.

Утолив свою жажду, потерпевшие крушение направились к жилищам поселенцев, которые сами вышли им навстречу и узнав, что все эти несчастные в течение двух суток ничего не ели, тотчас озаботились накормить их, после чего Филипп и Кранц подробно рассказали историю постигшего их несчастья.

— Ваше лицо мне знакомо! — сказал один из поселенцев, обращаясь к Филиппу. — Вы уже раньше когда-нибудь были здесь? Ну да, теперь я припоминаю! Ведь вы были единственный человек, спасшийся во время гибели «Тер-Шиллинг»!

— Нет, не единственный! — поправил его Филипп. — Сначала я и сам думал, что это так, но впоследствии увидел нашего бывшего лоцмана, одноглазого Шрифтена, который, вероятно, прибыл сюда после меня. Вы, наверно, видели его!

— Нет, не видал, и никто здесь не видал: никто из экипажа «Тер-Шиллинга» не был здесь после вас! Я живу здесь неотлучно уже много лет и, конечно, помнил бы этого человека.

— Он, вероятно, вернулся в Голландию каким-нибудь другим путем!

— Право, это едва ли возможно! — заметил переселенец. — Дело в том, что наши суда после захода сюда никогда нигде больше не пристают, так как берег слишком опасен!

— Но я все-таки видел его после!

— Ну, если вы видели, то, конечно, говорить не о чем! Может быть, какое-нибудь судно отнесло ветром к восточному берегу и оно подобрало его; туземцы на том берегу не пощадили бы его жизни: это чрезвычайно злобные и кровожадные кафры, очень враждебные ко всем европейцам!

Этот разговор заставил Филиппа призадуматься. Ему всегда казалось, что в появлении бывшего лоцмана было нечто сверхъестественное; теперь оказывалось, что здесь его никто не видал, и что спасение его представлялось мало вероятным.

Прошло два месяца прежде, чем в залив зашел небольшой бриг компании «Вильгельмина», который принял на борт команду и всех людей, спасшихся от гибели «Фрау-Катрины», всех, кроме капитана Барентца, который не захотел вернуться на родину, а решил поселиться на Капе.

— Зачем я вернусь на родину? — говорил он Филиппу. — У меня нет ничего на свете, ради чего мне стоило бы вернуться! — Нет ни жены, ни детей! У меня была только одна привязанность в жизни, моя дорогая «Фрау-Катрина», которая была и моей женой, и моим ребенком, и всем на свете. Ее не стало, и я никогда не найду другого судна, подобного ей, а если бы даже и нашел, то не мог бы любить его так, как любил «Фрау-Катрину». Все мои привязанности погребены вместе с ней на дне морском! Как прекрасно она погибла, подобно легендарному фениксу! Нет, я останусь верен ей до конца дней моих, я вытребую сюда те небольшие сбережения, какие имею, и буду жить здесь как можно ближе к ее могиле! Я никогда не забуду ее и вечно буду оплакивать, а когда умру, то в моем сердце будет запечатлен образ «Фрау-Катрины».

Филипп ничего не сказал, но внутренне пожалел, что такая трогательная привязанность не нашла себе лучшего и более достойного применения.

Сердечно простившись, Филипп расстался с капитаном, обещав ему передать директорам компании, чтобы причитающиеся ему деньги, обратили в предметы, наиболее потребные для переселенца, и прислали сюда с следующей флотилией, отправляющейся из Зюйдер-Зее в Ост-Индию. Однако это поручение суждено было исполнить не Филиппу. «Вильгельмина» благополучно достигла острова Св. Елены и, возобновив свои запасы воды, продолжала путь.

Миновав Западные острова, Филипп уже предвкушал близость свидания с Аминой, когда их вдруг застигла страшная буря; здесь судьба столкнула их с голландской флотилией, состоящей из пяти судов, под командою адмирала, которая чуть не два месяца была гонима бурями взад и вперед; за это время от излишнего истощения и плохой пищи экипаж жестоко пострадал от скорбута, так что имевшегося сейчас наличного экипажа не хватало для маневрирования судов. На доклад капитана «Вильгельмины», что у него на борту , кроме своего экипажа еще часть экипажа погибшей «Фрау-Катрины», адмирал немедленно потребовал, чтобы этот экипаж перешел на его суда; возражения оказались бесполезными, и Филипп едва имел время написать Амине о постигшем их судно несчастии и о перемене в его планах возвратиться к ней и поручить это письмо вместе с рапортом о гибели «Фрау-Катрины» директорам компании, капитану

«Вильгельмины». Наскоро собрав свои вещи, он вместе с Кранцем и экипажем своего судна перебрался на борт адмиральского судна, после чего бриг, приняв депеши адмирала, пошел своим путем.

Понятно, что люди, мечтавшие о возвращении на родину, были весьма недовольны идти снова в море, но в открытом море, кто сильней, тот и прав; кроме того адмирал имел полное основание поступить так, как он это сделал, так как его суда не могли — продолжать плавания без посторонней помощи, и присутствие нескольких десятков человек со свежими силами могло спасти сотни из его людей, лежавших в самом беспомощном состоянии на своих койках.

На адмиральском судне «Лев» старший капитан умер, а второй лежал больной, так что, кроме юных помощников, у адмирала не оставалось никого из старших офицеров. Командор, то есть старший из командиров нескольких судов эскадры, командовавший судном «Дорт», умер. Старший капитан оставался еще при исполнении своих обязанностей, но совершенно без офицеров; на остальных судах положение было еще того хуже.

Выслушав доклад о гибели «Фрау-Катрины», адмирал назначил Филиппа капитаном на командорском судне, а капитана произвел в командоры, Кранц же был оставлен на адмиральском судне в качестве второго капитана, так как адмирал сразу заметил, что оба они очень дельные офицеры и хорошие люди.

ГЛАВА XVIII

Флотилия, которую командовал адмирал Римеландт, должна была идти через Магелланов пролив, Тихим океаном в Ост-Индию. Она состояла из следующих судов: адмиральского судна «Лев» с сорока орудиями, командорского судна «Дорт» с тридцатью шестью орудиями, «Зюйдер-Зее» с двадцатью орудиями точно так же, как и «Юнг-Фрау» и кетча (род канонерской лодки) с четырьмя орудиями, носившего название «Шевеллинг».

Вновь назначенный командор Авенхорн, видя, что люди у него мрут с каждым днем, что число заболеваний все увеличивается, отправился на адмиральское судно с донесением о положении дел и с предложением пристать к южно-американскому берегу и постараться хитростью или силой достать свежих припасов у туземцев или у испанцев, заселивших побережье. Но адмирал и слушать не хотел. Это был человек заносчивый, честолюбивый и упрямый, которого никак нельзя было уговорить последовать чьему-либо совету. Исходи эта мысль от него, он бы, конечно, немедленно осуществил ее; поэтому командор принужден был вернуться на свое судно с самым решительным отказом.

— Что мы будем делать, капитан Вандердеккен? — обратился он к Филиппу. — Вам достаточно хорошо известно наше положение! Мы не можем долго оставаться в море; сейчас у нас еще есть 40 человек команды, но через неделю останется только двадцать! Не лучше ли нам рискнуть даже вступить в бой с испанцами, чем помирать здесь, как паршивые овцы в загоне?

— Я с вами согласен, но мы должны повиноваться предписаниям начальства! Адмирал — человек непреклонный!

— И жестокий! А потому я подумываю нынче же ночью уйти от него, а если он станет меня обвинять, я сумею оправдаться перед директорами компании!

— Не делайте ничего сгоряча! Быть может, через день, другой, когда он увидит, что и его судовая команда редеет с каждым днем, он сам убедится в необходимости последовать вашему совету!

Прошла, однако, целая неделя со времени этого разговора; на всех судах смертность возрастала, и заболевания учащались. Командор снова отправился с донесением к адмиралу и вторично повторил ему свое предложение. Но адмирал Римеландт, сознавая, что его подчиненный прав, не считал возможным все-таки изменить свое решение — и потому вторично отказал наотрез.

Флотилия находилась в трех днях пути от берега, и командор, вернувшись на свое судно, мрачный и недовольный поведением адмирала, дождался ночи, и когда Филипп сошел вниз, поднялся на палубу и приказал изменить курс судна на несколько румбов. Ночь была темная, и из всех судов эскадры только на «Льве» были кормовые огни, так что уход «Дорта» остался незамеченным. Когда на утро Филипп вышел наверх, то был удивлен, не видя нигде остальных судов флотилии. Взглянув же на компас, он убедился, что судно изменило направление. Узнав, что это было сделано по приказанию его начальника, он ничего не сказал, а, когда немного спустя, командор вышел наверх, то, подойдя к Филиппу, заявил, что считал себя в праве не сообразоваться с приказанием адмирала, в виду того, что это значило бы пожертвовать жизнью всего экипажа его единоличному упорству. И это, действительно, было так.

По прошествии двух дней «Дорт» бросил якорь в устье широкой реки вблизи большого испанского города и поднял английский флаг. Когда с берега была выслана шлюпка, чтобы узнать, кто они такие и каковы их намерения, командор заявил, что они английское судно, встретившие в пути потерпевший крушение испанский бриг, команду которого, больную скорбутом, он принял на свой борт, и теперь уклонился от своего пути, чтобы оставить этих больных на попечении их соотечественников. Но так как в данный момент эти люди в таком состоянии, что их нельзя тронуть, то он просил прислать шлюпку со свежими припасами, чтобы восстановить силы больных в течение нескольких дней, после чего он их высадит, а сам будет продолжать свой путь. При этом он добавил, что надеется, что губернатор местного города, в благодарность за оказанную им испанцам помощь, пришлет свежих припасов и для его команды.

Всю эту ловко сочиненную историю командор придумал, отлично зная, что ненависть испанцев к голландцам была до того сильна, что он

ни в коем случае не мог бы рассчитывать получить припасы даже за деньги, если бы стало известно, что он и его команда — голландцы.

Присланный губернатором на судно офицер, убедившись в положении дела, подтвердил своему начальнику слова командора, и, спустя два часа, пришла шлюпка, нагруженная до краев свежим мясом, овощами и другими припасами, которых могло хватить с избытком на три дня всей судовой команде. Припасы эти тотчас же были распределены на всех, и командор отправил губернатору письмо, в котором благодарил его за присылку припасов и извинялся, что по нездоровью не может лично принести ему свою благодарность. При этом письме он препроводил губернатору поименный список мнимых испанцев, якобы находящихся у него на судне. В заключение командор выразил надежду, что дня через два он будет в состоянии представиться губернатору, чтобы обсудить способ высадки больных испанцев, которые к тому времени, быть может, оправятся.

По прошествии трех дней губернатор прислал новый транспорт припасов, и как только они были получены, командор надел английский мундир и отправился с визитом к губернатору. Последний обещал отдать ему визит на другой же день в случае, если погода будет благоприятная, но погода оказалась настолько неблагоприятной, что пришлось отложить визит еще на два дня. Наконец губернатор с целой свитой явился на судно и был встречен со всем подобающим почетом.

Нет, быть может, болезни более ужасной, чем скорбут, столь быстро разрушающий организм человека; но с другой стороны, нет болезни, более быстро и легко излечивающейся, как только является необходимое против нее лекарство. И нескольких дней было достаточно, чтобы лежавшие без движения больные были в состоянии встать и выйти на палубу, так что в те шесть дней, которые «Дорт» простоял на якоре, почти вся его команда успела выздороветь.

Когда прибыл губернатор, капитан пригласил его в свою каюту, где было приготовлено угощение. Но едва только губернатор очутился в каюте наедине с капитаном, как последний с величайшей вежливостью и почтительностью заявил, что он — его пленник, что судно это не английское, а голландское военное судно, что больные скорбутом были также голландцы, а не испанцы, но при этом заверил губернатора, что его плен не продолжится долее того момента, когда по распоряжению его превосходительства на судно будет доставлено известное число

быков и известное количество овощей, необходимое для пропитания его экипажа. В заключение командор заметил, что он счел за лучшее прибегнуть к этой хитрости для получения необходимых ему припасов, чем прибегать к кровопролитию с той и другой стороны. Кроме того, командор ручался, что за время пребывания губернатора на его судне, его превосходительство, а равно и свита, не подвергнутся ни малейшему оскорблению или обиде со стороны голландцев.

На это испанский губернатор сперва с недоумением посмотрел на командора, затем — на грозный ряд вооруженных матросов, выстроившихся у дверей каюты, и вдруг сообразил, что его легко могут увезти в открытое море; к тому же он сознавал, что выкуп, требуемый командором, в сущности весьма скромный, а потому всего лучше согласиться на его требования и покончить дело келейным образом.

Потребовав перо и чернил, он написал приказ доставить немедленно на судно столько-то и столько-то голов рогатого скота и столько-то овощей и всякой зелени и отправил этот приказ на берег с одним из своих офицеров. Перед закатом все требуемое было доставлено, и как только началась выгрузка, командор со всевозможным почетом, поклонами и выражением благодарности проводил губернатора к его шлюпке. Люди на берегу думали, что губернатор загостился, и так как он не захотел сознаться в том, что его одурачили, то об этом ничего и не узнали.

Как только шлюпки, привезшие припасы, были разгружены, «Дорт» снялся с якоря и направился к Фалкландским островам, которые были назначены местом встречи эскадры. Но, прибыв туда, командор не застал там своего адмирала, который еще не заходил сюда. Весь экипаж «Дорта» был совершенно здоров, и запасы свежего мяса и овощей еще не истощились, когда в открытом море показалось адмиральское судно, а за ним остальные суда эскадры.

Оказалось, что как только «Дорт» отделился от эскадры, адмирал поспешил последовать совету командора, но так как не удалось прибегнуть к хитрости, то он высадил со всех четырех судов вооруженный десант и силою оружия добыл несколько голов скота, стоивших стольких же людей ранеными и убитыми. При этом людям удалось собрать довольно большое количество какого то съедобного растения, которым тотчас же накормили всех больных и сделали

хороший запас этого растения. Благодаря этому обстоятельству люди стали мало-помалу поправляться.

Как только адмирал бросил якорь, он потребовал к себе командора и обвинил его в нарушении дисциплины. Командор не отрицал этого, но оправдывался силою необходимости и предлагал подвергнуть это дело рассмотрению суда компании, как только они вернутся на родину. Но адмирал был облечен громадными полномочиями и в ответ на это объявил командору, что он арестован, и приказал тут же заключить его в цепи.

Затем был дан сигнал всем капитанам судов собраться на адмиральском судне, и тут же созван военный суд, который не мог не признать командора виновным. После того адмирал передал звание и полномочия командора Филиппу, к немалому негодованию остальных командиров судов, и распустил всех по своим судам. Филипп хотел сказать несколько слов бывшему командиру, но часовые не допустили, и ему пришлось вернуться на «Дорт», не повидавшись с арестованным.

Флотилия простояла на Фалкландских островах целых три недели; хотя здесь не было свежего мяса, но зато было такое громадное количество пингвинов, что эти птицы сплошной стеной сидели на скалах и берегу, и так велико было их число, что, сколько бы их ни убивали матросы, сколько бы яиц ни обирали, ни малейшей убыли не было заметно. Между тем командор все еще был в цепях, и окончательная участь его все еще не была решена. Все знали, что адмирал имел власть над жизнью и смертью всех людей, находящихся под его начальством, но никто не допускал мысли, что подобная кара может быть применена к столь высокому чину и за столь неважную, в сущности, вину. Когда Филипп при случае заговаривал об этом, его тотчас же заставляли замолчать из опасения ухудшить положение бывшего командора. Наконец, флотилия вышла в море и направилась к Магелланову проливу, но результаты военного суда все еще оставались никому неизвестны.

Спустя две недели суда вошли в пролив. Вначале был попутный ветер, но затем им пришлось бороться и с ветром, и с течением, которое с каждым днем относило их назад. Экипажи судов изнурялись над работой и страдали от холода. После трех недель тщетных усилий адмирал вдруг скомандовал всем судам лечь в дрейф, потребовал к

себе всех командиров судов и заявил, что арестованный должен быть подвергнуть избранному им наказанию, каковое должно было заключаться в том, что бывший командор будет высажен на берег с продовольствием на двое суток, затем предоставлен своей судьбе на бесплодном, безлюдном скалистом берегу, где он должен был вскоре умереть от голода.

Филипп тотчас же энергично запротестовал против такой кары, Кранц так же, несмотря на то, что оба они отлично сознавали, что этим нажили себе в адмирале непримиримого врага; остальные же капитаны встали на сторону адмирала, боясь его гнева.

Но адмирал приказал Филиппу немедленно вернуться на свое судно, а командора привели в кают-компанию, где и прочли ему приговор.

— Пусть так! — сказал он, выслушав решение адмирала. — Я знаю, что стараться заставить вас изменить решение — бесполезный труд. Но знайте, что я несу наказание не за то, что нарушил ваше приказание, а за то, что посмел указать вам ваш долг по отношению к вашим экипажам, который вы впоследствии и вынуждены были исполнить, последовав моему совету. Пусть я погибну, и мои кости белеют на этом скалистом берегу, но помните, адмирал, что не одни мои кости будут лежать здесь, на этих черных скалах, а и кости многих других и ваши также, адмирал; попомните мое слово! И будут они лежать подле моих!

Адмирал ничего не ответил, но подал знак, чтобы увели осужденного, затем обратился к капитанам трех меньших судов и приказал им отделиться от адмиральского судна и «Дорта», которые, как более тяжелые, только замедляли все время ход мелких и более быстроходных судов, и приказал им идти вперед в Ост-Индию, куда они одни могли прибыть гораздо раньше, чем вместе с большими судами. При этом им было предписано свезти на большие суда все излишние припасы, в которых уже вновь начинала чувствоваться некоторая недостача.

После ухода осужденного Филипп и Кранц покинули кают-компанию, и первый воспользовался этим временем, чтобы написать несколько строк, которые он поручил Кранцу передать командору. «Не покидайте берега, когда вас высадят, до тех пор, пока все суда эскадры не скроются из вида!» гласила записка.

Когда экипаж «Дорта» узнал об участи своего бывшего командора, то пришел в сильное негодование; они сознавали, что этот человек пожертвовал собой, чтобы спасти их от ужасной смерти и страшно роптали на адмирала.

Час спустя приговор был приведен в исполнение; несчастному не дали с собой ни кремния, ни огнива, ни теплой одежды, несмотря на то, что холод был сильный; и экипажу отвезшей его шлюпки не разрешили даже проститься с ним.

Флотилия провозилась здесь еще до сумерек, и только, когда стемнело, нагрузка припасов и все остальные сборы были окончены. Филипп воспользовался этим временем и отправил на берег шлюпку с провиантом, в количестве, могущем хватить одному человеку на три месяца, с теплыми одеялами, двумя ружьями и изрядным количеством зарядов и еще некоторыми самыми необходимыми предметами. Бывший командор ждал на берегу; под покровом ночи надежные люди передали ему все, затем поспешили вернуться на свое судно.

Вскоре после того вся флотилия ушла от берега, а на другой день на рассвете, три мелких судна, отделившись от эскадры, ушли вперед и спустя несколько часов настолько опередило тяжелые суда, что совершенно скрылись из вида.

Адмирал потребовал к себе Филиппа и отдал ему до того строгие и трудно выполнимые предписания, что было очевидно, что он старался найти повод лишить его занимаемого им положения.

Между прочим он приказал, чтобы «Дорт», имевший сравнительно значительно меньшее водоизмещение, чем адмиральское судно, шел впереди последнего в ночное время, вместо того, чтобы следовать за ним, как это было до сих пор. Так как, идя проливом, легко было сесть на мель или наскочить на рифы, то вся ответственность за могущее произойти несчастие возлагалась на Филиппа. В виду этого он был вынужден в течение всей ночи не уходить с палубы, чтобы успеть во время предупредить адмирала, как только станет мало глубины.

Шли вторые сутки с тех пор, как продолжалось их плавание по проливу, и подходили уже к Огненной Земле. Филипп стоял, наблюдая за людьми, делавшими промер, как вдруг вахтенный офицер донес ему, что адмиральское судно у них под носом, вместо того, чтобы идти, как было условлено, в их кильватере. Филипп не мог себе представить, когда это судно могло обойти их, и какие могут быть у адмирала

причины поступать таким образом. Выйдя на носовую часть своего судна, Филипп ясно увидел впереди адмиральское судно с его кормовыми огнями.

— Ну, если ему заблагорассудилось идти вперед, то пусть себе; я ничего против этого не имею! — решил Филипп. — Можете там бросить промерку, — крикнул он, — адмиральское судно впереди!

Ночь была темна, но Филиппу казалось, что земля очень близко; но переднее судно шло вперед беспрепятственно, и Филипп следовал за ним.

— Мы у самого берега, сэр! — донес ему Вандер-Хагген, молодой лейтенант, стоявший на вахте.

— И мне так кажется, — согласился Филипп, — но адмиральское судно идет впереди, а оно сидит гораздо глубже, чем мы!

— Мне кажется, что я различаю скалы с подветренной стороны, сэр!

— Вы не ошибаетесь! Я положительно не могу понять, что это значит! Эй! Готовь орудие! Они, наверное, думают, что мы идем впереди!

Едва только Филипп успел отдать приказание, как «Дорт» тяжело врезался в скалы и крепко засел в них. «А что же адмиральское судно?» — мелькнуло у него в мозгу, и с кормы он побежал на нос; но адмиральское судно продолжало спокойно идти вперед в двух кабельтовых расстояния от них, с зажженными огнями на корме.

— Пли! — скомандовал Филипп, и в ответ на этот выстрел тотчас же последовал выстрел у них за кормой.

Филипп вгляделся пристально и увидел у себя за кормой адмиральское судно, также севшее на мель.

— Милосердный Боже! — воскликнул он. — Что это значит?!

Он кинулся на нос и увидел другое судно с огнями, плавно уходившее от них. Теперь уж начинало светать, и можно было ясно разглядеть берег. «Дорт» засел всего в каких-нибудь пятидесяти ярдах от берега, а судно, шедшее впереди, шло плавно по земле. Матросы столпились на носу и удивлялись этому невероятному зрелищу; вдруг один из них крикнул: «Это „Летучий Голландец“, клянусь всем святым!»

Едва он крикнул эти слова, как судно разом исчезло.

Филипп был убежден, что это так. Это роковое судно снова вовлекло их в беду. Он не знал, что ему делать. Не желая подвергать себя сейчас же бешенству адмирала, он отправил к нему офицера с донесением, дав в качестве экипажа шлюпки людей, бывших свидетелями всего происшедшего.

Отправив офицера, Филипп занялся осмотром своего судна. Теперь уже почти совсем рассвело, и он увидал, что судно засело между двумя рифами, выдвинувшимися на полмили впереди берега. Скалы удерживали судно и с носа и с кормы, оставалось только облегчить его насколько возможно, затем постараться стащить. Адмиральское судно было, по-видимому, еще в худшем положении.

Дул холодный, пронизывающий ветер; небо нависло мрачное и холодное, и вся линия берега на всем ее протяжении представляла собою сплошную гряду беспорядочно разбросанных голых зубчатых скал, без малейшего признака какой-либо растительности. Окинув взглядом этот безотрадный берег, Филипп увидел, что они не отошли и четырех миль от того места, где так жестоко был высажен бывший командор.

Без сомнения, это кара Господня над адмиралом, за его поступок, и, пожалуй, пророчество бедняги Авсехорна оправдается, и не одни его кости будут белеть на этом берегу.

При этом Филипп обернулся в сторону адмиральского судна и вдруг в ужасе отпрянул назад: на мачте адмиральского судна болтался труп Вандер-Хагена, молодого лейтенанта, посланного Филиппом с донесением.

— Боже мой! Неужели это возможно? — воскликнул он, не веря своим глазам.

Но вот высланная им шлюпка вернулась, и Филипп, терзаемый нетерпением, дождался, когда бледные, запыхавшиеся матросы взобрались на палубу. Из сбивчивого одновременного донесения нескольких человек Филипп сразу узнал, что адмирал, как только принял рапорт лейтенанта и услышал его признание, что в эту ночь, когда произошло несчастие, он стоял на вахте, приказал тотчас же повесить его, затем отослал обратно шлюпку с приказанием Филиппу немедленно явиться к нему, при чем приказал приготовить вторую петлю на другом рее.

— Но эта петля не для вас, сэр! — в один голос закричали матросы. — Этого не будет! Вы не поедете к нему на судно, а здесь мы защитим вас своими телами!

И вся остальная команда, как один человек, заявила, что они пойдут против адмирала и не допустят насилия над своим командором. Филипп горячо благодарил их и дал обещание не ехать на адмиральское судно, но просил их оставаться спокойными и ничем не проявлять своего возмущения.

Он ушел вниз и стал размышлять, как ему поступить, когда ему доложили, что с адмиральского судна пришла шлюпка. Филипп вышел встретить посланного офицера, который передал ему приказ адмирала немедленно явиться на адмиральское судно и уже с этого момента считать себя арестованным и вручить посланному свое оружие.

— Нет! Нет! Мы этого не допустим! — воскликнули матросы. — Он не поедет на адмиральское судно! Мы все постоим за него.

— Тихо, ребята! — крикнул Филипп. — Вы должны понять, сэр, — обратился он к офицеру, — что самовольным убийством этого, ни в чем неповинного молодого человека адмирал не только превысил свою власть и права, но совершил возмутительный поступок ничем не оправданной жестокости и тем самым дал нам право восстать против его власти, которою он не умеет разумно пользоваться, а потому передайте ему, что я не считаю себя долее состоящим под его начальством и предоставляю свое и его поведение на суд компании, которой оба мы служим. На судно его я не поеду, так как мой долг велит мне сохранять свою жизнь для этих людей, о спасении которых я обязан заботиться; можете добавить, что он сам должен понять, что теперь не время считаться друг с другом, когда надо взаимно помогать. Нельзя забывать, что мы здесь на пустынном, бесплодном берегу, где нельзя ожидать чьей-либо помощи извне, с очень ограниченным, сравнительно, количеством запасов; если он согласен отложить в сторону всякую враждебность, то я готов оказать ему посильную помощь и общими усилиями помочь общей беде; если же нет, то передайте ему, сэр, что силой он со мной ничего сделать не может, так как на моей стороне все эти люди, а на его стороне только страх.

Офицер направился к своей шлюпке, но в ней, кроме одного рулевого, не было никого: вся команда отправилась на борт «Дорта» разузнавать о случившемся и в один голос решила, что постигшее их

несчастие есть справедливая кара Божия за жестокость адмирала по отношению к бывшему командору.

Выслушав от возвратившегося офицера ответ Филиппа, адмирал пришел в неистовое бешенство и приказал зарядить два орудия, направленные на «Дорта», двойным зарядом и стрелять по нем. На это Кранц возразил, что на «Дорте» также два орудия направлены на адмиральское судно, и если они будут стрелять по «Дорту» из двух орудий, то и «Дорт» будет стрелять по ним также из своих двух орудий, и никаких положительных результатов этим взаимным обстреливанием достигнуть нельзя. За это возражение адмирал приказал немедленно арестовать Кранца и продолжал настаивать на приведение в исполнение своего безумного распоряжения; но матросы решительно отказались стрелять по товарищам. Не желая прибегать к открытому бунту, в настоящем тяжелом положении, они все ушли с палубы, и когда офицеры стали вызывать их наверх, никто не пошел. Офицеры доложили адмиралу о настроении экипажа, не называя отдельных лиц, чтобы не подвергнуть их гневу начальника.

Тем временем день прошел; солнце стало уже клониться к закату, а на адмиральском судне ничего не было сделано для спасения судна. Кранц сидел арестованным, а сам адмирал заперся в своей каюте.

Между тем Филипп и его команда не теряли времени; они закинули с кормы якорь и стали подтягиваться на нем, предварительно выкачав всю воду из судна и выливали ее, когда к их борту пристала шлюпка, и из нее вышел Кранц.

— Капитан Вандердеккен, — сказал он, — я явился предоставить себя в ваше распоряжение, если вы пожелаете принять меня; если же нет, не откажите мне в вашей защите. Я убежал с своего судна, так как на утро должен быть повешен; команда на моей шлюпке просит вас о том же: она ведь способствовала моему бегству и имеет полное основание опасаться мстительности адмирала.

Филипп не мог отказать Кранцу, к которому был искренно расположен, но хотел было настоять, чтобы люди вернулись на свое судно; однако, убедившись, что им грозит там неминуемая опасность, дал им разрешение остаться и зачислиться в команду «Дорта».

Ночь была бурная, но ветер дул с берега, а потому волнение было не сильное. Экипаж «Дорта» под наблюдением Филиппа и Кранца неустанно работал всю ночь и к утру настолько успел облегчить свое

судно, что им удалось на рассвете стащить его с мели, причем оказалось, что киль его ничуть не пострадал. И счастье их, что они проработали всю ночь, потому что незадолго перед рассветом ветер изменился и к тому времени, когда они надели свой руль, до того посвежел, что на проливе стали ходить тяжелые валы.

Адмиральское судно все еще лежало на мели, и, по-видимому, не предпринималось ничего, чтобы освободить его.

Филипп затруднялся, как ему теперь поступить: оставить экипаж «Льва» на произвол судьбы он не мог, но не мог да и не хотел принять к себе на борт адмирала, если бы тот пожелал быть принятым. Наконец, он решил принять его не иначе, как в качестве пассажира, сохранив командование на судне за собой. Пока же удовольствовался тем, что бросил якорь вне линии рифов, в таком месте, где был защищен большими отвесными скалами, и где море было спокойно, как в рейде, на расстоянии всего какой-нибудь мили от адмиральского судна. Прежде всего он приказал своим людям возобновить и пополнить, насколько возможно, запасы пресной воды из небольшой речки, впадавшей как раз у того места, где стал на якорь «Дорт». Филипп ждал, когда «Лев» снимется с мели, а если он не снимется, то наверное обратится к нему за помощью. Под вечер, когда перестали запасать воду, Филипп отправил шлюпку к тому месту, где был покинут командор, и приказал своим людям искать его, но шлюпка воротилась без командора, которого нигде не могли найти. Через два дня после того, как Филипп благополучно снялся с мели, на «Дорте» стали замечать, что шлюпки с адмиральского судна беспрерывно отправляются на берег и с берега обратно на судно, выгружая товары и припасы. Ясно было, что судно решено было покинуть; на берегу были разбиты палатки, шлюпки продолжали свозить припасы, товары и различные предметы необходимости.

Ночью дул свежий ветер, море сильно волновалось, и на утро у «Льва» были снесены мачты, и судно перевернулось на бок. По всему было видно, что порядок, субординация и дисциплина в его экипаже совершенно исчезли; люди совершенно пьяные, сновали целый день взад и вперед по берегу, лазали по скалам и горланили песни по ночам, расположившись вокруг костров. Эта бессмысленная трата припасов чрезвычайно озабочивала Филиппа.

У него было не более чем нужно припасов для своих людей, а он был уверен, что как только экипаж «Льва» израсходует все, что он успел снести на берег, то станет проситься к нему на «Дорт».

Более недели все оставалось без изменений, но вот однажды поутру к «Дорту» подошла шлюпка, на носу которой Филипп увидел того самого офицера, который был прислан к нему для ареста. Взойдя на палубу, офицер почтительно снял шляпу и остановился в официальной позе перед Филиппом.

— Значит, вы признаете меня за командующего? — усмехнувшись, заметил Филипп.

— Да, сэр! — Вы были вторым командующим после адмирала, а теперь стали первым: адмирал умер!

— Умер! — воскликнул Филипп.

— Да, его нашли мертвым на берегу под высокой скалой и вместе с ним, в его объятиях, труп бывшего командора; оба они, по-видимому, сцепились друг с другом в судорожном предсмертном объятии, падая со скалы. Мы предполагаем, что во время своих ежедневных прогулок, предпринимаемых им на вершины скал, чтобы убедиться, не виднеется ли где судно в проливе, адмирал столкнулся с командором, что они накинулись друг на друга и в порыве злобы и ненависти, в момент борьбы сорвались со скалы и убились на смерть. Никто не был свидетелем этой встречи, но, очевидно, они сорвались со скалы, так как тела их страшно изуродованы!

Из дальнейших расспросов Филипп узнал, что всякая надежда спасти «Льва» была потеряна уж на вторые сутки, когда у него оказалось на шесть футов воды в трюме; что экипаж страшно деморализован и уничтожил самовольно почти все запасы спирта; что за это время из числа экипажа погибли не только все больные, но и множество здоровых, в пьяном виде сорвавшихся с той или другой скалы или утонувших у берега, или же умерших в ночь от излишества и холода.

— Значит, пророчество покойного командора сбылось! — сказал Филипп, обращаясь к Кранцу. — Надо уйти вон от этого проклятого места, как можно скорее!

И он тотчас же распорядился, чтобы офицер собрал своих людей и все припасы, какие еще оставались, и доставил их на судно. Кранц со всеми своими шлюпками выехал помочь офицеру со «Льва» и до

наступления сумерек все, что можно было забрать, было свезено на «Дорт». Тела адмирала и командора были зарыты на том месте, где их нашли, и поутру «Дорт» снялся с якоря и с попутным ветром продолжал свое плавание через пролив и далее.

ГЛАВА XIX

Казалось, будто их злоключениям пришел конец после того, как главно-начальствующие так трагически погибли. Несколько дней спустя «Дорт» оставил за собой Магелланов пролив и вышел в Тихий Океан. Погода стояла благоприятная. Экипаж судна был настолько велик теперь, что работа шла весело и была неутомительна. Все воспрянули духом.

Недели две спустя они плыли мимо испанских берегов, но ни с одним испанским судном до сих пор еще не встречались. Но Филипп знал, что первое встречное испанское судно непременно атакует его и заблаговременно готовился к этому. Люди были бодры духом и, предвидя призовые деньги, сами просились на бой с испанцами.

Прошло около месяца, и Филипп, предвидя в близком будущем недостаток в продовольствии, решил зайти на остров Св. Марии, где рассчитывал добыть провиант законным путем или силой.

«Дорт» подошел к острову, когда уже стемнело и потому лег в дрейф до утра. Кранц, находившийся на палубе, вдруг на одно короткое мгновение заметил огонь, который тотчас же исчез. Внимательно вглядевшись в это место, он ясно различил судно не более как в двух кабельтовых от «Дорта». Кранц поспешил уведомить о том Филиппа, и с помощью подзорных труб оба они убедились, что то было трехмачтовое судно, очень глубоко сидящее в воде. Решено было тотчас же спустить шлюпки и попытаться захватить судно врасплох. Вызвали людей наверх, вооружили их и спустили шлюпки, соблюдая величайшую тишину. Шлюпки подошли к неизвестному судну совершенно беззвучно и заняли все сходни и выходы раньше, чем те немногие, что находились на палубе, успели поднять тревогу. Вслед за тем прибыл Кранц с подкреплением, и тогда все были объявлены пленниками и отправлены на «Дорт». Пленных оказалось шестьдесят человек, что было сравнительно очень много по отношению к величине судна.

При опросе двое из пленных, которые казались людьми привилегированного сословия, заявили, что их судно отправлялось из Сан-Марии на Лиму с грузом муки и пассажирами, что экипаж состоял

из двадцати пяти человек команды и капитана; все же остальные являлись пассажирами, едущими в Лима, как и они. В заключение они высказали уверенность, что и судно и пассажиры будут немедленно отпущены с миром, так как обе нации, то есть Испания и Голландия в настоящее время не воюют между собой.

— Да, не воюют там на родине, — согласился Филипп, — но в этих водах постоянные нападения ваших вооруженных судов на наши торговые суда вынуждают меня отплатить тем же, а потому я смотрю на ваше судно и его груз, как на приз. Но так как у меня нет намерения убивать честных пассажиров, то я высажу всех в Сан-Мариа, куда я шел, чтобы получить припасы, которые, как я надеюсь, теперь охотно будут доставлены мне в качестве выкупа, так что я буду избавлен от необходимости прибегать для этого к вооруженной силе.

Пассажиры энергично протестовали против этого решения, но когда это ни к чему не привело, то попросили разрешения съехать на берег, чтобы привезти выкуп за судно и его груз, предлагая сумму много превышающую, по-видимому, стоимость и того и другого. Но Филипп, у которого чувствовался недостаток в провианте, наотрез отказался расстаться с грузом, что, по-видимому, огорчило парламентеров. Однако видя, что в этом отношении Филипп остается непреклонным, они стали усиленно просить взять выкуп за судно, и на это Филипп, посоветовавшись с Кранцом, согласился. Тогда оба судна вместе пошли к Санта-Марии, причем чрезвычайная быстроходность приза до того поразила Филиппа, что тот пожалел, что согласился взять за него выкуп.

Около полудня «Дорт» встал на якорь в рейде, вне пушечного выстрела от города, и разрешил некоторым из пассажиров съехать на берег, чтобы привезти требуемый выкуп за себя и за остальных, тогда как призовое судно было притянуто к борту «Дорта», на которого теперь перегружали его груз. Под вечер целых три баркаса привезли скот, овощи, плоды и всякие другие припасы, потребованные Филиппом, а также и сумму, долженствовавшую служить выкупом за судно. Когда один из баркасов был разгружен, Филипп разрешил пленным воспользоваться им, чтобы съехать на берег, за исключением только одного лоцмана испанца, которому было обещано, что его отпустят, как только «Дорт» выйдет из испанских вод, и невольника негра, которому разрешено было остаться на «Дорте» по его

собственной просьбе, к великому огорчению тех двух знатных пассажиров, которые вели все переговоры. Последние требовали возвращения этого негра, как их частной собственности.

— Вы сами подтверждаете мое право удержать его у себя, — отвечал им Филипп. — Было уговорено, что за известный выкуп я отпущу всех пассажиров, но отнюдь не их собственность, а потому ваш невольник останется здесь.

Видя, что ничего добиться нельзя, испанцы надменно простились и уехали. «Дорт» простоял еще эту ночь на якоре, приводя в порядок свою оснастку и все остальное, а поутру, когда они стали сниматься, они увидели, что отпущенное ими за выкуп судно ушло, и след его простыл; очевидно, оно ушло еще ночью, незаметно пройдя мимо них.

Как только «Дорт» снялся с якоря и распустил свои паруса, Филипп спустился вниз в свою каюту, чтобы посоветоваться с Кранцом, куда им держать курс. За ними крадучись последовал невольник-негр и, притворив за собой дверь и предварительно оглядевшись кругом, сказал, что имеет сообщить им нечто. Сообщение его оказалось чрезвычайно важным, но, к сожалению, запоздавшим: он сообщил, что судно, отпущенное Филиппом за выкуп, было испанское правительственное разведочное судно, самое быстроходное из всех испанских судов. Те двое мнимых пассажиров, что вели переговоры, были переодетые испанские офицеры, а остальные пассажиры, кроме нескольких человек, — экипаж судна. Оно было послано забрать золото в слитках и песке и доставить его в Лиму и в то же время ему было поручено выследить прибытие голландской флотилии, весть о которой дошла сюда несколько времени тому назад с материка. Разведочному судну было предписано, как только появится голландская флотилия, немедленно спешить в Лиму с предупреждением, вслед за тем грозные военные испанские силы будут высланы против голландской флотилии. Далее негр сообщил, что часть мнимых мешков с мукой содержат две тысячи золотых дублонов каждый, другие же содержат чистое серебро в слитках. Зашиты они были в мешки с мукой из предосторожности, на случай захвата неприятелем. Не подлежало сомнению, что судно это пошло теперь прямо в Лиму. Теперь причина, почему испанцы так не хотели оставить негра на «Дорте», становилась ясна: они боялись, что он откроет голландцам все, что ему было известно, как он это и сделал.

Что же касается испанца-лоцмана, то на него испанцы вполне могли положиться, и потому негр рекомендовал Филиппу и Кранцу не доверять ему, так как этот человек непременно постарается вовлечь их в беду.

Посоветовавшись с Кранцом, Филипп решил уведомить обо всем команду, рассчитывая на то, что в случае встречи с неприятелем, они, зная, сколь ценный приз ими был взят в этот раз, будут лучше драться, в надежде на дальнейшие прибыли. Узнав о громадном количестве золота, доставшемся им от испанцев, команда пришла в неописанный восторг и бралась драться с вдвое большим числом неприятеля. Тогда все мешки были вынесены на палубу, вскрыты в присутствии всей команды; в общей сложности получилось по полумиллиона долларов, насколько можно было определить; чеканная монета была раздана всем на руки на другой день, слитки и остальной металл оставлен в трюме до тех пор, пока они будут обращены в деньги и также разделены между всеми.

В течение шести недель Филипп крейсеровал вдоль берега, но не встречал ни одного судна. Наконец, он решил идти в Батавию, как вдруг у берега показалось судно под всеми парусами идущее в Лиму. За ним тотчас же погнались, но вода стала заметно мелеть. Спросили у испанца-лоцмана, который должен был знать эти места, можно ли идти дальше; тот ответил утвердительно, заверив, что это самое мелкое место, и что дальше будет глубже. Однако Филипп приказал бросить лот. Но едва его начали тянуть, как канат порвался и упал в воду. Послали за другим лотом, а «Дорт» продолжал идти вперед на всех парусах. В этот момент негр подошел к Филиппу и сказал, что видел, как испанец ножом перерезал лотовый канат, и что его словам доверять нельзя. Моментально повернули руль; но в тот момент, когда судно заворачивало, оно коснулось мели, проползло по ней и тотчас же снова сошло, так как задело только краем.

— Негодяй! — крикнул Филипп. — Так ты перерезал лот!

Филипп не успел докончить своих слов, как испанец с проклятием кинулся на негра и всадил ему нож в грудь по самую рукоятку.

Негр упал, не издав ни звука, мертвым; испанца тотчас же схватили и обезоружили. Экипаж был вне себя от злобы и негодования: негра все успели полюбить, так как, благодаря ему, все разбогатели и теперь избегли несчастия.

— Пусть они сделают с ним, что знают! — сказал Кранц Филиппу. — Уж они с ним расправятся!

— Да, — сказал Филипп, — отдаю его на вашу волю! — обратился он к команде и пошел вниз.

Не долго думая, матросы привязали негодяя к телу убитого им негра и, связав их крепко, бросили за борт; все это было делом одной минуты.

Филипп решил идти в Батавию и, находясь теперь всего в нескольких днях пути от Лимы, имел полное основание предполагать, что испанцы выслали свои суда, чтобы перехватить его. Пользуясь благоприятным ветром, он держался вдали от берега и в течение трех дней сделал громадный переход. На четвертые сутки на рассвете увидели два судна, идущих прямо на «Дорт». Что это были крупные военные суда, не подлежало сомнению, а то, что они шли под испанским флагом, ясно говорило об их намерениях. Оказалось, что одно было фрегат, значительно больших размеров, чем «Дорт», а другое — корвет с двадцатью двумя орудиями. Экипаж «Дорта», однако, ничуть не смутился этим и поспешил к своим орудиям. Филипп приказал поднять голландский флаг, и когда испанские суда, продолжая идти ему навстречу, достаточно приблизились, послал им несколько продольных выстрелов, которые до известной степени нарушили порядок на испанских судах. Тем не менее они заворотились на расстоянии приблизительно одного кабельтова и удачно открыли действия, выстроившись таким образом, что фрегат встал на траверсе, а корвет на крамболе Филиппова судна. После получасовой энергичной бортовой стрельбы с той и другой стороны, передняя мачта испанского фрегата упала, увлекая за собой грот-марсель, что помешало его стрельбе. Воспользовавшись этим, «Дорт» тотчас же подошел к корвету и наградил его несколькими бортовыми выстрелами, причинившему тому серьезные повреждения, затем, захватив его с собою, притащил и поставил рядом с фрегатом, у которого все подветренные орудия были загромождены упавшей мачтой. Теперь оба судна стояли друг подле друга голова в голову, корма в корму, на расстоянии десяти фут друг от друга, и снова возобновили враждебные действия, причем счастье было не на стороне испанцев, не прошло четверти часа, как паруса упавших мачт, свесившиеся через борт вдруг загорелись от выстрелов, и пламя скоро

сообщилось судну. Между тем «Дорт» не переставал стрелять всем бортом, на что с неприятельского судна из-за пожара, на тушение которого были направлены все силы, не могли отвечать.

После тщетных попыток загасить пожар на своем судне, капитан фрегата решил, что оба судна, и его, и неприятельское, должны разделить ту же участь и с этой целью направил все свои усилия, чтобы, подойдя к самому «Дорту», сцепиться с ним баграми.

И вот завязалась отчаянная борьба; испанцы старались закинуть свои багры на «Дорт», чтобы не дать врагу уйти, а голландцы всячески препятствовали. Но пока шла эта упорная борьба, Филипп и Кранц делали свое дело. Поставив поперек задние реи и перенеся наперед все паруса, они достигли того, что «Дорт» рыскнул вперед по ветру и таким образом отделался от своего противника, а главное, избавился, благодаря этому маневру, от дыма и запаха гари, мешавшим людям работать. Имея преимущество хода перед неприятельскими судами, они завернулись так, что оставили испанцев с подветренной стороны, отчего дым и чад отбивало ветром на испанские суда; огонь, перекинувшийся на «Дорт», был теперь потушен, и испанцы не могли долее продолжать свою попытку сцепиться.

«Дорт» ушел вперед и избавился от своих врагов, которые теперь были объяты дымом и пламенем. Корвет, оставшийся в нескольких кабельтовых от фрегата, с наветренной стороны по временам продолжал еще давать выстрелы по «Дорту», на которые с этого судна отвечали огнем по всему борту, после чего спустил флаг.

Теперь можно было считать сражение оконченным; оставалось только спасать экипаж горевшего фрегата. С «Дорта» спустили шлюпки, но из них только две были в полной исправности; одну из них Филипп отправил на корвет с приказанием выслать все шлюпки на помощь фрегату, что и было сделано, так что большую часть оставшихся в живых из команды фрегата удалось спасти.

В продолжение двух часов орудия фрегата раскаленные огнем пожара, продолжали разряжаться сами собой, затем огонь перешел на пороховые погреба, и фрегат взлетел на воздух; из людей в это время на нем уже никого не оставалось после взрыва; то же, что осталось от фрегата, медленно затонуло и исчезло под водой.

В числе пленных, захваченных в этом бою Филиппом, оказались и два мнимых пассажира, отпущенных Филиппом у Сан-Мариа за

выкуп; теперь они были в форме испанских офицеров, что подтвердило справедливость сообщений бедного негра. Оба эти военные судна были высланы из Лима с специальной целью захватить «Дорт» и, если возможно, вернуть отнятый у испанцев груз, причем испанцы рассчитывали, что с таким превосходством сил они легко справятся с голландцем.

Посоветовавшись с Кранцем, Филипп, видя корвет в самом жалком состоянии, согласился, в виду того, что Голландия и Испания в данный момент не воевали, отпустить это судно вместе со всеми пленными.

Спустя три недели «Дорт», продолжавший беспрепятственно свое плавание, благополучно вошел в рейд Батавии, где нашел три судна своей бывшей флотилии, отправленные адмиралом вперед. Они стояли здесь уже несколько недель, успели разгрузиться и принять груз и теперь были уже в полной готовности отправиться в обратный путь.

Филипп немедленно изготовил свои депеши и подробное донесение о всем случившемся, затем съехал на берег, чтобы поселиться на даче того самого негоцианта, у которого он жил в первый свой приезд в Батавию, в ожидании, пока «Дорт» примет груз и будет готов к отплытию.

ГЛАВА XX

Теперь мы должны вернуться к Амине, которую мы застаем опять на том же берегу, где она сидела с Филиппом в то время, как их задушевную беседу нарушило появление одноглазого Шрифтена с извещением компании.

— Увы! — воскликнула она про себя. — Таинственная наука моей матери погибла безвозвратно! Между тем, я не могу выносить долее этой тревоги, этой неизвестности, ни присутствия этих глупых патеров!

С этими словами она встала и пошла домой.

Патер Матиас не отправился в Лиссабон, как сперва намеревался, отчасти потому, что вначале не было оказии, а затем из чувства благодарности к Филиппу, считая себя не в праве оставить одну его молодую жену, которая, согласно его наблюдениям, с каждым днем все больше и больше отпадала от христианской религии. Она говорила, что отказывается верить в то, чего не может понять ее ум; она признавала красоту и возвышенность великих принципов христианского учения, но не соглашалась с патерами в способах понимания и применения этих высоких доктрин. Желая спасти столь молодую и прекрасную душу и обратить ее на путь истинный, патер Матиас совершенно отложил мысль о возвращении в Лиссабон и решил всецело посвятить себя святой задаче приобщения этой заблудшей души к лону христианской Церкви.

— О, обладай я искусством и знаниями моей матери, я бы могла увидеть теперь, где мой Филипп, и что ему грозит! — говорила Амина, входя в дом. — А как ясно мне помнится то время, когда мой отец находился в отсутствии, и я глядела на воду, которую мать зачерпнула рукой, и видела в этой воде на ее ладони и лагерь бедуинов, и боевую схватку, коня без седока и тюрбан, лежавший на песке! — И Амина глубоко задумалась.

— Да, мать моя, ты одна можешь мне помочь! Открой мне во сне твое всезнание! Да… да… теперь я припоминаю это слово, имя духа; кажется, это было «Торшун»… да, да… мне думается, это было именно Торшун. Мать моя, помоги мне! Помоги, молю тебя!

— Ты взываешь к Пресвятой Деве, дитя мое? — сказал патер Матиас, вошедший в комнату в тот момент, когда у Амины вырвалось последнее восклицание. — Это ты хорошо делаешь. Она может явиться тебе во сне и укрепить тебя в правой вере!

— Я взывала, отец мой, к моей усопшей матери, которая теперь в стране духов! — сказала Амина.

— Да, но как неверная, она едва ли в стране блаженных духов, пребывающих на лоне Божием!

— Едва ли, думается мне, справедливый Бог будет карать бедную женщину за то, что она жила и умерла в вере своих отцов и своей страны, где другой веры не знали. Она никакого зла в своей жизни не делала! Почему же должна она страдать за незнание той веры, которой она никогда не имела даже случая отвергать, потому что никогда не слыхала ничего о ней?

— Не будем говорить об этом, дитя мое, но возблагодари Небо за то, что оно дало тебе возможность быть приобщенной к святой Церкви Христовой.

— Я благодарна Небу за очень многое, отец мой, но теперь устала и пожелаю вам спокойной ночи!

С этими словами Амина удалилась в свою комнату, но не с тем, чтобы лечь спать, а с тем, чтобы еще раз повторить те приемы, к каким, насколько ей помнилось, прибегала ее мать. Снова она зажгла курильницу и пыталась вызвать чары; снова комната наполнилась дымом, когда она стала кидать в огонь разные травы. «Но слово, самое слово заклинания я не могу припомнить! Первое я знаю, но второе… Мать моя, помоги мне!» восклицала Амина, сидя подле своей постели в комнате, заполненной дымом до такой степени, что ничего нельзя было различить. «Нет! Все напрасно! — подумала она, наконец, безнадежно опустив руки в колени. Я забыла это искусство моей матери! Мать моя, помоги мне сегодня ночью в сновидении!»

Дым постепенно рассеивался, и когда Амина подняла голову, то увидела стоящую перед ней темную фигуру.

В первый момент у нее мелькнула мысль, что ворожба ее дала желанные результаты, но по мере того, как зрение ее прояснялось, она увидела, что то был патер Матиас. Он стоял перед ней, скрестив на груди руки со строгим и гневным выражением лица и наконец проговорил:

— Несчастное дитя, что ты здесь делаешь?

Дело в том, что Амина давно уже возбудила в душе старика подозрения, и однажды во время спора на эту тему и патер Сейсен, и патер Матиас оба призывали самые страшные проклятия на головы всех, кто прибегает к чарам и колдовству, и предостерегали ее против этого страшного греха. Теперь запах горящих трав и дым курильниц проникли в комнату патера Матиаса и вновь возбудили его подозрения; он пошел в комнату Амины и вошел, не будучи замечен ею.

Увидав его, она сразу поняла всю опасность, грозившую не только ей, но и Филиппу и ради него решила ввести старика в заблуждение.

— Я не делаю ничего дурного, отец мой, — ответила она совершенно спокойно, — но мне кажется неприличным, что вы позволили себе войти в спальную молодой женщины ночью в отсутствие ее супруга! Я могла быть в постели и, признаюсь, не ожидала с вашей стороны подобного вторжения!

— Ты не можешь предполагать ничего подобного, женщина! — сказал он мрачно. — Мой преклонный возраст и мое звание священника ограждают меня от подобных подозрений! — добавил он, все-таки, видимо, смущенный этим неожиданным упреком.

— Не всегда, отец мой, если верить тому, что рассказывают о старых монахах и священниках, и что вы сами, вероятно, не раз слышали, — проговорила Амина, — и я снова спрашиваю, зачем вы пришли в такую пору в комнату беззащитной женщины?

— Потому, что я был убежден, что эта молодая женщина предается греховному и преступному искусству колдовства!

— Колдовства? Что вы хотите сказать? Разве искусство врачебное греховно? Разве греховно приносить облегчение страждущим, заговаривать лихорадку, исцелять от горячки, в этом ужасном климате, где от них страдает столько людей?!

— Все заговоры и колдовства преступны!

— Я сказала «заговоры» вместо лечебные средства; если знание целебной силы известных трав, которым обладала моя мать, греховно, или преступно; если желание из участия к страждущим припомнить состав этих лечебных средств преступно, тогда и то, что я делаю, преступно, но не иначе.

— Я слышал, что ты призывала на помощь свою мать!

— Да, потому что ей хорошо был известен состав этого лекарства, а я не обладаю столь большими познаниями, как она! Так неужели — это грех?

— Так ты желаешь найти состав лекарства? — спросил патер. — А я думал, что ты предаешься занятию, нечестивому и грешному, делу проклятому церковью!

— Разве сожжение нескольких трав и корешков может быть нечестивым делом? Что ожидали вы увидеть здесь, отец мой? Взгляните вот на эту золу; смешав ее с маслом, можно изготовить мазь, которая при втирании в поры больного может дать ему облегчение. Что она может сделать еще? Неужели этот пепел или зола могут вызывать духов? — и Амина рассмеялась.

— Я поражен, — сказал патер, — но не убежден.

— Я также поражена, но не убеждена! — наивно отозвалась Амина. — Я не могу поверить, чтобы такой человек, как вы, действительно предполагал, что в сожжении трав и корней может заключаться нечто греховное, ни тому, что это было причиной вашего прихода сюда, в комнату одинокой женщины в такой поздний час ночи. Во всяком случае прошу вас, отец, оставить эту комнату: непристойно вам оставаться здесь. И если бы вы снова позволили себе такой поступок, вам пришлось бы покинуть этот дом! Я думала о вас лучше! Впредь я не буду оставаться одна ни днем, ни ночью!

Эти слова Амины были слишком жестоки. Старик, глубоко огорченный, тотчас же вышел из комнаты, шепча про себя в то время, как спускался по лестнице: «Да простит тебе Бог твое ложное подозрение и твою обидную и жестокую несправедливость! Я пришел сюда только по той причине, на какую указал, и никакой другой мысли У меня не было, видит Бог!»

— Да, я это знаю и уверена в этом! — прошептала про себя Амина, прислушиваясь к его словам, доносившимся до ее слуха. — Я знаю, но я должна избавиться от твоего неуместного, непрошенного общества! Я не хочу иметь шпиона в своем доме, соглядатая, вечно вмешивающегося во все мои действия и поступки. В благодарность за помощь в нужде, за кров и пищу, ты, безумный старик, вздумал шпионить за мной! Вот она, ваша благодарность!.. И, убрав курильницу и уничтожив все следы своих занятий, Амина отворила дверь своей спальни и позвала одну из своих служанок, приказав ей

остаться и ночевать вместе с ней, так как патер позволил себе войти к ней, и что она не может этого допустить.

— Святой отец! Да неужели это возможно! — воскликнула служанка.

Амина ничего не ответила, но легла в постель и заснула, а патер Матиас слышал все, беспокойно шагая взад и вперед по своей комнате; наутро он отправился к патеру Сейсену и сообщил ему о случившемся.

— Вы поступили необдуманно, — проговорил Сейсен, — нельзя было входить в комнату женщины в такое время ночи!

— Но я имел основание подозревать!..

— Да… А она будет иметь также основания подозревать: она так молода и так прекрасна!

— О… клянусь Пресвятой Девой!..

— О, я вам безусловно верю, но все же, если это станет известно, то будет скандалом для нашей религии!

И оно стало известным весьма скоро, так как служанка, которую призвала к себе в ту ночь Амина, не преминула упомянуть об этом обстоятельстве своим друзьям, а те — своим, и вскоре патер Матиас очутился в таком положении, что поспешил как можно скорее покинуть это местечко и возвратиться в Лиссабон, досадуя на себя и еще более на Амину за ее недостойное и несправедливое подозрение.

ГЛАВА XXI

Между тем, нагрузка «Дорта» шла успешно и быстро, и как только все было готово, Филипп без промедления вышел в море и, благополучно совершив обратное плавание, прибыл в Амстердам. Нет надобности говорить, что тотчас же по прибытии он поспешил домой к Амине. Та уже ожидала его, так как отбывшие из Батавии раньше «Дорта» мелкие суда адмиральской флотилии привезли ей письма от мужа. То были первые его письма за все его плавания.

Вскоре после получения этих писем приехал и сам Филипп. Директора компании были чрезвычайно довольны его поведением и тут же назначили его капитаном большого хорошо вооруженного судна, с которым он должен был отплыть в Индию будущей весной. Таким образом у него было целых пять месяцев спокойствия и отдыха впереди, и кроме того, на этот раз он имел утешение увезти с собой Амину.

Амина рассказала мужу о всем случившемся в его отсутствии, и о том, как она, наконец, избавилась от непрошенного надзора патера Матиаса.

— А разве ты занималась искусством твоей матери? — спросил Филипп.

— Нет, не занималась потому, что я не могла ничего припомнить, но я старалась вспомнить кое-что.

— Зачем? Этого не должно быть, Амина! Это занятие греховное, как тебе справедливо заметил святой отец! Обещай мне, что ты раз навсегда откажешься от этого!

— Но если это греховно, Филипп, то, значит, и твое призвание тоже греховно! Ты хочешь сноситься и действовать за одно с бестелесными духами, с выходцами с другого света. То же самое пытаюсь сделать и я. Брось свою погоню за призраками, откажись от своего страшного призвания оставайся со мной, — и я с радостью соглашусь на твое требование.

— Но я действую согласно воле Всевышнего!

— Если Всевышний не только допускает, но даже требует твоего обещания с существами иного мира, то почему же он не допускает это

и по отношению ко мне? Ведь, все что я могу сделать, я могу только с Его соизволения!

— Да, Амина, но, с другой стороны, человеку дана свободная воля, и Бог попускает зло и грех. Мы должны будем отвечать перед ним за то и за другое.

— Зло и грех — условные понятия! Какое зло в том, что я сделала? Разве я с дурными целями прибегала к искусству моей матери? Нет, я хотела только следовать за моим возлюбленным супругом, хотела отыскать его в неведомых морях точно так же, как он сам отыскивал там своего отца… Но к чему нам спорить теперь о таких вещах, Филипп, когда ты здесь со мной, и когда я буду с тобой в будущем твоем плавании?! Пока я с тобой, я тебе обещаю не возобновлять более моих попыток, но в разлуке с тобою стану просить у невидимых духов открыть мне, где находится мой супруг, что он делает, и что его ожидает!

Зима незаметно прошла, и наступила весна; время было готовить судно к отплытию и грузить товары, и так как при этом нужен был хозяйский глаз капитана, то Филипп и Амина уехали в Амстердам.

«Утрехт», как звали судно, на которое был назначен капитаном Филипп, было совершенно новое судно вместимостью в четыреста тонн, вооруженное двадцатью четырьмя орудиями. Прошло незаметно еще два месяца, в течение которых Филипп и его любимец Кранц, получивший место старшего помощника на «Утрехте», надзирали за работами на судне и вместе заботились о предоставлении всех возможных удобств для Амины.

В мае получилось приказание идти в море и по пути зайти в Гамбрун, на Цейлон, спуститься мимо Суматры и оттуда пробить себе путь в Китайские воды. Компания при этом имела основание думать, что португальцы всячески будут противиться этому, а потому Филиппу дан был многочисленный экипаж и небольшой отряд солдат, который должен был состоять при суперкарге, везшем с собой большие деньги для приобретения товаров в Китайских портах на случай, если бы китайцы не пожелали принять в обмен их европейские товары.

Все меры для защиты судна и охраны его груза и ценностей были приняты.

С попутным ветром «Утрехт» вышел в море и скоро оставил за собой Англию и ее воды. Плавание обещало быть счастливым, так как

благоприятный ветер сопутствовал им почти до самого мыса Доброй Надежды, и только здесь впервые они были застигнуты штилем.

Амина была в восторге. Уже стемнело; она ходила взад и вперед по палубе с Филиппом любуясь яркими южными созвездиями.

— Чьи-то судьбы написаны в этих южных звездах, которых жители севера не видят никогда! — промолвила она. — Хотела бы я знать, что говорят тебе и мне эти звезды!

— Неужели ты веришь в звезды, Амина?

— В Аравии им верят все, но не все умеют в них читать. Моя мать принадлежала к числу тех счастливцев, которые читают судьбу человека по звездам без ошибки, но для меня, увы! Это закрытая книга!

— А разве это не лучше, Амина?

— Лучше?! Как может быть лучше пресмыкаться по земле в сомнении и неведении, мучиться страхом неизвестности и трепетать перед всем, чем обладать высшими познаниями и высшей премудростью и знать, что тебя ожидает, сознавать в себе связь с высшими силами?! Разве не гордится разум человеческий при мысли, что ему доступно то, что не доступно другим смертным? Разве это не благородная гордость?

— Это опасная гордость, Амина! — возразил Филипп. Она смолкла и долго пристально глядела в тихо плещущие о борт волны, облокотившись на перила.

— Ты себе представляешь в своем воображении существа населяющие эти морские глубины, резвящимися среди кораллов и украшающими жемчугом свои длинные косы? — смеясь, осведомился Филипп.

— Да, конечно, и мне думается, что отрадно и приятно жить их жизнью! Помнишь, Филипп, тебе когда-то снилось, что я была русалкой! Но я не знаю, почему мне кажется, что меня вода не примет, что как бы я ни окончила свое земное существование, во всяком случае не холодные, насмешливые волны будут играть со мной… Однако, пора спать! Пойдем, Филипп, в каюту: уж становится поздно!

На другой день марсовый матрос доложил, что вдалеке на воде что-то плавает на траверсе судна. Кранц взял свою подзорную трубу и увидел небольшую шлюпку, вероятно снесенную с большого судна, хотя судна нигде не было видно. Так как было тихо, что Филипп

приказал спустить шлюпку и предоставил желающим съездить посмотреть, что это за лодка. Спустя часа полтора или больше, люди, ездившие на рекогносцировку, вернулись, таща за собой на буксире маленькую лодку.

— В лодке мы нашли человека, — сказал младший помощник Кранцу, входя на палубу. — Но никто из нас не мог определить с уверенностью, жив он или мертв!

Кранц донес об этом Филиппу, который в это время завтракал с Аминой в своей каюте.

— Пусть доктор осмотрит его, — сказал Филипп.

Доктор после тщательного осмотра заявил, что жизнь еще не совсем отлетела из этого тела, и приказал отнести его вниз, чтобы дать ему вернуться к жизни. Но в тот момент, когда люди хотели поднять спасенного, чтобы отвести его на койку, тот разом поднялся, сел, затем вскочил на ноги, зашатался и, прислонясь к мачте, постоял с минуту и как будто совершенно оправился. На предложенные ему вопросы он отвечал, что принадлежит к судну, потерпевшему крушение или, вернее, перевернутому налетевшим шквалом, что он успел оторвать кормовую шлюпку, тогда как весь остальной экипаж погиб вместе с судном.

Не успел он докончить своего рассказа, как Филипп в сопровождении Амины вышел на палубу и направился к тому месту, где столпились матросы. Когда они расступились, чтобы дать дорогу капитану и его супруге, то последние, к неописанному своему удивлению и ужасу, узнали в спасенном человеке одноглазого лоцмана Шрифтена.

— Хи! Хи! Капитан Вандердеккен, если не ошибаюсь! Весьма рад, что вижу вас начальствующим, — и вас также, прекрасная леди!

Филипп невольно отвернулся и почувствовал, как дрожь пробежала по всему его телу, а Амина сверкнула глазами, при виде страшного исхудалого тела этого странного человека, и, повернувшись, пошла вслед за мужем в каюту. Она застала его сидящим у стола с опущенной на руки головой, видимо, совершенно расстроенного.

— Мужайся, дорогой мой, — сказала она, — без сомнения, его появление неожиданный для тебя удар, и я боюсь, что оно не предвещает нам ничего хорошего; но что же из этого? Такова наша судьба, а от судьбы все равно не уйдешь!

— Пусть так, пусть это моя судьба! Но почему же и ты обречена на гибель?

— Я твоя тень и должна и хочу разделять с тобой и хорошее, и дурное, радость и горе, Филипп! Я не хотела бы умереть раньше тебя, так как это причинило бы тебе горе, но твоя смерть укажет и мне путь, и я скоро, скоро последую за тобой!

— Но, конечно, не самовольно, Амина?!

— Почему же нет? Нескольких секунд достаточно чтобы это стальное лезвие исполнило свое назначение!

— Нет, нет, Амина! Это грешно! Наша религия воспрещает это!

— Пусть она воспрещает, но мой разум говорит иначе: я призвана была к жизни без моего согласия, я не давала при этом никаких обязательств, и мне не давали гарантий; о сроках не было вопроса, и потому я убеждена, что, когда мне вздумается уйти из этой жизни, я в праве это сделать, не испросив предварительно разрешения у попов… Но довольно об этом! Теперь скажи мне лучше, как ты думаешь поступить с Шрифтеном?

— Я высажу его на Капе; я не в состоянии выносить его ненавистного присутствия! Разве ты и теперь не ощущала дрожи и чувства холода, когда ты подошла к нему?

— Я ощущала, как и тогда, но знала, что увижу его прежде, чем мы увидели его! Тем не менее, думается, я бы не высадила его!

— А почему?

— Потому что я скорее склонна бросить вызов судьбе, а не увертываться от нее. Ведь, в сущности, этот несчастный ничего не может сделать нам.

— Нет, ты ошибаешься! Он может взбунтовать команду, как уже раз пытался это сделать, поселить в ней недоверие ко мне; кроме того, он уже раз пытался похитить у меня мою реликвию!

— Я готова почти сожалеть, что это не удалось ему: это положило бы конец твоим скитаниям, твоей погоне за призраком!

— Нет, Амина, не говори так! Это мой долг: я дал торжественную клятву!

— Но знаешь ли, что ты не можешь, собственно говоря, высадить Шрифтена на берег на Капе? Он такой же служащий компании, как и ты; ты можешь только отправить его на родину в том случае, если найдешь судно, возвращающееся в Голландию! Но, будь я на твоем

месте, я предалась бы на волю судьбы. Очевидно, его судьба сплетена с нашей, и против этого ничего не поделать; так пусть же он лучше останется здесь!

— Быть может, ты права, Амина! Я, быть может, могу отсрочить свою судьбу, но уйти от нее не могу, что бы ни ждало меня впереди, все равно!

— Так пусть он останется здесь и пусть делает все, что может сделать худшего; ты же обращайся с ним ласково, и, как знать, быть может, это послужит нам на пользу!

— Да, ты права! Он стал моим врагом без всякого повода с моей стороны! Как знать, быть может, он точно также станет и моим другом и доброжелателем!

— А если нет, то ты будешь иметь утешение, что поступил, как должно!

На следующий день поутру доктор донес, что Грифтен, по-видимому, совершенно оправился, и Филипп приказал позвать его к себе в каюту.

— Я послал за вами, Шрифтен, — сказал он, — чтобы узнать, не нужно ли вам что-нибудь?

— Что мне нужно! Пополнеть немного! Хи! Хи!.. Вот что мне всего более нужно!

— Ну, это придет само собой; я уже распорядился, чтобы вас кормили вволю и как можно лучше!

— Бедняга! — проговорила Амина, сочувственно глядя на него. — Как он, должно быть, много выстрадал! Это, кажется, тот самый человек, Филипп, который принес тебе тогда письмо от директоров Ост-Индской компании?!

— Хи, хи, хи, сударыня! Он самый; не особенно-то желанный… не правда ли?

— Конечно, мой милый, весть о разлуке с любимым мужем никогда не бывает желательной для любящей жены, но ведь вы тут были решительно не при чем?!

— Особенно, если муж желает уйти в море, оставляя дома хорошенькую жену, да еще имея при этом такой достаток, что мог бы свободно прожить дома всю жизнь. Хи! Хи!

— Да, в самом деле, вы сказали правду..

— Эй, послушайте вы меня, лучше откажитесь от этой затеи: все это безумие, бред, самообман, капитан!

— Я во всяком случае должен окончить это плавание, — возразил Филипп, — а там дальше видно будет. Я достаточно пострадал, да и вы тоже, Шрифтен; вы Дважды потерпели кораблекрушение. Ну, а теперь скажите, что вы думаете делать? Отправиться ли домой с первым встречным судном или съехать на берег на Капе, или…

— Или сделать что ни на есть, лишь бы убраться с этого судна? Хи! Хи!

— Нет, зачем же? Если вы предпочитаете плавать со мной, то, зная вас за хорошего моряка, я готов принять вас на жалование в свой экипаж, если вы не имеете ничего против того, чтобы связать свою судьбу с моей!

— Если я не имею ничего против? Хм! Да, я буду плавать с вами, мингер Вандердеккен; я желаю постоянно быть подле вас, хи! хи!

— Пусть так. Как только вы вполне оправитесь и соберетесь с силами, можете вступить в исполнение ваших обязанностей, а до того времени я позабочусь, чтобы у вас ни в чем не было недостатка!

— И я постараюсь сделать для вас, что могу; если вам что-нибудь понадобится, приходите ко мне, и я помогу во всем! — прибавила Амина. — Вы много страдали, но мы постараемся сделать все, чтобы вы забыли об этом!

— Это очень хорошо, очень мило с вашей стороны, — отвечал Шрифтен, любуясь прелестным личиком молодой женщины, а затем как-то загадочно пожал плечами и пробормотал: — Жаль, право, жаль… но так должно быть!

— Прощайте! — сказала Амина и протянула ему руку. Шрифтен взял ее руку, и холод смерти пронзил ее до самого сердца, но она ожидала этого и потому сумела подавить всякое выражение этого ощущения. Он продержал ее руку в своей несколько секунд, задумчиво глядя ей в лицо.

— Такая прекрасная… и такая добрая! Мингер Вандердеккен, благодарю вас, сударыня, да сохранит вас Небо!

И, пожав руку Амины, которую он все еще не выпускал из своей, Шрифтен повернулся и вышел.

— Это существо необыкновенное, я в этом уверена, и тем лучше, если нам удастся приобрести его дружбу; если я смогу, то сделаю

это! — проговорила Амина.

— Но разве ты думаешь, что другие люди, чем мы, имеют те же чувства и побуждения, как мы?

— Конечно! Если у них есть злая воля, то должна быть и добрая! Ведь у них та же душа, а душа без чувств и побуждений — уже не душа. Если ангелы могут скорбеть о людях, то, значит, они чувствуют так же, как мы; если демоны могут причинять зло, то они чувствуют так же, как мы. Если наши чувства изменяются, то могут изменяться и их чувства. Если бы в той жизни не было сознания и чувств, то не было бы ни рая, ни ада!

— Ты пугаешь меня своей уверенностью в таких вещах, — заметил Филипп, — знаешь ли, минутами я не знаю, могу ли я быть уверен, что моя жена — такое же смертное существо, как я!

— Да, да, Филипп, ты можешь быть в этом уверен! Я такое же жалкое существо, как ты, но видит Бог, что я желала бы быть одним из тех существ, которое могло бы всегда витать вокруг тебя, быть с тобой во все минуты твоей жизни, охранять и спасать тебя! Но, — увы! — я простая смертная женщина, беспомощная и бессильная, но готовая сделать все на свете ради тебя! Ради тебя я хотела даже изменить свою веру. Но что такое эта вера, не все ли равно, если все они имеют одну и ту же конечную цель — будущую жизнь и будущее блаженство?!

— Правда, Амина, а между тем наши духовники думают иначе!

— Да, иначе, а можешь ты мне сказать, что является основой той веры, которую они считают своей и единственной истиной?

— Основой ее является милосердие и любовь!

— Но разве милосердие может осуждать на вечные муки тех, кто никогда ничего не слыхал об их вере, кто жил и умер, поклоняясь Высшему Существу по своему разумению и по примеру своих отцов?!

— Нет, конечно! — сказал Филипп, и на этом разговор кончился.

Между тем «Утрехт» пришел на Кап, возобновил свои запасы воды и провианта и продолжал свое плавание; после двух месяцев довольно тяжелого пути он, наконец, бросил якорь в Гамбруне.

В течение всего этого времени Амина не переставала стараться всеми возможными способами приобрести благорасположение Шрифтена; она часто беседовала с ним и оказывала ему всякие мелкие услуги и мало-помалу преодолела тот страх, который ей внушала его близость, а Шрифтен в конце концов стал ценить ее доброе отношение

и, по-видимому, находил приятность в ее обществе. К Филиппу он временами был вежлив и приветлив, но не всегда, с Аминой же настолько сблизился, что при случае заходил к ней в каюту поговорить. Он не садился, но заходил, говорил с ней о том, о другом и уходил. Когда они стояли на якоре в Гамбруне, Шрифтен однажды вечером подошел к Амине, сидевшей на носу, и сказал:

— Леди, знаете вы, что вон то судно идет через несколько дней на вашу родину?

— Я так слышала! — отвечала Амина.

— Так вот, хотите вы послушать совет человека, желающего вам добра? Пересядьте на то судно, поезжайте в ваш дом и ждите там спокойно возвращения вашего мужа, который к вам непременно возвратится.

— А что заставило вас дать мне этот совет?

— Что заставило? Предчувствие беды, быть может, смерти, ужасной смерти, угрожающей вам. Вы знаете, что некоторые люди имеют дар предвидения! Я предвижу то, что я всеми силами хотел бы отвратить. Не пытайте дальше свою судьбу!

— Кто может отвратить то, что суждено человеку? Если я приму ваш совет, то, значит, мне суждено было его принять, если же не приму, то и это, значит, мне было суждено!

— Пусть так! Но отчего же не избегать того, что угрожает вам?

— Я не боюсь ничего; тем не менее я очень благодарна вам, Шрифтен! Скажите, не связана ли ваша судьба каким-нибудь таинственным способом с судьбой моего мужа? Я чувствую это.

— Почему вы так думаете, леди?

— По многим причинам: дважды вы приходили звать его на подвиг, дважды терпели крушение и каждый раз чудесным образом появлялись вновь на его пути. Кроме того, вам известна его миссия; это несомненно!

— Но это ничего не доказывает!

— Нет! Это доказывает, что вам известно то, что известно только одному моему мужу!

— Одному?! Оно известно и вам, да и святые отцы обсуждали это дело! — с злобной усмешкой заметил Шрифтен.

— А вы как узнали об этом? Вы, несомненно, связаны с этой миссией моего супруга, так скажите же, Шрифтен, действительно ли

это дело справедливое и святое, как он думает?

— Если он так думает, то для него оно и становится таковым!

— Так почему же вы ему враждебны?

— Я ему не враждебен, леди!

— Не враждебны? Так почему же вы пытались однажды отнять у него священную реликвию, посредством которой он может исполнить свое предначертание?!

— Я хотел помешать ему в дальнейших поисках, помешать скитаться по морям, по причинам, высказывать которые не следует. Но разве это значит, что я ему враг? Разве не лучше бы было, если бы он оставался на суше подле вас, вместо того, чтобы рыскать по бурным океанам, в поисках безумных опасных ? А без реликвии он не мог бы ничего сделать; он это знал. Как видите, отнять у него реликвию было бы скорее добрым делом!

Амина ничего не ответила, глубоко задумавшись.

— Леди, — продолжал Шрифтен после некоторого молчания, — я желаю вам добра; ваш муж мне безразличен, но и я не желаю зла ему; так выслушайте меня. Если вы хотите, чтобы дальнейшая жизнь ваша протекла спокойно и счастливо, если хотите прожить долго на этом свете с избранником вашего сердца, если хотите, чтобы он умер спокойно в своей постели, оплакиваемый вами и детьми, которые затем были бы вам утехой, — я все это предвижу и могу обещать вам, если вы снимете с груди мужа вашего ту реликвию и передадите ее мне. Но если вы хотите, чтобы он страдал свыше человеческих сил и провел всю свою жизнь в сомнениях и терзаниях, в горе и тревоге, до тех пор, пока морская глубь не примет его тела, если вы хотите, чтобы и ваша жизнь была сокращена, и остаток ее прошел в страшных, нечеловеческих мучениях, и вы были разлучены с ним и умерли ужасной смертью, — тогда пусть реликвия эта остается у него. Я могу читать в будущем; такова судьба обоих вас. Леди, обдумайте все это хорошенько! Завтра я должен получить ваш ответ!

С этими словами Шрифтен удалился, оставив Амину одну со своими мыслями.

— Я верю ему! — наконец, вырвалось у нее слабое восклицание. — Он сказал правду. Но все-таки было бы лучше, если бы Шрифтен ничего не сказал мне. Увы, все мы стараемся заглянуть в

будущее и вместе с тем пятимся назад и желаем лучше оставаться в неведении.

— О чем ты так задумалась, Амина? — спросил Филипп, подойдя к ней.

Амина не сразу отвечала. «Не сказать ли мне ему все, что слышала от Шрифтена? — подумала она. — Это единственное средство!» — и она передала мужу дословно свой разговор с одноглазым лоцманом. Филипп ничего не возразил и сел подле жены, ласково взяв ее руку. Амина опустила голову на плечо мужа и молчала.

— Что же ты думаешь, Амина? — спросил ее муж.

— Я не могла бы украсть у тебя твоей реликвии, — отвечала она, — но, быть может, ты сам отдашь ее мне?

— А мой отец, Амина, что будет с ним? Неужели тяготеющее над ним проклятие будет вечно тяготеть над ним? Неужели ему напрасно было позволено обратиться к сыну, и неужели ему напрасно ждать от него спасения? Разве самые слова этого человека не доказывают, что моя миссия не плод моего расстроенного воображения, и что он знает о ней? Между тем он хочет отклонить меня от исполнения моего долга, хочет помогать мне в этом, лишить меня возможности осуществить мой подвиг. Почему?

— Почему, этого я не знаю, Филипп, но я хотела бы тоже помешать этому. Я чувствую, что ему дана способность читать в будущем, и что он безусловно не ошибается!

— Пусть так, но то, что он говорил, как-то не ясно: он предвещает мне муки и страдания, но я сознательно обрек себя на них; я привык смотреть на свою жизнь, как на тернистый путь, награда за который ждет меня в иной жизни. Но ты, Амина, не связана клятвой; ты не давала никаких обетов; он советует тебе вернуться домой; пророчит тебе ужасную смерть, если ты останешься здесь. Последуй его совету, вернись и избегни того, что тебе грозит!

— Да, я не связана клятвой, я не давала никаких обетов до сих пор, но теперь, Филипп, клянусь тебе будущим моим блаженством, теперь я связываю себя торжественной клятвой…

— Нет, нет! Остановись!

— Нет, ты не можешь помешать мне дать клятву. Ведь, если не сейчас при тебе, то все равно в душе своей я произнесу ее перед лицом Бога, что, пока только судьба попустит, я своей волей никогда не

расстанусь с тобой. Я твоя жена, и мое настоящее и мое будущее, все принадлежит тебе! Я не робка душой: — опасность и смерть, даже самая ужасная смерть не пугают меня!

Филипп молча взял и поднес ее руку к губам, после чего они не возобновляли более этого разговора.

На следующий день вечером Шрифтен опять подошел к Амине и сказал:

— Ну, вот я пришел за ответом!

— Шрифтен, — проговорила ласково молодая женщина. — Это невозможно; я очень благодарна вам за доброе отношение и, поверьте, очень ценю его, но я не могу сделать того, что вы мне советовали!

— Но если он хочет довести до конца свою миссию, если он не соглашается отказаться от своей задачи, то зачем же гибнуть вам?

— Я его жена, Шрифтен, его навек, и телом, и душой в сей и в будущей жизни. И вы, вижу, не осуждаете меня, не правда ли?

— Нет, не осуждаю! Я восхищаюсь вами, преклоняюсь перед вашим мужеством и силой вашей души. Но я глубоко огорчен, скорблю за вас… Впрочем, это такое смерть? Ничто! Хи! Хи! — и Шрифтен поспешил удалиться.

ГЛАВА XXII

Выйдя из Гамбруна, «Утрехт» зашел на Цейлон и проследовал далее в восточные моря. Шрифтен все еще оставался на судне, но после того достопамятного разговора с Аминой держался как-то в стороне и, по-видимому, избегал обоих: и Амину, и Филиппа. Тем не менее он не делал никаких попыток взбунтовать экипаж против начальства и вообще не проявлял по отношению к молодым супругам никакой враждебности. Его сообщение не осталось без известного влияния как на Амину, так и на Филиппа; оба они стали грустны и задумчивы и, стараясь скрывать друг от друга свою тайную печаль и тревогу, в то же время закаляли свою душу против грядущих бед и несчастий. Кранц дивился происшедшей в них перемене, но не мог себе объяснить ее. «Утрехт» находился невдалеке от Андаманских островов, когда Кранц, посмотрев на барометр, рано поутру вошел в капитанскую каюту и вызвал Филиппа.

— Надо по всем вероятиям ожидать тайфуна, сэр! — сказал он. — И барометр, и состояние неба не предвещают ничего доброго.

— Прикажите убирать паруса; я сейчас приду сам наверх! — ответил Филипп.

Через несколько секунд он был уже на палубе; море было еще спокойно, но стонущий ветер предвещал уже бурю; белый, прозрачный, точно пар, туман стоял в воздухе и с каждой минутой становился все гуще и гуще. Людей вызвали наверх; все сколько-нибудь тяжелое убрали с палубы; орудия укрепили еще особо против обыкновенного. И вдруг налетел со свистом дикий порыв ветра, от которого судно сильно накренилось, но ветер пронесся над ним, и оно снова выпрямилось. Однако ветер налетел снова и затем еще и еще, и все бешенее, все свирепее были его порывы.

Море, хотя почти совершенно спокойное, как-то все побелело от сплошной пелены пены, которую вздувал тайфун, проносясь по гладкой поверхности моря. Через четверть часа ураган пронесся, и судно как будто вздохнуло спокойнее; но теперь море расходилось, и ветер посвежел. Прошел час времени, и снова поднялась буря, более грозная, более ужасная, чем первая. Волны били людям прямо в лицо;

с неба лились целые потоки дождя; судно совсем легло на бок и оставалось в таком положении до тех пор, пока налетевший шквал не пронесся дальше, неся с собой гибель и разрушение кому-нибудь другому и оставляя за собой беспокойное, взбаламученное море.

— Ну, теперь, кажется, все прошло, сэр, — сказал Кранц, — с наветренной стороны как будто немного разъяснивает!

— И я полагаю, что худшее мы уже испытали! — согласился Филипп.

— Нет, худшее еще впереди! — произнес чей-то тихий голос над самым ухом Филиппа; это был Шрифтен.

— Судно с наветренной стороны! — крикнул Кранц. — Его несет ветром прямо на нас!

Филипп взглянул в указанном направлении и увидел в том месте, где горизонт несколько разъяснился, судно на всех парусах несущееся прямо по ветру.

— Это крупное судно, — сказал он, — принесите мне подзорную трубу! — Но когда ему принесли телескоп, то все снова задернуло туманом, и судна не стало видно. — Надо не терять из виду это судно, чтобы оно как-нибудь в этом тумане не наскочило на нас!

— Они, вероятно, заметили нас! — заметил Кранц. Спустя немного тайфун снова принялся дуть, и вся атмосфера превратилась в густой молочный туман.

На расстоянии полукабельтова ничего нельзя было видеть. Силой ветра на «Утрехте» распороло на лоскуты штормовой парус, который теперь бился со свистом о мачту, заглушая даже самый рев бури. Наконец, ураган пронесся и разогнал на время туман.

— Судно с наветренной стороны! — крикнул вахтенный матрос.

Кранц и Филипп одновременно кинулись к шкафутам и увидели то самое большое судно, несущееся прямо на них на расстоянии не более трех кабельтов.

— Руль на борт! Они нас не видят! — живо скомандовал Филипп.

Приказание было немедленно исполнено, и люди стали взбираться на орудия и на шкафуты, стараясь увидеть, изменило ли неизвестное судно свое направление; но нет, оно продолжало нестись прямо на «Утрехт», а так как на последнем был внесен передний парус, то он не слушался руля и не сворачивал в сторону; страх сжимал груди экипажа.

— Эгой, судно! — крикнул Филипп, но буря относила звук его голоса обратно.

— Эй, там, судно! Эгой! — закричал в свою очередь Кранц, вскочив на шкафут и махая высоко над головой своей шляпой. Но и это оказалось напрасно. Судно продолжало нестись прямо на них, рассекая носом громадный пенистый вал, который оно как будто гнало перед собой; теперь нос корабля был уже на расстоянии пистолетного выстрела от «Утрехта», и люди положительно обезумели от страха.

— Судно, эгой! — заревели они хором, и этот рев, несмотря на бурю, нельзя было не слышать, тем более на таком расстоянии. Однако там не внимали их окрику, и теперь водорез судна был уже не более как в десяти ярдах от борта «Утрехта»; люди, видя, что неизвестное судно сейчас врежется в их судно и перережет его напополам, повскакали на наветренные шкафуты и приготовились ухватиться за ванты и снасти того судна, чтобы успеть перебраться на него прежде, чем затонет «Утрехт». Амина, встревоженная шумом на палубе, поднялась наверх и, подойдя к мужу, взяла его за руку.

— Сейчас столкновение… — проговорил Филипп и не докончил начатой фразы: водорез чужого судна коснулся их борта. Из уст всего экипажа раздался один общий крик; люди протягивали вперед руки, чтобы ухватиться за ванты бугширита неизвестного судна, врезавшегося между мачтами «Утрехта», но руки их ловили воздух! В момент столкновения не ощутилось ни сотрясения, ни удара, ни толчка, между тем судно беззвучно врезалось все дальше и дальше, перерезая «Утрехт» напополам. Но не было слышно ни треска обшивки, ни скрипа частей; его передний парус прошел через их грот, но нигде не оставалось следов разрушения. Неизвестное судно двигалось медленно, как бы постепенно пропиливая «Утрехт». Румсели неизвестного судна прошли через шкафуты «Утрехта», прежде чем Филипп успел прийти в себя.

— Амина, — воскликнул он чуть слышно. — Это «Корабль-Призрак»!.. Мой отец!

Экипаж, пораженный невероятным чудом, которого он был свидетелем, был теперь даже более потрясен, чем раньше сознанием грозящей опасности: одни бросились плашмя на палубу, пряча лицо в ладони, другие побежали вниз; одни молились, другие, казалось, окаменели от ужаса.

Спокойнее других оставалась Амина; она наблюдала, как «Корабль-Призрак» прорезывал их судно; видела на нем матросов, спокойно стоявших, облокотясь на шкафуты, и как бы любовавшихся разрушением, причиняемым ими. Но глаза молодой женщины искали среди них капитана, самого Вандердеккена, и вот, на корме, с рупором в руке, она увидела точный прообраз своего Филиппа: та же смелая, гордая фигура, те же черты, даже приблизительно тот же возраст; не могло быть сомнения: это был преследуемый роком Вандердеккен.

— Смотри, Филипп! Смотри! Видишь, вот твой отец!

— Действительно? Милосердый Бог, это он — он! — и, не осилив своих впечатлений, Филипп покачнулся и без чувств упал на палубу.

Тем временем «Корабль-Призрак» прошел сквозь «Утрехт», и образ старшего Вандердеккена подошел к корме, смотря через гакаборт. Вдруг Амина заметила, что призрак содрогнулся и быстро отвернулся; Амина оглянулась и увидела Шрифтена, который грозил призраку кулаком с вызывающим видом. Теперь «Корабль-Призрак» несся вперед с подветренной стороны и вскоре скрылся из виду в тумане. Еще раньше того Амина увидела, что с Филиппом дурно, но кроме нее и Шрифтена никто не сохранил полного присутствия духа. Ее глаза встретились со взглядом старого лоцмана; она подозвала его и с его помощью отвела мужа в каюту, где уложила на диван.

ГЛАВА XXIII

— Так я видел его, видел своими глазами на этот раз! — проговорил Филипп. — Можешь ли ты еще сомневаться, Амина?

— Нет, Филипп, я не сомневаюсь. Но тебе надо собраться с духом, надо внушить себе бодрость!

— За себя я ничего не боюсь, но ведь ты знаешь, что его появление предвещает гибель и несчастье!

— Так что же! — спокойно ответила Амина. — Я давно к этому была готова и ты тоже! Ты дважды уже терпел крушение и оставался жив, почему же не может этого случиться и со мной? А страданий я не боюсь; и хотя я слабая и хрупкая с виду женщина, но тебе не придется краснеть за меня в минуту опасности; напротив, если я смогу утешить и поддержать тебя, то утешу и поддержу; если я буду в состоянии помочь тебе, то помогу; а если нет, то во всяком случае ты не услышишь ни ропота, ни жалоб, не увидишь ни малодушных слез, ни отчаяния твоей Амины!

— Да, но одно твое присутствие здесь будет внушать мне страх за твою участь, а гибель неминуема!

— Так пусть она идет, но пока тебе следует показаться на палубе, Филипп: команда страшно напугана и взволнована; ты должен их успокоить и подбодрить; они наверное успели уже заметить твое отсутствие!

— Ты права, Амина! — сказал Филипп и, поцеловав жену, вышел из каюты.

«Так значит, все это правда; предостережение было, и надо готовиться встретить беду. Как бы я хотела знать больше!.. О, мать моя, сжалься над твоей дочерью и открой ей во сне твое мистическое искусство, которое я, по молодости лет, забыла! Правда, я обещала Филиппу не прибегать к нему иначе, как только в разлуке с ним, но меня томит тяжелое предчувствие и покидает бодрость при одной мысли о предстоящей разлуке!» — шептала про себя Амина, оставшись одна;

Тем временем Филипп вышел на палубу, где застал весь экипаж и даже Кранца в ужасном унынии; он еще помнил первое появление

«Корабля-Призрака» и страшную катастрофу, случившуюся тогда, и потому это вторичное видение совершенно сразило его.

— Мы не увидим больше гавани, сэр! — сказал он Филиппу, когда тот подошел к нему.

— Молчите, Кранц, люди могут услышать!

— Что из того?! Они и сами все знают, что мы должны погибнуть!

— Но это вовсе не так! — возразил Филипп. — Ребята! — обратился он к матросам. — Что какое-нибудь несчастье приключится с нами, это весьма вероятно, можно даже сказать, почти неизбежно; я уже раньше не раз видел «Корабль-Призрак», и каждый раз за этим следовало какое-нибудь несчастье. Но вы видите меня перед собою живым и здоровым, а потому видеть «Корабль-Призрак» еще не значит непременно погибнуть! Мы можем спастись, как спасся я, Кранц и многие другие. Но для этого мы должны делать все, что в наших силах, и уповать на Бога. Вы сами видите, что буря быстро стихает, и через несколько часов будет прекрасная погода. Я говорю, что видел «Корабль-Призрак» не раз, и не боюсь увидеть его еще много раз. Мингер Кранц, прикажите принести наверх спирт: люди достаточно поработали в эту бурю, им надо подкрепиться.

Одна мысль о раздаче спирта уже подбодрила матросов. Наутро море было спокойно, погода ясная, и «Утрехт» весело продолжал свой путь.

Последовавший затем долгий ряд прекрасных дней при легком попутном ветре вскоре заставил экипаж забыть о грозном видении, предвещавшем гибель. Они прошли Малакский пролив и вошли в пределы Полинезийского архипелага. Филиппу было предписано зайти для возобновления припасов и за получением инструкций на маленький островок Ботон, принадлежавший тогда Голландии. Они прибыли туда вполне благополучно и, простояв двое суток, вышли снова в море, рассчитывая пройти между Целебесом и Галаго.

Погода продолжала стоять ясная, и ветры дули не сильные; они подвигались с большой осторожностью из-за обилия рифов и течений, а, главное, большого обилия пиратских судов, которые положительно опустошают эти воды. Но и здесь «Утрехт» прошел благополучно и находился немного севернее Галаго, когда их вдруг застигнул мертвый штиль, а течением стало относить судно к востоку. Штиль продолжался несколько дней кряду, и они нигде не могли найти

якорного места; наконец, благодаря все тому же течению их занесло в группу островов и островков, лежащих к северу от Новой Гвинеи.

Здесь им удалось спустить якорь, и на ночь убрали паруса. Падал небольшой частый дождик, и погода стояла туманная; вахтенные были расставлены повсюду из опасения неожиданного нападения пиратов. Течение, обладавшее быстротой от 8 до 9 узлов в час по направлению к берегу, могло дать пиратам возможность подойти к «Утрехту» незамеченными.

Время было после полуночи, когда Филипп, спавший в каюте, был внезапно разбужен сильным толчком. Полагая, что на них наскочило какое-нибудь пиратское судно, он вскочил и выбежал наверх. Кранц бежал наверх, даже не успев одеться. В этот момент последовал второй толчок, и судно накренилось влево; тогда Филипп сразу понял, что «Утрехт» сел на мель.

Из-за густого тумана нельзя было разглядеть, где они находились, но тотчас же бросили лот, и промер указал, что они сели на песчаную мель, и что в самом глубоком месте у них было не более 14 футов воды. Врезались они в мель не носом, а бортовой стороной, причем течение несло их все дальше и дальше на мель.

При дальнейшем осмотре оказалось, что судно тащило свой якорь за собой, но это не мешало ему быть уносимым течением. Можно было предположить, что якорь сломился в стержне. Спустили другой якорь. Но до рассвета ничего решительно нельзя было сделать.

Когда взошло солнце и туман рассеялся, то они увидели, что сели на большую песчаную мель, только небольшая частица которой виднелась над водой, закругленная течением, которое здесь было чрезвычайно сильно. Приблизительно в трех милях от этого места виднелась группа мелких островов, поросших кокосовыми деревьями, но, по-видимому, не населенных.

— Боюсь, что мы ничего сделать не можем, — сказал Кранц. — Если мы облегчим судно, а якорь не возьмется, то нас отнесет еще дальше на мель; а закинуть здесь якорь против этого страшного течения нет никакой возможности!

— Во всяком случае мы должны попытаться, хотя я и согласен с вами, что наше положение незавидное! — заметил Филипп.

Вызвали людей наверх; те явились мрачные и угрюмые.

— Ребята, с чего это вы духом пали?

— Мы обречены на гибель, сэр, это верно, и мы это раньше знали!

— Я считал вероятным, что судну суждено погибнуть, — сказал Филипп, — но судно одно, а экипаж другое. Кроме того, из того, что судно в опасности, еще вовсе не следует, что его нельзя спасти. И чего нам бояться, ребята? Смотрите, море спокойно; времени у нас много; мы можем построить плот; кроме того у нас есть шлюпки; ветров здесь никогда не бывает, да и берег у нас чуть не под самым бортом! Но прежде давайте попытаемся спасти судно и только в том случае, если это не удастся, позаботимся о самих себе!

Люди поддались увещанию и бодро принялись за работу. Воду выкачали, все, что можно было, выкинули за борт, чтобы облегчить судно; насосы работали вовсю, но якорь продолжал тащиться по дну, нигде не находя прочной задержки, и Филипп с Кранцем видели, что их несет все дальше и дальше на мель.

До самой ночи люди не переставали работать; а перед ночью поднялся свежий ветер и вызвал легкое волнение, которым стало бить судно о мель.

Поутру снова принялись за работу, но вскоре насосы стали выкачивать песок. Это являлось показателем того, что в судне образовалась щель, и что труды их напрасны.

Тогда Филипп приказал прекратить эту работу и приняться за постройку прочного плота, на который можно было бы снести припасы и посадить тех, кто не поместится в шлюпках.

После непродолжительного отдыха люди снова принялись за работу, и Филипп с Кранцем, памятуя страшную катастрофу, которой они были свидетелями, лично наблюдали за прочностью сооружения.

Так как плот предстояло тяжело нагрузить, то Филипп счел за лучшее построить его из двух отдельных частей. Опять проработали до ночи, затем легли спать. Погода была прекрасная и ветра мало; на другой день к полудню плот был готов. Запасы воды и пищи снесены на него и хорошее сухое местечко припасено посредине для Амины. Взяли с собой и паруса, и запасные снасти, и известное число ружей и зарядов, словом, все, что могло понадобиться. Кроме того, на судне было большое количество звонкой монеты, и экипаж заявил настоятельное желание увезти с собой все. Филипп дал разрешение, мысленно решив, как только они будут в порту, потребовать с них обратно эти деньги от имени компании, которой они принадлежали.

Наконец, все было улажено, и шлюпки с плотом отчалили от судна, причем приходилось усиленно грести, чтобы не унесло течением на мель.

Всего их было восемьдесят шесть душ; тридцать два человека уместилось на шлюпках; остальные — на плоту. Первоначально было решено, что Филипп останется на плоту, а Кранц на одной из шлюпок, но затем, когда оказалось трудным совещаться относительно направления течения и курса, который следовало держать, то оказалось; что оба они очутились на плоту. С наступлением ночи люди на шлюпках, чтобы дать себе отдых и не тащить на буксире тяжелый плот, закинули железные абордажные лапы и сцепились ими между собой и с плотом.

Преодолев опасность в том месте, где течение было особенно сильно, наши мореплаватели очутились теперь в сравнительно безопасном месте, где течение было не особенно сильно, а море совершенно спокойно. Накрывшись парусами, захваченными с собой, измученные люди вскоре заснули крепким сном, расставив часовых на случай какой-либо опасности.

— Не лучше ли мне остаться на одной из шлюпок, — заметил Кранц, — на случай, если они вдруг вздумают, спасая себя, уйти и оставить плот на произвол судьбы?!

— Я уже подумал об этом, — отвечал Филипп, — и потому не разрешил брать на шлюпки ни воды, ни припасов, а без этого они, конечно, не рискнут бросить нас.

— Без сомнения!

Кранц остался на вахте, а Филипп прилег отдохнуть подле своей Амины, встретившей его с распростертыми объятиями и веселым лицом.

— Мне даже нравится это жуткое разнообразие, дорогой мой! — говорила она. — Мы построим на берегу под кокосовыми пальмами хижину и будем терпеливо ждать, когда придет судно и захватит нас!

Забрезжило утро. Небо было ясно, море спокойно. За ночь плот и шлюпки отнесло в подветренную сторону от островов, которые были всех ближе от них, и теперь не было никакой надежды добраться до них; но на западе, на краю горизонта, виднелись уже верхушки и стволы кокосовых пальм, и решено было плыть в этом направлении.

Людям был роздан завтрак; все подкрепились пищей и теперь с новыми силами приналегли на весла.

Вдруг они увидали небольшое судно, переполненное людьми, несущееся за ними со стороны островов, лежащих с наветренной стороны. Не подлежало сомнению, что то были пираты, но Филипп и Кранц рассчитывали, что их силы более чем достаточны для отражения нападения. Людям роздали оружие и заряды, но чтобы не дать им испытать чувство страха перед атакой, приказано было приналечь на весла и стараться не открывать огня до последней крайности.

Когда пират оказался на расстоянии выстрела, то на нем перестали грести и принялись стрелять из маленького орудия на носу. Картечью ранило нескольких человек из бывших на плоту и в шлюпках, несмотря на то, что Филипп приказал всем лечь плашмя.

Пират подошел еще ближе, и теперь его огонь стал еще более угрожающим. Наконец, было решено, чтобы шлюпки атаковали пирата. Кранц принял на себя командование атакой; плот отцепили, и шлюпки, в одной из которых находился Кранц, устремились было вперед, но вместо того, чтобы атаковать врага, они вдруг повернули и стали уходить в противоположном направлении.

До Филиппа донесся голос Кранца, затем в воздухе сверкнула его сабля, и в следующий затем момент он бросился в воду и поплыл к плоту. Как видно, люди на шлюпках, спасая захваченные ими деньги, решили уходить от пирата, предоставив плот на произвол судьбы. Напрасны были окрики и угрозы Кранца, они грозили даже убить его; тогда он решил предоставить их самим себе.

— Так значит мы погибли, нас теперь осталось слишком мало! — сказал Филипп. — Мы едва ли будем в состоянии отразить их. Как вы думаете, Шрифтен? — обратился он к лоцману, стоявшему подле него.

— Да, погибли, только не от пиратов, — угрюмо отозвался он, — от них нам не будет беды! Хи! Хи!

И это действительно было так. Пираты, видя, что шлюпки стали уходить от них, оставив плот на произвол судьбы, решили, что там находится самое ценное, и потому, прекратив огонь по плоту, пустились в погоню за шлюпками. Поначалу казалось, что пиратское судно быстро настигает беглецов, но затем скорость хода пирата стала

заметно уменьшаться, и когда день стал клониться к вечеру, то и шлюпки, и пират совершенно скрылись из вида.

Так как плот теперь был оставлен на произвол ветра и волн, то Филипп и Кранц, собрав плотничьи инструменты, захваченные с «Утрехта», стали устанавливать на плоту мачту, чтобы поутру поднять парус. Едва только забрезжило утро, как первое, что они увидели, были шлюпки, возвращавшиеся к ним обратно и преследуемые пиратом. Очевидно, несчастные всю ночь не выпускали весел из рук и теперь падали от изнеможения. Беглецы рассчитывали вернуться к плоту и здесь защищаться вместе с товарищами, а главное, получить пищу и воды, которых у них не было при себе. Но судьба судила иное: один за другим, обессилев окончательно, они падали на дно шлюпки, не будучи в состоянии уйти от настигавшего их пирата, который захватывал одну за другой все шлюпки и расправлялся с людьми, предварительно завладев имуществом, без малейшей пощады и сожаления. Видя это, сердце Филиппа сжалось, так как он предполагал, что следующим движением пирата будет нападение на плот. Но он ошибся. Удовольствовавшись своей добычей, пират, вероятно полагая, что на плоту не осталось ничего ценного, повернул и пошел на восток, по направлению к тем островам, из-за которых он появился.

Оставшихся на плоту людей было всего сорок пять душ: Филипп, Кранц, Амина, Шрифтен, два младших офицера, шесть матросов и двадцать четыре человека солдат. Припасов у них могло хватить недели на три, на четыре, но воды было мало, всего только на несколько дней; решено было убавить обычную порцию воды настолько, чтобы ее хватило на двенадцать дней.

В течение трех дней держался штиль; солнце палило нещадно; жажда мучила всех, особенно же тех, которые продолжали пить спирт. На четвертые сутки подул попутный ветер и парус надулся; все почувствовали невероятное облегчение и отраду приятной прохлады, и так как плот несло теперь с быстротой четырех узлов в час, то во всех сердцах проснулась радость и надежда.

Теперь земля была уже в виду, и спасшиеся рассчитывали, что на следующий день они пристанут к берегу и добудут воды, в которой они чувствовали такой недостаток.

Всю ночь они шли под парусом, но поутру увидели, что течение несло их сильно в обратную сторону. Поутру всегда дул свежий ветер, а под вечер стихал, и так продолжалось целых четверо суток. Каждый день в полдень они находились не более как в десяти милях от берега, но за ночь их опять относило далеко в море.

Так прошло восемь суток; люди начинали роптать; они страшно страдали от палящих лучей солнца и мучительной жажды в течение дня и только немного приходили в себя за ночь. Одни требовали отрубить вторую часть плота, чтобы достигнуть скорее берега, другие настаивали на том, чтобы выбросить за борт съестные припасы и тем облегчить плот. Но все это были меры, которые бы в сущности ни к чему не привели, и потому Филипп упорно не соглашался на них. Главная беда заключалась в том, что у них не было якоря, так как шлюпки увезли с собой все, что захватили с судна. Ввиду этого Филипп предложил команде и матросам, у которых было громадное количество золотой и серебряной монеты и серебра в слитках, зашить в отдельные мешочки каждому свое серебро и золото и все эти мешочки, связав вместе в один общий большой мешок, опустить вместо якоря на дно, как только ветер перестанет дуть, чтобы таким образом не дать течению снести плот; тогда они могли бы на другой день наверное пристать к берегу; но на это они не соглашались: никто не хотел рискнуть своими деньгами. Безумцы, они готовы были скорее расстаться с жизнью и погибнуть самой ужасной смертью, чем расстаться со своим золотом. Несколько раз и Филипп и Кранц возобновляли это предложение, но все безуспешно.

Во все это время Амина сохраняла бодрость и спокойствие духа и была истинной опорой и поддержкой своему мужу.

— Не унывай, Филипп, — говорила она, — мы еще поживем с тобой на берегу под кокосовыми пальмами и, быть может, даже проведем там остаток дней своих: ведь кому придет в голову разыскивать нас в этом медвежьем углу?! — шутила она.

Шрифтен был все время спокоен и держал себя примерно. Он много беседовал с Аминой, но больше ни с кем; по-видимому, он питал к ней теперь еще более сильное чувство привязанности и заботливости, чем раньше.

Прошел еще день, и опять их пригнало ветром ближе к берегу, а когда ветер спал, понесло течением от берега — тогда команда

взбунтовалась и, не слушая ни угроз, ни увещаний Кранца и Филиппа, выбросила в море все, что было из провианта и запасов, кроме одного бочонка спирта и оставшегося запаса воды, и затем удалились на передний конец плота с мрачными, угрожающими лицами и все о чем-то совещались между собой.

Настала следующая ночь, и Филипп был крайне встревожен: положение начинало становиться почти безнадежным. Он снова стал уговаривать их перед закатом спустить в воду чеканную монету и слитки, которые с успехом могли в данном случае заменить якорь, но все напрасно; они грубо прогнали его от себя, и он вернулся на заднюю часть плота к Амине, сильно удрученный.

— Что тебя тревожит, дорогой мой? — спросила она.

— Меня возмущает алчность и безумие этих людей! — отвечал он. — У них есть средство спасти и себя, и других от страшной, бесславной смерти; но они, из боязни потерять свои ненавистные деньги, не хотят прибегнуть к этому средству! У нас остается всего на двое суток воды, при распределении чуть не по глотку на человека; они извелись, истощились, а все не хотят расстаться с деньгами, которыми им даже не придется, вероятно, и воспользоваться!

— Ты истомился, Филипп! Вот возьми, выпей воды; я приберегла здесь четыре бутылки; выпей, и ты сразу почувствуешь облегчение!

Он выпил и сразу как будто ожил.

Настала ночь, звезды светились ясно, но луны не было. В полночь Филипп проснулся после хорошего освежительного сна и пошел сменить Кранца у руля. Обыкновенно в это время команда спала врастяжку на всем плоту, но на этот раз большинство сидело на передней части плота; вдруг Филипп услышал возню на передней части плота и крик Кранца, призывающего на помощь. Бросив руль, Филипп с тесаком в руке кинулся вперед и увидел Кранца, которого негодяи повалили и вязали веревками; при виде Филиппа они схватили и его и тотчас же обезоружили. «Руби канат! Руби канат!» — кричали те, что держали Филиппа, и к своему ужасу Филипп увидел, что задняя часть плота, где находилась Амина, отделилась от передней, и ее подхватило течением.

Он отчаянно выбивался и кричал: «Бога ради, спасите мою жену! Спасите мою Амину!» Но все было напрасно; и Амина тоже подбежала к краю плота, простирая вперед руки к своему мужу. Но

расстояние между плотами увеличивалось с каждой секундой. Филипп сделал еще одну отчаянную попытку вырваться и упал без чувств на руки державших его людей.

ГЛАВА XXIV

Только когда уже совсем рассвело, Филипп очнулся и раскрыл глаза. Он увидел подле себя склонившегося над ним Кранца; в первую минуту он не мог дать себе ясного отчета в том, что случилось, но затем вдруг разом вспомнил все и, закрыв лицо руками, глухо зарыдал.

— Мужайтесь, — говорил Кранц, — мы, вероятно, сегодня еще пристанем к берегу и тогда сейчас же отправимся разыскивать ее.

«Так вот она, эта ужасная разлука, которую прочил нам негодяй Шрифтен, и страшная мучительная смерть, которую предвещал он Амине!» — подумал Филипп.

Кранц утешал его, как мог, но видя, что это мало помогает, стал говорить о мщении, и это заставило Филиппа поднять голову.

— Да, Кранц, мщение! Мщение этим негодяям-предателям! На скольких из них мы можем положиться?

— Да добрая половина из них, можно сказать, принимала лишь пассивное участие в этом бунте! — отвечал верный помощник. — Все совершилось так неожиданно, что многие сами были удивлены.

К плоту пристроили руль и на этот раз подошли к земле ближе, чем когда-либо. Люди были чрезвычайно хорошо настроены; каждый из них сидел на своем мешке с червонцами и серебром и мечтал о близости спасения.

От Кранца Филипп узнал, что главными зачинщиками являлись солдаты и худшие из матросов; все же лучшие люди оставались безучастными в этом деле.

— А теперь я полагаю, что надежда пристать к берегу примирила и их с предательством и изменой товарищей, — прибавил Кранц.

— Да, вероятно, — сказал Филипп с горькой усмешкой, — но я знаю, что возбудит их друг против друга.

Филипп стал говорить с матросами; он указал им на предательство остальных и на то, что на таких людей ни в чем нельзя положиться, так как они всегда пожертвуют товарищами своей корысти и, зная, что у них есть деньги, не постесняются уничтожить и их, чтобы присвоить себе их долю, — будь то на плоту, или на берегу; что из-за них лучшим людям нельзя ночью сомкнуть глаз из опасения, что те не перережут

им горло во время сна или столкнут в море, как камни. Потому было бы разумнее теперь же избавиться от них. Это облегчило бы им спасение, и они могли бы разделить между собою деньги тех негодяев. Кроме того, Филипп сообщил матросам, что намеревался, как только они высадятся на берег, обратиться к законным властям, чтобы те принудили всех, забравших деньги и слитки, принадлежавшие Ост-Индской компании, возвратить их полностью компании. Но если они согласятся помочь ему и встанут на его сторону, то он отдаст им все эти деньги и ничего не заявит властям.

Чего только не сделает с людьми корысть? И эти лучшие люди, которые, в сущности, были немногим лучше тех, сразу согласились на предложение Филиппа. Решено было, если они не пристанут к берегу, напасть на остальных в эту же ночь и столкнуть их с плота в море.

Однако продолжительное совещание товарищей с Филиппом возбудило подозрение остальных, и они тоже стали держать совет между собой и не выпускали из рук своего оружия. Когда ветер стих, до берега оставалось не более двух миль, но опять их стало уносить в море. Филипп поминутно нащупывал свой тесак в ожидании момента мщения.

Ночь была прекрасная, море спокойно и в воздухе ни малейшего дуновения ветерка. Люди делали вид, что спали, но и те, и другие подстерегали друг друга. Филипп должен был подать сигнал, который состоял в том, чтобы разом спустить парус так, чтобы он упал на противников, и они запутались бы в нем. По приказанию Филиппа Шрифтен взялся за руль, а Кранц оставался подле него. Парус и рея с шумом упали на спящих, и с этого момента началась страшная забава. Каждый молча вскочил и пустил в ход свое оружие; слышны были голоса Филиппа и Кранца. Филипп, не покладая рук, тоже работал тесаком: жажда мщения в нем была ненасытна. Парус упал и накрыл многих и тем облегчил работу сторонников Филиппа. Многие падали на месте, другие защищались, падали за борт и исчезали в морской глубине. В несколько минут страшное дело взаимной резни было сделано. А Шрифтен стоял у руля, и время от времени раздавался его демонический хохот: Хи! Хи! Хи! Хи!

Схватка окончилась, и Филипп стоял, прислонясь к мачте, стараясь вздохнуть полной грудью. Теперь, когда чувство мести в нем было

удовлетворено, он закрыл лицо руками и горько плакал, тогда как сторонники его делили между собой достояние убитых товарищей.

Теперь оставалось на плоту всего только тринадцать человек, кроме Филиппа, Кранца и Шрифтена. С рассветом снова подул свежий ветер, и они рассчитывали часа через два пристать к берегу. Но верхушка мачты обломилась вследствие сильного ветра, парус упал, и пока они возились над мачтой и парусом, ветер стал спадать, и они снова остались на расстоянии всего только одной мили от берега.

Филипп вообще очень редко и мало разговаривал с Шрифтеном, но со времени разлуки с Аминой в душе лоцмана вновь проснулось его недоброжелательство по отношению к Филиппу. Его постоянный едкий сарказм, его поминутный дьявольский смех и злобные взгляды, которыми он провожал всюду Филиппа, несомненно свидетельствовали об этом. Впрочем, Филиппу это было безразлично: его слишком угнетало его горе, чтобы он мог интересоваться чем-либо другим.

Измученный и изнуренный Филипп после всех пережитых им в эти последние сутки волнений заснул, наконец, подле Кранца, остававшегося около него безотлучно; Шрифтен стоял у руля. Филипп спал крепко и видел во сне Амину. Вдруг он почувствовал, как будто Шрифтен снимает с его шеи цепочку, к которой была прикреплена реликвия; вздрогнув, он проснулся и схватил за руку Шрифтена, настоящего Шрифтена, который действительно держал в руке его святыню и тянул за цепочку.

Завязалась короткая борьба. Не помня себя от бешенства, Филипп подмял под себя лоцмана и придавил его грудь коленом, а затем, когда тот как будто потерял сознание, схватил его поперек корпуса и со всего размаха швырнул его в воду.

— Человек или дьявол, спасайся теперь, если можешь! — воскликнул Филипп.

Борьба разбудила Кранца и остальных, но никто не успел помешать Филиппу расправиться со Шрифтеном. Кранцу он сообщил в двух словах, что произошло, а остальные, видя, что на их сокровища никто не покушается, только перевернулись на другой бок и продолжали дремать. Филипп смотрел, не появится ли где-нибудь на поверхности воды тело Шрифтена, но его нигде не было видно, и Филипп остался этим очень доволен.

ГЛАВА XXV

Как описать весь ужас того, что испытала Амина, увидев, что она разлучена с мужем! Не отводя глаз, она следила за уплывавшей частью плота, пока ночь и мрак не поглотили всего; в порыве безумного отчаяния она лишилась чувств. Солнце пекло нещадно, причиняя ей острую боль, когда она, наконец, очнулась и раскрыла глаза.

— О, Филипп, Филипп! — воскликнула она. — Так это правда! Так это не страшный сон!..

Ее страшно мучила жажда; она схватила одну из бутылок и сделала несколько глотков, после чего сразу почувствовала облегчение. Но кругом не было никого и ничего, кроме неба и моря. Самые ужасные мысли приходили ей в голову: то она спрашивала себя, зачем ей поддерживать свою жизнь, если она разлучена навек с Филиппом; то опять рождалась надежда: «а может быть я могу еще свидеться с ним?» — и тогда она готова была вытерпеть все, вынести все терзания и муки ради одной этой надежды.

Прошел длинный, томительный день; наступила ночь. На небе собрались тучи и засверкала молния; мало-помалу гроза все усиливалась, и Амина радовалась в душе, что если ей грозит неминуемая смерть, то смерть от молнии казалась самой желанной, самой прекрасной. Приветствуя такую смерть, Амина отошла к средине плота и опустилась на свое ложе, устроенное для ее удобства Филиппом, и незаметно для себя заснула.

Гроза разразилась страшнейшим ливнем, и поутру Амина проснулась промокшая и продрогшая до костей. Но яркое солнце живо обсушило ее и вместе с тем так сильно напекло ей голову, что мысли ее стали путаться, затем у нее открылся бред, и она увидела себя на зеленеющем берегу и Филиппа, спешившего к ней. Она протягивала к нему руки, звала его, хотела подняться и бежать навстречу, но ноги не слушались ее, и, приподнявшись, она снова упала на свои подушки и лишилась чувств.

ГЛАВА XXVI

Теперь мы возвратимся к Филиппу и его странной судьбе. Спустя несколько часов после того, как он кинул в море Шрифтена, их плот пристал, наконец, к берегу. Берег этот представлял собою пологую песчаную отмель, усеянную самыми разнообразными ярко-цветными ракушками. Как и все остальные острова этой группы, остров был покрыт густым лесом кокосовых пальм. Тени и прохлады, пищи и питья здесь было вдоволь, но Филипп не думал ни о чем, кроме своей утраты, а команда ни о чем, кроме своих сокровищ. Кранц почти насильно отвел Филиппа в тень и предложил ему отдохнуть, но едва он отошел от него, как Филипп вскочил и побежал к той части берега, откуда он полагал, что можно будет увидеть плот, где осталась Амина. Но этот плот был теперь далеко, далеко!

— Пропала, пропала навсегда! — в отчаянии воскликнул он.

— Вовсе нет, Филипп, — возразил Кранц. — Провидение, спасшее нас, спасет и ее, я уверен в том. Невозможно, чтобы она погибла среди этого архипелага цветущих островов, из которых многие населены; как женщина, она, вероятно, не встретит недоброжелательства ни в ком!

— Пусть так, Кранц, но мы должны построить плот и отправиться разыскивать се; нам нельзя оставаться здесь! Я буду искать ее по всему свету.

— И я последую за вами всюду, Филипп! — сказал Кранц. — Но прежде всего надо позаботиться о настоящем; вернемся на наш плот, возьмем с него те припасы, в которых мы теперь так нуждаемся, и затем, отдохнув, обсудим этот вопрос.

Они возвратились к тому месту, где на песке был оставлен плот. Матросы покинули его и теперь расположились на берегу под сенью пальм, поодиночке, каждый над своим мешком с золотом и слитками. Все, что находилось на плоту, так и осталось на нем: ничего не было перенесено на берег. Кранц крикнул людей и приказал им приступить к разгрузке плота, но ни один не двинулся с места. Они боялись отойти от своих денег, чтобы кто другой не взял их себе, и теперь, когда жизни их были в сравнительной безопасности, еще более дрожали над своим богатством.

— Проклятые деньги совсем лишили их рассудка! — сказал Кранц, обращаясь к Филиппу. — Давайте попробуем, не управимся ли мы и без них.

И они стали сносить на берег все, что было самого необходимого, плотничьи инструменты, лучшее оружие и заряды, так как, завладей ими матросы, дело неминуемо дошло бы до резни. Паруса, снасти и кое-какие мелкие колья они также стащили под пальмы, где на некотором расстоянии от матросов разбили себе небольшую палатку, куда сложили все, что успели забрать с плота. Оставив при себе незначительное сравнительно количество патронов, остальные они зарыли у палатки в сухой песок так, чтобы их нельзя было найти посторонним, затем Кранц срубил топором молодое кокосовое деревцо, густо увешанное плодами, и молоко, содержащееся в этих громадных орехах, утолило жажду, мучившую Филиппа и Кранца. Матросы же, боясь отойти от своих мешков с золотом, только облизывали свои слипшиеся и сухие губы, глядя на своих начальников, с наслаждением утолявших свою жажду молоком кокосовых орехов.

Когда наступил вечер, Филипп кинулся на свое одеяло и заснул мертвым сном, а Кранц отправился исследовать остров, на который их забросила судьба. Это был небольшой островок, имевший не более трех миль в длину и не более пятьсот ярдов в ширину в самом широком месте. Воды на нем не было, или только подпочвенная, но зато громадное изобилие кокосовых орехов могло возместить этот недостаток.

Возвращаясь в свою палатку, Кранц прошел мимо матросов; все они разлеглись, положив под голову свои мешки с золотом; но ни один не спал, и при его приближении каждый тревожно приподымался и, только убедившись, что золото цело и никто на него не покушается, снова ложились. Кранц прошел на плот и при свете луны собрал все оставшееся здесь оружие и забросил каждое как можно дальше в море. Затем он вернулся в палатку, где застал Филиппа крепко спящим, и, растянувшись подле него, вскоре заснул и сам.

Филиппу снились Амина и Шрифтен; он слышал его ехидное хихиканье, видел его лукавый, насмешливый взгляд, видел, что Амина кинулась от него в волны, но волны выкинули ее на берег целой и невредимой. Филипп спешил к ней навстречу, но какая-то неведомая сила мешала ему, а Амина ласково махала ему рукой и кричала: «Мы

еще встретимся с тобой, Филипп, да, еще раз, один раз мы непременно еще встретимся на этой грешной земле!».

Солнце стояло уже высоко, когда первым проснулся Кранц и разбудил Филиппа. Они снова подкрепились кокосовыми орехами. Филипп молчал: он все еще был под впечатлением своего сна, а Кранц отправился взглянуть на матросов. Он застал их совершенно истомленными и ослабевшими, так что едва ли бы они еще могли долго прожить в этом состоянии. Тогда Кранц посоветовал каждому из них зарыть свои деньги в землю настолько глубоко, чтобы для вырытия их потребовалось много времени, а следовательно всякого, кто покусится взять чужие деньги, всегда можно было бы успеть накрыть вовремя, т. е. прежде, чем он успеет осуществить свое намерение. Когда они последовали его совету, то получили возможность утолить свой голод и жажду, для чего Кранц дал им имевшийся у него топор, с помощью которого они срубили несколько пальмовых деревьев и их плодами восстановили свои упавшие силы.

Утолив свою жажду и голод, они разлеглись на тех местах, где были зарыты их деньги, и заснули крепким, живительным сном, в котором все так нуждались.

Филипп и Кранц стали обсуждать, как бы им покинуть этот остров и отправиться на поиски Амины. Последнее Кранц считал бесполезным: он был уверен, что ее уже нет в живых, но покинуть этот остров и попытаться достигнуть одного из населенных островов было необходимо, и, чтобы поддержать бодрость духа в Филиппе, он не высказывал ему своих предположений.

Решили построить легкий плот с хорошо приспособленным рулем и парусом. Но, — увы! — работать Кранцу и Филиппу над этим плотом пришлось одним, так как матросы теперь и не помышляли о необходимости покинуть необитаемый остров. Восстановив свои силы и здоровье, эти люди, не думавшие ни о чем другом, как только о деньгах, не захотели уже довольствоваться тем количеством драгоценного металла, какое имел каждый из них; каждый мечтал о большем. Тогда каждый вырыл часть своих денег, и на эти деньги они стали играть в камешки, обыгрывая друг друга. Кроме того, со свойственной матросам изобретательностью, они сделали в пальмовых стволах надрезы и подставили под них пустые скорлупы от орехов, куда стекал из стволов через маленькие деревянные желоба пальмовый

сок или пальмовое вино, которое в первой стадии брожения именуется «тодди», а затем дистиллируется и превращается в арак. Но и тодди чрезвычайно хмельной напиток, так что люди, напиваясь им без меры, становились пьяными и буйными и в связи с азартом игры доходили до самых возмутительных сцен пьянства и насилия друг над другом. Счастье еще, что Кранц позаботился уничтожить или припрятать все оружие, а то дело давно дошло бы до убийств.

Но и теперь кровопролитные схватки происходили почти ежеминутно. При таких условиях прошло около двух недель; сооружение плота понемногу подвигалось вперед. Некоторые из матросов проиграли все до последней копейки и были изгнаны товарищами на отдаленную часть острова из опасения, что они вздумают ограбить своих более счастливых товарищей. Кранц и Филипп предложили этим изгнанным из общества товарищей людям покинуть остров вместе с ними, но те угрюмо отказались.

Кранц теперь ни на минуту не расставался с топором; он сам срубал ежедневно одно-два дерева, необходимые для продовольствия людей, но не давал им в руки топора, чтобы избежать, с одной стороны, убийств, с другой, помешать этим безумцам добывать большое количество «тодди».

На шестнадцатые сутки пребывания на острове все деньги перешли в руки трех искуснейших и счастливейших игроков, и на следующее утро их всех троих нашли задушенными на берегу. Деньги снова поделили поровну, и игра началась сызнова.

— Чем все это кончится?! — воскликнул Филипп.

— Смертью всех остальных, всех до последнего! — мрачно сказал Кранц. — И мы ничего не можем сделать: никак не можем помешать этому!

Между тем плот был построен, и Филипп с Кранцем рассчитывали на другой день покинуть остров; поэтому они снесли на плот все, что думали увезти с собой, в том числе и значительный запас молодых и старых кокосовых орехов и, конечно, все имевшееся в наличности оружие. К несчастью, один из людей увидел оружие и, нырнув под плот, уже спущенный на воду, добыл себе тесак; его примеру последовали и остальные, и все вооружились, кто чем мог. Это вынудило Филиппа и Кранца ночевать на плоту и караулить всю ночь.

Всю ночь матросы играли и пьянствовали, а под утро все накинулись друг на друга, и произошла страшная схватка между проигравшими и выигравшими; в результате только трое остались в живых, но и из этих троих двое накинулись на третьего и убили его.

— Боже милосердый! — воскликнул Филипп. — Да неужели это Твои создания?

— Нет, — сказал Кранц, — это были служители дьявола, поклонявшиеся ему под видом мамона! И как вы думаете, эти двое, у которых сейчас больше денег, чем они могут нести или израсходовать за всю свою жизнь, эти двое согласятся поделить между собой эти деньги? Никогда!

И, действительно, не успел Кранц договорить последнего слова, как один из уцелевших, воспользовавшись моментом, когда его товарищ отвернулся к нему спиной, воткнул ему свой тесак в шею, и тот замертво упал тут же.

— Ну, видите, не сказал ли я вам! — заметил Кранц и, вскинув мушкет, который он держал в руке, пристрелил негодяя.

— Вы нехорошо сделали, Кранц, избавив его от заслуженного им наказания! — заметил Филипп. — Он должен был остаться здесь один на этом необитаемом острове, лишенный возможности добывать себе пропитание, и умереть медленной мучительной смертью, окруженный грудами этого проклятого золота.

— Может быть, вы правы; но я не мог подавить своего возмущения этим предательским убийством. Теперь нам следует сойти на берег, собрать все их сокровища в одну общую груду и зарыть их в одном месте, чтобы, вернувшись, мы могли найти их в случае надобности; затем следует похоронить всех этих несчастных. Часть денег нам надо взять с собой: неизвестно, что с нами может случиться, а потому нужно непременно иметь возможно больше денег при себе.

На все это Филипп согласился, и весь следующий день прошел для них в работе. Для себя они взяли пятьсот червонцев и с рассветом покинули остров и, установив парус, поплыли в том направлении, где они в последний раз видели плот с покинутой на произвол судьбы несчастной Аминой.

ГЛАВА XXVII

Плот прекрасно слушался руля, был легок, прочен и шел довольно быстро. И Кранц, и Филипп хорошо отметили все особенности местоположения того острова, где зарыли золото и слитки, чтобы, в случае надобности, суметь опять найти этот островок. Поплыли они по направлению к югу, намереваясь осмотреть лежащий в этом направлении остров. Кроме поисков Амины они хотели отыскать направление к Тернату, так как король Терната имел сношения с португальцами, у которых в Тидоре был форт и фактория; оттуда можно было сесть на китайскую джонку, которые по пути в Бантам заходила на этот остров.

К вечеру они подошли к тому большому острову, что лежал у них на пути, и поплыли вдоль берега. Филипп жадно вглядывался в каждую малейшую подробность на берегу в надежде открыть какие-нибудь следы плота Амины. Но, — увы! — ни следов Амины, ни вообще следов человеческих здесь не было заметно.

Чтобы быть уверенными, что они не проглядели ничего, они пристали к берегу в маленькой бухточке и провели на берегу всю ночь, а когда рассвело, отправились дальше. Кранц стоял у руля и управлял плотом, что они делали поочередно. Филипп сидел в сторонке и молчал. Кранц оглянулся и заметил, что он держал в руке какой-то предмет и в глубокой задумчивости созерцал его.

— Что это у вас, Филипп? Портрет?

— Нет, это мой рок!

— Ваш рок? Что вы хотите этим сказать? Я уже не раз видел эту вещь у вас в руках и хорошо помню, как Шрифтен старался похитить ее. По-видимому, с этим предметом связана какая-то тайна, а если так, то теперь вы, думаю, достаточно знаете меня, чтобы удостоить меня вашего доверия.

— То, что вы мне друг, Кранц, я хорошо знаю и глубоко ценю; я знаю также, что мог бы вам довериться. Но вместе с тем мне почему-то кажется, что не следует сообщать вам тайны, связанной с этой реликвией. До сего времени о ней знали только моя жена и святые отцы!

— Мне думается, что если можно было доверить эту тайну святым отцам, то и святой дружбе!

— Да, но у меня есть предчувствие, что знание моей тайны станет роковым для вас! Почему это так, я не могу вам сказать, — я и сам не знаю; но я не могу решиться потерять такого друга, как вы, Кранц, да еще в такое ужасное, тяжелое для меня время!

— Значит, вы не желаете пользоваться моей дружбой? Если же только боязнь вовлечь меня в затруднения или подвергнуть какой-либо опасности останавливает вас, Филипп, то вспомните, что я уже не раз рисковал своей жизнью, и что опасности не могут испугать меня. Между тем мы теперь так одиноки, так отрезаны от целого мира, что для вас было бы, наверное, большим облегчением, если бы вы могли поделиться с кем-нибудь давно гнетущими вас мыслями. И если вы верите моей дружбе, то позвольте мне разделить ваше горе, вашу тревогу и ваши опасности.

После этих слов Филипп не мог отказать Кранцу в его желании и без всяких дальнейших возражений рассказал все без исключения.

— Ну, теперь вы все знаете, дорогой мой Кранц, и что вы на это скажете? — докончил свой рассказ Филипп. — Не кажется вам все это невероятным?

— Нет, — ответил Кранц, — как вы сами знаете, я был очевидцем появлений «Корабля-Призрака», и если вашему отцу суждено скитаться по морям, то почему же не может быть точно так же суждено и вам снять с него проклятие?! Многое стало мне теперь ясно в вашем поведении, в чем я раньше не мог дать себе отчета, и теперь, когда я все знаю, скажу вам, Филипп, что завидую вам!

— Вы завидуете мне?! — воскликнул Филипп.

— Да, и с радостью принял бы я на себя ваш зарок, если бы это было возможно! Вы избраны совершить великое и славное дело, дело спасения страдальца, можно сказать святое дело! А если вам грозит смерть, то кому же она не грозит? Чем кончается всякая земная жизнь? Все мы должны умереть, но кому из нас дано спасти своею смертью другую страждущую душу, искупить, так сказать, своей смертью чужой грех?! Нет, право, я завидую вам, Филипп! Однако время клонится к ночи, — добавил Кранц после некоторого молчания, — нам надо подумать пристроить наш плот где-нибудь в надежном месте на ночь! Вот как раз подходящая бухточка, как вы думаете?

Филипп согласился; они вошли в бухту и причалили к берегу. Под утро подул такой свежий ветер и поднялось такое волнение, что прибой грозил разбить в щепки их плот. О продолжении пути при этих условиях нечего было и думать; оставалось только вытащить плот на берег настолько, чтобы волны не могли смыть его или разбить о берег.

— Что это там, Кранц? — спросил Филипп, указывая на одну точку горизонта.

— Это парус какого-нибудь небольшого судна, гонимого, по-видимому, ветром. Оно, кажется, хочет укрыться от бури в этой самой бухте, которую облюбовали мы, — сказал Кранц.

— Да, да, вы правы! Это действительно судно! Смотрите, как оно тяжело ныряет; по-видимому, на нем много людей. Это как будто «перока».

Действительно, «перока», род довольно большого катера, быстро неслась по направлению бухты и вскоре подошла к самому берегу. На судне поспешили спустить парус, и находившиеся в ней люди волоком втащили ее на берег и причалили так, чтобы ее не могло унести в море.

Люди эти не обращали на наших друзей ни малейшего внимания, даже не замечали их, пока возились со своим судном.

— О сопротивлении нам нечего и думать, — сказал Филипп, — в случае, если окажется, что они нам враги. Впрочем, мы скоро узнаем, как обстоит дело!

Управившись с судном, трое из вновь прибывших подошли к Филиппу и Кранцу, держа в руках копья, но не проявляя при этом никакой враждебности. Один из них обратился к ним по-португальски и спросил, кто они такие.

— Мы — голландцы, — ответил Филипп, — мы остаток экипажа с потерпевшего крушение судна!

— Так вам нечего опасаться нас: вы тоже враги португальцев, как и мы. Мы — с острова Тернате, и наш король объявил войну португальцам! Где же ваши товарищи? На каком из этих островов?

— Все они погибли! — сказал Филипп. — Но позвольте мне спросить вас, не попадалась ли вам женщина, плывшая на плоту, совершенно одна, или не слыхали ли вы чего о ней?

— Мы слышали, что женщина была найдена на берег} к югу от нас, и что жители Тидора отнесли ее в португальскую колонию, полагая, что она родом из этой страны.

— Благодарение небу! Она спасена! — воскликнул Филипп. — В Тидоре, говорите вы?

— Да, но мы ведем войну с португальцами и потому не можем отвезти вас туда!

— Нет, но мы все-таки еще встретимся! Человек, говоривший с Филиппом и Кранцем, был, по-видимому, не простолюдин: платье на нем было как бы магометанское с примесью чего-то малайского. На голове был тюрбан из цветной ткани; за поясом было заткнуто оружие, а в руке копье. Обхождение его было вежливое, ласковое, но полное чувства собственного достоинства.

— Мы теперь возвращаемся на Тернате и возьмем вас с собой, если хотите! Наш король будет рад голландцам, особенно потому, что вы тоже враги португальцев. Я забыл сказать, что с нами здесь один из ваших товарищей, я полагаю. Мы выловили его в море чуть живым, но теперь он уже совершенно оправился.

— Кто бы это мог быть? — заметил Кранц. — Вероятно, кто-нибудь не с нашего судна!

— Нет, — сказал Филипп, — это Шрифтен.

— Я не поверю, пока не увижу его собственными глазами! — воскликнул Кранц.

— Ну, так смотрите! — сказал Филипп, указывая на человека, направлявшегося к ним.

— Мингер Вандердеккен, весьма рад видеть вас и вас также, мингер Кранц. Надеюсь, что вы здоровы! Не правда ли, какое счастье, что мы все спаслись? Хи! Хи!

И, не упоминая ни словом о последнем моменте перед разлукой с ними, Шрифтен с видимым добродушием и легким сарказмом стал расспрашивать Кранца о других товарищах, и тому нелегко было отвязаться от него.

— Ну, что вы о нем думаете? — спросил своего друга Филипп.

— Думаю, что он причастен к вашей истории, и что ему также суждено исполнить какое-то предназначение, как и вам. Он тоже должен сыграть свою роль в этой таинственной драме, и пока он не сыграет ее, до тех пор не исчезнет и не пропадет. Но не думайте о нем, помните только одно, что ваша жена жива и вне опасности!

— Правда! Этот негодяй не заслуживает, чтобы о нем думать! Нам теперь ничего более не остается, как отправиться с этими людьми на

Тернате, а там, быть может, удастся избавиться от него и постараться встретиться с дорогой моей Аминой!

ГЛАВА XXVIII

Когда Амина снова пришла в себя, то увидела, что лежит на подстилке из пальмовых листьев в маленькой хижине. Подле нее сидел отвратительный чернокожий ребенок и смахивал мух.

В течение двух суток плот кидало из стороны в сторону, а Амина все это время находилась то в забытье, то в бреду. В конце концов подхваченный течением и гонимый ветром плот вбросило на восточный берег Новой Гвинеи. Туземцы, случайно находившиеся в это время на берегу, нашли Амину. Прежде всего они поспешили раздеть ее донага и тут только заметили у нее на пальце очень ценный алмаз, подарок Филиппа. Один из дикарей старался стянуть кольцо у нее с пальца, но так как это не удавалось ему, то он выхватил из-за пояса тупой ржавый нож и принялся усерднейшим образом пилить им палец молодой женщины.

Боль заставила ее прийти в себя; тогда, видя, что она жива, одна старая женщина, видимо, пользовавшаяся большим авторитетом среди своих соотечественников, приказала оставить ее в покое. Оказавшиеся тут же на берегу тидорцы, ведшие меновую торговлю с туземцами и состоявшие в дружбе с португальцами, указали им, кроме того, что спасти и доставить в португальскую колонию женщину их племени — было выгоднее, чем обобрать и убить ее, потому что португальцы выдадут за нее хорошую награду. Этому вмешательству тидорцев Амина и была главным образом обязана не только жизнью, но и уходом и вниманием, оказанным ей туземцами.

Папуаска отнесла ее в свою хижину, где Амина пролежала долго, находясь между жизнью и смертью и пользуясь самым заботливым уходом, хотя, в сущности, ни в чем не нуждалась, кроме холодной воды, которой ей освежали горячую голову и запекшиеся губы.

Когда Амина, наконец, раскрыла глаза и глубоко вздохнула, маленькая папуаска вскочила и побежала оповестить об этом женщину, приютившую у себя Амину. Та тотчас же явилась. Это была очень рослая и тучная женщина, весьма скудно прикрытая; ее кудлатые, как у негров, волосы были местами курчавы, местами гладко прилизаны. Опояска из холщовой ткани и лоскут вылинялого желтого шелка на

плечах составляли все ее одеяние. Несколько серебряных колец на пальцах и обручей на предплечье украшали ее черное тело, также ожерелье из перламутра. Зубы ее были совершенно черны, а общий вид таков, что мог возбудить только отвращение.

Тем не менее женщина эта была добрая и ласковая; она тотчас же приветливо заговорила с Аминой, которая, однако, ничего не могла понять из ее речи, тем более, что была еще очень слаба и снова впала в забытье.

Благодаря уходу и заботам этой папуаски Амина недели через три была уже в состоянии выходить из хижины, чтобы подышать свежим вечерним воздухом. Иногда туземцы обступали ее с любопытством, но не с доброжелательством. Наряд их состоял по преимуществу из опоясания, сделанного из пальмовых листьев, украшения — из серебряных колец, продетых в уши и нос, а головной убор — из птичьих перьев, предпочтительно из перьев райских птиц.

Однажды поутру Амина вышла из хижины, особенно радостная и счастливая: ей, наконец, явилась во сне мать и открыла свое забытое искусство, свои таинственные познания.

Имей Амина возможность объясняться с папуасами, она нашла бы средства узнать, где теперь найти Филиппа, и что его ожидает.

Но прошло два месяца с тех пор, как Амина находилась на попечении папуасской женщины, и вот, наконец, тидорцы возвратились с приказанием привезти белую женщину в португальскую колонию и щедро вознаградить тех, кто заботился о ней до сего времени. Знаками тидорцы пояснили Амине, что она должна ехать с ними, а так как все казалось ей лучше, чем оставаться среди этих дикарей, то она с готовностью согласилась и, ласково простясь со своей доброй покровительницей, поместилась на пероке, более похожей на раковину, чем на судно, и понеслась по волнам вместе со своими новыми спутниками.

Мысли ее по-прежнему постоянно переносились к Филиппу, и ей вспомнился его сон, когда она предстала ему в образе русалки. К вечеру они прибыли к южной конечности острова Галоло, где и пристали к берегу, чтобы переночевать не в открытом море, а на другой день прибыли к месту своего назначения. Амину препроводили в португальскую факторию, где она была встречена местным губернатором с особым почетом и радушием.

Все были поражены красотой Амины, и губернатор обратился к ней с очень длинной речью, но Амина дала ему понять знаками, что не понимает ни слова по-португальски. Тогда решили, что она или англичанка, или голландка, и послали за переводчиком, через посредство которого Амина узнала, что месяца через три сюда ожидается китайское судно, которое может доставить ее в Гоа, а оттуда уже не трудно сесть на какой-нибудь другой корабль и отправиться, куда ей будет угодно. До того же времени губернатор предложил ей оставаться в фактории, где предоставит в ее распоряжение уютный маленький домик и негритянку-прислугу.

Губернатор, или комендант был низкого роста, высохший, как сухарь, человек с большущими усами и громадным палашом. Его внимание к Амине не могло быть истолковано иначе, как восхищением ее красотой. Она надсмеялась бы над ним и его ухаживаниями, если бы не боялась этим осложнить свое положение, возбудить против себя его гнев. В две-три недели она научилась достаточно говорить по-португальски, чтобы обходиться без переводчика, а под конец своего пребывания на Тидоре говорила уже совершенно свободно.

Когда прошло три месяца, Амина целыми днями не спускала глаз с моря, выжидая прибытие китайского судна. И вот оно, наконец показалось на горизонте. Сердце Амины радостно забилось; в этот момент комендант, находившийся подле нее, вдруг упал на колени, признался в своей любви и умолял ее не думать об отъезде и согласиться соединить свою судьбу с его судьбой.

Амина имела осторожность не отвергнуть его предложения, не осмеять мольбы: она помнила, что здесь она вся в его власти, и потому ласково возразила ему, что, к сожалению, она женщина замужняя, и что прежде всего ей необходимо получить достоверные сведения об ее муже, узнать, жив ли он или нет, и потому она решила отправиться в Гоа, и если там она убедится, что свободна, то тотчас же напишет ему об этом.

Этот ответ, как мы увидим впоследствии, был причиной многих страданий для Филиппа.

Губернатор и в то же время комендант португальской фактории, будучи уверен, что сумеет представить Амине неопровержимые доказательства смерти ее мужа, остался доволен ее ответом и заявил, с

своей стороны, что как только он получит уверенность в том, что она свободна, то лично поспешит к ней с этою вестью в Гоа.

«Безумец! — подумала про себя Амина. — Неужели он действительно думает, что я могу отвечать ему взаимностью?»

И, встав, пошла на берег встречать судно.

Через полчаса оно бросило якорь, и все находившиеся на нем сошли на берег; в числе других Амина заметила фигуру католического патера и невольно содрогнулась. Когда он подошел ближе, то она увидела, что перед ней стоял патер Матиас.

ГЛАВА XXIX

И Амина, и патер Матиас были одинаково удивлены и поражены этой встречей. Амина первая протянула руку, она даже забыла в этот первый момент встречи, при каких условиях они расстались в последний раз; так она была рада встретить теперь знакомое лицо.

Патер Матиас спокойно взял протянутую ему руку, затем, возложив свою ей на голову, произнес: «Да благословит тебя Бог, и да простит Он тебя, как я давно тебе простил, дитя мое!».

При этих словах в памяти Амины воскресло все, и она густо покраснела. Простил ли ей в душе патер Матиас, это покажет будущее, но теперь он отнесся к ней ласково и участливо и вполне одобрил ее намерение отправиться в Гоа.

Через несколько дней судно отправилось в путь, и Амина покинула португальскую факторию и ее влюбленного коменданта.

Благополучно пройдя между островами архипелага, судно перерезало устье Бенгальского залива и продолжало свой путь при неизменно хорошей погоде.

Возвратись в Лиссабон из Тернезе, патер Матиас вскоре заскучал своим бездействием в столице Португалии и добровольно вызвался отправиться снова миссионером в Индию. С этой целью он прибыл на Формозу и оттуда вскоре получил предписание от своего начальства отправиться с важным поручением в Гоа.

Перерезая Бенгальский залив, чтобы обогнуть южную конечность Цейлона, наши путешественники были впервые застигнуты непогодой.

Когда разыгралась настоящая буря, суеверные матросы затеплили свечи перед изображением какого-то святого, поставленного на судне. Видя это, Амина пренебрежительно усмехнулась и вдруг увидела, что глаза патера Матиаса неодобрительно смотрели на нее.

«Ведь и папуасы, у которых я жила все это время, в сущности делают то же самое; они поклоняются своим идолам точно так же! Какая же разница между идолопоклонниками и христианами?» — думала она.

— Не лучше ли вам, дочь моя, сойти вниз? — сказал патер Матиас, подходя к Амине. — В такое время женщине лучше проводить свое

время в молитвах о сохранении судна и стольких жизней.

— Я лучше могу молиться здесь, видя перед собой грозные силы стихий, чем там, в темной и душной каюте! — отвечала Амина. — Здесь я преклоняюсь перед силою Божества, руководящего бурей и по своей воле вздымающего ветер и волны или повелевающего утихнуть!

— Это ты хорошо сказала, дитя мое, но Всемогущему Творцу мы должны поклоняться не только в его творениях, а и в уединении, в самообличении и покаянии. Следовала ли ты учению нашей Святой Церкви? Углублялась ли мыслью в дивные тайны, которые Святая Церковь открыла тебе?

— Я делала все, что могла, отец мой! — сказала Амина, глядя на гребни высоко вздымающихся волн.

— Призывала ли ты в своих молитвах Пречистую Богоматерь и святых угодников, заступников и молитвенников за нас, грешных?

— Я молилась только одному Богу, Богу христиан и всей вселенной! — ответила Амина.

— Я видел, как ты насмешливо усмехалась, когда добрые христиане зажигали свечи и возносили свои молитвы к Богу! Чему ты усмехалась?

— Своим мыслям, отец!

— Ты неверующая, еретичка! — укоризненно сказал патер Матиас. — Берегись!

— Чего мне беречься, святой отец? Разве не миллионы людей в этих странах гораздо более неверующи, чем я? Многих ли вам удалось обратить в вашу веру, а сколько труда и стараний положили вы на это? А почему? Потому, что у этих людей раньше была другая вера, вера их отцов и дедов, вера, в которой они были воспитаны, с которой сроднились. А разве я не на одинаковом с ними положении? Я тоже была воспитана в другой вере, я много думала о том, что вы говорили и чему меня учили; многое в вашей вере мне кажется истинным, справедливым и божественным, но вам всего этого мало! Вы хотите слепого признания, слепого повиновения. Но разве таким путем достигнете своей цели? Нет! Имейте терпение, отец, и, быть может, придет время, когда я почувствую все то, что теперь не чувствую, когда и я приду к убеждению, что вот этот кусок размалеванного дерева есть нечто такое, чему следует поклоняться и что следует боготворить!

Несмотря на последние слова, в речи Амины было много правды, и патер Матиас почувствовал это. Теперь он действительно вспомнил, что она выросла в иной вере и даже еще не была принята в лоно католической церкви, так как патер Сейсен не считал ее еще достаточно проникнутой всеми принципами христианской религии, чтобы удостоить ее св. крещения.

— Ты говоришь смело, дочь моя, но говоришь искренно! Когда мы прибудем в Гоа, то побеседуем с тобой об этом, и, быть может, с помощью Божией ты усвоишь себе нашу святую веру!

Между тем буря все усиливалась. Матросы-португальцы были в ужасе и призывали на помощь своих святых. Все считали себя погибшими, так как насосы не успевали выкачивать воду; все были бледны, как призраки; они молились и в то же время дрожали от страха. Патер Матиас дал всем отпущение грехов. Некоторые плакали и жаловались, как дети, другие рвали волосы на голове, третьи изрыгали проклятия и кляли того самого святого, перед которым они преклонялись еще так недавно, а Амина стояла спокойная и, слыша их проклятия, невольно усмехалась.

— Дитя мое, — обратился к ней патер Матиас, — не дай Господу призвать тебя к иной жизни, не приобщившись к святой католической церкви, и позволь мне обещать тебе вечное блаженство в будущей жизни!

— Святой отец, — возразила Амина, — я не из тех, кого страх может заставить уверовать! Кроме того, я не чувствую страха — и не могу поверить, чтобы вы могли дать мне отпущение моих грехов за то, что я под давлением страха сказала бы не то, что говорю и думаю, когда мой разум светел и спокоен. Я знаю и верю, что есть Бог, и верю в его высшую справедливость и милосердие! Да будет воля Его! А эти люди, христиане? — сказала она, спустя немного и указывая на португальцев, обезумевших от страха и отчаяния. — Вы только что обещали им вечное блаженство. Где же их вера? Почему она не дает им силы и мужества спокойно встретить смерть?

— Жизнь для всех имеет свою сладость, дитя мое, они оставляют жен и детей! Будем молиться за них, дитя мое!

— Молитесь, святой отец! — сказала Амина и, держась за поручни, вышла на верхнюю палубу.

— Мы погибли, синьора! — воскликнул капитан, ломая руки. — Ничего сделать нельзя, спасения нет!

— Нет, — сказала Амина, добравшись до наветренной стороны судна и держась за ванты, — нет, на этот раз мы не погибнем!

— Что вы говорите, синьора?

— Я говорю, что мы не погибнем, если только вы приложите все старания, чтобы спасти судно! — повторила Амина, от внимания которой не укрылось, что буря начинала стихать, чего ни капитан, ни матросы в своем отчаянии и тревоге не заметили.

Спокойствие и красота Амины подействовали на капитана и матросов; поверив ее словам, все бросились к насосам, капитан воспрянул духом и отдавал одно за другим дельные и разумные приказания; за ночь буря улеглась, и судно было спасено, как предсказывала Амина.

Все кругом говорили о ней с восхищением, чуть не с благоговением, а патер Матиас спрашивал себя мысленно: «Кто дал ей такую силу духа, такое мужество, что она не испытывала страха и оставалась спокойной, когда все, даже он, дрожали при виде висящей над ними смерти. Кто дал ей дар пророчества? Уж, конечно, не Господь Бог, потому что она была неверующая. Так, значит, кто же?..»

И патер Матиас озабоченно покачал головой, причем вспомнил сцену, которой он был свидетелем, в ее спальной в маленьком домике в Тернезе.

ГЛАВА XXX

Теперь нам следует снова вернуться к Филиппу и Кранцу, которые долго беседовали о чудесном появлении среди них Шрифтена. Они решили неотлучно следить за ним и при первой возможности расстаться. Кранц расспрашивал его о том, как он спасся, и Шрифтен сообщил, что когда он всплыл на поверхность, то ухватился за плывшее поблизости бревно, оторвавшееся от плота, и держался на нем, пока не доплыл до маленького островка. Завидев с берега проходившую мимо пероку, он опять кинулся в море со своим бревном и плавал на нем до тех пор, пока не был замечен с пероки, куда его и приняли на борт.

Так как во всем этом рассказе не было ничего неправдоподобного, то Кранц не стал более его расспрашивать; а поутру, когда ветер стих, пероку спустили на воду и, поставив паруса, поплыли к острову Тернате.

Только на четвертые сутки прибыли они к месту своего назначения; уверенный теперь, что Амина жива и спасена, Филипп в надежде встретиться с ней мог бы быть совершенно счастлив, если бы не постоянное присутствие

Шрифтена, которое ужасно действовало на его настроение.

То, что этот человек ни разу не заговорил о поступке с ним Филиппа, даже как будто совершенно забыл о нем, ни разу не упрекнул его в покушении на его жизнь, было что-то непостижимо странное. Нет, он, как ни в чем не бывало, продолжал делать свои едкие, насмешливые замечания и хохотать с дьявольски лукавой усмешкой.

Как только они прибыли в главный портовый город Тернате, их проводили в просторную хижину, сооруженную из пальмовых листьев и бамбуков, которую предложили не оставлять до тех пор, пока о их присутствии не будет доложено королю.

Спустя несколько часов их пригласили присутствовать на аудиенции короля под открытым небом. Король сидел под портиком, окруженный многочисленными приближенными, воинами и духовенством. Людей было много, но пышности и блеска мало. Все

окружавшие короля были одеты в белое, с белыми тюрбанами или чалмами на голове.

Что всего более поразило Филиппа и Кранца, когда они были допущены в присутствие короля, это необычайная опрятность всего окружающего; все эти белые одеяния были белее снега.

По примеру других Филипп и Кранц распростерлись перед королем по магометанскому обычаю, после чего им предложено было сесть. Затем, через посредство португальского переводчика король обратился к своим гостям с несколькими вопросами.

Узнав из слов Филиппа, что тот был разлучен с женой, и что она, по полученным сведениям, находится у португальцев, и что Филипп желает только одного: или вернуть ее сюда, или самому отправиться к ней, король одобрительно кивнул головой и сказал:

— Хорошо, дайте чужестранцам поесть, и на сегодня аудиенция кончена.

Через несколько минут из всех собравшихся на площади не осталось никого, кроме двух-трех ближайших советников короля и приезжих, которым подали тут же угощение, состоявшее главным образом из плодов и сластей.

Когда гости закусили, король сказал:

— Португальцы — собаки! Они — наши враги. Хотите помочь нам воевать с ними? У нас есть большие пушки, но мы не умеем как следует управляться с ними. Я хочу послать свой флот против португальцев в Тидор. Скажите, голландцы, согласны вы драться? Это даст вам, — обратился он к Филиппу, — возможность вернуть себе жену.

— Я дам ответ завтра, — проговорил Филипп, — мне надо предварительно посоветоваться с моим другом.

Шрифтен, которого Филипп отрекомендовал в качестве простого матроса, не был допущен в присутствие короля.

— Хорошо, — согласился король, — завтра мы будем ожидать вашего ответа.

Затем Филипп и Кранц откланялись и вернулись в отведенную им хижину, где их ожидали присланные им королем в подарок два полных магометанских костюма и два белых тюрбана. Этому они очень обрадовались, так как их собственное платье было в жалком виде, к тому же чрезвычайно неудобно в этом жарком климате. После долгого

совещания решено было дать королю утвердительный ответ, так как это было единственное средство для Филиппа встретиться с женой.

Как только король получил их ответ, тотчас же приступили к снаряжению экспедиции. Весь берег кишел народом: одни точили свои мечи и ножи, другие готовили стрелы и приготовляли смертельный яд, которым они смазывали свое оружие; тут же оснащали и чинили сотни перок самых разнообразных размеров и конструкций; целые горы бочонков риса, кувшинов с водой, соленой рыбы и живой птицы в корзинах-клетках загромождали берег на громадном протяжении. За всем надзирали начальники, расхаживавшие среди работающих людей, блистая своим оружием и праздничными нарядами. У короля оказалось шесть четырехфунтовых орудий, которые были расставлены на шесть самых больших перок, под непосредственной командой Филиппа и Кранца. Последние тут же обучали туземцев обращаться с орудиями. Сначала король хотел было лично вести экспедицию, но был отговорен от этого своими ближайшими советниками и Филиппом.

Через десять дней все было готово, и многочисленный флот, состоявший из нескольких сот перок с семью тысячами человек воинов, тронулся по направлению к Тидору. К вечеру второго дня флот подошел к Тидору и остановился всего в нескольких милях от португальской колонии и ее форта. Туземцы этого острова, не любившие португальцев, но боявшиеся ослушаться их, заблаговременно покинули берег и удалились в леса, благодаря чему неприятель мог свободно пристать к берегу и встать на якорь на ночь без малейшей помехи.

После тщательной рекогносцировки Филипп предложил, чтобы шесть крупнейших перок, на которых находились орудия, атаковали укрепления форта со стороны моря, а часть людей с остальных перок произвела бы десант и напала с суши. План был одобрен и приведен в исполнение. Но оказалось, что португальцы были заблаговременно осведомлены и с честью встретили нападение. У них были тяжелые и крупные береговые орудия, в сравнении с которыми орудия на пероках являлись просто игрушками и каменной твердыне форта не могли причинить серьезного вреда. После четырехчасового боя, в котором туземцы Терната потеряли много людей убитыми и ранеными, пероки по совету Филиппа отошли и присоединились к остальному флоту, стоявшему под прикрытием вне выстрелов. Но отряд, обложивший

форт со стороны суши, не был отозван, так как он отрезал подвоз припасов и путь возможным подкреплениям и при случае убивал то того, то другого из осажденных, что при столь малочисленном гарнизоне уже было немаловажным уроном.

Собрали совет; взять форт с его артиллерией не представлялось никакой возможности, и вообще со стороны моря он оказывался неприступным, а потому, дав тернатским вождям наговориться, Кранц предложил дождаться, когда стемнеет и атаковать таким образом: отрядить людей, не имеющих огнестрельного орудия, сбирать валежник и всякий горючий материал, сложить его у внешней деревянной ограды форта с наветренной стороны и поджечь. Это откроет им доступ ко внешним укреплениям, после чего им будет ясно, как действовать дальше.

Это был, конечно, слишком разумный совет, чтобы не последовать ему, и с наступлением ночи все было готово ко второй атаке. Как только пламя охватило внешнюю ограду, пушки с форта загрохотали, но, задыхаясь от дыма и смрада, защитники форта вынуждены были покинуть бастионы, чтобы не задохнуться. Пламя с пылающей ограды перекинулось на самую факторию; загорелись дома. Не встречая никакого сопротивления, тернатцы ворвались в город и в ретрашементы, избивая всех, кто им попадался на пути и кто не успел скрыться в цитадели. Каменная фактория и большинство домов были в огне; весь остров на протяжении нескольких миль был залит заревом пожара. Форт был теперь ярко освещен и виден, как на ладони.

— Будь у нас осадные лестницы, — сказал Филипп, — мы бы взяли этот форт. На валах ни одной души!

— Но и сейчас, если мы займем ретрашементы, то помешаем им высунуть нос до тех пор, пока не успеем изготовить лестницы. К завтрашней ночи они будут готовы, и тогда, обкурив еще раз форт снизу, мы возьмем его! — говорил Кранц.

— Да, так и сделаем! — согласился Филипп и пошел сообщить этот план тернатцам, которые его одобрили.

— Таким образом, мы завтра в ночь возьмем этот форт! — закончил свою речь Филипп.

— Нет, вы его не возьмете, Филипп Вандердеккен! Хи! Хи!.. Никогда не возьмете! — раздался за его спиной насмешливый голос Шрифтена, и почти в тот же момент раздался страшный взрыв,

потрясший кругом воздух и землю, и целый град камней полетел во все стороны, убивая и калеча сотни людей. Это взорвалась фактория, в подвалах которой хранились большие запасы пороха, до которого дошел огонь.

— Вот чем дело кончается, мингер Вандердеккен! Хи! Хи! — крикнул среди оглушительного гула Шрифтен. — Вы никогда не возьмете этого форта!

Взрыв фактории вызвал такую страшную панику в рядах осаждающих, что все они, как один человек, бросились к своим перокам.

Напрасно Филипп и некоторые из вождей пытались остановить их. Тернатцы приписывали взрыв сверхъестественным силам и в суеверном страхе бежали от места катастрофы.

— Вы никогда не возьмете этого форта! — крикнул еще раз знакомый насмешливый голос.

Филипп замахнулся было мечом, чтобы сразить этого ненавистного тщедушного человечка, но затем сразу опустил его, подумав: «Пусть это предсказание мне неприятно, все же оно не дает мне права лишать его жизни!»

Между тем некоторые из вождей тернатцев стали держать совет с Филиппом и Кранцем, что делать.

Когда рассвело, и форт португальцев предстал осаждающим не окруженный другими домами и зданиями, он представился им более грозным, чем они полагали. На валах было много людей, они суетились и перетаскивали свои тяжелые орудия, собираясь направить их огонь на осаждающих. Так как преодолеть овладевшую тернатцами панику не было возможности, то решено было отдать приказание отступить и вернуться обратно, тем более, что ввиду громадного урона, нанесенного португальской колонии этой экспедицией, она, с точки зрения их короля, будет считаться весьма удачной и даже победоносной.

Через два часа тернатский флот был в полном сборе и в стройном порядке плыл обратно к Тернату. На этот раз Филипп и Кранц поместились на одной пероке, чтобы иметь возможность беседовать друг с другом. Но не прошло трех часов, как они вышли в море, и вдруг наступил штиль, а к вечеру все уже предвещало бурю. Когда

вновь поднялся ветер, то он оказался противным; но пероки этого не боятся.

Однако около полуночи разыгрался такой ураган, что суда стало заливать, а людей смывать, и те, кто не умел плавать, тонули. Ветром несло пероки на берег, и еще до рассвета некоторые из них были выкинуты на берег и разбились в щепы. Кранц и Филипп также оказались выкинутыми на берег, где увидели еще человек тридцать из своих спутников. Когда рассвело, они увидели, что наибольшая часть флота уже миновала остров и теперь, вероятно, благополучно вернется домой, так как ветер стихал, и погода обещала быть благоприятной.

Будучи все хорошо вооружены, тернатцы решили захватить лодки и пероки туземцев и догнать на них свой флот. Но Филипп, посоветовавшись с Кранцем, решил воспользоваться этим моментом, чтобы остаться здесь и узнать все, что можно, об Амине.

Так как португальцы не могли доказать, что они были в числе осаждающих, а в крайнем случае наши друзья могли оправдаться тем, что участвовали в нападении по принуждению, то они решили остаться. Пока тернатцы возились над пероками, спуская их на воду и размещаясь в них, Филипп и Кранц незаметно пробрались в кусты и притаились в них; когда отчалила последняя перока, они вышли на берег, а тидорцы, по приказанию португальцев прибежавшие забирать в плен всех, кто был выброшен на берег и не успел еще бежать, захватили в плен двух европейцев, тогда как тернатцы были уже далеко. Из отвели в форт, куда они прибыли лишь под вечер, и тотчас же поставлены пред комендантом, тем самым, который был влюблен в Амину. Увидя их одеяние, решительный маленький человек собирался было без всяких рассуждений приказать повесить, но затем, разобрав, что имеет дело с европейцами, призвал солдат и отдал приказ отвести их в тюрьму впредь до дальнейшего рассмотрения дела.

ГЛАВА XXXI

Хотя и всюду тюрьмы не отличаются особенной приятностью и комфортом, но эта тюрьма превосходила все остальные своими отрицательными качествами.

Это была просто каменная яма, состоявшая из четырех каменных стен, такого же пола и низкого каменного свода.

Желая во что бы то ни стало узнать что-нибудь об Амине, Филипп обратился к солдату, приведшему их в это подземелье, и сказал по-португальски:

— Извини меня, друг мой…

— И вы меня тоже извините! — прервал его на полуфразе солдат и захлопнул железную дверь подземелья.

Филипп в бессильном отчаянии прислонился к стене и опустил голову, а Кранц большими шагами принялся ходить взад и вперед на протяжении трех шагов длины своей камеры.

— Счастье, что все наши дублоны еще при нас: если нас не обыщут и не отнимут их у нас, то мы уйдем отсюда, подкупив стражу! — проговорил он.

— Да, но, мне кажется, лучше оставаться здесь в тюрьме, чем в обществе Шрифтена, один вид которого мне отравляет существование! — заметил Филипп.

Вдруг ключ в замке повернулся, загремели засовы, и в камеру вошел солдат с кувшином воды и большой чашкой горячего отваренного риса. Это был не тот солдат который их запер здесь, а другой.

— Вам пришлось-таки поработать эти два дня! — сказал ему Филипп.

— Да, синьор!

— Нас принудили туземцы участвовать в их экспедиции!

— Да, я слышал об этом, синьор!

— Они потеряли без малого тысячу человек.

— О, святой Франциск! — воскликнул солдат. — Этому можно порадоваться.

— А вы потеряли много народа?

— Нет, человек десять из наших, не больше; а остальные все были туземцы, да они не идут в счет!

— У вас здесь была, как я слышал, одна молодая женщина с судна, потерпевшего крушение… Она не в числе жертв? — с тревогой спросил Филипп.

— Молодая женщина! О, святой Франциск! Да, да я теперь вспоминаю! Да дело в том…

— Педро! — крикнул сверху чей-то сердитый голос. Солдат приложил палец ко рту и вышел вон, заперев дверь на засов.

— Боже милостивый! Дай мне терпения! — воскликнул в отчаянии Филипп.

— Да, ведь, он, наверное, придет еще сюда завтра поутру! — утешил его Кранц.

— Да, завтра поутру, но как это бесконечно долго для человека, мучимого самой ужасной неизвестностью.

— Я это понимаю, Филипп, но погодите, я как будто слышу шаги!

Действительно, опять загремели засовы, и дверь отворилась; вошел первый солдат и, не глядя на них, произнес:

— Следуйте за мной, комендант желает допросить вас!

Филипп и Кранц поднялись по узкой каменной лестнице и очутились в небольшой круглой комнате в присутствии губернатора-коменданта.

— Откуда вы взяли эти одеяния? — спросил он своих пленников.

— Нас одели в них туземцы с острова Тернат, когда захватили нас в плен и отняли наше платье!

— И предложили вам поступить на службу в их флот и участвовать в нападении на этот форт, не так ли?

— Они не предложили нам, а заставили нас, — сказал Кранц. — Мы голландцы, и так как в настоящее время Голландия не воюет с Португалией, и мы, как и вы, европейцы, то мы бы не согласились на такое предложение! Они насильно посадили нас на свои пероки, чтобы уверить своих людей, будто им помогают белые!

— А как я могу узнать правду?

— Мы вам даем свое слово; другим доказательством является то, что мы не бежали с ними, а бежали от них!

— Вы из экипажа голландского судна Ост-Индской компании? Вы офицеры или матросы?

— Мы — младшие офицеры; я был третьим младшим помощником, а мой товарищ лоцманом у нас на судне! — отвечал Кранц.

— А где ваш капитан?

— Наш капитан?! Да я, право, не знаю, я ничего не могу сказать об этом, даже не знаю, жив он или мертв!

— Не было ли у вас женщины на судне?

— Женщины? Да, у нас была жена капитана, красивая молодая женщина!

— А что сталось с нею?

— Мы полагаем, что она погибла, так как она одна осталась на обломках плота, который унесло течением.

— Хм! — как-то многозначительно воскликнул комендант.

Филипп с недоумением смотрел на Кранца, не понимая, к чему тот сочинял всю эту историю. Но Кранц незаметно моргнул ему, давая понять, чтобы он не вмешивался.

— Вы говорите, что не знаете, жив ли ваш капитан или умер?

— Да, я положительно не знаю ничего о нем!

— Ну, а допустим, что я предложу вам обоим свободу взамен того, что вы выдадите мне удостоверение, что капитан вашего судна погиб, и скрепите это удостоверение вашими двумя подписями?

Филипп внимательно посмотрел сначала на коменданта, а затем на Кранца.

— Я, право, не знаю, что сказать на это! — как бы замялся Кранц. — Дело в том, что если это свидетельство будет послано на родину капитана, мы можем нажить себе этим много хлопот и неприятностей… А могу вас спросить, синьор, почему вы желаете получить от нас это удостоверение?

— Нет, не могу сказать! — грозно нахмурив брови промолвил комендант громовым голосом. — Никаких резонов я вам представлять не намерен, достаточно вам знать, что я хочу иметь это удостоверение, и этого должно быть довольно! Выбирайте: или тюрьма, или свобода и проезд на первом судне, которое зайдет сюда.

— В сущности… я не сомневаюсь в том, что он погиб… Я в этом уверен; во всяком случае теперь-то уж он, наверное, погиб! — продолжал Кранц, растягивая слова и как бы рассуждая сам с

собою. — Да, да… но вот что я попрошу вас, комендант, позвольте нам подумать до завтрашнего утра!

— Хорошо! — отрезал комендант. — Уведите их!

— Но только не в подземелье, г. комендант, ведь мы же в сущности не пленные, — сказал Кранц, — и если вы желаете, чтобы мы исполнили ваше желание, оказали вам маленькую услугу, то, конечно, не станете дурно обращаться с нами!..

— Путь вы будете свободны эту ночь, а утро покажет, быть ли вам пленными или нет: ведь по вашему же показанию, вы подняли оружие против нас; а вольно ли или невольно, это еще не доказано.

Филипп и Кранц откланялись коменданту и поспешили на вал подышать свежим воздухом.

Луна еще не взошла, и было темно; они уселись на парапете и наслаждались, чувствуя себя свободными людьми. Кругом лежали, сидели и стояли солдаты, и из предосторожности они разговаривали между собой вполголоса.

— На что ему понадобилось такое удостоверение? — спросил Филипп. — И почему вы, Кранц, сочинили всю эту историю?

— Я много думал о судьбе вашей красавицы жены, Вандердеккен, и сердце у меня сжалось, когда я услышал, что ее отвезли в португальскую колонию и военный форт. Посмотрите кругом на этих ужасных, безобразных женщин и сравните с ними вашу жену! А этот напыщенный, франтоватый маленький комендант разве не из тех, кто с первого же взгляда влюбляется в хорошенькую женщину? Когда он пожелал получить удостоверение в вашей смерти, я сразу понял, что оно ему нужно для того, чтобы побудить вашу жену стать его женой. Это все ясно, как день, но только нам прежде всего надо узнать, где она! Если бы мы только могли разыскать этого солдата Педро, от него можно бы разузнать кое-что!

— Я уверен, что она здесь! — воскликнул Филипп.

— Это, конечно, возможно, но что она жива, в этом я уверен! — сказал Кранц.

Между тем взошла луна и залила своим бледным трепетным светом и море, и валы, и всю окрестность. В это время они услышали за собой чьи-то шаги, и кто-то обратился к ним с приветствием:

— Доброй ночи, синьоры!

Они обернулись, и Кранц сразу узнал того солдата, с которым они беседовали до своего свидания с комендантом.

— Доброй ночи, друг мой, — отозвался Кранц, — теперь, слава Богу, вам не придется запирать нас на засов!

— Я весьма удивлен, — проговорил солдат, понизив голос, — это так не похоже на нашего коменданта; он очень любит проявлять свою власть и правит здесь, словно какой-нибудь падишах!

— Вы не думаете, что он может нас здесь услышать? — спросил Кранц.

— О, нет! Он сейчас, вероятно, ужинает с офицерами и едва ли скоро выйдет из-за стола!

— Это красивый остров, и природа здесь приятная! — продолжал Кранц. — Нравится вам здесь? Давно вы состоите в этом гарнизоне?

— Почти тринадцать лет! — ответил солдат. — Что касается меня, то мне здесь все надоело и опротивело. У меня в Опорто остались жена и дети, и я даже не знаю, живы ли они еще теперь. Вести сюда доходят так редко!

— Вы думаете вернуться на родину и свидеться с ними?

— Ах, синьор, ни один португальский солдат не возвращался еще отсюда живым на родину. Нас забирают на пять лет, но все мы складываем свои головы здесь…

— Это весьма печально!

— Да, синьор, — продолжал солдат. — Это не только печально, а и жестоко; кроме того, ведь это обман и насилие над свободным человеком! Я уже не раз собирался приставить дуло своего ружья к виску, но знаете, пока человек жив, жива в нем и надежда!

— Совершенно верно, мой друг, и мне вас душевно жаль! Вот у меня остались два червонца; я даю вам один из них; быть может, вам представится случай переслать] эту малость вашей бедной жене и деткам!

— А вот еще один от меня! — прибавил Филипп, подавая ему еще один золотой.

— Да сохранят вас все святые, синьор! — воскликнул солдат. — Хотя жена моя и дети едва ли получат когда-нибудь эти деньги, все же благодарю вас за ваше доброе отношение!

— Кстати, — заметил как бы мимоходом Кранц, — вы упоминали об одной молодой женщине европеянке! Что вы хотели сказать о ней,

когда нас прервали?

— Это была очень красивая женщина, и наш комендант был сильно влюблен в нее!

— Где же она теперь?

— Она отправилась в Гоа вместе с одним приезжим патером, который знал се раньше. Звали этого патера о. Матиас, славный такой старик; он еще преподал мне отпущение грехов, когда был здесь!

— Так вы говорите, что комендант был влюблен в молодую женщину? — продолжал Кранц.

— Да. он положительно с ума сходил по ней; бродил за ней, как тень, по целым дням, и если бы не патер Матиас, он ни за что не отпустил бы ее отсюда, хотя и знал, что у нее есть муж.

— Так она отправилась в Гоа?

— Да, и, вероятно, была очень рада, что ей удалось вырваться отсюда; ведь, наш комендант очень докучал ей, а она, как видно, сильно тосковала по своем муже. Вам неизвестно, синьоры, жив ее муж?

— Нет, мы ничего не знаем об этом; хотя мы плавали с ним на одном судне, но давно ничего не слышали о нем!

— Ну, если он жив, то я от души желаю, чтобы он не попал к нам сюда: если он будет во власти нашего коменданта, то ему придется очень несладко. Этот человек ни перед чем не остановится, а здесь над ним нет высшей власти. Он смелый и отважный господин, несмотря на свой малый рост, надо отдать ему справедливость; но чтобы обладать этой женщиной, он рискнет, чем угодно, а муж — это очень серьезное препятствие! Однако лучше мне не оставаться так долго с вами, — добавил солдат, — в случае, если я понадоблюсь вам, вы всегда можете позвать меня; мое имя Педро. Спокойной ночи, синьоры, и тысяча благодарностей! — и солдат удалился.

— Во всяком случае, мы приобрели себе друга, — сказал Кранц, — а это никогда не мешает; кроме того, получили от него немаловажные сведения.

— Даже очень важные! Мы теперь знаем, что Амина отправилась в Гоа с патером Матиасом; теперь я уверен, что она в безопасности. Это прекраснейший человек, отец Матиас, и я могу быть спокоен.

— Да, все это так, но не забывайте, что вы сами в руках вашего смертельного врага. Мы должны покинуть этот форт как можно

скорее. Завтра мы должны подписать это удостоверение; оно не может иметь значения для нас, так как мы, вероятно, будем раньше в Гоа, чем туда придет эта бумага; кроме того, даже известие о вашей смерти не заставит вашу жену стать женой этого иссохшего маленького сухаря с большими усами.

— Я в этом уверен! Тем не менее это известие может причинить ей большое горе!

— Во всяком случае не худшее, чем ее теперешняя неуверенность и опасения. Но что рассуждать об этом: подписать удостоверение мы должны. Я подпишусь Корнелиусом Рихтером, третьим младшим помощником, а вы — Жакобом Вантритом, помните это!

ГЛАВА XXXII

Усталые и измученные переживаниями последних дней, Филипп и Кранц улеглись рядом друг подле друга и вскоре заснули. Рано поутру наши друзья были разбужены громким голосом маленького, но грозного коменданта и лязгом его громадного, не по росту, длинного меча о каменные плиты мостовой крепостного двора. Он кричал на солдат, угрожал одним заключением в карцер, другим усиленными работами, словом, проявлял свою начальническую власть. Увидя Кранца и Филиппа, он коротко и сухо приказал им следовать за собой. Развалясь на своем диване, маленький комендант спросил их, согласны ли они подписать удостоверение или предпочитают вернуться в подземелье башни? Получив желанный ответ комендант тотчас же потребовал бумагу и перо, приказал составить удостоверение и предложил Кранцу и Филиппу подписать его по всем правилам. Заполучив этот документ, маленький усач остался до того доволен, что предложил Кранцу и Филиппу остаться позавтракать с ним. За столом он снова подтвердил свое обещание предоставить им возможность вернуться на родину с первым судном, которое зайдет сюда. Хотя Филипп был мрачен и молчалив, зато Кранц являлся чрезвычайно милым и приятным собеседником, и комендант пригласил их к обеду. Когда они после обеда опять разговорились и заметно сблизились, Кранц сообщил португальцу, что у него и у его приятеля есть немного денег, и что они были бы очень обязаны коменданту, если бы тот указал им на какое-нибудь подходящее помещение, где они могли бы также и столоваться за известную плату, впредь до прибытия ожидаемого судна. Из желания ли иметь подходящую компанию или из желания получить несколько лишних червонцев, комендант предложил уступить им одну комнату в своей квартире и столоваться вместе с ним за известную плату. Кранц с радостью согласился на это предложение и тотчас же настоял уплатить вперед за несколько недель; это уже совсем расположило к нему коменданта.

На третий день их пребывания в качестве гостей в форте Кранц, видя, что его любезный хозяин в особенно благодушном настроении, воспользовался этим, чтобы спросить его, почему ему так желательно

было получить удостоверение за их подписью о смерти их капитана, и в ответ услышал, что Амина дала свое согласие стать женой коменданта, если тот представит ей несомненное доказательство в том, что она свободна, и что мужа ее нет в живых.

— Не может быть! — воскликнул Филипп, вскочив со своего места!

— Не может быть! Что вы хотите этим сказать, синьор? — гневно покручивая ус и сердито сверкнув глазами, спросил комендант.

— Я бы тоже сказал «не может быть», — примирительным тоном вмешался Кранц, видя оплошность, сделанную его другом. — Если бы вы только видели, как эта женщина боготворила своего мужа, вы бы сами не поверили, что она могла так легко и так скоро перенести свои чувства на другого человека! Но женщины всегда останутся женщинами; кроме того, как я слышал, военные всегда пользуются у них особой любовью и предпочтением перед всеми остальными корпорациями… и весьма возможно, что у нее были уважительные причины… Пью за ваше здоровье и успехи, комендант!

— Я бы сказал то же самое, — сказал Филипп, — у нее есть, конечно, оправдание, весьма веское оправдание, если сравнить ее супруга и вас, комендант!

Смягченный этим льстивым замечанием, португалец приятно усмехнулся и сказал:

— Хм, да… говорят, что военные вообще очень нравятся женщинам! Это, вероятно, потому, что они видят в нас своих защитников. Давайте, господа, выпьем за ее здоровье! За здоровье прекрасной Амины Вандердеккен! — воскликнул он, подняв стакан.

— За здоровье прекрасной Амины Вандердеккен! — повторил Кранц.

— За прекрасную Амину Вандердеккен! — провозгласил в свою очередь Филипп.

— Но неужели вы не боитесь за нее, командир, что отпустили ее в Гоа, где она может подвергнуться многим искушениям?

— Нет, нисколько! Я убежден, что она меня любит! Между нами, она положительно обожает меня!

— Ложь! — воскликнул Филипп, весь побагровев.

— Что такое, синьор? К кому это относится? Ко мне?! — И комендант схватился за свой длинный палаш, лежавший подле него на

столе.

— Нет, нет, — поспешил поправиться Филипп, — это относилось к ней; я слышал, как она клялась своему супругу — никогда не принадлежать другому мужчине!

— Ха! Ха! — развеселился комендант. — Да вы, как вижу, совсем не знаете женщин, мой друг. Что значат подобные клятвы?

— Вы правды, командир! Он не только не знает их, но и не любит, — заметил Кранц и, перегнувшись через стол, конфиденциально добавил: — он всегда такой странный, когда говорят о женщинах; он когда-то был жестоко обманут и теперь ненавидит всех женщин!

— Если так, то надо быть милостивым к нему; надо пощадить его и всего лучше переменить разговор!

Вернувшись в свою комнату, Кранц предупредил Филиппа, что ему необходимо сдерживать свои чувства, иначе они рискуют опять быть заключены в подземелье. Филипп сознался в справедливости этого замечания и обещал подавлять впредь свое возмущение и злобу.

— Но неужели она могла быть так коварна, так вероломна! С другой стороны, самое желание его заручиться этим документом подтверждает его слова!

— Что же из того? Я охотно верю, что он сказал правду; но мы не знаем, что вынудило вашу жену дать ему подобное обещание; быть может, это было единственное средство вырваться отсюда и сберечь себя для вас!

— Да, это весьма возможно! Вы правы, Кранц, а я виноват перед ею, что мог усумниться хоть одну минуту! — проговорил Филипп и, повернувшись на другой бок, заснул.

В продолжение трех недель они оставались в форте, сходясь все ближе и ближе с комендантом, который особенно любил беседовать с Кранцом, когда Филиппа не было, и постоянно сводил разговор на Амину, входя в мельчайшие подробности своих воспоминаний о ней.

Между тем время шло, а судна все еще не было в виду.

— Когда же я, наконец, вновь увижу ее! — воскликнул как-то Филипп.

— Кого это ее? — вдруг спросил комендант, неожиданно очутившийся подле него.

Филипп обернулся и пробормотал что-то невнятное.

— Мы говорили с ним сейчас о его сестре, — сказал нимало не смутившийся Кранц, беря коменданта под руку и отводя его в сторону. — Не заговаривайте с ним об этом: эта тема для него очень болезненная; это одна из причин его женоненавистничества. Сестра его была замужем за его близким другом и в один прекрасный день бежала от мужа. Это была единственная сестра! Этот позор свел в могилу его мать и сделал его глубоко несчастным. Прошу, не обращайте на него внимания и не говорите об этом!

— Нет, конечно! Теперь я не удивляюсь, что он так мрачен и несообщителен. — Честь семьи это не шуточное дело… Бедный молодой человек… Вы не знаете, он из хорошей семьи?

— Из одной из лучших фамилий у себя на родине, — сказал Кранц, — и весьма состоятельный человек, но в силу постигших его несчастий он решил тайно покинуть Голландию и отправиться в эти дальние страны в надежде размыкать свое горе.

— Вы говорите, что он принадлежит к одной из лучших фамилий! В таком случае Жакоб Вантрит не настоящее его имя?

— Ну, конечно! Но я не смею назвать вам его настоящего имени: это не моя тайна!

— Ну, конечно, я вполне понимаю, хотя человеку, на которого можно вполне положиться, почему же и не сказать. Но я сейчас и не спрашиваю вас об этом. Так вы говорите, что он дворянин?

— Да, без сомнения, и состоит в родстве с благороднейшими испанскими фамилиями!

— В самом деле? Если так, то он должен знать многих из португальской знати также: ведь они все более или менее перероднились между собой! — заметил комендант.

— Ну, конечно!

— Признаюсь, мне изрядно наскучило мое пребывание здесь; мне, вероятно, придется пробыть здесь, на этом посту, еще года два, а затем нужно будет вернуться к моему полку в Гоа. А домой мне можно будет вернуться только в том случае, если я откажусь от дальнейшей службы, да и то еще дождавшись, когда мне найдут заместителя!

После этого разговора отношение коменданта к Филиппу заметно изменилось: комендант, надеясь, что сумеет извлечь для себя пользу из связей Филиппа, положительно ухаживал за ним.

Прошло несколько дней, все трое сидели за столом и обедали, когда к коменданту явился капрал и доложил, что прибыл голландец-матрос и просит узнать, примут ли его в форт или нет.

При этом и Кранц и Филипп побледнели: у обоих у них явилось предчувствие чего-то недоброго. Комендант приказал привести пришельца, и минуту спустя в комнату вошел наш старый знакомец, одноглазый Шрифтен. Увидев Кранца и Филиппа сидящих за столом, он тотчас же радостно воскликнул:

— Ах, капитан Вандердеккен! Ах, милейший наш мингер Кранц! Как я счастлив встретиться с вами вновь!

— Капитан Вандердеккен! — заревел комендант, покраснев до корней волос и вскакивая из-за стола.

— Ну, да, это — мой капитан, мингер Филипп Вандердеккен, а это — наш старший помощник, мингер Кранц: мы вместе потерпели крушение… Хи! Хи!..

— Вандердеккен!.. О, черт побери!.. Муж! Может ли это быть?! — выкрикивал, задыхаясь, маленький комендант. — Так значит, меня обманули? Надо мной надсмеялись! Благороднейший синьор, благодарю вас! Но теперь моя очередь посмеяться!. Эй, кто там! Капрал! Взять их!

Филипп не протестовал ни словом, ни движением, а Кранц, уходя, заметил:

— Когда вы несколько успокоитесь, синьор, то сами убедитесь, что ваш гнев неоснователен!

— Неоснователен! Как же! Вы меня провели, да, но и сами попали в свою ловушку. Документ у меня в руках, и я не премину воспользоваться им. Вы умерли, капитан, помните это; вы сами собственноручно подтвердили мне это, и жена ваша будет рада узнать об этом!

— Она обманула вас только для того, чтобы вырваться от вас, чтобы уйти из вашей власти!

— Продолжайте! Продолжайте! Вы мне за все заплатите!.. Капрал, отвести этих двух людей в башню, в подземелье! Поставить часового у дверей, никуда не выпускать впредь до дальнейших распоряжений… Уведите их!

Солдаты увели Филиппа и Кранца, удивленные этой внезапной переменой отношений их начальника к этим синьорам.

Шрифтен последовал за ними, и когда они подходили к лестнице, ведущей в их тюрьму, Кранц в приступе дикого бешенства вырвался от солдат и дал Шрифтену такого пинка, что тот отлетел на несколько сажен вперед и растянулся во всю длину на мостовой.

— Вот это здорово! Хи! Хи! — крикнул Шрифтен, с трудом подымаясь на нога и с усмешкой глядя на Кранца.

Прежде чем за Кранцем и Филиппом закрылась тяжелая дверь подземелья, глаза их встретились с глазами солдата Педро, и в них они прочли, что этот человек сделает для них все, чтобы выручить их из беды. И это был для них луч надежды в мрачной подземной тюрьме.

ГЛАВА XXXIII

— Итак, все наши надежды погибли! — воскликнул Филипп. — Что теперь может помочь нам уйти из цепких лап этого тщедушного тирана?

— Может неожиданно представиться случай, когда его меньше всего предвидишь, — сказал Кранц, — будем надеяться на лучшее. Прежде всего надо немного пообождать и дать гневу коменданта время немного улечься. Он, несомненно, любит деньги, а нам известно, где скрыты все сокровища команды; полагаю, что его можно будет соблазнить этими богатствами настолько, что он взамен их согласится даровать нам свободу!

— Это не невозможно! Но что вы скажете, Кранц, про этого негодяя Шрифтена? Он положительно преследует меня всю жизнь и действует как будто по чьему-то наущению.

— Он как будто является воплощением вашего рока, но сейчас я думаю не о нем, а о том, не намеревается ли наш комендант оставить нас здесь без пищи и питья.

— Это бы не удивило меня: я убежден, что он не прочь извести меня, и если он не может убить, то во всяком случае может измучить меня и замучить даже до смерти!

Между тем комендант, как только пришел в себя от овладевшего им в первую минуту бешенства, потребовал к себе Шрифтена, чтобы подвергнуть его подробному допросу, но того нигде не могли найти. Часовые у ворот утверждали, что он не выходил и даже близко не подходил к воротам; в форте его тоже нигде не было. Обыскали все жилые и нежилые помещения, но все безуспешно.

— Неужели его заперли вместе с теми двумя? — подумал комендант. — Быть не может! — Пойду посмотрю!

Спустившись и приотворив дверь подземелья, он заглянул в нее и хотел было удалиться, не сказав ни слова, но Кранц обратился к нему со словами:

— Нечего сказать, синьор, милое обхождение с людьми, с которыми в столько времени вели дружбу и делили время! Бросать людей в подземелье потому только, что какой-то неизвестно откуда

взявшийся субъект объявил вам, что мы не те, за кого себя выдаем. Быть может, вы не откажетесь прислать нам сюда немного воды — нас мучает жажда.

Комендант, смущенный странным исчезновением голландского матроса, положительно был выбит из позиции и не знал, как себя держать. На последние слова Кранца он ответил довольно мягко и вежливо:

— Я сейчас распоряжусь, чтобы вам принесли воды, синьор! — и, поспешно заперев дверь, удалился.

— Странно, — заметил Филипп, — он теперь как будто в более миролюбивом настроении!

Спустя несколько минут явился Педро и принес кувшин воды.

— Он исчез, точно по мановению волшебного жезла, его ищут повсюду и нигде не могут найти!

— Кого? Этого старого одноглазого матроса?

— Да, того самого, которому вы отпустили такой здоровый пинок, что он отлетел на тот конец двора. Наши думают, что это был вовсе не человек, а оборотень. Часовые говорят, что он даже и не подходил к воротам. Каким же образом он мог уйти отсюда, положительно непостижимо, и, как я заметил, это обстоятельство чрезвычайно смущает нашего коменданта!

— Вам поручено присматривать за нами, Педро?

— Не знаю, но думаю, что эту обязанность возложат на меня.

— Так вот, Педро, скажите коменданту при случае, что, когда он пожелает меня выслушать, я имею сообщить ему нечто важное!

Педро ушел.

— Ну, вот, Филипп, — продолжал Кранц, обращаясь к своему другу, — я могу теперь напугать этого маленького коменданта и заставить его выпустить нас на свободу при условии, что вы согласитесь сказать, что вы — не муж вашей Амины.

— Этого я не могу сказать, Кранц, отречься от своей жены я не в состоянии, будь, что будет!

— Я это предвидел… но если вы не согласны с тем, что я предлагаю, то, право, не знаю, что могу сделать… ну, все равно, попытаюсь сделать, что можно… дайте мне подумать…

Кранц принялся ходить взад и вперед, раздумывая и соображая; но не прошло и четверти часа, как дверь их камеры отворилась, и вошел

комендант.

— Вы имели сообщить мне что-то! Я слушаю! — сказал он.

— Прежде всего я попросил бы вас привести сюда этого одноглазого негодяя для очной ставки!

— Я не вижу в этом никакой надобности, — возразил португалец. — Говорите, что вы имели мне сказать!

— Ну, так знаете ли, с кем вы имеете дело в лице этого одноглазого урода?

— С голландским матросом, я думаю!

— Вы ошибаетесь: это оборотень, воплощение дьявола, который был причиной гибели нашего судна, и который несет с собой несчастия всюду, где только появляется!

— Вы смеетесь надо мной!

— Нет, приведите его сюда: мой благородный товарищ имеет власть над ним, и я положительно удивлен, как он может оставаться здесь, когда на груди у моего товарища талисман, от которого этот урод с криками и воплем бежит и исчезает. Приведите его сюда, и вы сами увидите!

— Да сохранит нас небо! — воскликнул комендант.

— Пошлите за ним, синьор! — настаивал Кранц.

— Он пропал, исчез, его нигде найти нельзя!

— Я так и думал! — спокойно заметил Филипп.

— Пропал? Исчез?.. Вы теперь видите, что я говорил правду: надеюсь, что после этого вы принесете свои извинения моему другу и позволите нам вернуться в наше прежнее помещение. Там, если вы пожелаете, я объясню вам эту странную, но в высшей степени интересную историю.

Совершенно сбитый с толку комендант положительно не знал, что ему делать. Наконец, он вежливо поклонился Филиппу и просил его считать себя свободным, затем обратился к Кранцу и высказал ему желание быть немедленно посвященным во всю эту страшную историю, после чего он ушел, оставив дверь открытой.

Кранц последовал за комендантом в его маленькую гостиную, а Филипп вернулся в занимаемую им с товарищем комнату.

Командир кинулся на диван и приготовился слушать, а Кранц расположился подле него в кресле и начал так:

— Прежде всего я должен вам сказать, комендант, что вы отчасти были введены в заблуждение, а отчасти и нет. Очутившись здесь и не зная, что нас здесь ожидает, мы действительно скрыли от вас наше настоящее положение и чины. Впоследствии я ознакомил бы вас с настоящим социальным положением моего друга, но не считал нужным сообщать вам положение, занимаемое им на судне. Дело в том, что он, как это весьма понятно для человека его класса, был собственником и владельцем погибшего судна, погибшего благодаря этому одноглазому негодяю, но об этом после! Теперь я расскажу вам самую историю. Итак, лет десять тому назад был в Амстердаме один нищий, жалкий, несчастный нищий, питавшийся подаянием, ходивший в грязных лохмотьях; так как он некогда был матросом, то его одежда несколько напоминала обычный костюм голландских моряков. У этого человека был сын, которому он отказывал даже в самом необходимом и к тому еще обращался в высшей степени грубо и жестоко. Между тем ходили слухи, что старик нищий очень богат. После повторных попыток завладеть хоть небольшой долей отцовских денег, сын, по внушению дьявола, конечно, убил отца, которого нашли однажды поутру мертвым в постели. Но так как на теле покойника не оказалось никаких знаков насилия, то, хотя подозрение и пало на сына, делу не было дано законного хода, и молодой человек вступил во владение отцовским богатством. Все ожидали, конечно, что наследник начнет кутить и сорить отцовскими деньгами, как это часто бывает. Но вместо того этот богатый наследник решительно ничего не расходовал и жил в такой же бедности, как его отец, если даже не хуже. Вместо того чтобы быть веселым и довольным, имея в своем распоряжении так много денег, он всегда казался несчастным и пришибленным и бродил по улицам и дворам, собирая корки хлеба и питаясь ими. Люди, глядя на него, качали головами и говорили, что здесь что-то неладно. Наконец, протянув лет шесть или семь подобное существование, и сын умер без покаяния и причащения. Его также нашли мертвым в постели. У постели на табуретке было найдено письмо на имя местных властей, в котором умерший сознавался, что убил своего отца из-за денег, но что, когда он вздумал взять часть этих денег на свои расходы, спустя несколько дней после похорон, то увидел дух своего отца в его прежнем образе, сидевший на мешках с деньгами и угрожавший ему немедленной смертью, если он только прикоснется хотя бы к одному

червонцу из этих денег. Он ушел, но после того, сколько раз он ни возвращался, всегда находил призрак своего отца, сидящий на деньгах и охраняющий их. Наконец, он отказался от мысли когда-либо воспользоваться этими деньгами и хотя продолжал владеть ими на законном основании, но не смел истратить и гроша из этих денег. Сознание его преступления преследовало его, и он чувствовал себя более, чем когда либо, несчастным. В конце письма говорилось, что, чувствуя приближение смерти, он завещает все эти деньги на церковь, построенную в честь того святого, имя которого он носил, где бы в целом мире ни находилась эта церковь; если же церкви в честь этого святого нигде на целом свете нет, то завещал построить на эти деньги церковь во имя этого святого, а оставшуюся от постройки сумму оставить в пользу этой самой церкви.

По тщательном расследовании ни в Голландии, ни в целых Нидерландах такой церкви не оказалось; это было не удивительно, так как в этих странах мало католиков. Тогда власти обратились к католическим странам, Португалии и Испании, с запросом относительно церкви имени того святого, но и там такой церкви не оказалось. Наконец, выяснилось, что единственная в целом мире церковь имени этого святого есть церковь, выстроенная одним знатным португальским вельможей в городе Гоа, в Восточной Индии. Тогда католический епископ решил, что деньги эти должны быть отосланы в Гоа, и с этою целью деньги были приняты в качестве груза на наше судно и должны были быть переданы португальским властям, какие мы встретим на нашем пути. Так вот, для большей надежности, деньги эти были снесены в капитанскую каюту, которую, конечно, занимал мой приятель. Когда он в первую ночь после отплытия спустился в свою каюту, чтобы лечь спать, то к невероятному своему удивлению и ужасу увидел этого самого одноглазого старика-матроса, сидящего на мешках с деньгами.

— Боже милосердый! — воскликнул комендант. — Неужели в самом деле этого самого старикашку-матроса, который только что был здесь?

— Его самого! — сказал Кранц. — Понятно, мой друг был этим весьма встревожен, тем не менее, так как он по характеру очень смел и решителен, то спросил этого незнакомого ему человечка, кто он такой и каким образом он попал сюда.

«Я попал сюда вместе с моими деньгами, — сказал уродец, — эти деньги мои — и останутся моими; ваша церковь не увидит из них ни гроша, если я только смогу этому помешать!».

Тогда мой приятель достал из-под мундира одну священную реликвию, которая досталась ему по наследству и которую он всегда носит на груди, и протянул ее к нему. Тогда оборотень соскочил с мешков с золотом и, визжа и кривляясь, с большой неохотой исчез.

Две последующие ночи призрак упорно появлялся на прежнем месте, но затем, при виде святыни, всякий раз с жалобным воем исчезал. И каждый раз, уходя, он неизменно восклицал: «Погибли! Погибли!.. «. После того во все остальное время пути призрак больше не появлялся.

Мы тогда думали, что слова эти относились к его деньгам, которые он считал погибшими для себя, но впоследствии всем стало ясно, что эти слова предвещали гибель нашего судна. Собственно говоря, было большой неосторожностью взять на свое судно богатства отцеубийцы; от такого груза нельзя было ожидать добра. Так и вышло. Когда судно наше разбилось, наш патрон или, если хотите, мой друг, был чрезвычайно озабочен спасением этих денег. Их снесли на плот, и когда мы пристали к берегу, то сгрузили и закопали в землю, так что их можно всегда добыть и передать церкви, для которой они предназначены. Но люди, зарывшие эти деньги, теперь все умерли, и никто, кроме моего друга, не знает места, где зарыто сокровище. Я забыл еще сказать, что, как только деньги были свезены на берег и зарыты, призрак снова появился, точно из-под земли вырос, и сел над тем местом, где были зарыты деньги. Я убежден, что если бы не это, то матросы, наверное, завладели бы этими деньгами. Но так как этот неутомимый страж своих червонцев сегодня появился здесь, то я предполагаю, что ему наскучило сторожить свои деньги там, на острове, или же он явился сюда, чтобы побудить моего друга взять деньги сюда, хотя я положительно не понимаю, зачем.

— Странно!.. Очень странно! — пробормотал комендант. — И вы знаете, что там зарыто много денег?

— Да, много! Очень много даже!

— А как вы думаете, почему этот призрак или привидение появился здесь?

— Вероятно, чтобы объявить моему другу о своих намерениях; быть может, побудить его послать за этими деньгами. Но что могу я сказать… Ведь вы хорошо знаете, что мы не успели ничего услышать от него?

— Да, да… но он назвал вашего друга Вандердеккеном.

— Да, это то имя, которое он принял, вступив судно!

— И это же имя носила и та прекрасная женщина!

— Совершенно верно! Он встретился с нею на мысе Доброй Надежды и увез ее с собой!

— Так она не его жена?

— Я не смею ответить вам на этот вопрос. Достаточно того, что он смотрел на нее как жену!

— Аа.. в самом деле. Но скажите, пожалуйста, относительно этих денег; вы утверждаете, что никто не знает, где они зарыты, кроме этого вашего друга.

— Да, никто!

— Так не будете ли вы столь добры передать ему, что я весьма сожалею о случившемся и хотел бы иметь удовольствие видеть его завтра утром!

— Хорошо, синьор, я передам ему, — сказал Кранц, вставая со своего места и, пожелав коменданту спокойной ночи, отправился в свою комнату, так как было уже поздно.

«Я гнался за одним, а нашел другое!.. Пусть это был призрак, но надо, чтобы это был очень отважный призрак, если он думает меня отпугать от своих дублонов! — Кроме того, кто мне мешает призвать священников и окропить и самое место, и самые деньги святой водой?! — рассуждал сам с собой комендант. — Предположим, что я его отпущу, этого господина, на условии, что он укажет португальским властям, т. е. мне, место, где зарыты деньги. Из этого еще не следует, что я непременно должен потерять молодую женщину или отказаться от нее. Стоит мне только препроводить к ней этот документ, — и она моя!.. Но прежде всего я должен отделаться от него… Из двух благ я все-таки предпочитаю золото! Но я могу получить и то, и другое, а это всего лучше! Во всяком случае раньше следует заполучить эти деньги: они мне гораздо более нужны, чем церкви. Впрочем, если я присвою их себе, эти двое господ легко могут обличить меня; от них следует избавиться, как только они станут мне более не нужны. Надо заставить

их замолчать раз навсегда, а тогда я, быть может, добьюсь и красавицы Амины. Во всяком случае, их смерть обходима мне!.. Но прежде всего надо все это хорошенько обдумать».

И комендант принялся ходить взад и вперед по комнате, рассуждая вслух: — Он уверяет, что то был призрак, и рассказал мне при этом довольно вероятную историю. Но у меня почему-то закрадывается сомнение… Весьма возможно, что они дурачат меня. Пусть так! Но если деньги там существуют, то я их получу, а если нет, то отомщу им за это дурачество. Не только они должны исчезнуть с лица земли, но и все те, кто будет участвовать в перенесении этих денег. Но кто здесь?! Педро?

— Да, синьор!

— Давно ли ты здесь стоишь?

— Да как вы сейчас изволили крикнуть меня!

— Я тебя не звал; ты мне не нужен! Можешь идти… Педро ушел, но он слышал все, что комендант говорил сам с собою, все, что он считал своей сокровенной мыслью.

ГЛАВА XXXIV

Было чудное, яркое утро, когда португальское судно, на котором находилась Амина, вошло в рейд Гоа.

В ту пору Гоа была в зените своего блеска. Это был богатый, великолепный, цветущий город, так сказать, столица Востока, город дворцов и сказочной роскоши. Когда судно стало подходить к реке, два устья которой образуют остров, где построен город, все пассажиры столпились на палубе. Капитан судна, любезный португалец, уже не раз бывавший здесь, указывал Амине главнейшие и наиболее замечательные здания.

Спустя немного времени судно стало на якорь против здания таможни. Капитан и пассажиры съехали на берег, кроме одной только Амины, которая временно осталась на судне, пока патер Матиас не приищет для нее подходящего помещения, где бы она могла прожить некоторое время.

На следующий день патер Матиас вернулся к Амине с известием, что ему удалось устроить ее в Урсулинском монастыре, настоятельница которого была ему хорошо знакома. При этом он предупредил Амину, что настоятельница — женщина чрезвычайно педантичная; и потому ей было бы приятно, если бы Амина, насколько возможно, сообразовалась с уставом и обычаями монастыря. Он сообщил также, что в этот монастырь принимались только девушки и женщины самых знатных и родовитых фамилий, самых состоятельных и избалованных, а потому он надеется, что Амине там будет хорошо и приятно.

Однако не прошло и двух месяцев с тех пор, как Амина поселилась в Урсулинском монастыре, как ей вскоре опротивел монастырь, и она при первом же свидании с патером Матиасом просила найти ей частную квартиру; вместо денег она дала патеру свой бриллиантовый перстень, который и поручила продать.

Вскоре патер сообщил Амине, что продал ее кольцо за тысячу восемьсот долларов и нанял для нее помещение у одной богобоязненной и степенной вдовы, которая взялась заботиться об ее столе и удобствах.

Простившись с монахинями, Амина вместе с патером Матиасом покинула монастырь и переселилась в красивый дом, выходящий на большой сквер, называемый Terra di Sabaio. Комнаты ее были светлые, высокие и просторные.

— А что это за церковь там, по ту сторону сквера? — спросила Амина свою хозяйку.

— Это церковь Вознесения, — сказала та, — там чудесный орган; если желаете, мы можем завтра пойти послушать его!

— А то большое массивное здание с куполом, как раз напротив нас? — продолжала расспрашивать Амина.

— Это Святая Инквизиция! — сказала вдова, набожно перекрестясь.

Амина невольно содрогнулась.

— Это ваш ребенок? — спросила она, увидев подле себя мальчика лет восьми.

— Да, — сказала хозяйка, — это мой единственный ребенок. Храни его Господь!

Это был красивый умный мальчик, и Амина поспешила расположить его в свою пользу, что ей и удалось.

ГЛАВА XXXV

Прошло несколько времени с тех пор, как Амина поселилась у вдовы.

Теперь она только что вернулась с прогулки по городу, где делала различные закупки, которые и принесла с собой под мантильей.

«Наконец-то я здесь одна, и никто не следит за мной! — мысленно воскликнула она. — Теперь я имею все, что нужно, и скоро я узнаю, что хочу знать!».

В этот момент маленький Педро, сын вдовы, вбежал в ее комнату и кинулся здороваться.

— Где твоя мать, Педро? — спросила Амина.

— Она ушла к своим друзьям на весь вечер, и мы с вами остались одни, — сказал мальчик. — Можно мне остаться с вами?

— Конечно, можно! Ну, а скажи мне, можешь ты сохранить что-нибудь в тайне?

— Да, могу! Скажите ваш секрет, и вы увидите, что никто ничего не узнает!..

— Мне нечего сказать, мой милый, но я хочу устроить с тобой такую игру: я хочу показать тебе разные вещи на твоей ладони!

— Ах, да, да… Покажите!

— Хорошо, я покажу тебе, но только если ты мне обещаешь никому не говорить об этом!

— Нет, нет, клянусь вам Пресвятой Богородицей, никому ничего не скажу!

— Ну, так смотри же!

Амина разожгла уголья на жестяном блюде, поставленном у нее на ногах, затем взяла гусиное перо, чернила и пару ножниц и написала на клочке бумаги несколько букв, напевая при этом какие-то непонятные слова, после того кинула на уголья кориандровые семена и ладан, отчего в комнате распространился сильный удушливый аромат.

Тогда она посадила Педро на низенькую скамеечку подле себя и, взяв правую руку мальчика, некоторое время держала ее в своей, после чего начертила на его ладони квадрат и какие-то буквы или знаки на

каждой из сторон квадрата, а в центр его налила немного чернил, так что образовалось нечто вроде черного глазка величиною с полкроны.

— Ну, теперь все готово! — сказала она. — Смотри, Педро, на это черное пятно чернил и скажи, что ты в нем видишь?

— Мое собственное лицо! — сказал мальчик.

— Амина подкинула еще ладану на горячие угли, так что вся комната наполнилась дымом, причем она что-то бормотала:

— Турехун… турехун, турио-шун, сойди сюда! Сойдя сюда. Присутствуйте здесь, слуги этого имени. Отдерните завесу и поведайте правду.

Начертанные ею на бумаге буквы или слова она разрезала ножницами на части и, взяв одну из частей, бросила ее на уголья, продолжая держать в своей руке руку мальчика.

— Ну, а теперь что ты видишь, Педро?

— Я вижу человека, который метет! — сказал Педро с тревогой в голосе.

— Ты не бойся, дружок, ты сейчас увидишь другое! Ну, что, он перестал месть?

— Да, перестал!

Теперь Амина снова что-то забормотала и кинула в огонь другой кусок бумажки с написанными на нем буквами или словами.

— Ну, а теперь скажи, Педро: «Филипп Вандердеккен, явись!».

— Филипп Вандердеккен, явись! — повторил мальчик дрожащим голосом.

— Теперь скажи мне, что ты видишь, только скажи правду!

— Я вижу человека, лежащего на белом песке… Только мне не нравится эта игра!..

— Ты не пугайся, дитя, я сейчас дам тебе гостинца, много сластей, вот увидишь… Скажи, как одет этот человек?

— На нем коротенькая куртка, белые панталоны; он оглядывается кругом, а теперь достает что-то, что у него было спрятано на груди, и целует.

— Это он! Он! Он жив! Небо, благодарю тебя!.. Ну, смотри еще, Педро!

— Он встает… нет, право, мне не нравится эта игра… я боюсь… Право же, я боюсь… мне страшно! Пустите меня!

Мальчик заплакал и стер с руки чернила; чары исчезли, и Амина не могла узнать ничего больше.

ГЛАВА XXXV

Прошло несколько времени с тех пор, как Амина поселилась у вдовы.

Теперь она только что вернулась с прогулки по городу, где делала различные закупки, которые и принесла с собой под мантильей.

«Наконец-то я здесь одна, и никто не следит за мной! — мысленно воскликнула она. — Теперь я имею все, что нужно, и скоро я узнаю, что хочу знать!».

В этот момент маленький Педро, сын вдовы, вбежал в ее комнату и кинулся здороваться.

— Где твоя мать, Педро? — спросила Амина.

— Она ушла к своим друзьям на весь вечер, и мы с вами остались одни, — сказал мальчик. — Можно мне остаться с вами?

— Конечно, можно! Ну, а скажи мне, можешь ты сохранить что-нибудь в тайне?

— Да, могу! Скажите ваш секрет, и вы увидите, что никто ничего не узнает!..

— Мне нечего сказать, мой милый, но я хочу устроить с тобой такую игру: я хочу показать тебе разные вещи на твоей ладони!

— Ах, да, да… Покажите!

— Хорошо, я покажу тебе, но только если ты мне обещаешь никому не говорить об этом!

— Нет, нет, клянусь вам Пресвятой Богородицей, никому ничего не скажу!

— Ну, так смотри же!

Амина разожгла уголья на жестяном блюде, поставленном у нее на ногах, затем взяла гусиное перо, чернила и пару ножниц и написала на клочке бумаги несколько букв, напевая при этом какие-то непонятные слова, после того кинула на уголья кориандровые семена и ладан, отчего в комнате распространился сильный удушливый аромат.

Тогда она посадила Педро на низенькую скамеечку подле себя и, взяв правую руку мальчика, некоторое время держала ее в своей, после чего начертила на его ладони квадрат и какие-то буквы или знаки на

каждой из сторон квадрата, а в центр его налила немного чернил, так что образовалось нечто вроде черного глазка величиною с полкроны.

— Ну, теперь все готово! — сказала она. — Смотри, Педро, на это черное пятно чернил и скажи, что ты в нем видишь?

— Мое собственное лицо! — сказал мальчик.

— Амина подкинула еще ладану на горячие угли, так что вся комната наполнилась дымом, причем она что-то бормотала:

— Турехун… турехун, турио-шун, сойди сюда! Сойди сюда. Присутствуйте здесь, слуги этого имени. Отдерните завесу и поведайте правду.

Начертанные ею на бумаге буквы или слова она разрезала ножницами на части и, взяв одну из частей, бросила ее на уголья, продолжая держать в своей руке руку мальчика.

— Ну, а теперь что ты видишь, Педро?

— Я вижу человека, который метет! — сказал Педро с тревогой в голосе.

— Ты не бойся, дружок, ты сейчас увидишь другое! Ну, что, он перестал месть?

— Да, перестал!

Теперь Амина снова что-то забормотала и кинула в огонь другой кусок бумажки с написанными на нем буквами или словами.

— Ну, а теперь скажи, Педро: «Филипп Вандердеккен, явись!».

— Филипп Вандердеккен, явись! — повторил мальчик дрожащим голосом.

— Теперь скажи мне, что ты видишь, только скажи правду!

— Я вижу человека, лежащего на белом песке… Только мне не нравится эта игра!..

— Ты не пугайся, дитя, я сейчас дам тебе гостинца, много сластей, вот увидишь… Скажи, как одет этот человек?

— На нем коротенькая куртка, белые панталоны; он оглядывается кругом, а теперь достает что-то, что у него было спрятано на груди, и целует.

— Это он! Он! Он жив! Небо, благодарю тебя!.. Ну, смотри еще, Педро!

— Он встает… нет, право, мне не нравится эта игра… я боюсь… Право же, я боюсь… мне страшно! Пустите меня!

Мальчик заплакал и стер с руки чернила; чары исчезли, и Амина не могла узнать ничего больше.

Она принялась успокаивать ребенка, задаривать его подарками и гостинцами, заставила его несколько раз повторить ей обещание никому ничего не говорить об их игре и решила не возобновлять дальнейших испытаний судьбы впредь до того времени, когда ребенок совершенно забудет свои страхи и не согласится сам добровольно возобновить эту игру.

Однажды, много дней спустя, когда мать мальчика ушла куда-то, в комнату Амины пришел Педро и спросил, не поиграть ли им опять в ту игру.

— Но ведь ты будешь бояться?!..

— Нет, я теперь не буду! — отвечал мальчик. — Тогда была ночь, а теперь день; теперь не так страшно.

Амина, которой хотелось узнать больше о Филиппе, конечно, с охотой согласилась. В несколько минут она все приготовила. Комната снова наполнилась дымом и запахом ладана; она принялась, как тогда, бормотать свои заклинания; черное зеркало было на ладони ребенка, и по ее просьбе маленький Педро снова воскликнул, как тогда: «Филипп Вандердсккен, явись!»

В этот момент вдруг распахнулась дверь ее комнаты, и патер Матиас в сопровождении вдовы и еще нескольких лиц остановился на пороге.

— Так, значит, я не ошибался тогда в вашем домике в Тернезе! — воскликнул патер, скрестив на груди руки и с негодованием глядя на Амину. — Проклятая колдунья! Теперь мы тебя накрыли.

Амина ответила ему таким же гневным взглядом и сказала:

— Я не вашей веры, а моя вера не запрещает мне испытывать судьбу! Как видно, подслушивание и подглядывание предписывается вашей религией, но здесь, в этой комнате, я хозяйка и прошу вас и тех, кто с вами пришел, удалиться отсюда немедленно!

— Соберите прежде все эти предметы колдовства! — сказал патер Матиас сопровождавшим его людям, и когда это было сделано, все удалились, оставив Амину одну.

Амина почувствовала, что на этот раз она погибла; она знала, что в католических странах колдовство считается страшнейшим преступлением, а она была накрыта на месте преступления. «Ну, что

же, — решила Амина, — это моя судьба: надо быть готовой ко всему!».

Дело в том, что маленький Педро на другой же день забыл о своем обещании и при первом удобном случае рассказал о всем матери. Вдова, подозревая в этой странной игре что-то недоброе, пошла к патеру Матиасу и передала ему все, что слышала от своего сына. Убежденный на этот раз в том, что Амина действительно занимается колдовством и знается с нечистыми силами, патер Матиас решил уличить ее в этом преступлении. С этою целью он предложил, чтобы мальчик вызвал Амину на повторение этой игры, чтобы накрыть ее на месте преступления.

Спустя полчаса после того, как патер Матиас и другие свидетели ушли, оставив Амину одну, явились двое одетых в черное с ног до головы мужчин и потребовали, чтобы она последовала за ними; в противном случае они грозили прибегнуть к силе. Амина не стала сопротивляться; в сопровождении этих двух людей она пересекла сквер; ворота громадного темного здания перед ними распахнулись, спутники ее пригласили ее войти, и спустя несколько минут Амина очутилась в одной из тюремных камер Инквизиции.

ГЛАВА XXXVI

Прежде чем продолжать наш рассказ, необходимо ознакомить читателя с обычаями, порядками и образом действий Св. инквизиции. Описывая инквизицию в Гоа, мы можем сказать, что даем в то же время описание и всех остальных, так как различие между ними было, если оно вообще было, самое пустяшное, не имеющее никакого серьезного значения.

Общие правила и порядки были везде одни и те же.

Santa Casa, или Св. инквизиция в Гоа занимала громадное мрачное здание по одну сторону большого сквера, именуемого Terra di Sabaio. Это массивное, величественное каменное здание, имеющее трое ворот на переднем фасаде. Центральные ворота, самые большие и высокие, ведут в залу суда, боковые же — в просторные и роскошные помещения инквизиторов и прочих чинов.

За их помещениями идут кельи или, вернее, камеры и подземелья тюрем инквизиции. Они тянутся по двум коридорам или галереям и снабжены каждая двойными дверями; в общем их до двухсот; все они имеют десять квадратных футов; но одни более светлые и удобные, другие совершенно темные. В коридорах или галереях посменно дежурят сторожа, и никто не может пошевельнуться в камерах или произнести хотя бы одно слово, не будучи услышан стражем. Что касается пищи, то она хорошая, не допускающая расстройства пищеварения и приспособленная к отсутствию движения у заключенных. Врачебная помощь постоянно к услугам заключенных, но лишь в редких, исключительных случаях допускается утешение духовника, а тем более приобщения Св. Тайн. Вообще вход священникам в тюрьмы инквизиции воспрещается. В случае смерти заключенного, будь он признан виновным или невиновным, будь обвинение, тяготеющее на нем, доказано или не доказано, все равно, его хоронят без всяких религиозных обрядов, без духовенства; затем уже усопшие подвергаются испытанию, и если окажутся виновными, то кости их вырывают из земли и над трупом приводится в исполнение приговор инквизиции.

В Гоа два инквизитора: великий инквизитор и просто инквизитор; тот и другой неизменно избираются из ордена доминиканцев. Им в помощь при судебных разбирательствах, дознаниях и допросах приставлены так называемые депутаты, избранные из различных монашеских орденов; их очень большое число, но они являются не иначе, как по требованию главного инквизитора. Кроме них есть еще другие чины инквизиции, на обязанности которых лежит цензуровать все появляющиеся книги и следить за тем, чтобы в них не было ничего противного религии. Есть, кроме того, официальный обвинитель, прокурор инквизиции, и есть адвокаты, которым предоставляется принимать на себя защиту обвиняемых, но главная обязанность которых состоит в том, чтобы выведывать самые сокровенные их тайны и выдавать их инквизиции. Это так называемые Familiars инквизиции в то же время являются и сыщиками ее. Эту унизительную обязанность принимают на себя, считая для себя великою честью, люди лучших фамилий, высшая знать страны. Эти шпионы рассеяны повсюду, и каждое необдуманное, неосторожное слово или выражение тотчас же доносится ими инквизиции. Приглашение принять участие в деле инквизиции никогда и ни в ком не встречает отказа: это величайшая честь, какой может удостоиться человек.

Заключенные в тюрьмах инквизиции содержатся все без исключения в одиночном заключении, и только в тех случаях, когда, по свидетельству инквизиционного врача, одиночное заключение начинает так пагубно влиять на заключенного, что грозит опасностью его рассудку или самой жизни, только в таких случаях больного переводят к другому заключенному. От заключенных требуется вечное безмолвие и полнейшая тишина. Те, кто стонут, шепчут или даже молятся вслух в своей беспросветной темноте, принуждаются к молчанию побоями. Крики, стоны и вопли наказуемых в коридорах или пытаемых в зале пыток разносятся по всем галереям и камерам, наполняя ужасом сердца заключенных, ожидающих для себя той же участи.

Первый вопрос, с каким инквизиция обращается к задержанному ею лицу, это неизменно вопрос об его имущественном положении. От него требуется, чтобы он пересчитал все, что ему принадлежит по праву, без малейшей утайки и скрепил свое показание торжественной клятвой. При этом задержанного предупреждают, что в случае, если он

утаит что-либо, то, хотя бы он был неповинен во взводимом на него обвинении, все равно он подвергает себя этим гневу Св. инквизиции. Если он окажется невиновным, то имущество его будет цело и неприкосновенно; если же будет доказано, что он виновен, то оно поступает в собственность инквизиции. Таким образом вопрос об имуществе подсудимого далеко не праздный вопрос. Если лицо обвиняемое сознается в своем преступлении, то его обыкновенно выпускают на свободу, но все его имущество конфискуется в пользу инквизиции.

Согласно законам этого учреждения судебному разбирательству придается якобы вполне законный вид строжайшего беспристрастия и справедливости. Хотя свидетельства двух лиц считается достаточно для задержания или арестования любого человека, требуется семь свидетелей для того, чтобы взводимое на него обвинение получило силу. Но так как свидетели никогда не ставятся лицом к лицу с обвиняемым, и пытки часто применяются даже к свидетелям, то инквизиции не трудно получить желаемое число обвинителей. Нередко эти свидетели, спасая свою собственную жизнь, дают ложные клятвенные показания, за которые совершенно невинные люди платятся жизнью. Важнейшие преступления, преследуемые инквизицией — колдовство, еретичество, богохульство и так называемое «жидовство».

Чтобы понять, в чем заключалось последнее преступление, за которое пострадало от инквизиции чуть ли не самое большое число людей, надо знать, что когда Фердинанд и Изабелла Кастильские изгнали всех евреев из Испании, — те бежали в Португалию, где были приняты под непременным условием принятия христианства. На это они согласились или, вернее, сделали вид, что согласились, и хотя все они крестились, тем не менее коренное население страны питало к ним явное презрение, не веря искренности их обращения. Крещеные иудеи получили наименование «ново-христиан» в отличие от истинных христиан, но со временем путем браков те и другие нередко смешивались между собой. Однако подобные браки всегда считались позорящими для старых, родовитых семей, и потомство, происшедшее от такого брака, в течение многих поколений оставалось в презрении, испытывая упреки в примеси ново-христианской крови в их роду. Потомки родовитых фамилий, вступавшие в брак не только с ново-

христианами, но даже и с потомками таковых, утрачивали свои кастовые права и прерогативы, выбрасывались из своей среды, и так как в Испании, а равно и в Португалии генеалогия каждой дворянской фамилии всем известна, то на таких отщепенцев смотрели с недоверием, и эти несчастные никогда не могли быть спокойны ни за себя, ни за своих близких по отношению к инквизиции, которая всегда могла обвинить их в «жидовстве», то есть в возвращении к обычаям и ритуалам иудейской религии.

Ознакомив наших читателей, кажется, в достаточной мере с порядками инквизиции, насколько это нужно для нашего рассказа, мы теперь будем продолжать самый рассказ.

ГЛАВА XXXVII

После того, как Амина пробыла несколько часов в подземной камере, к ней вошли двое тюремщиков и, не произнеся ни единого слова, ни единого звука, распустили ее длинные шелковистые косы и отрезали их. Амина только презрительно скривила губы и без малейшей попытки сопротивления предоставила им исполнить то, что им было приказано. После того они так же молча удалились, и она вновь осталась одна.

На другой день снова явились те же тюремщики и, приказав ей разуться, потребовали, чтобы она босая последовала за ними. Амина повиновалась, и ее ввели в залу суда, где она застала только одного великого инквизитора и его секретаря.

Зала суда представляла собой большую длинную залу с двумя рядами высоких окон с той и другой стороны, с низкой, широкой, железом обитой дверью, через которую вводятся осужденные. В центре на небольшом возвышении стоит длинный стол, накрытый большой суконной скатертью из перемежающихся широких полос синего и верблюжьего цвета. У стены противоположной двери, в которую вводят осужденных, между окон возвышается громадное распятие.

Тюремщик молча указал Амине на низенькую деревянную скамью, приглашая ее сесть.

После нескольких минут внимательного изучения наружности и выражения молодой женщины секретарь, наконец, обратился к ней с вопросом:

— Как вас зовут?

— Амина Вандердеккен!

— Откуда вы родом?

— Мой муж уроженец Нидерландов, а я — восточного происхождения.

— Кто такой ваш муж, какое он занимает положение?

— Мой муж — капитан судна Голландской Ост-Индской компании!

— Как вы попали сюда?

— Наше судно потерпело крушение, и мы с мужем потеряли друг друга!

— Кого вы здесь знаете?

— Одного только патера Матиаса.

— Какое у вас есть имущество?

— У меня нет никакого: то, что я имею, принадлежит моему мужу.

— Где находится то, что вы сейчас имеете?

— На хранении у патера Матиаса.

— Известно вам, почему вы здесь находитесь?

— Нет, совершенно неизвестно! — ответила Амина. — Скажите мне, в чем меня обвиняют!

— Вы должны знать, совершили вы что-нибудь преступное или нет. И всего лучше для вас теперь же сознаться во всем, в чем вас упрекает ваша совесть!

— Моя совесть не упрекает меня решительно ни в чем!

— Так, значит, вы ни в чем не хотите сознаться?

— Но мне не' в чем сознаваться! Я не сделала ничего такого, что считала бы дурным или в чем раскаивалась бы в душе!

— Вы говорите, что вы — восточного происхождения. Но вы христианка по религии?

— Я отвергаю вашу веру!

— Но вы жена католика?

— Да, мой муж ревностный, убежденный католик.

— Кто вас венчал?

— Патер Сейсен, католический священник того местечка, где жил и родился мой муж!

— А вы вступили в лоно католической церкви? Неужели он, этот католический священник, решился сочетать вас браком с добрым христианином без того, что вы приняли св. крещение?

— Надо мной были произведены какие-то обряды, на которые я согласилась ради того, чтобы стать женой человека, которого любила.

— Это, вероятно, было крещение, не правда ли?

— Весьма возможно; мне кажется, что это именно так называлось.

— А теперь вы говорите, что отвергаете христианскую религию!

— Да, после того, как я увидела, как поступают люди, исповедающие эту религию, я отвергаю ее, но в то время, когда я вступала в брак, я была готова принять ее и приобщиться к ней.

— Как велико ваше имущество, находящееся в раках патера Матиаса в настоящее время?

— Несколько сот долларов; ему это известно в точности, спросите у него.

После этого великий инквизитор позвонил в колокольчик, находившийся у него под рукой на столе.

Явились тюремщики и по движению руки великого инквизитора отвели Амину обратно в ее камеру.

«Почему это они так настойчиво расспрашивают о моем имуществе, — подумала Амина, — если оно им нужно, пусть берут. Но в чем состоит их власть? Что они могут сделать со мной? Ну, вероятно, через несколько дней я все это узнаю!» — решила она. Но, — увы! — как горько ошиблась молодая женщина, говоря о нескольких днях: могли пройти и месяцы, и годы, прежде чем она узнала бы что-нибудь, если бы через четыре месяца после ее заключения не было назначено великое торжество аутодафэ, не праздновавшееся уже почти три года, вследствие того, что все еще не было достаточного числа жертв, которых можно было, ради придания особого торжества и внушительности, сжечь во славу католической веры всенародно на площади: для пущего торжества нужно было непременно воздвигнуть несколько костров, и чем больше, тем лучше! Если бы не требовались еще жертвы для костров, бедная Амина не так бы скоро вырвалась из подземных тюрем инквизиции, где несчастные томились не только годами, но иногда даже десятками лет. Тем не менее целый долгий, томительный, нестерпимый месяц мучительной безызвестности прошел раньше, чем Амину снова призвали в залу суда.

Здесь ее снова спросили, готова ли она сознаться в своем преступлении, но Амина, раздраженная долгим заключением, возмущенная несправедливостью своих судей, отвечала резко и гневно:

— Я уже раз сказала, что мне не в чем сознаваться, что я не знаю за собой никаких дурных поступков, а потому делайте со мной, что хотите, но только скорее!

— Быть может, пытка принудит вас сознаться?

— Попробуйте пытать! — надменно воскликнула Амина. — Попробуйте, жестокие люди, и если вы добьетесь от меня хоть единого

слова, то после того я дам вам право назвать меня малодушной и трусливой. Я — слабая женщина, да, но я не боюсь вас: я бросаю вам вызов!

Такие слова никогда еще не касались слуха ее судей; они привыкли к униженным, робким мольбам, к смиренному сознанию их святости и всесилия, и вдруг эта хрупкая, молодая женщина осмеливалась так говорить с ними! Но по установленному порядку пытка применялась не ранее, чем обвинение было объявлено, и на него получено возражение.

— Это мы увидим, — сказал великий инквизитор, — уведите ее!

И Амину опять отвели в камеру.

За это время патер Матиас много раз имел совещания с великим инквизитором относительно Амины. Хотя в пылу своего религиозного гнева и рвения он сам предал Амину в руки инквизиции и добыл требуемое число свидетелей, теперь он горько сожалел об этом и в душе своей страстно желал поправить содеянное им зло.

Он готов был употребить все усилия, чтобы убедить ее сознаться, что она поступили плохо, и склонить ее принять католическую веру, чтобы тем самым спасти ее. С этой целью он добился, вопреки строгим порядкам инквизиции, доступа в ее камеру.

Но тщетно он убеждал ее сознаться в своем «преступлении», Амина была непоколебима.

— Амина Вандердеккен, — говорил патер, — предупреждаю вас, что если вы сознаетесь в ваших преступлениях раньше, чем вам прочтут обвинение, то вы будете спасены; если же вы сознаетесь после, то это не принесет вам никакой пользы!

— Я этого не сделаю ни до, ни после обвинения. То, что я делала, делала сознательно, и это не есть преступление ни для меня, ни для кого из моих единоверцев! Быть может, для вас это и преступление, но ведь я не вашей религии!

— Не забывайте, Амина, что вы вместе с тем подвергаете опасности и вашего мужа, который подлежит осуждению за то, что взял себе в жены колдунью! Не забудьте это… завтра я опять приду к вам; тогда вы успеете обдумать все, что я вам сегодня сказал.

— Мой разум мутится! — воскликнула Амина. — Оставьте меня одну; прошу вас!

Патер Матиас вышел из камеры, весьма довольный последними словами Амины; мысль об опасности, могущей грозить ее мужу, видимо, смутила и встревожила ее.

Действительно, едва только за патером затворилась дверь, как Амина кинулась на жесткий матрац в углу ее камеры и, закрыв лицо руками, воскликнула: — Быть сожженной живой на костре! И это делают христиане!

Так вот она, та ужасная смерть, которую предсказал мне Шрифтен! Да, он предсказал ее мне, и потому она неминуема! Значит, это моя судьба, и я не могу уйти от нее, не могу спастись! Если я сознаюсь, то этим самым подтвержу, что Филипп женился на колдунье, и его привлекут за это к ответственности. Нет, никогда! Муки и страдания не пугают меня; это жестоко; ужасна даже самая мысль об этом, но ведь это не долго. Бог отцов моих, дай мне силы и мужество устоять против этих скверных людей, дай мне возможность все снести и выстрадать ради моего дорогого Филиппа!

На другой день вечером снова явился патер Матиас. На этот раз он нашел Амину спокойной и сосредоточенной. Его последнее замечание, что Филиппу могла грозить опасность, если ее признают виновной в колдовстве, закалило ее душу, и она решила, что ни пытки, ни смерть не заставят ее сознаться в этом, и так и сказала патеру.

В этот вечер старик ушел с тяжелым чувством на душе и глубоко удрученный при мысли, что Амина должна будет погибнуть такой ужасной смертью. Теперь он горько упрекал себя в поспешности и в сотый раз желал, чтобы Амина никогда не встречалась ему на его пути. Кроме того, он еще думал о Филиппе, который был так добр к нему, так много сделал для него. Как он теперь встретится с ним? Что скажет ему, когда Филипп спросит его о своей жене?

ГЛАВА XXXVIII

Теперь мы опять вернемся к Филиппу и Кранцу. Когда последний вернулся от коменданта к Филиппу, то сообщил ему о всем и о той баснословной истории, которую он придумал на его счет. — «Я сказал ему, что вы один знаете, где скрыты сокровища, — продолжал Кранц, — для того, чтобы он отправил вас за ними, и вы могли воспользоваться случаем и бежать!

— Нет, нет, дорогой мой, или вы поедете со мной, или я не уеду отсюда! — отвечал Филипп. — Я чувствую, что если я расстанусь с вами, то счастье покинет меня!

— Пустяки! Это пустые предрассудки! Кроме того, можете быть спокойны, я здесь долго не останусь: так или иначе я удеру отсюда!

— Я не укажу, где хранятся сокровища, если вы не поедете вместе со мной!

— Ну, попробуйте заставить его согласиться на это! В сущности ведь мы ничем не рискуем попытаться.

Чуть слышный стук в дверь привлек их внимание. Филипп поспешил отворить дверь, и в комнату прошмыгнул Педро. Оглядываясь кругом и приложив палец к губам в знак молчания и осторожности, он шепотом сообщил им то, что ему удалось подслушать. «Постарайтесь, если возможно, чтобы я отправился с вами, — добавил он, — а пока мне надо идти, а то он еще не лег, и меня могут хватиться!» — и Педро выскользнул в дверь и, крадучись, выбрался на вал.

— Да, Филипп, вы правы, мы должны ехать вместе; вам нужна будет моя помощь, мое содействие! Я попробую уговорить его ехать с нами; это будет, пожалуй, всего лучше!

На следующее утро Филипп и Кранц были приглашены к завтраку; комендант встретил их необычайно любезно и приветливо, а когда завтрак стал подходить к концу, обратился к Филиппу с такою речью:

— Синьор, я обдумал то, чем мне сообщил ваш приятель, и приношу вам мои самые горячие извинения в том, что произошло вчера. Вместе с тем, движимый чувством религиозного рвения, присущим каждому доброму католику, я при вашем содействии желал

бы добыть скрытые на острове сокровища, предназначенные на Св. церковь, чтобы потом установленным порядком препроводить их по назначению. Ввиду этого я предлагаю вам взять с собой небольшой отряд солдат, которых я предоставлю в полное ваше распоряжение, и отправиться с ними на упомянутый остров.

Филипп согласился, но при том условии, чтобы и Кранц поехал вместе. А для усыпления подозрительности коменданта оба предложили ему присоединиться к ним: солдаты, дескать, будут тогда лучше слушаться. Кроме того, нашими друзьями было предложено ехать не на одном, а на двух судах.

После некоторого колебания комендант изъявил свое согласие.

Таким образом все устроилось согласно желанию Кранца, за исключением вопроса о Педро, который Кранц считал неудобным затронуть, боясь возбудить подозрение коменданта.

Вернувшись в свою комнату, они с Филиппом принялись обсуждать это обстоятельство, как вдруг вошел Педро и объявил, что назначен в число людей, отправляющихся на остров, и приставлен для услуг к Филиппу и Кранцу.

Поутру все было готово. Отряд состоял из десяти рядовых и одного капрала. С рассветом снялись с якоря, причем разместились так: комендант и Филипп находились на одном из судов, а Кранц, капрал и Педро на другом. Солдаты, которым ничего не было известно о цели этой экспедиции, теперь узнали о всем от Педро и вдруг стали перешептываться между собой и о чем-то подолгу горячо совещаться. Кранц сразу догадался, что готовится возмущение, так как люди узнали от Педро, какая участь ожидала всех участников экспедиции.

Погода стояла прекрасная, так что суда могли плыть даже ночью. Таким образом они благополучно прошли мимо острова Тернате и еще до рассвета очутились среди группы мелких островков, на самом южном из которых и были зарыты сокровища. Перед наступлением второй ночи суда причалили к берегу, и все вышли на остров. Тут состоялось первое совещание между солдатами, находившимися на судне, где был Кранц, и теми, которые совершили переезд с Филиппом и комендантом. Также и Кранцу с Филиппом удалось короткое время побеседовать друг с другом с глаза на глаз.

Когда они поутру снова пустились в путь, Педро стал уже говорить открыто. Солдаты решили убить коменданта и отправиться в Ботавию,

а оттуда переправиться в Европу.

— Разве вы не могли бы достигнуть вашей цели, не прибегая к убийству? — спросил его Кранц.

— Пожалуй, и могли бы, — отвечал Педро, — но это не удовлетворило бы нашей жажды мести. Если бы вы только знали, как этот человек обращался с нами и сколько мы от него терпели! Кроме того, ведь решился же он всех нас умертвить тем или иным способом, так почему же нам не предупредить его? Это будет только справедливо!

— Да, да! — поддержали его другие солдаты.

Проплавав еще день, они очутились в двадцати милях от желанного острова, с наступлением ночи они снова пристали к берегу и спокойно заснули до утра. Солдаты решили, что как только сокровища будут вырыты, то конец работ будет вместе с тем сигналом убийства.

На следующий день снова пустились в путь. Комендант был чрезвычайно весел и любезен; он не замечал мрачных, угрюмых физиономий окружавших его людей, а весь отдавался мечтам о громадных богатствах, которыми рассчитывал завладеть.

Около трех часов после рассвета суда пристали к тому самому месту, где на берегу были зарыты сокровища. Не дав людям времени даже отдохнуть, комендант приказал тотчас же взяться за лопаты. Без особенного труда солдаты удалили легкий слой рыхлого песка и земли, и сокровища вскоре оказались на виду. С лихорадочной поспешностью люди стали тащить из ямы мешок за мешком, а рассыпавшиеся червонцы складывать в грудки в нескольких шагах от того места, где они были зарыты. Наконец, они прекратили работу: в яме не оставалось ничего больше. Они бросили свои лопаты и стали переглядываться друг с другом, все были наготове.

В этот момент комендант послал двоих за мешками, оставшимися на судне, чтобы собрать в них рассыпанные червонцы, и обернулся вслед уходившим. Этим мгновением воспользовались солдаты, и четверо из них разом вонзили ему в спину свои тесаки. Он упал с грозным окриком, но другие четыре клинка вонзились ему в грудь, и он смолк навсегда. Филипп и Кранц оставались молчаливыми свидетелями этой страшной расправы.

— Он получил лишь достойное воздаяние по делам своим! — сказал кто-то из солдат.

— Синьоры, — обратился другой к Филиппу и Кранцу, — вы возьмите свою долю из этих сокровищ, а остальное мы разделим между собой.

— Нет, нет, друзья! Мы не возьмем себе ни единого золотого! — сказал Филипп. — Берите все и будьте счастливы! Все, чего мы хотим, это чтобы вы помогли нам отправиться дальше и прежде, чем приступить к дележу этих денег, похоронили тело вашего бывшего начальника.

Солдаты молча исполнили это желание, — и вскоре все было кончено.

ГЛАВА XXXIX

Едва только солдаты успели откинуть в сторону свои лопаты, как начались уже между ними пререкания. Казалось, что эти проклятые деньги опять должны были вызвать взаимную резню и вражду. Чтобы не быть свидетелями новых тяжелых сцен, а также чтобы не терять даром времени, Филипп и Кранц решили немедленно отплыть в одной из перок и предоставить солдатам разбираться, как знают. Занятые только вопросом дележа, солдаты без разговора предоставили двум чужестранцам забрать, сколько они считали для себя нужным припасов, воды и свежих кокосовых орехов, так что те еще до получения успели отплыть.

— Жаль, что Педро остался с ними, — заметил Кранц, когда их перока уже отошла от берега.

— Это его судьба! — отвечал Филипп. — Теперь не будем больше думать о них. Прежде всего решим, что нам теперь делать! Наше суденышко, хотя и очень невелико, но на нем мы свободно можем плавать в море, а запасов у нас, по моему расчету, должно хватить чуть не на месяц.

— Я бы предложил выйти на путь судов, идущих на запад, и постараться, чтобы нас приняли на судно, идущее в Гоа!

— А в случае, если нам не встретится такое судно, мы можем проследовать дальше по проливу до Пуло-Пенанг и там ждать, пока подойдет желаемое судно.

— Согласен, — это будет самое лучшее, если только не добраться до Кохинхины, откуда постоянно отправляются джонки в Гоа.

— Но это уже нам не по пути; к тому же эти самые джонки, идущие в Гоа, не могут миновать нас при проходе проливов.

Решено было избрать не более короткий, а более надежный путь, пользуясь местами, где было меньше волнения и меньше разбойничьих малайских проа.

Однажды утром, когда они медленно плыли между островами, так как в этот день было очень мало ветра, Филипп обратился к Кранцу со словами:

— Вы говорили мне однажды, что и в вашей жизни, Кранц, были случаи, которые могли бы служить дополнением к моей таинственной миссии! Быть может, вы теперь скажете мне, на что тогда намекали!

— С величайшим удовольствием, — отозвался он, — я уже давно собирался это сделать, да все не представлялось удобного случая!

— Я убежден, что вы слышали о горах Гарц, — начал свой рассказ Кранц, — это дикая местность, о которой ходит много странных рассказов. Но как бы странны ни были эти легенды и поверья, я имею основания верить им. Я не могу сказать, почему разным недоброжелательным существам позволено судьбой или Провидением обрушиваться на сравнительно безобидных людей, но что это так, не могу ни минуты сомневаться. Мой отец не был рожден в горах Гарца, ни даже мог быть назван их коренным жителем. Нет, он был крепостным одного знатного и родовитого венгерского дворянина, крупного землевладельца в Трансильвании. Но и будучи крепостным, отец был человеком весьма зажиточным и образованным; благодаря этим двум обстоятельствам господин его возвысил его до должности ближайшего слуги, домоправителя.

Но всякий рожденный рабом — рабом должен оставаться, сколько бы он ни преуспел в жизни и сколько бы ни скопил себе богатств и знаний. Так было и с моим отцом, который был богат, вел большие дела и пользовался всеобщим уважением. Мой отец был женат и имел троих детей: Цезаря, Германа, т. е. меня, и дочь Марчеллу. Мать моя была очень красивая женщина, к сожалению, более красивая, чем добродетельная: ее однажды увидал господин моего отца и прельстился ее красотой. Отца моего услали куда-то по какому-то делу, а его отсутствием воспользовался магнат, чтобы обольстить его жену. Но случилось так, что отец вернулся неожиданно и накрыл свою вероломную жену на месте преступления вместе с ее соблазнителем. Не будучи в состоянии примириться со своим позором, отец подстерег влюбленных во время их свидания и убил мою мать и ее сообщника. Зная, что в его положении крепостного человека даже поругание его чести господином не могло бы дать ему права на снисхождение со стороны судей, отец поспешно собрал все деньги, какие только у него были, захватил все, что у него было самого ценного и кое-что из самого необходимого на первое время и, забрав всех своих трех детей в громадные сани, так как в ту пору была глухая зима, бежал в горы

прежде, чем о трагическом происшествии успели что-либо узнать власти и притянуть отца к ответу. Конечно, все это я узнал лишь впоследствии, но мои самые дальние воспоминания рисуют мне грубую бревенчатую хижину в горах, где я жил вместе с отцом и моим братом и сестрой. Хижина эта стояла на краю огромного леса, а с другой стороны к ней примыкали несколько акров полей, которые возделывал мой отец, и которые, хотя с трудом, давали средние урожаи, тем не менее позволяли моему отцу прокормить свою семью и дать ей безбедное существование. По зимам мы почти безвыходно сидели дома; отец много охотился и нередко запирал нас, уходя или уезжая, чтобы мы не могли уйти, так что мы, дети, оставались тогда совершенно одни.

Так мы жили до тех пор, пока моему старшему брату не минуло девять лет, мне семь, а сестре — пять лет.

Однажды вечером отец мой возвратился домой позднее обыкновенного; охота его была в этот день неудачна, на дворе был глубокий снег, и он не только промерз, но и был еще очень не в духе. Он принес с собой топливо и стал разводить огонь в очаге. Вдруг до нашего слуха донесся вой волка под самым окном. Отец вскочил и схватил ружье; вой повторился, отец осмотрел заряды и поспешно вышел, затворив за собою дверь.

В ожидании его возвращения мы принялись готовить ужин; вдруг раздался звук охотничьего рога и шум шагов за дверью; минуту спустя вошел отец, пропуская перед собой молодую женщину и рослого черномазого мужчину в охотничьем наряде.

Я расскажу вам теперь же все, что было с отцом, хотя сам узнал об этом лишь впоследствии. Выйдя из дома, отец увидел громадного седого волка и пошел на него. Волк стал медленно отступать, скаля зубы и не подпуская отца на ружейный выстрел. Так он завел его на одну полянку, затем точно сквозь землю провалился.

Раздосадованный донельзя, отец хотел повернуться и идти домой, как вдруг услышал звук рога: кто-то трубил в лесу. Удивленный, он остановился и прислушался; рог прозвучал еще раз, затем еще раз и уже совершенно близко; он знал, что это призыв на помощь, что эти звуки рога означали, что кто-то заблудился в лесу. Минуту спустя отец увидел человека на коне с женщиной, примостившейся на крупе, выезжающих на поляну и направляющихся прямо на него. В первый

момент ему пришли на ум странные истории, слышанные им об оборотнях и нечистой силе, но затем он увидел, что то были такие же живые люди, как он сам. Они просили его приютить их на ночь, обогреть и укрыть от их врагов.

«Мы бежали из Трансильвании, где и честь моей дочери, и моя жизнь были в опасности; бежали, и погоня осталась далеко за нами. Но если вы, добрый человек, не поможете нам, то мы должны будем погибнуть здесь в горах от голода и холода!» — говорил мужчина.

«Мой дом недалеко отсюда на полгоры, но ничего, кроме убежища от стужи, я не могу предложить: живу я бедно, и хозяйки у меня нет. Но чем богат, я готов с вами поделиться, « — сказал отец, вспомнив при этом свое бегство из той же Трансильвании и драму, пережитую им перед тем. Все трое двинулись в путь, и по дороге отец рассказал, что был завлечен в лес в такую пору седым волком, пришедшим под самое окно его избы.

«Этот зверь пробежал мимо нас в тот момент, когда мы выезжали на поляну! — сказал незнакомец. — Я едва было не выстрелил по нему».

Часа через полтора отец и двое незнакомцев добрались, наконец, до нашего дома и вошли в него.

«Мы пришли как раз вовремя! — сказал охотник, зачуяв вкусный запах жареного мяса. — У вас, как вижу, молодые, но искусные повара, которые позаботились о нас».

«Весьма рад, что нам не придется ждать!» — сказал отец, и стал усаживать молодую девушку поближе к огню, затем вышел позаботиться о лошади незнакомца.

Гревшаяся у огня женщина была очень красива, но в глазах ее было что-то беспокойное, тревожное, даже злое и жесткое, хотя она была ласкова и приветлива с нами; маленькая Марчелла, наша сестренка, однако, не могла решиться подойти к ней и от страха перед этой красивой женщиной забилась в кровать, где и лежала, не шевелясь, отказавшись даже от ужина, на который она раньше так радовалась.

После ужина отец предложил молодой девушке занять его постель, тогда как мы улеглись, как всегда, все трое на другой кровати. Однако, хотя и было поздно, мы не мощи заснуть. Отец и пришлый охотник сидели у огня, беседуя за бутылкой вина, которую принес отец ради этого необычайного случая. Во всем этом было что-то столь

необычайное для нас, что мы жадно прислушивались к каждому звуку, ожидая услышать что-нибудь новое и неведомое доселе.

«Вы сказали, что вы из Трансильвании?» — говорил отец.

«Да, я был крепостным одного знатного магната! — отвечал гость. — Мой господин требовал, чтобы я отдал ему мою дочь для удовлетворения его каприза, но я не соглашался, она тоже, и дело окончилось тем, что мне пришлось всадить ему несколько дюймов клинка моего охотничьего ножа в грудь».

«Значит, мы земляки и братья по несчастью!» — отозвался отец, пожимая руку гостя.

«В самом деле? Вы тоже из тех мест?»

«Не только из тех мест, но и бежал оттуда, как вы, только моя история еще более печальна, чем ваша!»

«Позвольте мне узнать ваше имя!»

«Кранц!»

«Как? Неужели Кранц? Я знаю вашу печальную повесть, не воскрешайте вновь тех горестных воспоминаний и позвольте еще раз пожать вам руку; я — ваш троюродный брат Вильфред из Брансдорфа!» — воскликнул гость, обнимая отца.

Они налили себе по стаканчику, выпили друг за друга и продолжали разговаривать вполголоса.

Поутру, когда мы проснулись, дочь охотника уже встала и показалась нам теперь еще более прекрасной. Она подошла к Марчелле и стала ласкать ее, но девочка расплакалась, как будто сердце ее надрывалось от боли.

С этого времени прекрасная девушка, которую звали Христина, и се отец, Вильфред, поселились в нашей хижине. Отец ее и наш отец ежедневно уходили охотиться, а Христина оставалась с нами, приняв на себя все заботы по хозяйству и по дому; к нам, детям, она была добра и мила, но мы почему-то не могли полюбить ее. Отец, как видно, полюбил ее, и недели три спустя после того, как они поселились у нас, отец просил ее руки и получил согласие как ее, так и ее отца. Нас послали спать, но мы лежали и слышали все, и я, как сейчас, помню их разговор.

«Я охотно отдам вам мою дочь, Кранц, — говорил охотник Вильфред, — и, дав вам свое благословение, уйду отсюда!»

«Отчего же вам не остаться здесь?» — спросил отец.

Нет, меня ждут в другом месте; только вы не расспрашивайте меня ни о чем; я даю вам свое согласие, и этого с вас должно быть довольно. Но вот что; ведь в этой глуши нет священника, который бы мог повенчать вас; ни даже какого-либо гражданского учреждения, где бы можно было оформить ваш брак! А какой-нибудь обряд все же должен быть совершен над вами, чтобы дать удовлетворение совести отца; поэтому, если вы согласны, я сейчас же повенчаю вас по-своему; если нет, то я возьму с собой свою дочь и уйду вместе с ней!

«Я согласен» — отозвался отец.

«Так возьмитесь за руки, и вы, Кранц, клянитесь!»

«Клянусь!» — сказал отец.

«Клянусь всеми духами этих гор.»

«Почему же не небом?» — прервал его мой отец, удивленный такой необычайной формулой.

«Не все ли вам равно, Кранц, если я предпочитаю такую, быть может, в вашем представлении даже менее связующую клятву? Если такова моя фантазия, то уж, наверное, вы не станете перечить мне в этом!»

«Ну, пусть так, — сказал отец, — если вы непременно хотите заставить меня клясться тем, во что я не верую!»

«А как часто так называемые христиане клянутся тем, во что они не верят! — воскликнул охотник Вильфред. — Впрочем, как хотите, я могу взять свою дочь с собой!»

«Нет, продолжайте!» — с досадой крикнул отец.

«Клянусь всеми духами этих гор и всею их властью в добре и зле, на благо и на беду человека, что беру Христину себе в жены; что буду всегда охранять, беречь и любить ее, и что рука моя никогда не подымется на нее; и если я нарушу эту клятву, пусть месть этих духов падет на мою голову и головы моих детей, и пусть они погибнут от волков, коршунов или других лесных зверей, чтобы тело их было разорвано на части, и оглоданные кости белели в лесу, всем этим я клянусь!»

Отец колебался, прежде чем произнести заклинание на своих детей, а маленькая Марчелла, слыша эти ужасные слова, вдруг разразилась громким плачем. Это, видимо, смутило всех, особенно отца, который грубо прикрикнул на девочку, после чего та поспешила спрятать свою голову в подушки и заглушить в них свои рыдания.

Таков был второй брак моего отца, а поутру охотник Вильфред сел на своего коня и уехал неизвестно куда. С этого времени отец с мачехой стали спать в одной комнате с нами, и все осталось приблизительно по-прежнему, только мачеха теперь уже больше не ласкала нас, а даже нередко била, в отсутствие отца, особенно маленькую Марчеллу.

Однажды ночью сестренка наша разбудила нас с братом и чуть слышно шепнула: «Она вышла из дома за дверь в одной сорочке; я видела, как она осторожно вылезла из кровати, внимательно смотрела некоторое время на отца, чтобы убедиться, что он спит, затем вышла за порог дома!». Что могло заставить ее в такой мороз выйти в одной сорочке за порог, когда на дворе был снег по колена? Спустя час мы услышали вой волка под самым нашим окном.

«Это волк! — воскликнул брат. — Он ее разорвет на части!»

«О, нет! Он ничего ей не сделает!» — сказала Марчелла.

И действительно, спустя несколько минут наша мачеха воротилась, заперла дверь на засов, осторожно и неслышно, затем подошла к ведру с водой и умыла себе лицо и руки, после чего осторожно юркнула в постель.

Все это показалось нам стать страшным, что мы решили на следующий день не спать и следить за ней. И что же, не только в последующую ночь, но и почти каждую ночь она вставала с постели и в одном ночном белье выходила за дверь, а после ее ухода мы каждый раз слышали вой волка под окном, и каждый раз, вернувшись в избушку, она умывалась, прежде чем лечь в постель. Кроме того, наблюдая за нею и в течение дня, мы заметили, что она почти никогда не садилась к столу, когда мы с отцом обедали или ужинали, а в тех случаях, когда это делала по настоянию отца, то делала это с видимым отвращением, как будто вся приготовленная ею самой пища была ей противна; а с другой стороны, мы не раз ловили ее на том, что, беря мясо, чтобы приготовить похлебку или жаркое, она торопливо отрезала от него порядочный кусок и тайком от нас съедала его сырым.

Брат мой был смелый и решительный мальчик и потому не хотел ничего говорить отцу, прежде чем не узнает наверное, в чем дело. С этою целью он вздумал последовать за ней и своими глазами убедиться, что она делает на дворе по ночам. Мы с Марчеллой старались отговорить его, но он не поддавался нашим увещаниям и в

следующую ночь лег не раздеваясь, а как только мачеха вышла за дверь, схватил ружье отца и вышел за ней следом.

Спустя несколько минут мы услышали выстрел; удивляюсь, как он не разбудил нашего отца. Мы дрожали всем телом; минуту спустя вернулась мачеха; рубашка на ней была вся в крови, я поспешил зажать Марчелле рот рукой, чтобы она не вскрикнула. Мачеха подошла к отцу, вгляделась в его лицо, чтобы убедиться, что он не проснулся, затем подошла к очагу и стала раздувать уголья в золе, пока они не разгорелись ярким пламенем.

«Кто здесь?» — вдруг окликнул отец, проснувшись.

«Спи спокойно, дорогой мой! — ответила мачеха. — Это я почувствовала себя не совсем здоровой и раздула огонь, чтобы нагреть немного воды.»

Отец перевернулся на другой бок и опять заснул, но мы продолжали следить за мачехой: мы видели, как она сменила белье, а то, что было на ней, бросила в огонь; при этом заметили, что ее правая нога была как будто прострелена, и из раны обильно сочится кровь. Мы видели, как она искусно перевязала рану и, переменив себе белье, оделась и осталась сидеть у огня до самого рассвета.

Марчелла и я оба дрожали, как осиновые листы. Где наш брат? Каким образом получила мачеха эту рану, если не от выстрела брата? Наконец, встал отец, и тогда я обратился к нему с вопросом: «Где наш брат Цезарь?».

«Цезарь? Как где? Да где же ему быть?»

«Боже милосердый! — воскликнула мачеха. — То-то мне казалось, что ночью кто-то отворял дверь, а где твое ружье, супруг мой?»

Отец взглянул на гвоздь, где всегда вешал ружье, и увидел, что его нет. С минуту он стоял в недоумении, затем схватил топор и, не сказав ни слова, выбежал за дверь.

Вскоре он вернулся, неся на руках обезображенный труп нашего Цезаря; он положил его бережно на пол и в немой скорби закрыл лицо руками. Мачеха привстала и взглянула на тело, мы же с Марчеллой кинулись на пол подле него и долго горько плакали.

«Ложитесь сейчас в кровать, дети, — приказала мачеха. — Сын твой, вероятно, взял ружье и вышел с намерением застрелить волка, но волк оказался слишком силен для него, и он, бедняга, жестоко поплатился за свою поспешность!»

Отец ничего не сказал. Я хотел ему сказать все, как было, но Марчелла, угадав мое намерение, схватила меня за руки и умоляющим взглядом просила меня этого не делать!

Так отец и не узнал ничего; но мы с Марчеллой были убеждены, что мачеха была непременно причастна к смерти нашего брата.

Отец вырыл глубокую могилу, куда опустил тело брата и завалил ее тяжелыми камнями, чтобы волки не могли разрыть могилы. Смерть брата жестоко сразила отца; несколько дней кряду он не выходил из дома и все сидел, не подымая головы, в углу, проклиная волков и их отродье.

Между тем мачеха продолжала по ночам выходить за дверь, но отец ничего не слышал и не замечал.

Наконец он опять взял ружье и отправился в лес, но скоро вернулся, расстроенный и удрученный.

«Поверишь ли, Христина, эти проклятые волки все-таки вырыли тело моего бедного мальчика и сожрали его так, что теперь от него остались одни только кости!» — сказал он жене.

«В самом деле?» — отозвалась мачеха.

Но Марчелла при этом взглянула на меня так, что я сразу понял, что у нее просилось на язык.

«Отец, у нас под окном каждую ночь воет волк!» — сказал я.

«Отчего же ты не сказал мне, мальчуган? Следующий раз разбуди меня, как только услышишь».

При этом мачеха отвернулась, но я успел заметить, что глаза ее сверкнули недобрым огнем, и она злобно заскрипела зубами.

Отец же снова вышел, снова закопал последние останки нашего братца и снова завалил могилу громадной грудой камней.

Между тем подошла весна; снег стаял, и нам позволено было уходить из дома и бродить по лесу. Я ни на минуту не отходил от своей сестренки, боясь оставить ее с мачехой, которая, по-видимому, находила особое удовольствие обижать и мучить девочку. Отец работал теперь на поле и я помогал ему, а Марчелла сидела тут же где-нибудь подле нас в то время, как мачеха одна управлялась в доме. Надо сказать, что с наступлением весны мачеха стала все реже и реже уходить по ночам, а затем и вовсе перестала, и с тех пор, как я сказал отцу о волке, волк ни разу более не выл у нас под окном. Однажды, когда оба мы с отцом работали на поле, а Марчелла была тут же подле

нас, пришла мачеха и сказала, что ей надо идти в лес собирать сучья, а Марчелла должна пойти в дом присмотреть за обедом, который уже готовится на огне. Марчелла пошла в дом, а мачеха в лес.

Прошло около часа времени, как вдруг мы услышали страшные крики; я бросил свой заступ и со всех ног кинулся к хижине. Отец бежал следом за мной, но не успели мы добежать до дверей, как из них стремительно выскочил громадный седой волк и мгновенно скрылся в чаще леса. У нас не было никакого оружия при себе, и потому мы прежде всего бросились в хижину, где увидели на полу истекающую кровью, умирающую Марчеллу; она успела только одну секунду ласково взглянуть на нас, когда мы оба, стоя на коленях, в безумном ужасе и отчаянии склонились над ней, затем чудные глаза се сомкнулись навеки.

В этот момент вернулась и мачеха; она отнеслась сочувственно к случившемуся несчастью, но, по-видимому, вид крови и ужасное зрелище растерзанного волком тела девочки не вызывали в ней ни страха, ни ужаса, как у других женщин.

Я думал, что отец никогда не оправится после этого второго страшного удара; он страшно убивался над трупом несчастной девочки и долгое время не хотел предавать ее земле, несмотря на настоятельные просьбы мачехи. Наконец, он решился и схоронил маленькую Марчеллу подле нашего братца, погибшего такой же ужасной смертью. На этот раз отец сделал все, чтобы волки не могли разрыть ее могилы.

Я не мог отделаться от мысли, что и в смерти Марчеллы точно так же, как и в смерти брата, была повинна моя мачеха, по, конечно, не мог сказать, как все это было. Но я был настолько уверен, что сердце мое преисполнилось ненавистью и жаждой мести по отношению к этой женщине. На другую ночь после того, как отец схоронил Марчеллу, я увидел, что мачеха моя опять встала и вышла за дверь. Я тотчас же оделся и, приотворив дверь, стал смотреть в щель. Луна светила ярко, и я мог видеть то место, где были схоронены друг подле друга мой брат и сестра. Каков же был мой ужас и отвращение, когда я вдруг увидел свою мачеху, поспешно сбрасывающую тяжелые камни, которыми отец завалил могилу сестренки, и роющую руками землю, чтобы разрыть могилу!

Она была в белой ночной сорочке, и свет месяца падал прямо на нее. Я не сразу пришел в себя и не сразу сообразил, что мне следует делать; затем я увидел, что она уже отрыла самый труп; тогда я бросился к отцу и разбудил его.

«Вставай, отец, и бери свое ружье!» — крикнул я ему.

«Что? Волки? Опять эти проклятые волки!» — и он разом соскочил с постели, оделся в одну минуту и с ружьем в руке побежал к двери.

Можно себе представить его ужас, его отвращение, когда он увидел у раскрытой могилы дочери не волка, а свою собственную жену, в ночной сорочке, которая отрывала от трупа ребенка громадные куски мяса и с жадностью пожирала их. Она была до того поглощена своим делом, что не слышала нашего приближения. Отец остановился, как громом пораженный, и выронил ружье из руки. Дыхание его то порывисто вырывалось из груди, то совсем замирало; я подобрал ружье и вложил его ему в руку. Вдруг он вскипел злобой, проворно вскинул ружье и выстрелил. С громким криком несчастная рухнула лицом вниз; одновременно с ней отец всплеснул руками и упал, как подкошенный, лишившись чувств.

Я остался подле него, пока он не пришел в себя. Когда он поднялся на ноги, мы вместе подошли к могиле, но здесь вместо трупа мачехи, увидели убитую белую волчицу.

«Белый волк! — воскликнул отец. — Тот самый, что завел меня тогда на поляну! О, теперь я все понимаю!.. Я связался с нечистью Гарцких гор!»

Затем он долго стоял в глубокой задумчивости и молчании, потом бережно приподнял тело бедной девочки, положил его обратно в могилу и стал зарывать, предварительно пнув гневно каблуком голову убитого животного. Покончив с этим делом, он вернулся в хижину, запер за собой дверь и кинулся на постель лицом вниз.

Рано поутру мы оба были разбужены громким стуком в дверь.

«Где моя дочь? — крикнул ворвавшийся охотник Вильфред. — Слышишь ли, я тебя спрашиваю, где моя дочь?»

«Вероятно там, где таким, как она, и нужно быть — в аду! — отвечал отец. — Уходи вон отсюда, не то и тебе будет то же!»

— Ха! Ха! — засмеялся дьявольским смехом охотник. — Уж не собираешься ли ты, жалкий смертный, угрожать мне, могучему духу гор!

«Прочь отсюда, сатана! Я не боюсь ни тебя, ни твоей дьявольской силы!»

«Но ты испытаешь ее на себе; вспомни только свою клятву — никогда не подымать руки на нее!»

«На женщину — да, но не на оборотня! С нечистью я никогда не заключал договора».

«Ты его заключал, и ты нарушил его, и духи гор отомстят тебе, и дети твои погибнут от коршуна, волка и других зверей лестных… Ха! Ха!..»

«Вон отсюда! — закричал отец и, обезумев от бешенства, схватил топор и занес его над головой охотника Вильфреда. Но топор, пройдя через все это тело, как бы рассек воздух, и отец, потеряв равновесие, грузно упал на порог хижины, тогда как Вильфред стоял цел и невредим».

«Глупый смертный, для тебя было бы благом, если бы я захотел убить тебя! Но твое наказание в том, что ты будешь жить!» — с этими словами дух исчез.

Мой отец поднялся на ноги, нежно обнял меня, и мы оба опустились на колени и долго молились.

На следующее утро мы забрали самые необходимые свои пожитки и навсегда покинули свою хижину.

Мы направились с ним в Голландию, куда и прибыли без всяких злоключений. У отца были кое-какие сбережения, но мы едва успели прибыть в Амстердам, как отец заболел и вскоре умер. Меня добрые люди поместили сперва в приют, затем стали посылать в школу и, наконец, сдали юнгой на корабль. Теперь вы знаете всю мою историю, и теперь остается только узнать, придется ли и мне расплачиваться за клятву, данную моим отцом… мне думается, да! — закончил Кранц свою повесть.

На двадцать второй день плавания наши друзья увидели высокий южный берег Суматры, но так как не было судов в виду, то они решили дойти проливом до Пуло-Пенанга, до которого они рассчитывали добраться дней через шесть-семь. Все шло благополучно; только с того времени, как Кранц поверил Филиппу печальную историю его семьи, как будто какое-то облако печали легло на него; он стал молчалив и несообщителен.

— Здоровы ли вы, Кранц? — встревожился Филипп.

— Я здоров и телом, и душой, но меня томит тяжелое предчувствие, что мне уже не долго быть с вами. И вот я хочу просить вас взять все золото, какое я имею при себе, и спрятать его в ваш пояс, мне оно не понадобится, а вам может пригодиться! Мне смерть не страшна, я достаточно пожил…

Филипп стал было успокаивать его, но безуспешно; он принужден был взять деньги.

В это время, держась близко к берегу, они вскоре увидели довольно широкий поток, каскадом падавший с гор и бегущий в море через высокие джунгли.

Наши приятели вошли в устье этого потока и постарались продвинуться как можно дальше, полагая, что там вода будет чище и вкуснее. Вскоре кувшины их были наполнены свежей водой и, прельстившись свежестью воды, они вздумали выкупаться. Скинув свои мусульманские одежды, они погрузились в воды потока, испытывая при этом удивительное наслаждение. Кранц вышел первый из воды. Филипп тоже готовился последовать его примеру, но еще стоял в воде. Вдруг что-то со свистом пронеслось сквозь джунгли, и сильный толчок сшиб его с ног. В этот момент раздался страшный крик, и когда Филипп поднялся, то увидел, что огромный тигр с невероятной быстротой уносил Кранца в джунгли. Филипп не верил своим глазам, но минуту спустя и тигр, и Кранц скрылись из виду.

— Боже милостивый! Ах, Кранц, как справедливо было твое предчувствие! — и Филипп разразился громким рыданьем, пряча лицо в коленях.

Больше часа просидел он на этом самом месте, оплакивая страшную гибель своего друга.

Тем временем стали спускаться тени ночи, и тихий, подавленный рев просыпающихся свирепых обитателей джунглей заставил Филиппа вспомнить о подстерегающей его здесь опасности. Он вдруг вспомнил Амину и, проворно связав в узел платье Кранца и рассыпанные дублоны, с великим усилием оттолкнул пероку от берега и поспешил поднять парус и выйти в море. На душе у него было тяжело, тоскливо, но надо было продолжать свой путь.

Семь дней спустя Филипп прибыл, наконец, в Пуло-Пенанг, где застал судно, отправляющееся в Гоа. Это был бриг под португальским флагом; но на нем было всего только двое португальцев, весь же

остальной экипаж состоял сплошь из туземцев. Выдав себя за англичанина, находящегося на португальской службе и потерпевшего крушение, он был принят на бриг и несколько дней спустя пустился в путь.

Через шесть недель бриг бросил якорь в рейде Гоа, а на другой день они вошли в устье реки. Капитан указал Филиппу, где он может остановиться на первое время. Последовав его совету, Филипп тотчас же стал расспрашивать об Амине, справляясь о ней, как о молодой женщине, прибывшей сюда несколько месяцев тому назад, но никаких сведений о ней ему не удалось получить.

— Синьор, завтра здесь происходит громадное торжество auto-dea-fe, и потому вы теперь ничего не узнаете, а после я сам помогу вам в ваших поисках.

Филипп отправился бродить по городу, купил себе европейское платье, взамен своего восточного, сбрил бороду и остриг волосы и все время глядел по сторонам, надеясь случайно увидеть где-нибудь в окне свою Амину. На повороте одной из улиц ему показалось, что он встретил патера Матиаса; он поспешил подойти к нему; но монах низко опустил на лицо свой капюшон, и когда Филипп назвал его по имени, быстро прошел мимо, не откликнувшись.

«Вероятно, ошибся, — подумал Филипп, — но я был почти уверен, что это он!».

Но Филипп не ошибся: это был действительно патер Матиас, который поспешил укрыться от него, не желая быть узнанным.

Уже почти стемнело, когда Филипп вернулся в сбою гостиницу. Здесь собралось очень много народа, так как население всех окрестностей стекалось в Гоа, чтобы присутствовать на великом торжестве веры, предстоящем аутодафэ.

«Я также увижу эту грандиозную процессию, — решил Филипп, ложась в постель, — это хоть сколько-нибудь отвлечет мои мысли, а знает один Бог, как горестны эти мои мысли в последнее время. Ах, Амина, если бы ты была подле меня, ты сумела бы меня успокоить и утешить! Да сохранят тебя ангелы Божий!»

ГЛАВА XL

Хотя на следующий день должна была окончиться краткая жизнь Амины со всеми ее горестями и радостями, мучениями и надеждами, тревогами и ожиданиями, тем не менее она крепко спала всю ночь и только тогда проснулась, когда ее разбудил старший тюремщик, вошедший в ее камеру со свечой в руке. Амина вскочила и удивленно взглянула на него: она только что видела во сне своего мужа, была радостна и счастлива, — и вдруг перед ней страшная действительность. Тюремщик принес ей черную одежду с белыми нашивками, род монашеского одеяния, и потребовал, чтобы она облачилась в нее. Он зажег у ней лампу и затем оставил ее одну. Амина оделась и снова легла на постель в надежде продолжить свой сон, но это ей не удалось. Через два часа снова явился тюремщик и пригласил ее следовать за собой. Одно из ужаснейших правил и обычаев инквизиции — то, что обвиняемые, признают она свою вину или не признают, по прочтении им обвинительного акта отводятся обратно в свою тюрьму и остаются в полнейшем неведении ожидающей их участи, а когда их вновь призывают в утро казни, они также не знают, что их ожидает.

В этот день все содержавшиеся в тюрьмах инквизиции вводятся своими тюремщиками в большую мрачную залу, где они застают своих собратьев по тюрьмам.

На этот раз в большой полутемной зале собралось до двухсот человек, выстроившихся вдоль стены, все одетые, как один, в черную саржу с белыми нашивками. У всех были до того застывшие, испуганные лица, что если бы не движения их глаз, следивших за тюремщиками, когда те проходили взад и вперед мимо них, можно было принять из за каменные изваяния: до того они были неподвижны и как бы застыли в своих позах. Все они испытывали муку томительной неизвестности, которая хуже и мучительнее самой смерти.

Спустя некоторое время каждому из них вложили в руку по большой восковой свече длиною около пяти футов, после чего одним приказали надеть поверх своих черных одежд «санбенитосы», другим

«самариасы». Те, кого облачили в эти одеяния с изображенными на них языками пламени, считали себя погибшими. Надо было видеть, с какой невыразимой душевной мукой смотрели глаза всех этих несчастных, когда служители внесли в зал эти тяжелые мрачные одежды одну за другой, как на лбу у них выступали тяжелые капли пота, когда они с мучительной тревогой ждали, кому из них подадут эту роковую одежду.

Между тем собравшиеся здесь люди были не те, которые были обречены на смерть. Тем из них, на которых были надеты санбенитосы, предстояло участвовать в процессии и быть подвергнутыми лишь легким наказаниям; те же, которые получали самариас, являлись осужденными на смерть, но помилованными инквизицией за чистосердечное признание и покаяние в соделанном преступлении. Пламенные языки, изображенные на их одеждах, были, так сказать, отложены, отменены для них и означали, что они не будут преданы пламени. Но несчастные не знали этого и испытывали все муки обреченных на смерть, и все ужасы смерти на костре отражались на их измученных лицах.

Другой подобный же зал был отведен для обвиняемых женщин; они подвергались всем тем мучительным обрядам и церемониям, как и мужчины, и переживали те же страшные моменты, как и последние.

Кроме этих двух больших зал, была еще и третья, меньших размеров, предназначавшаяся для тех, кто был обречен на смерть на костре. В эту последнюю залу ввели и Амину; кроме нее здесь было еще семь человек, одетых точно так же, как и она; только двое из них были европейцы, остальные были негры-невольники. Подле каждого из них стоял его духовник, и несчастный с сосредоточенным видом слушал его поучения или делал вид, что слушает их. К Амине тоже подошел монах, но она движением руки отстранила его от себя. Он с недоумением взглянул на нес, затем плюнул на пол и кинул ей проклятие. В этот момент в залу вошел старший из тюремщиков с одеяниями для осужденных. Это были те же самариас, но с некоторым отличием от тех, о которых мы говорили раньше; отличие заключалось в том, что изображенные на них языки пламени были представлены восходящими снизу вверх, тогда как у первых, наоборот, сверху bhvi3. Это были просторные серые балахоны; на подоле и спереди, и сзади было изображение лица и головы осужденного, лежащей на горящем

костре, окруженное пляшущими и кривляющимися демонами и языками пламени, а под этим изображением была надпись, гласившая о преступлениях осужденного, за которое данный человек должен был принять наказание. Кроме этих страшных серых балахонов, от одного вида которых становилось жутко на душе, на осужденных надели островерхие колпаки с изображенными на них пламенными языками и вложили им в руки восковые свечи.

Амина, равно как и все остальные осужденные, облаченные в эти странные одеяния и выстроенные в ряд вдоль стены, оставались в этой зале в течение нескольких часов, в ожидании, пока настанет время, назначенное для начала процессии. Всех их тюремщики подняли в этот день с двух часов утра.

Солнце взошло яркое, ясное, к великой радости членов инквизиции, так как они не желали, чтобы день, когда они решили отомстить за все обиды, нанесенные Св. церкви, был омрачен туманной или дождливой погодой, могущей умалить радостность торжества.

И Боже правый, этому радовались не одни только члены Св. инквизиции, а и многие тысячи людей, собравшихся сюда, чтобы присутствовать при церемонии! Уже с раннего утра улицы и скверы, по которым должна была проследовать процессия, были запружены благочестивыми зрителями. Шелка и ковры, золотая и серебряная парча украшали окна и балконы домов, как в дни великих праздненств и торжеств. Каждое окно, каждый балкон на пути процессии были переполнены любопытными, нарядными дамами и кавалерами в праздничных, ярких нарядах, сгорающих от нетерпения увидеть этот последний парад несчастных перед их мученической кончиной. Дело в том, что люди любят зрелища, любят все возбуждающее, а что может быть более возбуждающим для людей суеверных, чем это ужасное зрелище auto-dafe?!

Когда солнце взошло и тяжелый колокол соборной церкви медленно и протяжно загудел над городом, всех содержавшихся в тюрьмах инквизиции построили в порядке и повели на площадь.

Прежде всего была поднята хоругвь Доминиканского ордена, так как доминиканцы были основателями учреждения Св. инквизиции, и за этим орденом осталось обязательное право избирать великого инквизитора из своей среды и присвоить Св. инквизиции свою

хоругвь. За хоругвью доминиканского ордена выстраивались монахи-доминиканцы по два в ряд. Девиз их знамени гласил «Iustitia и Misericordia», т. е. «справедливость и милосердие», — и это было девизом инквизиции!

За доминиканцами следовали обвиняемые, каждый в сопровождении своего крестного отца, всего числом около трехсот человек, все с зажженными восковыми свечами в руках, босые и с обнаженными головами. Те, чьи преступления признаны наиболее крупными, шли впереди других. Все эти несчастные были одеты в черные одежды с белыми нашивками; за ними следовали те, что были накрыты сверх черных одежд санбенитосами и, наконец, те, на которых были надеты самариасы с опрокинутыми пламенными языками. Здесь был перерыв процессии, так как за последними подсудимыми несли огромный крест с изображением распятого на нем Христа и с склоненной вперед головой. Это должно было выражать, что все, кто шли впереди распятия, и на которых распятый Христос как бы взирал с высоты своего креста, не должны были быть подвергнуты мукам и смерти, а те, которые следовали позади креста и к которым Распятый был обращен спиной, были, так сказать, отринуты им и обречены на погибель в сей жизни и в будущей.

Позади распятия шли семеро осужденных и, как величайшая из преступниц, Амина замыкала шествие. Но ею не заканчивалась процессия: позади ее было еще пять изображений, которые сопровождали гроб, где лежал скелет. Это были изображения на высоких шестах, одетые в такое же одеяние, как и осужденные, изукрашенные изображениями костров, пламени и чертей, и позади каждого из этих изображений или кукол несли гроб, в котором лежал скелет. Это было изображение тех осужденных, которые умерли в казематах инквизиционной тюрьмы или испустили дух под пыткой, и которые после своей смерти были подвергнуты испытанию, затем приговорены к смерти на костре. Скелеты их были теперь вырыты из земли и должны были подвергнуться той же казни, как и остальные осужденные, совершенно так же, как если бы они были живые существа. Их изображения будут привязаны к столбу на костре, кости их будут сожжены вместе с их изображениями.

За гробами следовали члены инквизиции, фамилиарии ее, монахи, духовенство и стони кающихся в черных одеждах и надвинутых на

лицо черных капюшонах, скрывавших их лица, с зажженными восковыми свечами в руках.

Прошло более двух часов, прежде чем эта процессия, пропарадировавшая по всем главным улицам города, достигла, наконец, соборной площади. В соборе должны были быть совершены дальнейшие обряды установленной церемонии «торжества св. католической церкви».

Босые осужденные к этому времени едва могли ступать по раскаленному мелкому щебню, которым были усыпаны улицы и площади города; этот щебень с острыми режущими краями до того изранил их ноги, что когда они ступали по мраморным ступеням, ведущим в собор, то оставляли на них кровавый след.

Главный алтарь собора был завешен в этот день черным сукном и освещен сотнями громадных восковых свечей. По одну сторону алтаря возвышалось кресло великого инквизитора, по другую, на таком же возвышении, было приготовлено место для вице-короля Гоа и его свиты. Посредине были расставлены деревянные скамьи для обвиняемых и осужденных и неразлучных с ними крестных отцов. Остальные участники процессии, монахи и кающиеся, размещались по боковым приделам и на время смешивались с толпой. Когда обвиняемые и осужденные вступили в собор, их разместили на скамьях, соответственно степени их греховности и вины, так что менее греховные и менее виновные заняли скамьи ближайшие к алтарю, а обреченные на смерть на костре — в самом дальнем конце церкви. Истекающая кровью Амина опустилась на свое место в самом дальнем углу собора и страстно ждала момента, который вырвет се, наконец, из этого христианского мира. Она вовсе не думала ни о себе, ни о той страшной муке, которая ожидала ее; она думала только о Филиппе и о том, что он живи в безопасности, и что ему ничем не могут угрозить эти жестокие, беспощадные люди; она была счастлива, что умрет раньше его и встретит его там, в загробном мире. Между тем церемония продолжалась. Один доминиканский монах произнес длинную проповедь, в которой восхвалял милосердие и отеческую любовь инквизиции к чадам церкви, сравнивал ее с ковчегом Ноевым, который принял в себя всех зверей и животных чистых и нечистых и сохранил им жизнь, а по окончании потопа все эти животные вышли из ковчега и населили землю, но они вышли из ковчега такими же,

какими вошли, тогда как те, кто пробыл известное время в инквизиции, войдя в нее с сердцами волчьими, выходят из нее кроткими, как агнцы.

После него вошел на амвон официальный обвинитель инквизиции и прочел во всеуслышание вес преступления, в которых обвинялись осужденные, и наказание, к которому они были присуждены. Каждый из осужденных или подсудимых подводился служителями инквизиции к аналою, на котором обвинитель читал его приговор, и должен был выслушать его, стоя с зажженной свечой в руке. Как только приговоры всех тех, кто не должен был быть лишен жизни, были прочтены, великий инквизитор облачился в свои священнические одежды и совместно с несколькими другими священнослужителями совершил над ними обряд снятия с них отлучения от церкви, которому они якобы были подвергнуты во время всего следствия и суда, затем окропил каждого святой водой.

Когда этот обряд был окончен, приступили к чтению обвинений и приговоров тех, которые были обречены на смерть, в том числе и тех, что успели умереть раньше приговора, и изображения которых выносили перед обвинителем; им читали вины и объявляли приговор Св. инквизиции неизменно в одних и тех же выражениях, а именно: что Св. инквизиция признала невозможным вследствие их упорного жестокосердия и многосложности их преступлений по отношению к Св. церкви, помиловать их, как она это сделала по отношению к другим обвиняемым, и с великим душевным прискорбием предать этих нераскаянных грешников в руки светской власти, чтобы та подвергла их установленному законом наказанию; но при этом Св. инквизиция молит властей выказать несчастным заблудшим овцам стада Христова всякое милосердие и снисхождение и в случае, если им суждено принять смерть за свои вины, то пусть при этом не будет пролито крови. Что за злая насмешка, какое издевательство в этом последнем увещании — не проливать крови, ради чего мгновенную казнь через секиру палача эти люди придумали заменить мучительной смертью на костре!

Последней из всех была выведена на средину собора перед обвинителем Амина. И когда этот обвинитель громко воскликнул: «Вы, Амина Вандердеккен, обвиняетесь… «, в толпе за колоннами произошел страшный шум, борьба и смятение; служители инквизиции

подняли свои секиры вверх, чтобы водворить порядок, но это не помогло; шум в толпе только увеличивался и, начавшись в задних рядах, теперь заметно приближался к тому месту, где стоял обвинитель перед своим аналоем и обвиняемая с сопровождавшим ее крестным отцом.

— Вы, Амина Вандердеккен, — снова возгласил обвинитель еще громче, стараясь своим голосов покрыть шум толпы, — вы обвиняетесь…

Но в этот момент на средину собора прорвался из толпы разгоряченный, взволнованный, почти обезумевший молодой человек и, порывистым движением обхватив осужденную, заключил ее в свои объятия, страстно прижимая ее к своей груди.

— Филипп! Филипп! — радостно воскликнула Амина, склонив голову к нему на плечо, причем колпак, украшенный языками пламени, скатился у нее с головы и покатился по каменному полу собора.

— Амина моя! Жена моя! Ненаглядная, обожаемая моя Амина! Так-то привел нам Бог встретиться с тобой! Клянусь вам, государи мои, она невинна! — обратился он в сторону великого инквизитора. — Отступите от нее, стражи, тюремщики! Прочь, говорю вам! — крикнул он людям, старавшимся вырвать Амину из его объятий и разлучить их. — Прочь! Или вы поплатитесь за это своей жизни!

Но подобная угроза служителям и чинам инквизиции, подобное нарушение благочиния в храме не могли быть терпимы ни в коем случае. Присутствующие в соборе пришли в глубокое негодование; торжественность церемонии была нарушена.

Амина, которую держали двое фамилиариев инквизиции, все рвалась к мужу и кричала. Наконец, Филиппу удалось-таки вырваться из рук державших его людей, нечеловеческим усилием он стряхнул их всех с себя разом; но едва только вырвался из их рук, как упал, словно подкошенный, на каменные плиты церкви к самым ногам Амины; кровь хлынула у него из горла, и он остался недвижим, как мертвый.

— О, Боже мой! Боже мой! Они убили его! Чудовища! Изверги! Убийцы! — кричала Амина. — Пустите меня, дайте мне еще раз обнять и поцеловать его!

В этот момент выступил вперед скромного вида патер; это был патер Матиас; лицо его было скорбно и выражало самую непритворную душевную муку. Он попросил стоявших поблизости

вынести Филиппа Вандердеккена, которого в бесчувственном состоянии подняли на руки и понесли.

Амине прочли приговор, но она не слышала его; все у нее мутилось в голове, так что она не сознавала ничего, что происходило кругом нее; ее отвели обратно на ее место; и тут только силы и мужество изменили ей, и она принялась громко, неудержно рыдать; никакие уговоры, никакие угрозы не могли заставить ее замолчать или хотя бы только утихнуть.

Наконец, церемония кончилась; все из собора стали расходиться; оставалось еще только последнее и самое страшное действие этой тяжелой драмы. Те обвиняемые, которые не должны были умереть, были отведены теперь обратно в тюрьмы инквизиции, а приговоренные к смерти должны были идти на площадь, расположенную на берегу реки, и принять там свою мученическую смерть.

Это была обширная площадь по левую сторону таможенного здания; здесь, как и в соборе, были приготовлены на высоких помостах два высоких трона: один для великого инквизитора, другой для вице-короля; последний в полном параде и со всею своею свитою шествовал во главе процессии, которую сопровождала несметная толпа народа. Тринадцать костров было приготовлено на площади, восемь для живых и пять для мертвых. Палачи были уже на своих местах: они или сидели на краю костра, или стояли подле в ожидании своих жертв. Амина не в состоянии была идти: сперва ее поддерживали фамилиарии, а потом подняли на руки и на руках донесли до предназначенного для нее костра. Когда ее поставили на ноги перед костром, к ней как будто снова вернулось все ее мужество и вся ее гордость; она смело и не задумываясь без посторонней помощи взошла на костер, скрестила на груди руки и прислонилась к столбу, к которому она должна была быть привязана. Теперь палачи по знаку великого инквизитора приступили к исполнению своих обязанностей. Тяжелыми цепями привязал палач хрупкое тело Амины к позорному столбу, обложил ее кругом мелкими сухими прутьями и ждал сигнала зажечь костер. Другие палачи проделали то же самое по отношению к своим жертвам. Подле каждого из осужденных стоял его духовник; Амина же с негодованием и презрением отгоняла каждого патера,

который хотел подойти к ней. Но вот патер Матиас, задыхаясь, едва держась на ногах, прорвался сквозь толпу.

— Амина Вандердеккен! Несчастная женщина! Если бы ты послушалась моего совета, этого бы не случилось. А теперь уже поздно; поздно спасти твою жизнь, но не поздно еще спасти твою душу! Брось свое упрямство и смягчи свое жесткое сердце. Воззови к Милосердому Спасителю, чтобы он принял дух твой… Покайся перед Ним в грехах твоих! Еще не поздно! Амина! — продолжал старик, заливаясь слезами. — Умоляю тебя! Заклинаю тебя всем святым, сними хоть эту тяжесть с моей души, примирись с Богом перед смертью!

— Ты говоришь «несчастная женщина»! — сказала Амина. — А я скажу «несчастный старик»! Страдания и муки Амины скоро окончатся, а ты еще долго будешь терпеть все муки ада! Несчастный был тот день, когда мой Филипп спас тебя от смерти; несчастная была та мысль и то чувство, которые подсказали ему оказать тебе поддержку и гостеприимство в нашем доме! Несчастной была та минута, когда я впервые увидела тебя! Пусть твоя совесть судит тебя! И я говорю вам, что не променяю эту ужасную смерть на те муки, какие испытаете вы в этой жизни и в будущей. Оставьте меня! Я умираю в вере своих отцов и отвергаю веру, которая допускает деяния, подобные этим!

— Амина Вандердеккен! — воскликнул обезумевший от горя старик, упав перед ней на колени и ломая в отчаянии руки.

— Оставьте меня, патер Матиас!

— Ведь остается еще всего одна минута. Именем Господа прошу!.. Воззови к Нему, к его неизреченной милости…

— Оставьте меня, я вам сказала: эта последняя минута по праву принадлежит мне!

Несчастный старик отвернулся, и горькие слезы продолжали бежать по его бледным впалым щекам; он был действительно глубоко несчастен.

Старший палач стал теперь опрашивать духовников, в мире ли с Богом умирает осужденный, и если духовник давал утвердительный ответ, то вокруг шеи осужденного и столба, к которому он был привязан цепями, палач пропускал веревку, и несчастный был придушен прежде, чем пламя успевало коснуться его. На этот раз все осужденные получили это снисхождение, кроме Амины.

Когда главный палач обратился с обычным вопросом к патеру Матиасу, тот ничего не ответил, только покачал головой.

Палач отвернулся. Минуту спустя патер Матиас разыскал его и, незаметно дернув за рукав, прошептал, запинаясь, дрожащим от слез голосом: «не дайте ей мучиться долго!». Палач утвердительно кивнул головой и отошел в сторону.

Великий инквизитор подал знак, и костры зажгли все одновременно. По просьбе старого патера палач Амины подкинул несколько охапок мокрой соломы на ее костер; от соломы пошел густой удушливый дым, в котором она одурманилась и задохлась прежде, чем пламя успело коснуться ее.

— Мать моя! Мать моя! Иду к тебе! — воскликнула Амина, и это были ее последние слова.

Вскоре пламя высоко взвилось над кострами; ветер с реки раздувал его все сильней и сильней, но затем пламя стало ослабевать, и, наконец, от костров остались лишь груды горящих углей и остатки человеческих скелетов, прикованных цепями, — это было все, что осталось от сильной духом и прекрасной телом Амины.

ГЛАВА XLI

Прошло много лет с того времени, как Амина умерла такой ужасной смертью. А Филипп, где он был все эти годы? Что делал? Он был помешанным, одно время буйным и неукротимым, а затем тихим, унылым и безобидным; временами к нему как будто возвращался рассудок, как иногда в туманный и дождливый день проглядывает солнце, но затем снова воцаряется мрак.

Долгие годы безотлучно находился при нем человек, ухаживавший за ним, как любящая мать, и жил только одной надеждой, что к больному снова вернется рассудок. Он ждал этого с тревогой и надеждой, проводя свои дни в горе и раскаянии, и, наконец, умер не дождавшись того, о чем так страстно и так неустанно молил Бога. Этот человек был патер Матиас.

Домик в Тернозе давно пришел в запустение и упадок; законные наследники получили все, что осталось после Филиппа и его жены, возвращения которых ждали долго, но так и не дождались.

За это время Филипп постарел, поседел; его некогда мощная и стройная фигура сгорбилась; он казался гораздо старше своих лет и хотя был теперь в здравом уме, но силы его ушли безвозвратно. Он устал жить и только помышляет, как бы исполнить то, что ему предназначено, и затем распроститься с жизнью.

Священная реликвия по-прежнему хранилась у него на груди, никто не посмел отнять ее у него. Теперь его отпустили из дома умалишенных, так как врачи признали его совершенно излечившимся и снабдили его средствами, чтобы он возвратился на родину. Но теперь у Филиппа не было больше родины, не было родного дома: со смертью Амины весь Божий мир для него опустел.

Судно, на которое в качестве пассажира был принят Филипп, возвращалось из Гоа в Лиссабон. Это был бриг, носивший имя «Nostra Senora da Monte». Капитан брига, старый португалец, был страшно суеверен и столь же пристрастен к араку, что среди людей его нации встречается весьма редко. В тот момент, когда судно покидало Гоа и Филипп, стоя на палубе, смотрел на шпиц и купол собора, где он в

последний раз видел Амину, он вдруг почувствовал, что кто-то тронул его за локоть; обернувшись, он увидел Шрифтена.

— Опять на одном судне встретились! Хи! Хи! — проговорил знакомый голос лоцмана.

За это время Шрифтен ни на йоту не изменился, словно годы не имели значения для него.

Только в первый момент Филипп невольно отшатнулся при виде этого человека, но тотчас же овладел собой и заговорил совершенно ласково и спокойно:

— Какими судьбами вы здесь, Шрифтен? Я думаю, что ваше появление предвещает мне осуществление моего завета, не так ли?

— Может быть! — отозвался лоцман. — Мы оба уже устали.

Филипп ничего не ответил.

— Много судов потерпело крушение; много людей погибло, Филипп Вандердеккен, из-за встреч с вашим отцом за то время, то вы провели здесь в заключении! — продолжал Шрифтен.

— Дай Бог, чтобы наша последующая встреча с ними была более счастливой и была последней! — сказал Филипп.

— Нет, нет! — торопливо возразил лоцман. — Пусть он лучше несет до конца свое заклятие и плавает до дня страшного суда!

— Низкий вы человек! — негодующим тоном воскликнул Филипп. — Мне говорит предчувствие, что ваше злостное желание не осуществится! Оставьте меня, жестокий, немилосердный человек! Не то я докажу вам, что хотя волосы мои поседели, и спина сгорбилась, рука моя все еще достаточно сильна!

Не сказав ни слова, Шрифтен повернулся и пошел, но он вспомнил о своей попытке в пору первого плавания с Филиппом возмутить против него экипаж заявлением, что Филипп причастен к «Летучему Голландцу», и что его присутствие на судне может стать причиной его гибели. Эти сообщения не остались без последствий. Филипп стал замечать, что его сторонятся, чуждаются, и чтобы уравновесить свои шансы в борьбе с Шрифтеном, он стал утверждать, что этот человек исчадие ада, что он неведомо как появляется и исчезает, и так как наружность лоцмана не говорила в его пользу, тогда как наружность Филиппа была в высшей степени располагающая, то мнения команды и всего экипажа разделились: одни были против Филиппа, другие против Шрифтена. Капитан и некоторые высшие чины с одинаковым

недоброжелательством смотрели и на того, и на другого и с нетерпением выжидали момента, когда можно будет отделаться от обоих.

Погода все время была благоприятная, и все мечтали уже о благополучном конце плавания. Вдруг, когда судно находилось у берегов Южной Африки, недалеко от Лагулла, все небо потемнело, и кругом воцарился какой-то неестественный мрак.

В кают-компании этот постепенно усиливающийся мрак был прежде всех замечен Филиппом, который тотчас же поспешил на палубу. За ним последовали капитан и большинство пассажиров.

— Матерь Божия, помоги нам и заступи нас! — воскликнул капитан. — Что бы это такое было?

— Смотрите! Смотрите! Вон там! — послышались тревожные голоса матросов.

Все кинулись к шкафутам, чтобы увидеть, на что указывали люди. Филипп, Шрифтен и капитан случайно очутились друг подле друга. Не более чем в двух кабельтовах расстояния от «Nostra Senora da Monte», на траверсе у нее, виднелась из воды верхняя часть грот-мачты и марсель какого-то, по-видимому, затонувшего в этом месте судна, но мачты и реи этого судна постепенно как бы вырастали из воды со всеми парусами и вантами; наконец, показался над поверхностью и самый корпус судна, вплоть до его ватерлинии.

— Пресвятая Богородица! — воскликнул капитан. — *Я* не раз видел, как судно шло ко дну, но никогда не видел и не слыхал, чтобы оно выплывало со дна! Даю обет поставить тысячу свечей, по десять унцев каждая, перед изображением Пресвятой Богоматери, если она спасет нас от беды!

— «Корабль-Призрак»! «Летучий Голландец»! — крикнул Шрифтен. — Я вам говорил, Филипп Вандердеккен, вот ваш отец… Хе! Хе!

Но Филипп не слушал его; глаза его были прикованы к «Кораблю-Призраку»; он видел, как с него спускали шлюпку. «Может быть, мне теперь будет дано свидеться с отцом и выполнить мою миссию!» — подумал он и, заложив руку за борт сюртука, взялся за священную реликвию.

Мрак все сгущался, так что очертания призрачного судна теперь едва можно было отличить. Матросы и пассажиры «Nostra Senora da

Monte» кинулись на колени и, закрывая лицо руками, призывали на помощь своих святых. Капитан сбежал вниз в свою каюту за свечой, которую он хотел затеплить перед киотом Св. Антония.

Минуту спустя послышался плеск весел под бортом, и голос крикнул: — «Эй, ребята, киньте нам причал с носа!».

Ни одна душа не отозвалась; никто не тронулся с места. Только Шрифтен нагнулся к капитану и шепнул ему: «Если они будут просить взять письма, то не следует принимать никаких писем: ведь ни одно судно, согласившееся взять от них письма, не вернулось обратно».

Но вот на палубу взошел человек и, обращаясь к стоявшим поблизости, укоризненно, но добродушно, сказал:

— Вы могли бы кинуть мне канат, друзья мои! Ну, да я взобрался и так… где капитан?

— Здесь! — отозвался капитан, дрожа всем телом. Человек, говоривший с ним, был загорелый старый моряк в меховой шапке и парусинном халате поверх обычного матросского платья; в руках у него были письма.

— Что вам надо?

— Да, что вам надо? — подхватил Шрифтен.

— Что? Каким образом ты здесь, старый товарищ? А я-то думал, что ты давно провалился к черту!

— Хи, хи!.. — прохихикал Шрифтен, отворачиваясь и отходя в сторону.

— Дело в том, капитан, что нас давно уже преследует дурная погода, и мы желали бы отправить письма на родину; право, мне кажется, что мы вовек не обогнем этого мыса!

— Писем ваших я не возьму! — резко крикнул капитан.

— Не возьмете? Странно, но почему каждое судно отказывается принять наши письма? Это очень нехорошо; моряки должны быть сочувственными к своему брату, морякам, особенно когда те в опасности! Видит Бог, мы тоже хотим увидеть своих жен, детей и семьи, и для нас было бы большим утешением так же, как и для них, получить весточку о нас.

— Я не могу взять ваших писем! Святые угодники, спасайте нас!

— Мы так давно в море! — сказал матрос, печально качая головой.

— А как давно? — спросил капитан.

— Мы не знаем этого в точности; наш журнал снесло в море, и мы потеряли счет и никогда не можем в точности определить свое положение на карте!

— Покажите мне ваши письма! — сказал Филипп, выступив вперед и беря их из рук чужого матроса.

— Их нельзя трогать! — крикнул Шрифтен. — Не дотрагивайтесь никто до этих писем.

— Прочь, чудовище! Кто смеет мешаться в мои дела?!

— Обречен, обречен, обречен! — кричал Шрифтен, бегая взад и вперед по палубе, и вдруг разразился диким хохотом.

— Вот письмо от нашего младшего помощника к его жене, в Амстердам, на Водную набережную! — начал пояснять матрос.

— На Водной набережной? — переспросил Филипп. Да этой набережной, друг мой, давным-давно не существует: там теперь стоят громадные доки!

— Быть не может! — воскликнул матрос. — Ну, а вот это письмо к отцу нашего лоцмана, который живет на старом базаре!

— Старого базара тоже давно нет, любезный: на этой площади теперь выстроен большой собор! — сказал Филипп.

— Что вы говорите, мингер! — воскликнул матрос. — Ну, а вот это письмо от меня моей возлюбленной фрау Кетцер… со вложением денег на обнову.

— Фрау Кетцер? Я помню почтенную старушку этого имени, которую я знавал, когда был ребенком; но ее схоронили лет тридцать тому назад!

— Не может быть! — воскликнул матрос. — Вы, вероятно, смеетесь надо мной, мингер, а вот письмо от нашего капитана к сыну!

— Дай его сюда! — крикнул Филипп, задыхаясь, и выхватил письмо из рук добродушного матроса.

Он собирался сломать печать и пробежать его, но Шрифтен вырвал его из рук Филиппа и швырнул за борт.

— Это подлая штука для старого сотоварища по судну! — заметил добродушный матрос.

Шрифтен ничего не сказал, но, увидев положенные Филиппом на стул остальные письма, швырнул и их в море.

При виде этого добродушный матрос заплакал и, махнув рукой, пошел к сходне.

— Это очень жестко и бесчеловечно, — сказал он, спускаясь, — может быть, придет время, когда и вы пожелаете, чтобы ваши семьи узнали что-нибудь о вас, и тогда к вам отнесутся точно так же!

Пришлый матрос скрылся, и вслед за тем послышался шум весел удалявшейся шлюпки.

— Пресвятой патрон и покровитель наш Антоний! — воскликнул капитан. — Я себя не помню от страха и удивления; человек, принеси мне мою бутылку арака!

Слуга бросился вниз за бутылкой, и так как он был перепуган не менее капитана, то по дороге угостился и сам.

— Ну, а теперь, — сказал капитан, продержав бутылку минуты две у губ, не отрываясь и высосав все ее содержимое до дна. — Что нам теперь делать?

— Я вам скажу, что делать! — заявил Шрифтен, подходя к нему. — Вот у этого человека висит на шее талисман; отнимите его у него и бросьте в море, и судно ваше будет спасено; если же вы этого не сделаете, то погибнете все до единого; это я говорю вам.

— Да, да, это правда! — закричали матросы.

— Безумцы! — возразил Филипп. — Как вы можете верить этому негодяю? Разве вы не слышали, что человек с того судна признал в нем своего сотоварища? Это он приносит несчастие судну!

— Да, да! — закричали матросы. — Это так… тот человек назвал его сотоварищем.

Матросы разделились на партии; одни собирались выкинуть в море Шрифтена, другие — Филиппа; наконец, капитан сам разрешил этот вопрос, приказав спустить маленькую кормовую шлюпку и посадить в нее Филиппа и Шрифтена, снабдив их провиантом на несколько дней. Экипаж остался доволен.

Филипп не протестовал, а Шрифтен кричал и дрался, но его силой столкнули в шлюпку, где он приютился на корме, дрожа всем телом, тогда как Филипп бодро взялся за весла и стал грести по направлению к видневшемуся, как в тумане, «Кораблю-Призраку».

ГЛАВА XLII

Спустя несколько минут судно «Nostra Senora da Monte» совершенно скрылось в туманной мгле, а «Корабль-Призрак» был еще ясно виден, хотя теперь он казался гораздо дальше, чем прежде.

Филипп изо всей силы налегал на веста, но призрачное судно как будто удалялось по мере того, как шлюпка приближалась к нему.

— Вы сколько ни старайтесь, Филипп Вандердеккен, а вам не подойти к этому судну, это я вам говорю! — сказал Шрифтен. — Нет, нет! Этого не будет, мы с вами, быть может, долго проплаваем, но в конце концов вы останетесь так же далеко от этого судна, как сейчас! Удивляюсь, почему вы не выкинете меня за борт; вам было бы легче одному… Хе! Хе!

— Я тогда выбросил вас за борт в припадке безумного бешенства, — проговорил Филипп, — когда вы пытались вырвать у меня мою реликвию!

— Ну, а разве я и теперь не пытался сделать то же самое, заставляя матросов отнять от вас эту вашу святыню? Хи! Хи!

— Да, вы пытались, — сказал Филипп, — но я теперь убедился, что вы такой же несчастный, как я, и что вы в своих действиях так же повинуетесь какому-то року и предопределению, как и я! Как и какими судьбами мы оба являемся причастными к той же тайне, я не знаю, но знаю, что если я должен всеми средствами оберегать эту реликвию для осуществления своей миссии, — вы для осуществления своего предназначения должны всячески противодействовать мне. Вот почему вы в деле осуществления моей миссии были все время моим злейшим врагом, да, Шрифтен, но я не забыл и никогда не забуду, что вы предупреждали и предостерегали Амину, что вы предсказали ей ее участь в том случае, если она не последует вашему совету; что вы не были ей врагом, хотя вы всегда были моим. Но хотя вы мне враг, ради нее я прощаю вам все, прощаю от глубины души и никогда не сделаю ни малейшей попытки причинить вам вред.

— Так, значит, вы прощаете своего врага, Филипп Вандердеккен?! — мрачно спросил Шрифтен. — Ибо таковым я признаю себя!

— Да, от всей души и от всего сердца!

— Ну, если так, то вы победили меня! Вы сделали из меня вашего друга и доброжелателя, и теперь желание ваше скоро исполнится! Вы хотели бы знать, кто я? Так слушайте! Когда ваш отец, вызывая на бой волю Всевышнего, в припадке безумного бешенства лишил меня жизни, то ему была дана надежда, что его заклятие будет снято с него его сыном; тогда и я получил свое заклятие — заклятие отомщения, и мне было дозволено Провидением оставаться среди живущих на земле и во всем препятствовать вам, Филипп Вандердеккен, и пока мы с вами были враги, вы никогда бы не достигли своей цели. Но как только вы согласно воле Всевышнего и заветам чистого христианства, завещанным Христом на кресте, простите врага своего, тогда ваша миссия осуществится, — и вот сегодня, Филипп Вандердеккен, вы простили своего злейшего врага, и теперь оба мы исполнили свое предназначение.

По мере того, как Шрифтен говорил, Филипп смотрел на него, не спуская глаз; и когда тот протянул ему руку, Филипп взял ее, и в то время, как он сжимал ее в своей, образ Шрифтена как будто таял на глазах Филиппа, и, наконец, Филипп увидел, что он один, и от одноглазого лоцмана не осталось ни малейшего признака.

— Боже милосердый, благодарю Тебя! — воскликнул Филипп. — Благодарю Тебя за то, что возложенная на меня миссия готова окончиться, и вскоре я свижусь с Аминой.

И Филипп снова приналег на весла; на этот раз «Корабль-Призрак» не удалялся больше от него, и вскоре он подошел к самому судну, убрал весла и несколько секунд спустя был уже на палубе.

— Где ваш капитан? — спросил Филипп у стоявших кругом людей. — Я должен говорить с вашим капитаном.

— Как о вас доложить, сэр? — спросил офицер, по-видимому, старший помощник. ″

— Как? Скажите, что его желает видеть его сын, Филипп Вандердеккен!

Громкий взрыв шумного смеха раздался вслед за этим ответом Филиппа, то смеялся весь экипаж, а помощник, сдерживая улыбку, заметил: «Вы, верно, ошиблись, сэр! Вы хотели, вероятно, сказать, его отец!

— Нет, скажите ему — его сын, — повторил Филипп, — вы не глядите на мои седины…

— Да вот, сэр, и сам капитан идет сюда!

— Что здесь такое? — спросил капитан, подходя ближе.

— Вы — Вандердеккен, капитан этого судна?

— Я самый.

— Вы, по-видимому, не узнаете меня! Впрочем, вы оставили меня трехлетним ребенком, но вы, вероятно, помните письмо, которое вы оставили вашей жене… Я ваш сын, Филипп Вандердеккен, который исполнил ваше желание и принес вам священную реликвию, к которой вы жаждали приложиться.

С этими словами Филипп снял с шеи свою святыню и протянул ее отцу. В этот момент словно луч молнии сверкнул перед очами капитана; он молитвенно сложил руки, пал на колени и заплакал.

— Сын мой, возлюбленный сын мой, — воскликнул он, поднявшись с колен, и прижимая к груди своей Филиппа. — Теперь глаза мои раскрылись, и я узнаю тебя! — и, обнявшись, они удалились на корму; здесь капитан «Корабля-Призрака» продолжал:

— Прежде, чем заклятие снимется с нас, и мы все развеемся в прах, прими мою бесконечную, невыразимую благодарность, сын мой, и дай мне возблагодарить Творца неба и земли, которого я в безумии моем оскорбил!

И старший Вандердеккен опустился снова на колени, Филипп последовал его примеру. Оба они стояли, обняв друг друга одной рукой и вознося другую к небу. После горячей благодарственной и покаянной молитвы отец поднес к губам своим священную реликвию и набожно приложился к ней. И как только он приложился к святыне, высокие мачты «Корабля-Призрака», его реи и ванты, паруса, — все это обращалось в прах, разносимый ветром в воздухе; все, что только было на палубе, исчезало бесследно. Когда он снова поднял реликвию к губам, тяжелые орудия провалились без шума сквозь палубу; экипаж судна превратился в ряд скелетов, которые также рассыпались в прах, и только отец с сыном еще сохраняли видимость живых существ.

И снова старший Вандердеккен поднес реликвию к своим губам, — и корпус корабля разошелся, палуба рассыпалась в прах, а на последнем обломке ее, держащемся еще на воде, все еще стояли коленопреклоненные отец и сын с поднятыми к небу руками и

медленно погружались в волны океана, в то время как на небе на мгновение появился яркий светящийся крест.

Вслед за тем темные тучи, застилавшие небо, рассеялись, как легкий дым; солнце выглянуло и засияло во всей своей красе, и мелкие резвые волны засверкали на солнце веселой улыбкой. Чайки с веселыми криками закружились в воздухе, и стройный альбатрос мирно задремал, склонив голову на крыло; резвые дельфины заиграли в прозрачных волнах, и вся природа, казалось, радовалась тому, что заклятие было разрушено навсегда, и «Корабль-Призрак» более не существовал.

В настоящем издании сохранен стиль опубликованного П. П. Сойкиным перевода.

FB2 document info

Document ID: abe9939a-5499-4ac7-aa03-aa50130ea80e
Document version: 1
Document creation date: 2005-12-03
Created using: FB Tools software
OCR Source: OCR: Ustas PocketLib SpellCheck: Roland

Document authors :

- Roland

Source URLs :

- http://www.pocketlib.ru/

About

This book was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.0.28.0.

Эта книга создана при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.0.28.0 написанного Lord KiRon